

Л. Е. Гринин
Л. М. Исаев
А. В. Коротаяев

РЕВОЛЮЦИИ

и нестабильность
на Ближнем Востоке

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Факультет социальных наук
Лаборатория мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации**

Л. Е. Гринин, Л. М. Исаев, А. В. Коротаев

**РЕВОЛЮЦИИ
И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

**Москва:
Московская редакция издательства «Учитель»
2015**

Л. Е. Гринин, Л. М. Исаев, А. В. Коротаев
Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015. – 384 с.
ISBN 978-5-7057-4624-8

Ближний Восток – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания, поскольку он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав; крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают «питательную среду» для террористов. Стоит также упомянуть неурегулированные вопросы создания национальных государств, пестроту этнического и религиозного состава населения во многих местах, избыток богатства, громадные закупки вооружения и многое другое, чтобы представить сложность и тревожность общей картины.

Начавшаяся здесь в конце 2010 г. цепь революций первоначально вызвала восторженную реакцию Запада и наиболее образованных слоев исламского общества. Поэтому данные революции получили название Арабской весны. Но, к сожалению, революции не решили практически ни одной из актуальных проблем ни в одной из стран и в то же время вызвали череду переворотов, гражданских войн, интервенций, а также неутраченное противостояние в обществе, ведущее к разгулу террора и репрессий. Словом, Арабская весна сменилась «Арабской осенью», которая грозит затянуться.

Настоящая монография на базе разностороннего теоретического исследования феномена революций представляет глубокий анализ событий последних пяти лет на Ближнем Востоке, обобщает итоги предшествующего развития этого региона, раскрывает причины революционных неудач; подводит читателя к выводу, что турбулентность на Ближнем Востоке является началом нового процесса, охватившего мир. Данный процесс назван авторами реконfigurацией Мир-Системы.

Книга содержит множество интересных фактов, обобщений и точек зрения. Поэтому она будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем, интересующимся проблемами Ближнего Востока.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Издательство «Учитель»
400079, Волгоград, ул. Кирова, д. 143.
Формат 60×90/16. Печ. л. 24. Заказ №
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии ОАО «Альянс «Югполиграфиздат», ООО «Т-Пресс».
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6. Тел./факс: (8442) 26-60-10.

ISBN 978-5-7057-4624-8

© Издательство «Учитель», 2015

Содержание

Революции и нестабильность на Ближнем Востоке

Введение. Революции в XXI веке: плюсы и минусы...	4
Часть первая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
Глава 1. Факторы арабских революций	24
Глава 2. Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)	58
Часть вторая. ПАРАДОКСЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ	
Глава 3. Сирийский тупик	81
Глава 4. Ненастная «Арабская осень»: Йемен в 2014–2015 гг.	102
Глава 5. «Исламское государство» – нежеланное дитя Арабской весны	128
Часть третья. БЛИЖНИЙ ВОСТОК И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИР-СИСТЕМЕ	
Глава 6. Революционная волна 2013–2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ	160
Глава 7. Потрясения на Ближнем Востоке и реконфигурация Мир- Системы	180
Заключение. Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока	230
Приложение 1. Письма с Тахира. От революционной эйфории к разочарованию и отчаянию	237
Приложение 2. Хроника Арабской весны и «Арабской осени», 2010–2015 гг.	259
Библиография	309
Краткое изложение содержания монографии	357
Summary	366
Сведения об авторах	379
Contributors	381

Введение. Революции в XXI веке: плюсы и минусы...

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти [см., например: Сорокин 1992б; 1994; Нефедов 2007]. Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории [см.: Гринин 1997; 2007а; Семенов, Гобозов, Гринин 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015]. С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества [см., например: Травин, Маргания 2004].

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые создались в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции резко усиливаются быстрым ростом населения, особенно доли горожан и молодежи его в структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Различные исследования (см., например: Huntington 1968; Хантингтон 2004; Стародубровская, Мау 2004) указывают на связь революций с модернизацией общества. Наши собственные исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи [см.: Гринин 2010б; 2010в; 2011а; 2012з; 2013б; 2013е; 2014б; 2014г; Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев 2012а; Коротаев, Зинькина 2010б; Коротаев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012с; 2013а; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014] показали, что сами процессы модернизации, независимо от уровня потребления и темпов демографического роста, достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые по-

трясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех создает завышенные ожидания, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели, что мы подробно анализируем в *Главах 2 и 7* настоящей монографии.

* * *

Понятие революции для характеристики общественных явлений стало применяться сравнительно поздно. Сам термин «революция» (франц. *revolution*, от позднелат. *revolution* – оборот, переворот) был заимствован из астрономии, где он и поныне означает «вращение», «обращение», «полный оборот небесного тела» [см.: Драбкин 1968: 928]. Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. По некоторым предположениям, в научный язык он вошел из названия книги Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» (*De Revolutionibus Orbium Coelestium*. Регенсбург, 1543 г.)¹. В литературе термином «революция» стали называть глубокий государственный переворот только во второй половине XVII в. [Штомпка 1996: 369]. Проблемам революции посвящено множество исследований начиная с периода английской революции XVII в.² В частности, такие философы, как Т. Гоббс и Дж. Локк, рассматривали ее как нарушение государственного порядка, хотя их оценка революции заметно различалась [см.: Гринин 2012г]. В XVIII в. о революциях немало писали французские и американские просветители и политические деятели, а также английские мыслители [см., например: Мабли 1950: 57–58; Джефферсон 1990; Юм 1965: 713]. Но только в ходе и особенно после Великой французской революции понятие «революция» наполнилось более широким содержанием, включающим движение масс, государственный переворот и идейный сдвиг. Появились понятия «контррево-

¹ См., например, статью «Революция» в *Википедии* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>). Однако П. Штомпка утверждает, что этот термин появился уже в XIV в. [Штомпка 1996: 369].

² В частности, английские идеологи этого периода, такие как Дж. Гаррингтон или Дж. Уинстенли (правда, в утопических произведениях или памфлетах), высказывали идеи, вполне актуальные и сегодня, что в процессе революции происходит передел земельной и иной собственности [см., например: Уинстенли 1950: 54–55; Сапрыкин 1975; Адо 1977: 21–23].

люция», «революционный», «эволюция»; концепция революции начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального преобразования общества [см.: Штомпка 1996: 369; Драбкин 1968: 928]. В XIX в. проблемы революций изучались очень активно, благо революций в этот и предшествующий период случилось немало. В первые десятилетия XIX в. сначала А. Сен-Симон, а позднее французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и некоторые другие сделали первые шаги к тому, чтобы объяснить революции как борьбу классов [см., например: Сен-Симон 1948, т. II: 49–50; Далин 1981: 7–41; Гринин 2010e; 2012z]. В дальнейшем по мере усиления революционных настроений эта тема стала предметом исследования прежде всего представителей левого и радикального лагеря, включая социалистов и марксистов [см., например: Володин 1982]³. Революции в зависимости от идеологической позиции романтизируются или демонизируются, а образы революционеров приобретают, выражаясь словами П. Штомпки [1996: 369], прометеевские черты (или, напротив, черты чистых злодеев⁴).

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в теорию революции, хотя, конечно, использовали эту концепцию как чисто идеологическую, направленную на свержение капитализма. Маркс уже в ранних работах пришел к достаточно глубокому пониманию внутренней взаимосвязи политической и социальной революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [Маркс 1955: 448]. Маркс и Энгельс сделали затем вывод, что революция является движущей силой истории. Особенно активно разрабатывалась идея (идушая, как уже упоминалось выше, от французских историков времен Реставрации), что революции – это борьба классов [см., например: Он же 1957a; 1957б; 1960; Энгельс 1957; 1961].

С другой стороны, Марксом было сформулировано понимание социальной революции как перехода от одного способа производства к другому, как прежде всего «изменение экономической осно-

³ Хотя, конечно, было немало вполне объективно мыслящих ученых, так или иначе затрагивающих эту тему. В этой связи стоит упомянуть, например, знаменитую книгу А. Токвиля *Старый порядок и революция* (1997).

⁴ Французский социолог Г. Ле Бон (Лебон), в частности, писал о значительном увеличении массы неприспособленных, обездоленных и «выродков», которая грозит серьезной опасностью всякой цивилизации, поскольку эта армия, объединенная ненавистью к обществу, где для нее не находится места, готова на любые разрушения [Лебон 1995 (Ле Бон 1908): 426–427].

вы» общества: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [Маркс 1959: 7]. Именно такое понимание социальной революции стало доминирующим в советском историческом материализме [см., например: Драбкин 1968; Ковалев 1969; Селезнев 1971; 1982; Сухарев, Федосеев 1984: 202–218].

Социология революции как направление стала складываться в конце XIX – начале XX в. [см. об этом, например: Goldstone 1980; 2001; Гавлин, Казакова 1980; Голдстоун 2015; Гринин, Коротаев, Малков 2010⁵]. На наш взгляд, оправданно считать это время первым этапом социологического исследования революций (среди его представителей можно выделить, в частности, Б. Адамса, Г. Ле Бона, Ч. Эллвуда [см., например: Ellwood 1905; LeBon 1913]). Однако определения революции в работах этого периода еще во многом, говоря словами П. Сорокина, базировались на ложных принципах и делились, по его терминологии, в основном на «слащавые» и «горькие» определения. Как подчеркивает сам Сорокин, под этим следует понимать те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции [Сорокин 1992^б: 267]. В то же время все громче звучали призывы к разумному и своевременному реформированию⁶. Тем не менее нельзя не отметить, что среди работ представителей революционных пар-

⁵ В настоящее время выделяют три или даже четыре поколения социологов, исследующих революцию [см., например: Goldstone 1980; 2001; Foran 1993; Голдстоун 2015]. Однако естественно, что по поводу данной периодизации имеется много споров, вариаций, существуют большие расхождения по датировкам периодов и т. п., углубляться в рассмотрение которых в данном контексте не имеет смысла.

⁶ Нужна «мирная революция», направленная на усиление государства, которое одно способно взять на себя роль верховного судьи и реформатора, как считал, например, Б. Адамс (Adams 1913: 30).

тий было довольно много интересных исследований, которые внесли заметный вклад в понимание революции. В частности, можно отметить работы В. И. Ленина [см., например: Ленин 1969a (1917); 1969b(1917); 1969(1915), К. Каутского 1959(1909), Р. Люксембург (1991), Л. Д. Троцкого 2005 и др.]. Таким образом, среди социологов второго поколения можно выделить несколько групп.

Следующий этап был связан с Октябрьской революцией. И он в период 20–50-х гг. XX в. привел уже к институционализации социологии революции; возникновение данного направления связано с именем П. А. Сорокина и названием его книги *Социология революции* [Sorokin 1925; Сорокин 1992b]. Среди представителей второй волны можно назвать Д. Йодера, Л. Эдвардса, Дж. С. Питти, К. Бринтона, Э. Ледерера, С. Неймана, Ф. Гросса и др. [см., например: Edwards 1927; Lederer 1936; Pettee 1938; Brinton 1965 (1938)]. Стоит также указать и некоторых русских философов, в частности Н. Бердяева [1990: Письмо первое (1923); см. также: Бердяев 1928], тем более что далее мы неоднократно используем его «закон» революции.

1950-е гг. стали началом нового периода в исследовании революции (к социологам революции этого поколения относятся, в частности, Ч. Джонсон, Дж. Дэвис, Т. Д. Гурр, Р. Тантер, Н. Смелзер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Ч. Тилли и др. [см., например: Davies 1962; Smelser 1963; Huntington 1968; Johnson 1968; Gurr 1970]). Исследователи этого периода стремились преодолеть схематизм «классической» социологии революции путем системного исследования конкретных революционных процессов. Среди направлений этого поколения в разработке концепций революции некоторые исследователи выделяют три основных подхода: 1) подход, основанный на когнитивной психологии и теории фрустрации [Davies 1962; Gurr 1968; 1970; Geschwender 1968; Feierabend *et al.* 1969; Morrison 1971; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972; Schwartz 1972 и т. д.]; 2) структурно-функционалистский подход [Smelser 1963; Tiryakian 1967; Johnson 1968; Hart 1971; Jessop 1972; Hagopian 1974 и т. д.]; 3) политико-правовой подход [Amman 1962; Stinchcombe 1965; Huntington 1968; Tilly 1975; 1978 и т. д.; подробнее об этих подходах см.: Гавлин, Казакова 1980; Stone 1966; Kramnick 1972; Zagorin 1973; Goldstone 1980].

На наш взгляд, особо ценные результаты здесь были получены в рамках первого из выше обозначенных подходов. Действительно, именно в его рамках были получены важные результаты в исследовании влияния на революционную дестабилизацию завышенных

ожиданий населения [см. в особенности: Davies 1962]. Эти результаты сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени [см., например: Гринин 2012в; Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2014с; см. также Главу 7 настоящей монографии]. Большой интерес представляют и работы Фейерабендов, показавших, что такого рода завышенные ожидания с последующей фрустрацией вполне закономерно возникают в процессе модернизации вообще – и в процессе урбанизации в особенности [Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972]⁷. Важны также и выводы Т. Р. Гурра, показавшего особо важную роль, которую играет в генерировании «революционной фрустрации» систематическое перекрывание социальных лифтов для определенных этнических, этносоциальных или социальных групп [Gurr 1968; 1970].

Достаточно важные результаты были получены и в рамках второго подхода. Эти исследователи анализировали общества как системы, чье нормальное функционирование зависит от поддержания равновесия во взаимообмене веществом, энергией и информацией между системой и окружающей ее средой, а также между подсистемами, из которых эта система состоит. Исследователи, исходившие из этого подхода, не без оснований утверждали, что любое критическое нарушение, разрушающее данное равновесие, приводит общество в состояние неравновесия [Нагорян 1974] или дисфункции [Johnson 1968], что ведет к появлению серьезного риска революционной дестабилизации. При этом в рамках данного подхода был предложен и целый ряд «кандидатов» на роль сил, приводящих социальные системы в состояния дисфункции/дестабилизации, таких как неравномерное влияние технологического роста и модернизационных процессов на потребности различных субсистем в ресурсах и на актуальное их обеспечение данными ресурсами, изменения в распределении власти между элитами различных субсистем [Jessor 1972], резкие изменения систем ценностей в результате появления новых религий или идеологий [Johnson 1968] или просто асинхронность изменения различных субсистем [Нагорян 1974].

В рамках третьего подхода революция рассматривается в качестве результата развития конфликта между различными социально-политическими группировками (*interest groups*), когда происходит радикальная эскалация обычного конфликта между ними (как в результате интенсификации самого конфликта, так и в результате рез-

⁷ Собственно, начало этих идей, а равно связи революции и модернизации и некоторых других идей, можно проследить еще со знаменитого исследования А. де Токвиля «Старый порядок и революция» (Токвиль 1997).

кого роста объема вовлекаемых в конфликт ресурсов) до такого уровня, когда обычные механизмы посредничества и поиска решения конфликта мирным путем перестают работать и политическая система претерпевает насильственный развал. Революция рассматривается как генезис «множественной суверенности», которая описывается как ситуация, обладающая следующими характеристиками: 1) конфликтующие социально-политические группировки настолько сильно противостоят друг другу по важнейшим вопросам, что их противоречия оказывается невозможно согласовать в рамках существующей политической системы; 2) две или более конфликтующие группы имеют достаточно политических, финансовых, организационных и силовых ресурсов для того, чтобы установить «суверенитет» над значимой политической или военной базой и пытаться достигнуть своих целей силовым путем. Такая ситуация может возникать под действием целого ряда факторов, к числу которых, например, Ч. Тилли относит войны, экономическую модернизацию, урбанизацию или изменения в системах ценностей и идеологические сдвиги [см., например: Tilly 1975; 1978].

Необходимо подчеркнуть, что очень важные результаты были достигнуты и в рамках данного подхода. До сих пор, например, сохраняет свое значение предложенная С. П. Хантингтоном [Huntington 1968; Хантингтон 2004] типологизация паттернов революционной дестабилизации на модели «центрального коллапса» и «наступления с периферии» [см. Главы 4, 6 данной монографии, а также, например: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015].

По мнению Дж. Голдстоуна [Goldstone 1980; 2001], можно говорить о появлении во второй половине 1970-х гг. нового поколения теорий революции⁸, что он связывал с выходом в свет фундаментальных работ Ш. Н. Айзенштадта, Дж. М. Пэйджа, Т. Скочпол и К. Э. Тримбергера [Eisenstadt 1978b; Paige 1975; Skocpol 1979; Trimberger 1978], при этом данное поколение теорий революции отличалось от предыдущего по следующим основным пунктам.

1) *Роль государства*. Для третьего поколения теорий революции была характерна трактовка государства как арены конфликта социально-политических группировок или как орудия подавления одной

⁸ Сам Голдстоун называет это поколение теорий революции третьим. Однако поскольку в основополагающей статье 1980 г. [Goldstone 1980] он рассматривал развитие социологии революции только в США, он не учел самое первое поколение теорий революций – теории революции XIX в. (имевшее и вполне серьезные достижения в работах, скажем, А. де Токвиля [1997] или К. Маркса [см., например: Маркс 1957a; 1957б]). С учетом этого правильнее все-таки было бы назвать это поколение теорий революции не третьим, а четвертым.

группировки другой. Теории четвертого поколения стали подчеркивать автономную роль государства.

2) *Пересмотр вопроса о роли внешних факторов.* Третье поколение уделяло заметное влияние внешним факторам, но прежде всего речь в них шла о войнах как триггерах революционной дестабилизации. Четвертое поколение теорий революции стало уделять особое внимание долгосрочному влиянию внешних факторов (когда, например, военное соперничество может вынуждать государство к активному извлечению ресурсов из социальной системы).

3) *Роль армии.* В рамках четвертого поколения теорий революции особое внимание стало уделяться роли силовых структур и факторам, обуславливающим их переход на сторону восставших.

4) *Роль элит.* Определенное внимание роли элит уделялось и в рамках теорий третьего поколения, хотя в них речь шла прежде всего о негибкости поведения правящей элиты как факторе революционной дестабилизации. Однако в рамках теорий четвертого поколения было показано, что и процесс революционной дестабилизации, и его последствия очень сильно зависят от структуры и поведения элит. Например, Ш. Н. Айзенштадт показал, что если революционные элиты имеют тесные связи с иными элитами, то в результате революционной дестабилизации с большей вероятностью могут появиться относительно плюралистические открытые политические системы; в то время как изолированные элиты имеют тенденцию формировать закрытые режимы, основанные на принуждении [Eisenstadt 1978a].

По мнению того же Дж. Голдстоуна, в 1990-е гг. можно говорить о формировании еще одного поколения теорий революции, которое сам Голдстоун обозначает как «четвертое» [Goldstone 2001], но которое мы (в соответствии с высказанными выше соображениями) предпочитаем называть пятым.

Наиболее существенные достижения в исследовании революций, сделанные в эти годы и позволяющие с некоторыми основаниями говорить о появлении нового поколения теорий, можно сформулировать следующим образом:

1) выявление особой значимости внутриэлитного конфликта как фактора победы революций [*Idem* 1991; Goldstone *et al.* 1991; Bearman 1993; Haggard, Kaufman 1995; DeFronzo 1996; Hough 1997; Lachmann 1997; Dogan, Higley 1998; Snyder 1998; Parsa 2000];

2) выявление особой неустойчивости промежуточных режимов, находящихся между консолидированной демократией и последова-

тельным авторитаризмом [Esty *et al.* 1998; Goldstone *et al.* 2003; 2010];

3) выявление того обстоятельства, что революции скорее препятствуют, чем способствуют становлению демократии и экономическому росту [Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chirot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001].

По мнению Дж. Голдстоуна, теории этого поколения сосредотачиваются скорее на причинах того, почему некоторые режимы более стабильны, чем другие (то есть концентрируются на изучении скорее факторов стабильности, чем нестабильности), «рассматривают широкий спектр и условий как факторов, провоцирующих потерю стабильности, признавая, что процесс и последствия революции опосредствуются групповой идентификацией, сетями и коалициями; лидерством и конкурирующими идеологиями; взаимодействием между правителями, элитами, группами народа и иностранными державами» [Goldstone 2001: 172].

В настоящее время, возможно, имеет смысл говорить о начале появления нового, шестого поколения теорий революции, связанного с изучением опыта «цветных революций» и Арабской весны [см., например: Aslund, McFaul 2006; Nepstadt 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2011a; 2011b; 2014a; 2014b; Mitchell 2012; Filali-Ansary 2012; Lynch 2012].

* * *

Несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения не существует, что, как нам представляется, неслучайно. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Возможно, поэтому П. Сорокин отказался давать собственное определение [1992b: 268], хотя отметил как разумное следующее определение И. Бауэра: «...революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем» [Там же]. Достаточно развернутую дефиницию приводит Э. Гидденс [1999: 512]: «Революция – процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор – это вооруженный захват власти

для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя бунт – тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой»⁹.

Для того чтобы лучше представить спектр различных мнений, имеет смысл привести большую цитату из монографии П. Штомпки [1996: 370–372], в которой он дает, как нам кажется, вполне релевантную классификацию таких дефиниций:

Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизму-прорыв» [Brinton 1965 [1938]: 237] в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю... Обе традиции – историософская и социологическая – отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» [Bullock, Stallybras 1977: 542], как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» [Fairchild 1966: 259]... Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу,

⁹ Возможно, это определение удачно дополнило бы уточнение, что в отличие от *coup d'état* (государственного переворота) революция «предполагает изменение, оказывающее воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан» [Brinton 1949: 11].

а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений: «Попытки осуществить изменения силой» [Johnson 1968: 1]; «Фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные насильственным путем» [Gunn 1970: 4]; «Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» [Brington 1965 (1938): 4]; «Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» [Aya 1979: 44]. Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта: «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» [Huntington 1968: 264]; «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» [Skocpol 1979: 4]; «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» [Giddens 1989: 605]. Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания [Jenkins 1982]. Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйджи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями... В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насилием и принуждением.

Можно было бы добавить и ряд других, более или менее удачных, на наш взгляд, дефиниций революции. Например: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью

и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» [Neumann 1949: 333–334]. Достаточно удачным нам представляется и определение, предложенное Дж. Голдстоуном: «Революция представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» [Goldstone 2014b: 4; см. также: Голдстоун 2015].

Исходя из вышесказанного, не стремясь к строгой дефиниции, мы могли бы определить социальную революцию как *глубокий и резкий переворот в политических, социальных, имущественных и идеологических отношениях, который: а) совершается с помощью широкого и активного участия больших масс людей; б) затрагивает в настоящем и будущем жизнь широких масс; в) совершается насильственно (и обычно нелегитимно в понимании старого строя), а потому нередко становится более или менее жестоким, кровавым, связанным с массовым насилием процессом* [см.: Гринин, Коротаев, Малков 2010в: 11].

В целом на высоком уровне абстракции эти причины можно обобщить как усиливающееся несоответствие между социальным и политическим строем и господствующей идеологией, с одной стороны, и быстрыми социальными, экономическими и культурными изменениями в стране – с другой. Важные причины революций так или иначе связаны и с изменением идеологии, с нарастанием недовольства властью, с бессилием власти. И чем сильнее это общественное недовольство и слабость власти, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин [1992б: 278], когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения¹⁰. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и добавим – желательность) революции [Johnson 1968: 12]. Одновременно, как было замечено, правящая элита часто теряет чувство самосохранения.

* * *

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX в., поэтому лет трид-

¹⁰ В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву: «Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем долше), что люди царства своего не уважают больше» (стихотворение, посвященное Б. Слуцкому).

цать-сорок назад немало историков и обществоведов даже на Западе считали, что «XX век войдет в историю как век борьбы и революций, как время величайших революционных преобразований» [Уоддис 1975: 27; Красин 1975: 3; см. также, например: Раинко 1979].

Революция, как понятно, это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти [Ленин 1969б [1917]: 145]. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Это связано как с тем, что любая власть в той или иной степени зависит от персонального состава властной элиты (и особенно верховного руководителя), так и с тем, что любая смена власти в какой-то мере ведет к переменам в идеологической интерпретации целей правления. Кроме того, в ожидании неизбежных перемен класс администраторов естественным образом оказывается дезорганизованным (например, во время выборной кампании или в ожидании смещений и новых назначений). При смене монарха или правящей партии часто сменяется почти вся руководящая верхушка, и на вхождение в дела новых руководителей уходит немало времени¹¹. В результате работа государственной машины на довольно длительное время становится менее эффективной.

Смена же власти путем революции означает гораздо более резкий сбой в работе системы часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от социальной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований шел в направлении необходимости понять причины революции и найти способы их предотвращения. Все это убедило западные страны в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революции [Edwards 1927; 1965: 213]¹².

¹¹ В этой связи, например, любопытно отметить существенные изменения во внешней политике Саудовской Аравии в 2015 г. в результате смены монарха. Это существенно в частности для понимания событий, описанных в *Главе 4*.

¹² Это была одна из причин усиленного исследования проблемы революций. Например, в середине 50-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифор-

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как это ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как безусловно позитивную форму. Так ли это, исследуется в настоящей монографии, особенно во второй и последней ее главах.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», не стихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран¹³. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного пе-

ния) в США начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» [Fisher 1955: II]. О широких программах исследования революций по заданию правительственных органов в США в 1960–1980-е гг. [см., например: Taylor 1984: 7].

¹³ Отметим, что вразумительное объяснение того, почему эти революции получили название «цветных» (*color revolutions*), отсутствует. Автор книги «Цветные революции» А. М. Митчелл, исследовавший «революцию роз» в Грузии 2003 г., «оранжевую революцию» на Украине 2004 г. и «тюльпановую революцию» в Киргизии 2005 г. пишет: «Цветные революции... не были ни цветными, ни революциями. Розы и тюльпаны – ведь это прежде всего цветы» [Mitchell 2012: 7; см. также: Чернов 2006; Эсембаев 2009]. Действительно, логичнее было бы называть эти революции «цветочными», а не «цветными», так как из классических «цветных революций» собственно цветное обозначение имеет лишь «оранжевая революция» на Украине 2004 г., названия же, связанные с именами цветов, явно преобладают – к уже названным выше «революции роз» и «тюльпановой революции» можно добавить еще и попытку «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г., «шафрановой революции» в Мьянме 2007 г. или «жасминовую революцию» в Тунисе 2011 г. Хотя, конечно, разнообразие символов «цветных революций» выходит далеко за рамки только цветов (например, «бульдозерная революция» в Сербии 2000 г., «дынная революция» в Киргизии 2010 г. или попытка «революции зонтиков» в Гонконге 2014 г.).

рехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун [2015: 161], показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму [Там же: 161, 183]. Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни [см.: Гринин 1997; 2007a]. И мы не разделяем надежд Голдстоуна, что в «будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары» [Голдстоун 2015: 182].

Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень ясно (об этом подробно идет речь в нашей монографии). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы пытаемся проследить в представленной монографии.

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах разного уровня развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны тем, что пришли в движение внутренние этноконфессиональные противоречия. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, а также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. И стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Таким образом, для стран, в которых не сложилась крепкая государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. В указанных странах правящий режим пытался компенсировать слабость государственности квазимонархическими попытками (Сирия, Йемен, Ливия).

Это имело место даже в Египте (в попытках передать власть от Хосни Мубарака его сыну Гамалю). Попутно отметим, что одной из главных возможностей совершения революции становится отсутствие у авторитарного режима четких механизмов передачи власти. Исходя из сущности авторитарного режима, передача власти должна идти по классическому или византийскому монархическому принципу (к сыну или родственнику либо к назначенному преемнику). Однако в современных условиях такие попытки очевидно противоречат декларированным принципам народовластия и демократии. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Так или иначе, все страны, в которых последствия Арабской весны оказались наиболее тяжелыми, относятся к числу немонархических стран со слабо сложившимися традициями государственности. Это усугубляется тем фактом, что современные границы еще не успели закрепиться в качестве таких, которые отделяют одну нацию от другой.

* * *

В завершение следует подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько демократические принципы управления могут считаться универсальными.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Египте), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям или просто хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии, а то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства».

Тунис и Египет из стран, в значительной мере вовлеченных в события Арабской весны, по-прежнему остаются наиболее эконо-

мически благополучными. Тем не менее Тунис, будучи наиболее модернизированным, хотя и смог удержаться от политического срыва (там сохранилась какая-то хрупкая, но реальная демократия), в экономическом плане оказался в худшем положении, чем до «жасминовой революции». И хотя умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» обещали использовать турецкий опыт и в результате создать успешную, быстро развивающуюся демократическую страну, в которой важное место отведено религии, вскоре выяснилось, что у них это не получается [Яковина 2013]. К тому же исламистский террор измучил и Тунис, а вместе с этим возникла и опасность введения более жесткого режима (пока еще в виде военного положения).

В то же время Египет, совершивший контрреволюционный переворот, демонстрирует хорошие экономические показатели. Получается, назад, к контрреволюции? Однако нельзя забывать, что военные в Египте, загнавшие «Братьев-мусульман» в подполье и установившие еще более жесткую диктатуру, чем раньше, рискуют «наступить на те же грабли», что привели к революции 2011 г. Словом, арабские страны могут пойти в развитии не по прямой, а по социально-политической спирали.

* * *

Настоящая монография состоит из семи глав, объединенных в три части, введения, заключения и двух приложений. *Приложение 1* представляет собой очень интересный документ: это подборка писем, которые показывают эволюцию взглядов революционеров – от эйфории до разочарования. *Приложение 2* является хронологией событий, объективно и бескомпромиссно рисующей небывалый размах революционных событий и почти неизбежное их перерастание в более или менее затяжные и кровавые внутриобщественные конфликты.

В настоящем *Введении* дан обзор взглядов на революции в течение более чем столетия, анализируются те изменения, которые претерпели как сами революции, так и взгляды на них в конце XX – начале XXI в.

Часть первая «Политическая теория и ближневосточная реальность» состоит из двух глав. *Глава 1* «Факторы арабских революций» дает социально-экономический и демографический анализ процессов и изменений в Арабском мире за последние полвека, которые во многом объясняют причины арабских революций и контрреволюций. Быстрый рост населения, увеличенный процент молодежных когор в нем (так называемый «молодежный бугор»),

быстрые изменения в образовании, образе и уровне жизни сосуществуют здесь с неграмотностью, высоким авторитетом религиозных фундаменталистов, безработицей и многим другим. И все это подпитывается неудовлетворенностью уровнем справедливости, системой распределения благ, nepoтизмом, коррупцией, недостатком демократии и в целом социально-политическим строем арабских государств. При определенных условиях (речь идет в частности о взрывообразном глобальном росте цен на продовольствие в 2010–2011 гг.) и активном вмешательстве извне эти факторы и привели к революционным взрывам.

Глава 2 «Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)» представляет собой теоретический анализ взаимоотношения революций и демократии, обильно опирающийся на исторические примеры и события Арабской весны, особенно в Египте. В главе показывается, что революция далеко не всегда ведет к демократии, что переход к демократии требует определенного уровня развития, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере многих арабских государств.

Часть вторая не случайно названа «Парадоксы Арабской весны», поскольку в каждой из трех глав показывается, как эйфория революции и первоначальных ее лозунгов сменяется глубоким расколом общества, падением уровня жизни, перерастанием мирных протестов в затяжные конфликты, гражданские войны и военную интервенцию.

В *Главе 3 «Сирийский тупик»* показывается эволюция внутри-сирийского конфликта, вокруг которого разгорелись нешуточные геополитические страсти, втянувшие в себя десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, США, страны Европы, Россию и др. В итоге на авансцену вышло «Исламское государство»¹⁴, представляющее собой один из самых неприятных сюрпризов Ближнего Востока, без сомнения, исключительно богатого на такого рода «сюрпризы».

Глава 4 «Ненастная Арабская осень: Йемен в 2014–2015 гг.» посвящена еще одному тупику Арабской весны – Йемену. С трудом собранное после длительной гражданской войны государство и без того в своем развитии отставало от соседей. Попытки с помощью революции ввести там демократию оживили старые конфлик-

¹⁴ Подробнее об этой террористической организации см. в *Главе 5*.

ты и добавили новые. В итоге в настоящее время Йемен расколот, объят новой гражданской войной, резко усиленной интервенцией стран Залива. Все это подтверждает идею о том, что попытки сразу же ввести демократию в несложившихся государствах, особенно тех, в которых отсутствует этноконфессиональное единство (как Ливия, Ирак, Сирия, Йемен и др.), ведет к дестабилизации обстановки, росту конфликтов и гуманитарным катастрофам. В результате происходит распад ранее стабильных государств, что ведет к ускоренному распространению исламистско-террористической идеологии.

Глава 5 названа «“Исламское государство” – нежеланное дитя Арабской весны». В анализе событий, представленном в данной монографии, авторы активно используют «закон» Бердяева: «*Все революции кончаются реакциями*», поскольку события на Ближнем Востоке очень хорошо его подтверждают. Однако, расширяя этот закон, можно сказать, что и всевозможные вмешательства также часто кончаются реакциями. Вот почему можно считать, что *ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США*.

Наконец, в **третьей части** монографии («Ближний Восток и нестабильность в Мир-Системе») мы показываем влияние мир-системного фактора на изменения в арабских странах, а с другой стороны, доказываем, что турбулентные события последних пяти лет на Большом Ближнем Востоке – один из показателей того, что и вся Мир-Система пришла в мощное движение, которое мы назвали ее реконfigurацией. Эта часть монографии анализирует тесные взаимосвязи между событиями на Ближнем Востоке и глобальными изменениями.

Глава 6 «Революционная волна 2013–2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ» анализирует некоторые особенности протестов и революций на Ближнем Востоке, сравнивая их с аналогичными явлениями в других частях Мир-Системы. В частности анализируются два типа протестных движений: периферийный и центральный. В итоге становится очевидным, что при всей своей специфике революции и контрреволюции на Ближнем Востоке имеют довольно много общих черт с аналогичными событиями в других регионах.

В Главе 7 «Потрясения на Ближнем Востоке и реконfigurация Мир-Системы» дается характеристика мощных социальных движений конца 2010–2011 гг. и их последствий в Арабском мире 2012–2015 гг. с точки зрения теорий революции и модернизации. События Арабской весны и последующих за ней событий анализи-

руются в двух аспектах: исследуются, во-первых, причины, их породившие, как внутренние, так и глобальные (в частности, глобальный кризис и агфляция), а во-вторых, их влияние на будущие сценарии развития Мир-Системы. Авторы дают объяснение удивительной синхронности социальных волнений в дюжине арабских государств. В главе исследуются аналогичные по синхронности революционные события в истории, которые всегда означали крупные перемены в Мир-Системе. В итоге становится ясным, что бурные события в арабских странах также являются предвестником или началом структурных изменений мира, его реконфигурации.

В *Заключении*, названном «Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока», дается краткий анализ различных важных событий, которые не стали объектом анализа в основной части книги, такие как роль Ирана и Турции, переговоры вокруг иранской ядерной программы и др. Но главным образом *Заключение* посвящено анализу общих изменений на Ближнем Востоке (в частности, уменьшению роли Израиля), трансформации ближневосточной политики США и тем последствиям, которые возникли в результате противоречивой и крайне эгоистической политики последних. Авторы делают вывод о том, что сегодня налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, в то время как западные страны действуют таким образом, словно мы живем в XIX, а не в XXI в. Однако в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной. Это мы видим на примере кризиса с беженцами в Европе.

В целом настоящая монография на базе разностороннего теоретического исследования феномена революций дает глубокий анализ событий последних пяти лет на Ближнем Востоке, обобщает итоги предшествующего развития этого региона, раскрывает причины революционных неудач; подводит читателя к выводу, что турбулентность на Ближнем Востоке является началом нового процесса, охватившего мир; процесса, который назван авторами реконфигурацией Мир-Системы. Книга содержит множество интересных фактов, обобщений и точек зрения. Поэтому она будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем интересующимся проблемами Ближнего Востока.

Безусловно, тема арабских революций требует большого внимания и дополнительных исследований. Однако мы надеемся, что предложенная монография также внесет свою лепту в ее понимание.

Часть первая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 1. Факторы арабских революций

Волна социально-политических потрясений, захлестнувшая в ходе 2011 г. страны Северной Африки и Ближнего Востока, была все же не столь неожиданной, как казалось на первый взгляд. Кризис, конечно, имел достаточно глубокие корни, а потрясения явились отражением того недовольства, которое копилось в Арабском мире ввиду целого ряда неразрешенных проблем как социально-экономического, так и политико-демографического характера. Начавшись в Тунисе после самоожжения мелкого торговца Мухаммеда Буазизи из провинциального города Сиди Бузид, Арабская весна распространялась по принципу эффекта домино, приобретая все больший размах, и в конечном итоге затронула практически все страны Арабского Востока¹.

Вообще подобные революционные волны – весьма редкое явление, лишь считанное число раз имевшее место во всемирной истории (см. подробнее в *Главе 7*). Отсюда и повышенный интерес к предпосылкам, приведшим к подобному развитию событий. Поскольку большинство арабских государств относятся к развивающимся странам со средне- или слаборазвитой экономикой, укоренилась точка зрения, согласно которой главными причинами волны социально-политической дестабилизации, охватившей Арабский мир, были такие факторы, как бедность, нищета, коррупция, неравенство, экономическая стагнация и т. п. Однако это не вполне соответствует действительности, основные причины имеют во многом иной характер.

Революция не бедных и не голодных

Начнем с того, что накануне Арабской весны в Арабском мире не наблюдалось экономической стагнации. Экономики арабских стран

¹ И даже, пусть не слишком сильно, некоторые неарабские мусульманские страны, такие как Иран, Турция и Афганистан. С другой стороны, эхо Арабской весны прокатилось по всему миру (см. *Главу 7*).

до 2011 г. развивались очень даже динамично (особенно в сопоставлении со странами Запада²). В Египте за тридцатилетний период правления Х. Мубарака экономика страны выросла в 4,5 раза. Даже в Йемене ВВП рос достаточно быстрыми темпами (правда, он в значительной степени «съедался» чрезвычайно высокими темпами роста населения, уже нехарактерными для остальных арабских стран) (см. Рис. 1.1).

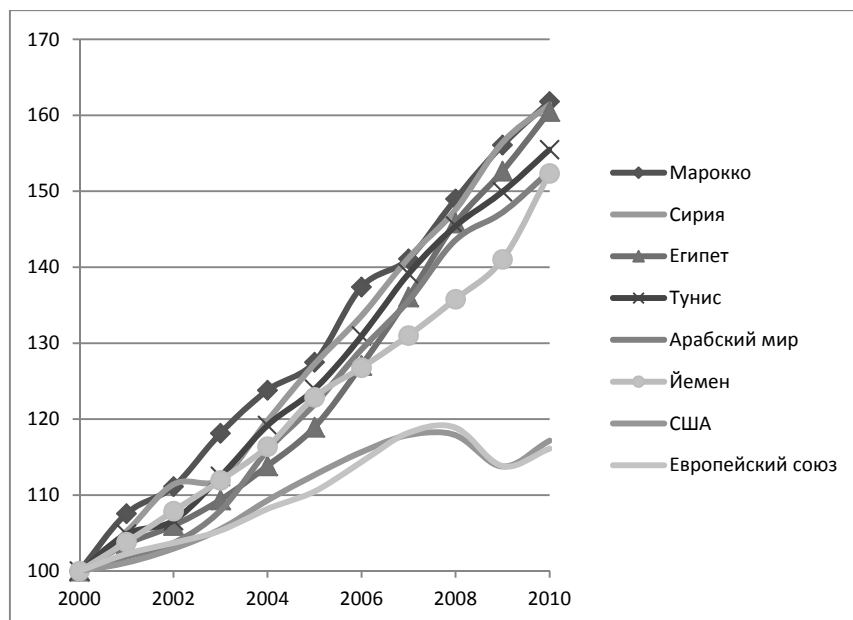

Рис. 1.1. Относительная динамика производства ВВП в арабских странах в годы, предшествующие Арабской весне (2000–2010 гг., уровень 2000 г. = 100); данные по Евросоюзу и США приведены для сравнения

Источник: World Bank 2015.

² Что, впрочем, в значительной степени связано и с процессами великой конвергенции в целом, то есть процессами подтягивания развивающихся стран к развитым [подробнее о великой конвергенции см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2010; Коротаев, Божевольнов 2010; Коротаев, Малков и др. 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Гринин 2013a; 2014a; 2015a; Акаев 2015; Korotayev *et al.* 2011a; 2011b; 2012; Korotayev, de Munck 2013; 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015].

Многие исследователи среди причин Арабской весны называют высокий уровень коррупции. Рассмотрим этот показатель более подробно (см. Рис. 1.2).

Рис. 1.2. Значения индекса восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index*) в странах мира, 2010 г. (чем меньше/темнее, тем хуже)

Источник: Transparency International 2010: 2–3.

Примечание: На данной карте более темными цветами выделены страны, отличающиеся высоким уровнем коррупции. Страны, закрашенные более светлыми цветами, характеризуются низким уровнем коррупции.

Согласно данным *Transparency International*, страны Ближнего Востока находятся примерно на том же уровне, что и почти все остальные развивающиеся страны, а также государства, ранее входившие в СССР: практически во всех этих странах наблюдается высокий или очень высокий уровень коррупции. Очевидно, что страны с низким уровнем коррумпированности менее предрасположены к политическим потрясениям (за последние десять лет там не было масштабных социально-политических потрясений, тем более с большим количеством человеческих жертв). Однако и многие страны с высоким уровнем коррупции (Китай, Бразилия, Казахстан, Вьетнам, Италия, Индонезия, Мексика и т. д.) в последнее десятилетие отличались завидной политической стабильностью. Это говорит о том, что коррумпированность режимов при всей значимости этого

фактора для роста недовольства не является доминирующей, и фундаментальные причины политической нестабильности, охватившей Ближний Восток, следует искать в каких-то других факторах. Отметим также, что ближневосточные страны весьма ощутимо различаются по уровню коррумпированности (см. Рис. 1.3).

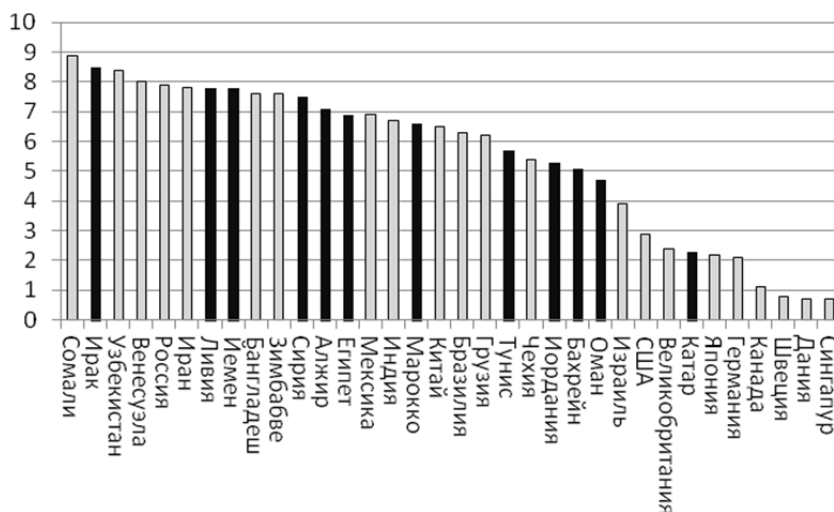

Рис. 1.3. Индекс коррумпированности в некоторых арабских и неарабских странах мира, 2010 г.³

Например, такие страны, как Катар, Оман и Бахрейн, являются одними из наименее коррумпированных, чего нельзя сказать о большинстве других стран того же региона. Однако серьезные социально-политические потрясения произошли как в высоко коррумпированных Ливии и Йемене, так и в странах со средним уровнем коррупции, таких как Тунис и Египет, и даже в государствах с низким уровнем коррупции, например в Бахрейне, Иордании или Омане. Таким образом, вышеприведенный анализ дает дополнительную поддержку тезису о том, что основные причины арабских революций не были связаны с каким-то особым уровнем коррупции. Да, высокий уровень коррупции, характерный для большинства араб-

³ Индекс коррумпированности построен на основе индекса восприятия коррупции [Transparency International 2010] и высчитан вычитанием основного индекса из 10.

ских стран, конечно, внес существенный вклад в генезис Арабской весны. Но речь здесь может идти скорее о постоянном факторе, который способствует нарастанию недовольства, но не выступает решающим условием и тем более непосредственным поводом.

Далее обратимся к бедности населения как одной из возможных причин, спровоцировавших события Арабской весны (см. Рис. 1.4).

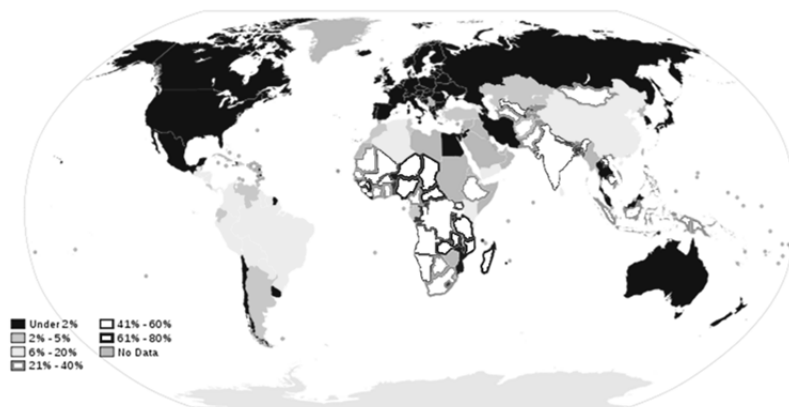

Рис. 1.4. Доля населения, живущего менее чем на 1,25 доллара в день, по данным Программы развития ООН за 2008 г., %

Источник: UNDP 2010: 161–163.

На карте видно, что ближневосточные страны, по которым имеются данные, сильно различаются по показателю крайней бедности, однако ни в одной из них он не превышает 20 % в отличие от таких крупных стран, как Индия и Индонезия, а также государств Центральной Азии и Африки к югу от Сахары. Например, в Египте крайняя бедность накануне начала Арабской весны была практически ликвидирована [см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б]. Вместе с тем в таких странах, как Египет и Иран, где крайняя бедность практически исчезла, политические потрясения в 2011 г. были сильнее, чем в Алжире, где проблема крайней бедности по-прежнему стоит достаточно серьезно. С другой стороны, некоторые бедные страны в других регионах, такие как, например, Танзания с ее крайне высоким уровнем бедности (по данным Всемирного банка [World Bank 2015], на 2007 г. – 67,9 %), оставались

политически стабильными с момента обретения независимости [см.: Зинькина 2010: 230, 237–238]. Из этого следует, что и бедность сложно рассматривать в качестве основной причины революций на Ближнем Востоке.

Менее однозначна в плане влияния на возникновение ситуации дестабилизации оценка безработицы. Рассмотрим индикаторы уровня безработицы (см. Рис. 1.5).

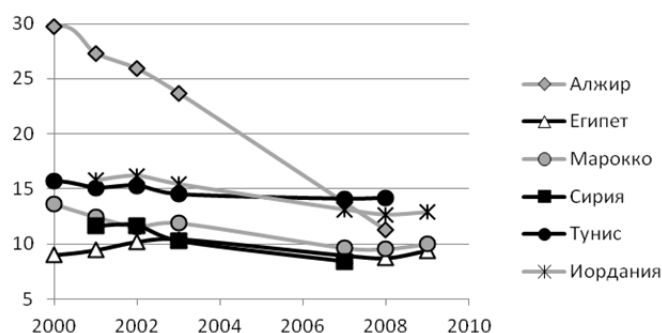

Рис. 1.5. Динамика уровня безработицы в некоторых ближневосточных странах в 2000-х гг.

Источник: World Bank 2015.

Как мы видим, в большинстве ближневосточных стран безработица в 2000-е гг. флуктуировала на достаточно высоком уровне, но при этом никакой сколько-нибудь выраженной тенденции к ее росту не наблюдалось. В большинстве затронутых этими событиями стран в конце 2000-х гг. уровень безработицы составлял от 8 до 15 %: в Сирии – 8,3 %; Египте – 8,9 %; Алжире – 9,9 %; Иордании – 13,4 %; Тунисе – 14 %; Иране – 14,6 %; Омане – 15 %. На схожих уровнях безработица находилась накануне Арабской весны в очень многих политически стабильных странах, скажем, в России она составляла 7,6 %, в странах ЕС – 9,5 % (в среднем), в США – 9,7 %, в Турции – 12,4 %, в Ирландии – 13,7 % (см. Рис. 1.6). В среднем же по миру уровень безработицы в 2010 г. составил около 8,8 % [СИА 2011].

Таким образом, уровень безработицы на Ближнем Востоке, хотя он в целом и был несколько выше среднемирового, никак нельзя назвать крайне высоким. Это свидетельствует о больших успехах арабских стран в сфере занятости, несмотря на бурный рост населения. Однако при этом, по некоторым оценкам, уровень безрабо-

тицы в Ливии⁴ и Йемене составлял 30 % (2004 г.) и 35 % (2003 г.) [CIA 2011] соответственно. Именно эти страны оказались охваченными наиболее сильными волнениями, что позволяет предположить: безработица выше какого-то приемлемого для общества уровня (в особенности среди лиц с высшим образованием) все же могла сыграть не последнюю роль в некоторых странах Арабской весны. Отметим, что именно высокая доля лиц с высшим образованием среди безработных (которые и выступили в большинстве стран Арабской весны основной ударной силой) во многом и придала первоначально событиям их характерный облик, заметно отличающийся от кровавых гражданских войн третьего мира.

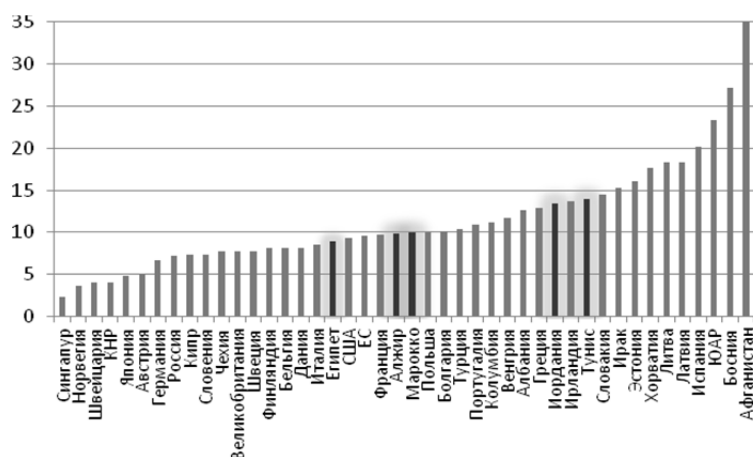

Рис. 1.6. Уровень безработицы в некоторых странах мира на 2009–2010 гг.

Источники: описание источников см. в: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б.

Также необходимо уделить внимание тому факту, что при не очень высокой (по мировым меркам) общей безработице арабские страны имели значительно больший уровень безработицы среди молодежи.

⁴ С другой стороны, высокий уровень безработицы в предреволюционной Ливии сочетался с присутствием там многих сотен тысяч иностранных рабочих [см., например: BBC 2011], численность которых многократно превышала число ливийских безработных. Так что (в отличие от Йемена) речь здесь шла о социокультурной квазибезработице, связанной с нехваткой не рабочих мест вообще, а престижных высокооплачиваемых рабочих мест, приемлемых для лиц с высшим образованием и в особенности – со специальностями, слабо востребованными на реальном рынке труда (журналисты, адвокаты, политологи и т. п.).

Так, в предреволюционном Тунисе безработица среди молодежи достигала 30 %, в Омане без работы оставалась треть выпускников школ и вузов [см., например: Берг 2011б]. Сходные показатели имеют и многие другие страны Ближнего Востока.

Несколько более высокий уровень безработицы среди молодежи, чем в среднем по населению, – достаточно распространенное явление [см.: World Bank 2015]. Однако в странах, охваченных волнениями и революциями Арабской весны, высокий уровень молодежной безработицы имел специфическую природу: он был связан с тем, что многие из этих стран в 2011 г. находились в высшей точке так называемого «молодежного бугра» (*youth bulge*). Это явление ниже мы рассмотрим подробнее, что позволит нам частично ответить и на вопрос о факторах синхронизации событий Арабской весны.

Факторы синхронизации событий Арабской весны и проблема выхода из мальтузианской ловушки

Действительно, возникает вопрос: почему события Арабской весны произошли столь синхронно?

Отметим, что один импульс синхронизации находится не так близко от нас – это 1973 г., скачок мировых цен на нефть. На Арабский мир обрушилась волна нефтедолларов, в первую очередь, естественно, на нефтедобывающие страны, но в конечном счете немалая часть этого потока дошла практически до всех арабских государств. Заметная часть нефтедолларового потока досталась, скажем, тому же Йемену (как Северному, так и Южному) – через каналы арабской помощи, через миграцию йеменцев на работу в Персидский залив и через волну нефтедолларов, которые трудовые мигранты принесли в Йемен. Так что выгоды от роста цен на нефть получили, хотя и в разной мере, в целом все арабские страны, и это способствовало ускорению их модернизации.

Отметим, например, что именно в 1970-е гг. большинство арабских стран выходит из мальтузианской ловушки.

Согласно ВОЗ, рекомендуемая норма потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на душу населения в день [Naiken 2002]. В традиционных обществах уровень потребления продовольствия значительно колебался и часто опускался заметно ниже этой нормы. Иногда он падал ниже 1850 ккал, минимального допустимого уровня, необходимого для выживания. Это происходило в результате того, что рост населения опережал рост производства

средств к существованию, – такая ситуация получила название мальтузианской ловушки.

Мальтузианскую ловушку⁵ (*Malthusian Trap*) можно определить как типичную для доиндустриальных обществ ситуацию, когда **рост производства средств к существованию (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания**⁶.

На протяжении доиндустриальной истории человечества (в особенности применительно к сверхсложным аграрным социальным системам) масштабные внутрисполитические потрясения были очень часто связаны именно с нахождением человеческих обществ в мальтузианской ловушке⁷. Соответственно выход социальных систем из мальтузианской ловушки должен вести в долгосрочной перспективе к исчезновению особо кровавых внутрисполитических потрясений.

⁵ На языке нелинейной динамики ее также можно назвать аттрактором равновесия нижнего уровня (*low-level equilibrium attractor*) [ср.: Nelson 1956].

⁶ См., например: Malthus 1978 [1798]; Мальтус 1993 [1798]; Гринин, Коротаяев 2010б; 2012б; Гринин, Коротаяев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Коротаяев 2006а; 2010; Коротаяев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаяев, Малков и др. 2012; Коротаяев, Халтурина и др. 2011; Коротаяев, Ходунов и др. 2012; Коротаяев, Зинькина 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012а; 2012б; 2013; 2014; Коротаяев, Зинькина, Ходунов 2012; Нефедов 2000; 2001; 2002; 2003; 2005; 2007; 2008; 2010; Нефедов, Турчин 2007; Artzrouni, Komlos 1985; Kremer 1993; Galor, Weil 1999; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b; Korotayev, Zinkina 2011а; 2011b; Korotayev *et al.* 2011; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003; Nefedov 2004; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998.

⁷ См.: Мальтус 1993 [1798]; Коротаяев 2006а; 2010; Коротаяев, Божевольнов и др. 2010; Коротаяев, Гринин и др. 2010; Гринин 2007в; Гринин, Коротаяев 2010б; 2012б; Гринин, Коротаяев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаяев, Цирель 2011; Коротаяев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаяев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаяев, Малков и др. 2012; Коротаяев, Халтурина и др. 2011; Коротаяев, Ходунов и др. 2012; Коротаяев, Зинькина 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012а; 2012б; 2013; 2014; Коротаяев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаяев, Малков 2014; Коротаяев 2012а; Кульпин 1990; Малков 2002; 2003; 2004; 2009; Малков С., Малков А. 2000; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Мугрузин 1986; 1994; Марков, Коротаяев 2007; 2008; 2009; Нефедов 1999; 2001; 2002; 2003; 2005; 2007; 2008; 2010; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; Artzrouni, Komlos 1985; Kremer 1993; Galor, Weil 1999; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b; Korotayev, Zinkina 2011а; 2011б; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998; Chu, Lee 1994; Nefedov 2004; Usher 1989.

Однако нами было показано, что сам выход из мальтузианской ловушки парадоксальным образом может систематически (и вполне закономерно) сопровождаться мощными социально-политическими потрясениями, несмотря на то, что он происходит на фоне долгосрочной тенденции к улучшению⁸ условий существования большинства населения. Это явление было названо нами феноменом «ловушки на выходе из ловушки» [см., например: Коротаев и др. 2010; 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Зинькина 2010б; Коротаев, Малков 2014; Гринин, Коротаев 2012б; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; см. о такого рода ловушках также в *Главе 7*].

Динамика потребления продовольствия на душу населения в ближневосточных странах с 1961 г. представлена на Рис. 1.7.

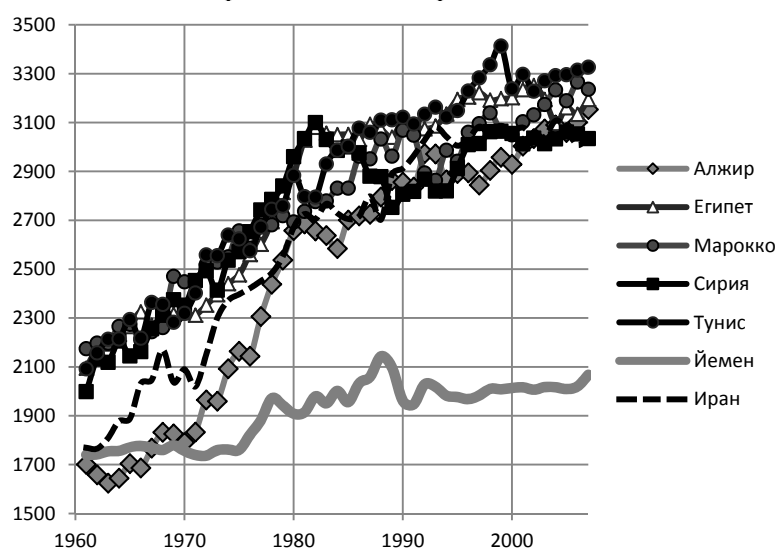

Рис. 1.7. Динамика среднедушевого потребления продовольствия, 1961–2007 гг., ккал на человека в день

Источник: FAO 2015в.

Как мы видим, еще в начале 1960-х гг. ни в одной из представленных в диаграмме стран потребление продовольствия не достигало нормы ВОЗ, а в таких государствах, как Иран, Йемен и Алжир,

⁸ А не ухудшения, как это наблюдалось в социальных системах, находившихся в мальтузианской ловушке (см. литературу в предыдущем примечании).

оно было на уровне серьезного недоедания. Однако за 1960-е – 1970-е гг. абсолютное большинство представленных на графике стран достигло впечатляющих успехов, и уровень потребления продовольствия в некоторых из них, например, в Египте и Сирии, к началу 1980-х гг. составлял около 3000 ккал, что уже ближе к переяданию. При этом сегодня во всех арабских странах, кроме Йемена, наблюдается очень высокий уровень потребления продовольствия. Это означает, что проблема голода в регионе практически решена⁹ (см. об этом также *Главу 7*).

Естественно, следует ожидать, что ликвидация в большинстве арабских стран в 1970-е – 1980-е гг. недоедания и голода должна была привести к самому существенному снижению смертности и увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни в ближневосточных государствах. Именно это и наблюдалось в реальности (см. Рис. 1.8).

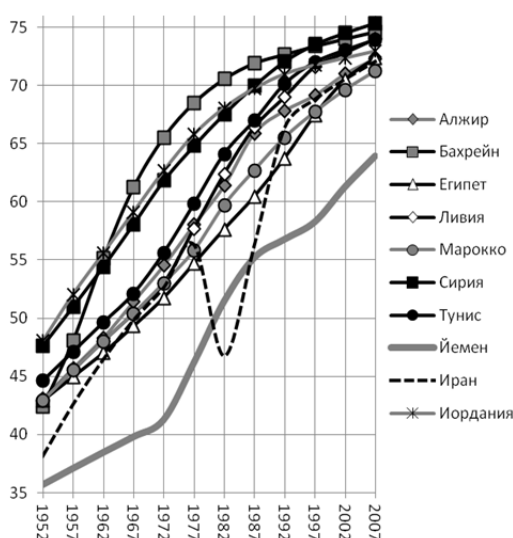

Рис. 1.8. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в некоторых ближневосточных странах, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2015.

⁹ Однако вызывает беспокойство то обстоятельство, что потребление в Йемене до сих пор не достигло уровня ВОЗ и находится примерно на том же уровне, что и в начале 1980-х гг. Это означает, что Йемен до сих пор не выбрался из мальтузианской ловушки, что соответственно увеличивает риск серьезных социально-политических потрясений (о Йемене см. *Главу 4*).

Как можно видеть, абсолютно все арабские страны добились огромного успеха в увеличении продолжительности жизни за рассмотренный период – с 40–45 лет в начале 1950-х гг. до 70–75 лет к 2010–2011 гг. (что сохраняется в основном и по настоящее время¹⁰). Если в начале 1950-х гг. большинство арабских стран отставали по средней ожидаемости продолжительности жизни от среднемирового показателя (47,7 лет), то к началу Арабской весны все представленные на графике государства, кроме Ирака и Йемена, имели продолжительность жизни заметно выше среднемировой (последняя составляла 67,9 лет в 2005–2010 гг.) [UN Population Division 2015]¹¹. Даже в Йемене, где сохраняются проблемы с обеспечением населения продовольствием, за десятилетия, предшествовавшие началу Арабской весны, средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на целых 28(!) лет.

Это показывает, что за столь резким увеличением продолжительности жизни стояли и некоторые другие крайне важные факторы, кроме ликвидации недоедания. Конечно же, огромную роль в снижении смертности также сыграло развитие в рассматриваемых странах систем современного здравоохранения. На пролившиеся в 1970–1980-е гг. нефтедоллары в целом ряде стран смогли организовать сети больниц, роддомов, поликлиник и т. д. [подробнее об этом см., например: Коротаев, Ходунов и др. 2012: 41–43; Гринин, Коротаев 2012б: 269–271]. Поэтому-то в большинстве арабских государств в 70-е – 80-е гг. мы наблюдаем резкое падение смертно-

¹⁰ Некоторым исключением здесь выступает Сирия (см. *Главу 3*).

¹¹ Интересно отметить, что, по данным того же источника, средняя продолжительность жизни в России за этот период выросла всего на 3,2 года – с 64,5 до 67,7 лет. Таким образом, ближневосточные страны около 60 лет назад отставали от России на 20–25 лет по этому показателю, но в настоящее время на 4–7 лет опережают ее, а Ирак и Йемен отстают менее чем на 5 лет. А в таких крупных регионах мира, как Южная Азия и особенно Тропическая Африка, продолжительность жизни на 15–20 лет ниже, чем в большинстве стран Ближнего Востока. Более того, в Африке южнее Сахары лишь немногие страны (Того, Бенин, Намибия) имеют ожидаемую продолжительность жизни, сопоставимую с Йеменом, страной с самым низким показателем на Ближнем Востоке [см., например: World Bank 2015: SP.DYN.LE00.IN]. Конечно, несмотря на огромные успехи государств Ближнего Востока, средняя продолжительность жизни даже в тех странах, где она наиболее высока, отстает от этого показателя в странах Западной Европы и Северной Америки на 5–10 лет. Это означает, что ближневосточным странам необходимо приложить большие усилия, чтобы добиться роста этого показателя. Тем не менее, хотя ожидаемая продолжительности жизни на Ближнем Востоке и несколько ниже, чем в наиболее развитых странах, нельзя не отметить впечатляющие достижения ближневосточных государств, продолжительность жизни в которых увеличилась на 25–30 лет.

сти, в том числе младенческой и детской, что на фоне сохранявшейся долгое время высокой рождаемости и привело в 2000-е гг. к взрывообразному росту численности молодежи в странах Арабской весны.

«На уровне почвы» резкий рост ожидаемой продолжительности жизни проявил себя через снижение значения таких важнейших демографических показателей, как общий коэффициент смертности и коэффициент младенческой смертности. Динамика общего коэффициента смертности в странах Ближнего Востока представлена ниже (см. Рис. 1.9).

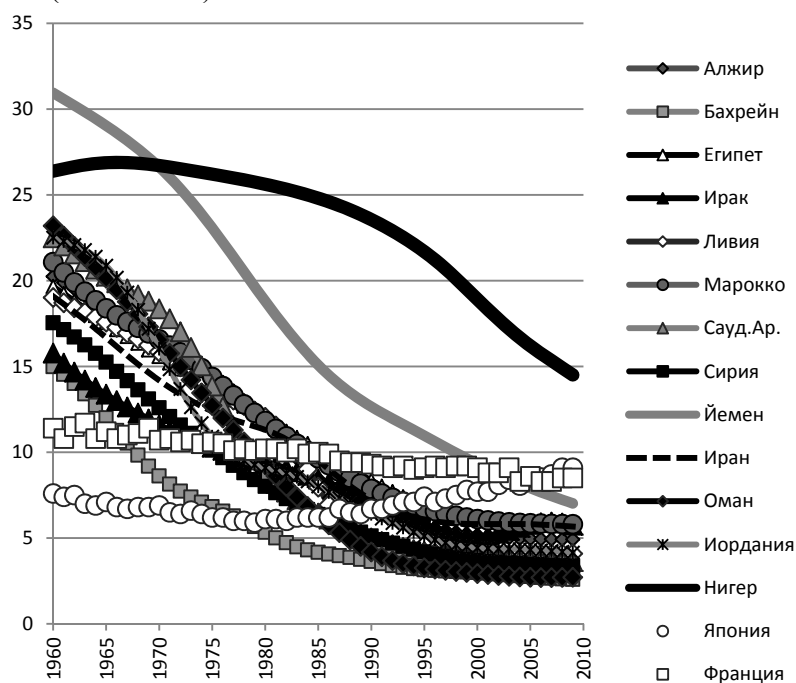

Рис. 1.9. Динамика общего коэффициента смертности (на тысячу, ‰) в некоторых странах мира, 1961–2010 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.CDRT.IN.

На Рис. 1.9 хорошо видна удивительная синхронность падения смертности в ближневосточных государствах (в особенности в 1970-е – 1980-е гг.)¹². Сходная картина наблюдалась и для динамики младенческой смертности¹³ (см. Рис. 1.10).

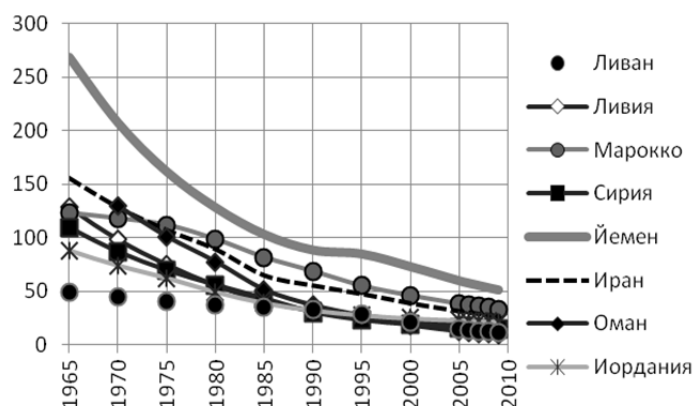

Рис. 1.10. Динамика младенческой смертности в некоторых ближневосточных странах накануне Арабской весны, 1965–2010 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.IMRT.IN.

¹² С другой стороны, на этих же графиках хорошо видны кардинальные отличия динамики смертности в странах Ближнего Востока по сравнению с другими регионами мира: Тропической Африкой (представленной Нигером), развитыми странами Восточной Азии (Япония) и Западной Европой (Франция).

¹³ Младенческая смертность, подобно общей смертности, стремительно снижалась во всех приведенных на Рис. 1.10 странах, однако Йемен продолжает значительно отставать от остальных государств (в 2009 г. здесь умирал 51 младенец на 1000, в то время как в Марокко – 35, а в Омане – только 9). Вместе с тем показатель младенческой смертности (очень важный индикатор уровня развития здравоохранения и социально-экономического положения) остается здесь в несколько раз выше, чем в развитых странах Запада. Если сравнить показатель младенческой смертности в странах Ближнего Востока и в России в 2009 г., то в большинстве стран этого региона (за исключением ряда государств Персидского залива) данный индикатор будет гораздо выше (в России он составил 11,1 ‰). Это обстоятельство хорошо иллюстрирует тот факт, что смертность, особенно мужская, в России выше, чем на Ближнем Востоке, не из-за более низкого уровня развития здравоохранения (так как достаточно низкий показатель младенческой смертности свидетельствует о более развитом здравоохранении в России, чем во многих странах региона), а из-за проблем с высоким уровнем потребления крепких алкогольных напитков [подробнее об этом см., например: Халтурина, Коротаев 2005; 2006а; 2006б; 2006в; 2006д; 2008а; 2008б; Коротаев, Халтурина 2005; 2006а; 2006б; Демин, Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев, Божевольнов 2012; Коротаев, Зинькина, Божевольнов 2014; Архангельский и др. 2014; Khaltourina, Korotayev 2008].

К числу важнейших демографических показателей, оказывающих заметное влияние на политическую динамику соответствующих систем, относится также рождаемость населения. Рассмотрим ее динамику на Ближнем Востоке за последние несколько десятилетий. Наиболее точным индикатором уровня рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которых женщина родила бы за всю ее жизнь при сохранении наблюдаемых на соответствующий год возрастных коэффициентов рождаемости). Его динамика выглядела следующим образом (см. Рис. 1.11).

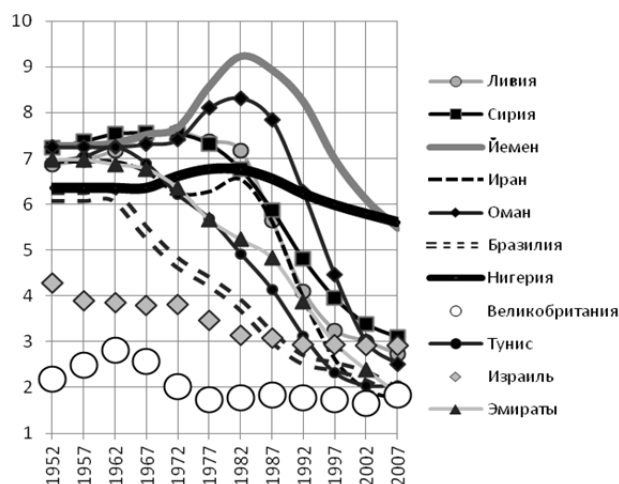

Рис. 1.11. Суммарный коэффициент рождаемости в некоторых странах мира, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2015.

Сопоставление графиков на Рис. 1.8–1.11 показывает, что в полном соответствии с теорией демографического перехода¹⁴ снижение рождаемости в арабских странах шло с очень существенным запаздыванием относительно снижения смертности. Как мы видим, до начала 1970-х гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял во всех ближневосточных странах 7–8 детей на женщину, и только с 1970-х гг. он начал снижаться, при этом по-настоящему быстрое

¹⁴ См., например: Вишневский 1976; 2005; 2006; Коротаев, Малков, Халтурина 2005; 2007; Chesnais 1992; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006a; Caldwell *et al.* 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011; Livi-Bacci 2012.

снижение данного показателя в большинстве арабских стран началось лишь в конце 1980-х гг. (а в таких странах, как Оман и Йемен, само снижение началось только в середине 1980-х гг.)¹⁵.

Рис. 1.12 наглядно показывает, какие изменения в значениях общего коэффициента рождаемости произошли на Ближнем Востоке за последние 40 лет.

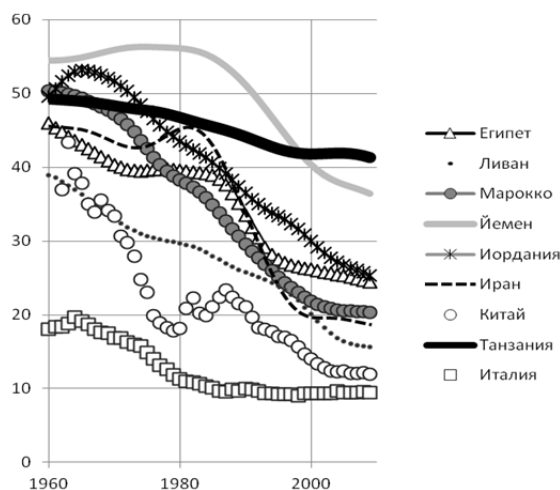

Рис. 1.12. Общий коэффициент рождаемости в некоторых странах мира (на тысячу, ‰), 1960–2008 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.CBRT.IN.

¹⁵ Сегодня в большинстве ближневосточных стран рождаемость составляет 2–3 ребенка на женщину. Однако для некоторых стран и этот уровень является достаточно высоким. Так, в Египте, где рождаемость в 2009 г. составила 2,8 детей на женщину, естественный прирост населения составляет 1,7 %, а численность населения превысила 86 миллионов человек. При этом страна катастрофически перенаселена: 97 % населения живет на 4–5 % территории (в дельте и долине Нила [см., например: Мамед-заде 2005; Ischinger, Jorgensen 2010: 18], где плотность населения составляет 2200 человек на 1 км², что в 2 раза больше плотности населения в Бангладеш – самой густонаселенной страны мира (1142 человека на 1 км² в 2010 г.). Египет уже сейчас испытывает огромные проблемы, связанные с перенаселенностью и загрязненностью городов, в ближайшем будущем также возможна нехватка питьевой воды. Подобная ситуация может сложиться в скором будущем и в Йемене, где очень мало пригодных к обработке земель, а рождаемость до сих пор чрезвычайно высока (около 4 детей на женщину). Все это говорит о необходимости снижения рождаемости в возможно более короткие сроки. Тем не менее нельзя не отметить огромные успехи ближневосточных стран в снижении этого показателя. Так, в Омане рождаемость за 25 лет снизилась с 8,3 до 2,5 детей на женщину. Для сравнения, Нигерия, самая большая страна Тропической Африки, добилась снижения рождаемости за то же время только с 6,8 до 5,6 ребенка на женщину.

Так, если в 1960-х гг. общий коэффициент рождаемости составлял во всех представленных на графике странах от 40 до 55 живорождений на тысячу человек населения (‰), то сейчас в большинстве из них рождаемость снизилась в 2–3 раза и составляет от 15 до 25 ‰¹⁶. Вновь, как и в процессе снижения смертности в странах Ближнего Востока, обращает на себя внимание относительная синхронность падения рождаемости в этом регионе. Как было показано ранее, смертность, особенно детская, интенсивно снижалась в регионе в 1960-х – начале 1980-х гг., когда в большинстве ближневосточных стран сохранялась очень высокая рождаемость (5–7 детей). Соответственно больше детей стали доживать до совершеннолетия, что привело к резкому росту численности молодежи ко времени начала событий Арабской весны во всех рассматриваемых странах. Снижение рождаемости в последнее время привело к резкому росту доли молодежи во всем населении за счет сокращения доли детей до 14 лет (на момент начала Арабской весны в большинстве стран Ближнего Востока доля молодежи от 15 до 30 лет во

¹⁶ Другие регионы мира демонстрируют несколько иную динамику. Китай добился снижения рождаемости до более низкого уровня, чем Ближний Восток (с 35–40 ‰ в 1960-х гг. до 12 ‰ в настоящее время). Италия уже с начала 1960-х гг. отличалась невысокой рождаемостью (18–20 ‰), которая сегодня упала до менее 10 ‰ (9,1 ‰), так что смертность там даже несколько превысила рождаемость, что означает естественную убыль населения, крайне тревожный процесс. В ближневосточных государствах, и тем более в таких африканских странах, как Танзания, ситуация совершенно иная – население здесь интенсивно растет (1–3 % в год). Танзания представляет собой очень характерный пример страны Тропической Африки, где общая рождаемость до сих пор остается на очень высоком уровне (более 40 ‰) и снизилась всего лишь на 8 ‰ за последние 39 лет (подробнее о динамике рождаемости, а также о социально-экономической ситуации в Танзании см.: Коротаев, Халтурина и др. 2010). Для сравнения, в Йемене за последние 19 лет рождаемость снизилась на 20 ‰ (хотя она и остается здесь очень высокой – 36 ‰). Таким образом, несмотря на то, что на Ближнем Востоке рождаемость заметно выше, чем в Восточной Азии и Западной Европе (как можно было видеть на примере Китая и Италии), в Тропической Африке ситуация вызывает заметно большее опасение, потому что рождаемость снижается там очень медленно, а это (если не добиться ускорения темпов снижения рождаемости) может привести к росту демографического давления, перенаселенности, сложностям в обеспечении населения всем необходимым и в итоге – к политической дестабилизации, в том числе и по классическому мальтузианскому сценарию (то есть к социально-политическим потрясениям даже не на выходе из мальтузианской ловушки, а непосредственно в этой ловушке) [подробнее об этом см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005; Халтурина, Коротаев 2006б; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина 2010; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Зинькина, Коротаев 2013а; 2013б; Коротаев, Зинькина 2012б; 2013; 2014; Васильев и др. 2014; Гринин 2010а; 2010б; 2010в; 2011а; 2012з; 2013е; 2014б; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev 2009; Korotayev, Zinkina 2014; 2015; Zinkina, Korotayev 2014а; 2014б; Grinin 2012с; 2013а].

всем населению составляла 25–30 %, а, например, в Западной Европе – всего 17 % [UN Population Division 2011].

Абсолютно закономерный стремительный рост численности молодежи (и ее доли в общей численности населения), наблюдающийся в процессе выхода из мальтузианской ловушки и в целом – модернизации (в особенности модернизации демографической) ведет к формированию явления, уже упоминавшегося выше – «молодежного бугра» (*youth bulge*). Как отмечает известный американский социолог Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах¹⁷. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие “молодежного бугра” (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» [Goldstone 2002: 11–12]. Действительно, молодежь является частью общества, наиболее склонной к радикализму; она часто испытывает трудности с трудоустройством, к тому же заметная часть молодежи в результате модернизации оседает в крупнейших городах, создавая угрозу центральной власти [см., например: Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Grinin 2012с; Moller 1968; Goldstone 1991; 2002: 11–12; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004].

Фактор «молодежного бугра», например, сыграл немаловажную роль в генезисе египетской революции 2011 г. (см. также *Главы 2 и 6*). В Египте к 2011 г. «молодежный бугор» находился на пике, при этом более миллиона молодых людей в возрасте 20–

¹⁷ См.: Гринин, Коротаев 2009б; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Малков 2014; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

24 лет были безработными, значительная часть их проживала в столице страны – Каире. Специфика ситуации в Египте заключалась в том, что почти половина безработной молодежи имела высшее образование, что способствовало меньшему числу жертв, чем обычно при потрясениях такого рода [Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б]. Фактор относительно высокого образовательного уровня ударной силы арабских революций (некоторое исключение здесь составляет, пожалуй, лишь Йемен) явился в целом важным обстоятельством, наложившим свой отпечаток на события Арабской весны.

Столь высокий процент лиц с высшим образованием среди безработных был, конечно, связан и с недостатками в работе системы массового высшего образования в арабских странах. Необходимо упомянуть, что администрации ряда арабских стран успели заметить скрытую здесь опасность и даже начали предпринимать меры по исправлению ситуации. Например, администрация Х. Мубарака в 2010 г. пригласила группу ведущих экспертов ОЭСР и Всемирного банка для разработки программы реформирования египетской вузовской системы. После изучения этой системы группа пришла к следующим не очень утешительным выводам:

– в стране «наблюдается хроническое перепроизводство выпускников университетов»;

– «многим (порядка 50 %) выпускникам не удастся получить работу по специальности; особые проблемы существуют у выпускников по гуманитарным специальностям, юриспруденции (с обучением на арабском языке¹⁸), коммерции (с обучением на арабском языке)...»;

– «многие выпускники не имеют навыков, необходимых для выполнения работ по вакансиям, на получение которых они претендуют...»;

– «университетские студенты выражают недовольство тем, что университетские курсы никак не готовят их к практической деятельности...»;

– «существует острая нехватка квалифицированного персонала с образованием ниже высшего» [Ischinger, Jorgensen 2010: 182].

¹⁸ Это значит, что выпускники, получившие образование по юридическим специальностям на английском языке, проблем с трудоустройством не имеют, но и поступить в университет на соответствующее направление практически невозможно.

Надо сказать, что данная группа экспертов не только выявила недостатки египетской вузовской системы (отметим, что выше перечислена лишь их совсем небольшая часть), но и предложила продуманную и детальную программу мер по их исправлению [Ischinger, Jorgensen 2010: 182]. На наш взгляд, осуществление предложенных мер вполне могло хотя бы частично решить проблему перепроизводства университетских выпускников (особенно в сочетании с прогнозируемым в ближайшие годы снижением численности соответствующей возрастной группы), но на это требовалось несколько лет, которых, как теперь выясняется, египетскому режиму отпущено не было.

В целом имеются достаточно серьезные основания утверждать, что основную роль в арабских революциях на их первых этапах сыграла безработная и всяческого рода неустроенная молодежь (и в особенности безработная/неустроенная¹⁹ высокообразованная молодежь). При этом особенно быстрый рост численности высокообразованной молодежи наблюдался в большинстве арабских стран именно накануне Арабской весны, что и послужило мощным фактором синхронизации дестабилизационных процессов в этих странах.

Другие причины арабских потрясений и факторы их синхронизации

Но, конечно, одних только социально-демографических факторов (несмотря на всю их важность) совершенно недостаточно для объяснения удивительной синхронности событий Арабской весны. Действительно, такого рода факторы способны обеспечивать синхронизацию с точностью, возможно, до нескольких лет, но никак не до нескольких месяцев и даже недель, как это наблюдалось в рассматриваемом нами случае.

В качестве одного из таких факторов, обеспечивших подобную более точную синхронизацию, выступила вторая волна агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г.²⁰ (см. Рис. 1.13 и 1.14).

¹⁹ Под неустроенной высокообразованной молодежью мы понимаем тех молодых людей, которые не могут после окончания вузов найти соответствующую своему образованию работу, то есть они могут и работать, но считают при этом, что их работа не соответствует образованию.

²⁰ Отметим, что речь в данном случае идет о факторе, глобальном в самом полном смысле этого слова.

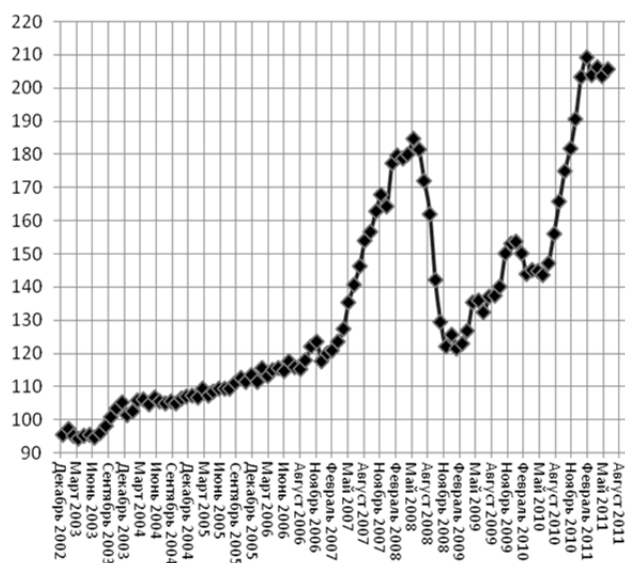

Рис. 1.13. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 гг. = 100, с учетом инфляции), январь 2003 – июнь 2011 г.

Источник: ФАО 2015а.

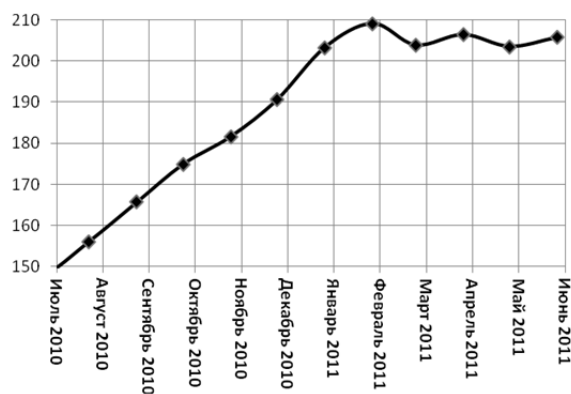

Рис. 1.14. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 гг. = 100, с учетом инфляции), июль 2010 – июнь 2011 г.

Источник: ФАО 2015а.

Это взрывообразное увеличение цен на продовольствие вызвало рост протестных настроений в большинстве стран мира. Не стала здесь, кстати, исключением и Россия, где также, по данным опросов ФОМ, в феврале 2011 г. наблюдался пик протестных настроений как раз на фоне пика обеспокоенности населения ростом цен (см. Рис. 1.15 и 1.16).

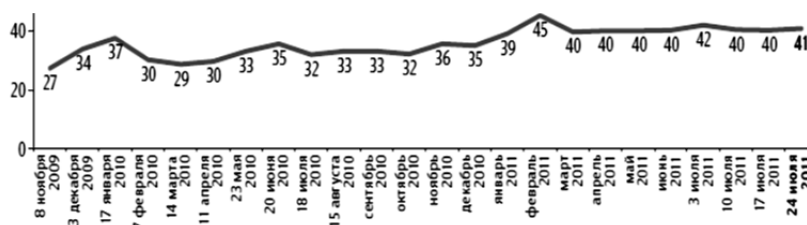

Рис. 1.17. Процент россиян, ответивших «Испытываю» на вопрос «Вы лично испытываете или не испытываете недовольство, готовность участвовать в акциях протеста?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011б: 12.

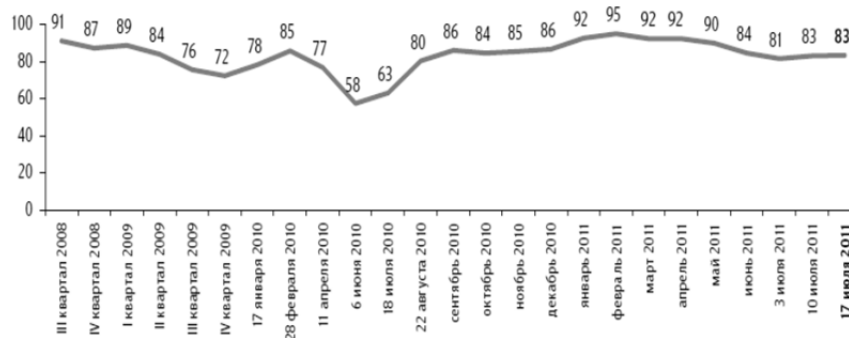

Рис. 1.18. Процент россиян, ответивших «Выросли» на вопрос «По Вашему мнению, за последний месяц цены на основные продукты, товары и услуги в целом выросли, снизились или почти не изменились?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011а: 15.

Конечно, роль этого фактора нельзя и преувеличивать (ведь в конце концов в большинстве стран мира индуцированный второй волной агфляции рост протестных настроений не привел к скольконибудь серьезным социально-политическим потрясениям), однако в находившихся в неравновесном социально-политическом положении арабских странах этот фактор явно сыграл важную дополнительную роль в генезисе социально-политических потрясений [см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б], выступив одновременно и в качестве импульса синхронизации событий Арабской весны. Также эта волна способствовала тому, что к ударному отряду Арабской весны, неустроенной высокообразованной молодежи, присоединились массы простых арабов, оказавшихся в результате взрывообразного роста цен ниже уровня бедности. Это, конечно, придало волнениям необходимую для потрясения (и свержения) режимов массовость.

Что же касается общих условий совершения арабских революций, то в качестве очень важного условия необходимо отметить особенности политических режимов, которые явно не были реально демократическими и, являясь авторитарными, не могли считаться полностью легитимными. Это определило их неустойчивость в период начавшихся народных движений (мы еще рассмотрим это подробнее в разделе о египетской революции и в *Главе 2*).

Анализ коррелятов политической нестабильности, проведенный участниками проекта *State Failure Task Force Report* с помощью множественной линейной регрессии, показал, что наиболее высоким риск политической дестабилизации оказывается для частичных/неполных демократий, в то время как заметно более высокой устойчивостью характеризуются и последовательно демократические, и последовательно авторитарные режимы [Goldstone *et al.* 2003; 2010]. Особенно актуальной эта закономерность становится именно в современном стремительно глобализирующемся мире²¹. Дело здесь в том, что применительно к современным модерни-

²¹ Исключительная важность этого фактора как раз для событий Арабской весны была вполне убедительно продемонстрирована при помощи все того же множественного линейного регрессионного анализа С. В. Цирелем [2012а]. Действительно, наиболее быстро рухнули непоследовательно авторитарные режимы Туниса и Египта. Долше удалось продержаться более авторитарному режиму Али Абдаллы Салеха в Йемене, вероятно, выглядевшему более легитимно в глазах йеменцев, чем режимы в Египте и Тунисе, но все же многим из них за 33 года изрядно надоевший. Последовательно авторитарный режим ал-

зированным обществам демократия выступает как практически безальтернативный способ легитимации власти [см., например: Фурман 2010: 21; Цирель 2012б; Гринин 2012а]. Это важно с точки зрения как внутренней, так и внешней легитимности (причем последняя является более важной для режима в условиях его устойчивости, а в условиях социальных волнений, разумеется, дело обстоит иначе). Традиционный монархический способ также остается достаточно эффективным способом легитимации, но на него практически нереально опереться там, где он уже утрачен (в целом же конституционная монархия оказывается едва ли не наиболее эффективным, бескровным вариантом промежуточной фазы демократической трансформации). Даже самым последовательным авторитарным (но немонархическим) режимам в современном мире приходится прибегать для легитимации к разного рода демократическим по своей форме источникам типа апеллирования к «воле народа» – вспомним, что даже наиболее последовательно тоталитарный режим современного мира все-таки позиционирует себя как Корейская Народно-Демократическая Республика.

Таким образом, большинство немонархических авторитарных режимов вынуждено для своей легитимации время от времени проводить выборы, которые, естественно, практически по определению проходят с нарушением демократических процедур (в том числе и с прямой фальсификацией волеизъявления избирателей). Мало того, нередко такого рода фальсификации (при всей нечистоплотности подтасовок) объективно оказываются заслоном на пути к власти партий и сил, которые представляют еще большую опасность для демократии (фундаменталисты, радикалы и т. п.).

Каддафи пал только после самого ожесточенного сопротивления и при мощнейшей внешней интервенции. Последовательно авторитарный сирийский режим держится до сих пор. Вместе с тем арабские монархии в ходе событий Арабской весны показали чудеса живучести – ни одна из них не пала. Отметим также, что в ходе Арабской весны нашло вполне убедительное подтверждение и другое наблюдение группы Голдстоуна – более неустойчивыми являются немонархические политические режимы с лидерами, находящимися у власти очень длительное время (более 14 лет). Действительно, все свергнутые в ходе волнений лидеры (в Египте, Ливии, Тунисе и Йемене) находились у власти более отмеченного Голдстоуном и его коллегами срока. В целом же трудно не признать, что принятое в большинстве демократий ограничение периода правления первого лица двумя сроками, по всей видимости, является вполне удачной эволюционной находкой, очень хорошо соответствующей политической психологии человека (после двух сроков даже самый эффективный лидер начинает «надоедать» все большему числу людей, а после 14 лет это число, возможно, имеет тенденцию приближаться ко все более критическому уровню).

В среднеразвитых странах частичная демократизация делает подобные режимы особенно неустойчивыми. Действительно, частичная демократизация предполагает определенное развитие институтов гражданского общества, независимых средств массовой коммуникации и т. п. При этом в современных условиях такого рода режимы, как правило, берут на себя обязательства (как де-факто, так и де-юре) соблюдать определенные нормы. И это фактически не позволяет таким правительствам полностью ликвидировать все оппозиционные НКО, независимые СМИ, поставить все средства коммуникации (включая Интернет) под свой полный контроль (тем более что нарушение данных норм зачастую влечет за собой применение вполне реальных санкций, способных, например, ощутимо снизить инвестиционную привлекательность соответствующих стран). Однако наличие подобных институтов гражданского общества значительно затрудняет фальсифицирование выборов, поскольку позволяет как выявить такого рода факты, так и довести их через независимые каналы СМИ (в современных условиях это прежде всего Интернет и другие средства коммуникации) до сведения очень значительного числа социально активных лиц. (В результате каждые новые выборы в такого рода ситуациях могут сопровождаться все более сильными волнами дестабилизации.) Интернет-сети позволяют организовать конкретные протестные акции. Да, действительно, в подобных сетях участвует лишь небольшое меньшинство населения, при этом в нем очень заметную долю составляют достаточно экономически благополучные представители среднего класса. Но, как показывает опыт последних лет, именно они склонны особенно негативно реагировать на факты фальсификации выборов и способны выступить в авангарде подобного рода протестных движений. Однако по-настоящему широкий размах протестные движения способны принять там, где имеются вышеописанные структурно-демографические факторы.

Таким образом, синхронность арабских протестов обеспечили особые факторы, во многом связанные с техническим прогрессом (см. об этом также в *Главе 7*), прежде всего новые информационные технологии, в том числе интернет-технологии [см., например: Васильев 2011]. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду, что уже задолго до Арабской весны в Арабском мире сложилось единое интернет-пространство [см., например: Abdulla 2007], где на понят-

ном для всех интернет-грамотных арабов едином арабском литературном языке представители стран, еще не охваченных волнениями, могли свободно общаться с жителями стран, этими волнениями охваченных или уже через них прошедших. И если даже один из авторов этой монографии получил через *Facebook* приглашение прийти 28 января на Тахрир, то понятно, что в Арабском мире за пределами Египта такие приглашения получили миллионы интернет-пользователей.

Среди технических факторов совершенно особую роль в синхронизации событий Арабской весны сыграли общеарабские спутниковые каналы, прежде всего «Ал-Джазира» и «Ал-Арабия» [см., например: Tausch 2011]. Здесь необходимо иметь в виду, что за последние 10–15 лет в арабском мире произошла еще и медиареволюция, выразившаяся в том числе и в появлении высокопрофессиональных телевизионных спутниковых каналов, к тому же уже получивших к началу Арабской весны колоссальную популярность во всем Арабском мире (в том числе и в тех странах, где СМИ находились под достаточно жестким государственным контролем). Лучше всего, конечно, известен катарский канал «Ал-Джазира», но, скажем, «Ал-Арабия» – саудовско-эмиратский аналог «Ал-Джазиры» – вполне сопоставим с ним по уровню профессионализма.

У тех, кто видел трансляции этих каналов в ходе Арабской весны на понятном во всем Арабском мире языке²², работу их талантливых тележурналистов, передававших необыкновенно эмоционально яркие образы народных выступлений во все концы Арабского мира, нет особых сомнений в том, что они сыграли колоссальную роль в генезисе волны социально-политических потрясений. Примечательно, что за пределы Арабского мира (даже в страны с близкими структурно-демографическими характеристиками, но не получавшие непрерывные потоки возбуждающих образов народного восстания с лозунгами, понятными всем речами и комментариями) эта волна практически не вышла. На наш взгляд, определенную роль сыграл даже блестящий лозунг Арабской весны, рожденный еще в ходе первой, Тунисской, революции – *аш-ша'б йурид искат ан-низам*. Помимо своей особой зажигательной (но лишь для тех, кто знает арабский язык) ритмической структу-

²² Кстати, именно на литературном арабском, а не, скажем, на египетском диалекте, доминирующем на египетском телевидении.

ры, он сыграл важную роль и благодаря своему смыслу («народ хочет падения режима»); таким образом, он направлен не против какого-то конкретного правителя или режима, но требует «падения режима» вообще, то есть его оказалось возможным использовать в любой арабской стране без исключения.

Ну и конечно, мы уверены, что «цунами революций» не прокатилось бы по всему Арабскому миру, если бы революция в Тунисе не оказалась столь быстрой и бескровной, если бы она не создала ощущения, что смены власти в любой арабской стране можно добиться столь же легко.

Общие и особенные причины арабских потрясений на примере анализа революции в Египте

В свете изложенного выше рассмотрим несколько более детально причины египетской революции 2011 г.²³, чтобы яснее увидеть общие условия арабских революций и их специфику в отдельных странах.

В общем неудивительно, что администрация Х. Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Наблюдается хороший темп экономического роста (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства – одни из самых благополучных в третьем мире. Мировые цены на продовольствие растут, но правительство принимает серьезные меры для смягчения последствий этого роста для беднейших слоев населения. Уровень безработицы (в процентах) меньше, чем во многих достаточно благополучных странах мира, и в последнее время несколько сокращается, что происходит на фоне замедления темпов роста населения. Казалось бы, какие основания ждать крупномасштабного социального взрыва? Да, существуют, конечно же, небольшие группки смутьянов-блогеров, но разве есть хоть какие-то основания ожидать, что они смогут вывести за собой сколько-нибудь значительные массы людей?

И конечно, было трудно просчитать, что по режиму Мубарака больно ударят успехи, достигнутые им (и его предшественником)

²³ Подробнее см. *Главу 2*.

в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехи, без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и «падения режима», просто не дожили бы до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями [Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в]. Да, процентный уровень безработицы в Египте с середины 1990-х гг. практически не изменился. Но численность египетской молодежи за тот же самый период выросла почти в два раза. А значит, как минимум во столько же выросло и количество молодых безработных (это, кстати, о том, как опасно доверяться процентам).

И еще одна деталь. Исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистике Египта в III квартале 2010 г., выявило не только то, что около половины египетских безработных относились к возрастной группе 20–24 лет, но и еще одно впечатляющее обстоятельство: более 43 % египетских безработных имели высшее образование [Al-jihaz al-markaziyyu 2010]! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и высокообразованным, что, как мы отмечали, наблюдалось и в некоторых других арабских странах. Хотя имелась и заметная специфика египетской революции (в Египте высшее образование было развито лучше, чем в других странах). Возможно, эта специфика обусловила в том числе и ее определенную эмоциональную привлекательность для представителей первого мира, а главное – относительную (в особенности по меркам третьего мира) малокровность (по крайней мере в первой фазе Арабской весны, в декабре 2010 – феврале 2011 г.). Действительно, несмотря на колоссальный размах египетских событий, вовлекших в свой круговорот на многие дни миллионы людей, общее число погибших составило лишь несколько сотен человек (при этом в подавляющем большинстве это были погибшие от рук не восставших, а сил безопасности и привлеченных ими к подавлению восстания уголовных элементов). Примечательно, что во время предыдущих крупных народных волнений в Египте – «хлебных бунтов» 1977 г. (в качестве главной ударной силы в них выступила малообразованная египетская молодежь), которые продолжались всего два дня и имели число участников, измерявшееся сотнями тысяч (а не мил-

лионами, как в 2011 г.), – погибли около 800 человек [см., например: Hirst 1977]. В этом отношении египетская революция 2011 г. оказалась на самой начальной фазе ближе к молодежным волнениям (и «бархатным революциям») в Европе последних десятилетий, чем к кровавым народным восстаниям и революциям в третьем мире (отметим, ее развитие оказалось более кровавым, чем начало; но, конечно, египетскую революцию в этом плане нельзя даже сравнивать с событиями в Сирии, Ливии и Йемене, где протестные выступления переросли в полномасштабные гражданские войны [подробнее об этом см. часть 2 данной монографии]).

Подчеркнем также, что многие из претензий восставших к режиму Мубарака были вполне обоснованными. Действительно, десятилетия чрезвычайного положения создали ситуацию полной бесконтрольности сил безопасности, что привело к массовому использованию пыток по отношению к недовольным режимом. вполне обоснованы были и претензии к прошедшим незадолго перед революцией (в ноябре – декабре 2010 г.) парламентским выборам, в ходе которых масштабы фальсификаций достигли запредельных высот. И, как уже было сказано выше, недостаточная легитимность режима в глазах населения обусловила его нестабильность в этот критический момент.

Здесь необходимо также иметь в виду следующее обстоятельство. Египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря сильнейшему внутриэлитному конфликту. Это, впрочем, не является уникальной особенностью Египта, поскольку может быть прослежено (правда, в иных аспектах) и в других арабских революциях – в Тунисе, Ливии, Йемене (о последнем см. *Главу 4*). Недаром, по мнению Дж. Голдстоуна, внутриэлитный конфликт является необходимым условием победы практически любой революции [см., например: Goldstone 2001]. Но в каждой стране этот конфликт принимает особые формы. В отношении Египта речь идет прежде всего о конфликте между военной элитой («старой гвардией») и элитой экономической («молодой гвардией») – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком. Армейская группировка контролировала (и контролирует) не только вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет и о военных предприятиях, и о больших земельных массивах, разного рода не-

движимости, автозаправочных станциях, строительных и транспортных предприятиях, фабриках и заводах, выпускающих не только продукцию оборонного назначения, но и телевизоры, холодильники, макароны, оливковое масло, крем для чистки обуви и т. д.²⁴ Оценки доли египетской экономики, контролируемой военными, даются различными аналитиками в пределах от 10 до 40 %²⁵ [Roy 1992; Nepstad 2011: 489; Tadros 2012; Marshall, Stacher 2012]. Эту группировку египетской элиты очень пугало возвышение «молодой гвардии» ведущих египетских бизнесменов под руководством Гамалья Мубарака, контролировавшей экономический блок египетского правительства, которое начиная с 2004 г. проводило эффективные экономические реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. «Перед событиями 2011 г. египетские генералы выражали свою озабоченность планами президента Мубарака назначить Гамалья своим преемником. Многие были уверены, что если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных» [Nepstad 2011: 489]. Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из круга Гамалья Мубарака в случае его прихода к власти «наложат руку» на собственность военных – под предлогом (вполне реальной) неэффективности использования соответствующих объектов собственности и необходимости его оптимизации.

Этот внутриэлитный конфликт позволяет понять многие обстоятельства египетской революции, которые на первый взгляд могут казаться загадочными. Скажем, на всем протяжении революции египетская армия достаточно четко охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая попытки протестующих их захватить. Однако уже в самые первые дни революции (28–29 января 2011 г.) армия дала возможность захватить, разгромить и сжечь штаб-квартиру правившей Египтом Национально-демократической партии. Но, если разобраться, то ничего странного в этом не было, ведь реальным руководителем данной партии был именно Гамаль

²⁴ При этом находящиеся в фактической собственности египетских военных предприятия обладают важным конкурентным преимуществом: они могут пользоваться практически бесплатным трудом египетских военнослужащих-срочников [см., например: Tadros 2012].

²⁵ При этом последняя оценка представляется откровенно завышенной.

Мубарак, а значит, армейская верхушка руками протестующих наносила мощный удар по элитарной группировке своего заклятого врага [см., например: Исаев, Шишкина 2012a].

В контексте до сих пор модного восприятия египетских событий января – февраля 2011 г. как «противостояния революционных народных масс и авторитарного режима» очень странно выглядела и знаменитая «Битва верблюда», когда протестующих на Тахрире пытались разогнать при помощи странной «гоп-компании» верблюжатников – работников туристических сервисов из района пирамид, занимавшихся прокатом для туристов лошадей и верблюдов; при этом они атаковали протестующих на этих самых лошадях и верблюдах, что и придало специфически-экзотический колорит как событиям 2 февраля, так и всей Египетской революции. Но если это было действительно «противостояние народных масс и авторитарного репрессивного режима», то зачем «авторитарному режиму» было прибегать к такого рода непонятной «самодеятельности», а не воспользоваться для разгона протестующих профессиональным репрессивным аппаратом? Дело в том, что уже 2 февраля протестующим на Тахрире противостоял не профессиональный репрессивный аппарат, контролировавшийся «старой гвардией» (занимавшей скорее позицию доброжелательного по отношению к протестующим нейтралитета), а группировка бизнес-элиты, не контролировавшая репрессивные органы и поэтому вынужденная использовать для противостояния требовавшим смещения их лидера протестующим нанятый на личные деньги этих же самых бизнесменов полууголовный элемент [подробнее об этом см., например: Essam El-Din 2011; Исаев, Шишкина 2012a: 70–73; Исаев, Коротаев 2013; 2014]. Невмешательство военных и полиции и объясняет столь легкую «победу революционных масс».

Заключительные замечания

В конце января 2011 г. Мубарак столкнулся со следующей комбинацией долго-, средне- и краткосрочных факторов, которой было нереально противостоять.

1) Стремительный рост численности образованной молодежи (вызванный как падением смертности на фоне все еще высокой рождаемости в ранние годы правления Мубарака, так и стремительной экспансией высшего образования) привел к появлению

огромной массы безработной (или неадекватно трудоустроенной) образованной молодежи, сосредоточенной в очень высокой степени именно в столице.

2) Быстрое и относительно бескровное падение авторитарного режима Бен Али, ярко и талантливо показанное арабскими спутниковыми каналами, спровоцировало лидеров уже существовавших либеральных секулярных диссидентских (преимущественно молодежных) формирований, структурированных прежде всего через Facebook-группы «Молодежь 6 апреля» и «Все мы – Халед Саид» [см., например: Гоним 2012], предпринять подобную попытку в Египте. В качестве ударного отряда, запустившего протесты, выступила именно образованная молодежь.

3) Вторая волна агфляции привела к стремительному росту цен на продовольствие, вследствие чего к ударному отряду Арабской весны, неустроенной высокообразованной молодежи, присоединились массы простых египтян, оказавшихся в результате взрывообразного роста цен ниже уровня бедности.

4) Все это разворачивалось на фоне вскрывшегося острейшего внутреннего конфликта между военной и экономической элитой (возглавлявшейся фактически Гамалем Мубараком), в результате чего военная элита решила использовать народные протесты для ликвидации (как минимум политической) своего главного противника и отказалась подавлять протесты, что и обеспечило их столь неожиданный и быстрый успех.

5) И наконец, чисто внутренний (но типологически совершенно закономерный для непоследовательных автократий) момент. Очень большую роль в генезисе египетского протестного цунами сыграло грубое нарушение египетскими властями в ноябре – декабре 2010 г. неформальных правил игры с «Братьями-мусульманами», когда в результате особо масштабных фальсификаций властям удалось почти полностью заблокировать проведение «Братьями-мусульманами» своих представителей в египетский парламент. В результате, лишив «Братъев-мусульман» возможности осуществлять политическую деятельность легально, египетские власти фактически «выпихнули» их на Тахрир, заставили перейти от легальной (и полуполигальной) оппозиционной деятельности к нелегальной. В свою очередь, присоединение к протестам «Братъев-мусульман» (с их колоссальным практическим опытом организационной работы)

придало волнениям несравненно больший размах и организованность.

* * *

Рассмотрим теперь под этим углом Арабскую весну в целом.

1) Хотя протесты в Алжире начались раньше, ставшая уже традиционной практика начинать описание событий Арабской весны с 17 декабря 2010 г., когда молодой безработный Мухаммед Буазизи совершил акт самосожжения в провинциальном тунисском городке Сиди Бузид, представляется вполне оправданной. Поднявшаяся волна протестов закончилась неожиданно быстрым падением режима Бен Али прежде всего из-за обнаружившегося внутриэлитного конфликта между находившейся в непривилегированном положении армией и привилегированными силами госбезопасности, состоящими под специальной опекой выходца из этой системы – президента Бен Али. В результате армия перешла на сторону протестующих, что и предопределило падение авторитарного режима в Тунисе.

2) Неожиданно быстрое (и довольно-таки бескровное) падение авторитарного режима Бен Али подтолкнуло лидеров молодежных секулярных движений в Египте к попытке организовать (с широким использованием социальных сетей) масштабные протесты в этой стране. В силу накопившегося в АРЕ (и подробно описанного выше) внутреннего напряжения эта попытка вызвала лавину, приведшую к падению и режима Мубарака.

3) Все вышеперечисленное подняло волну дестабилизации по всему Арабскому миру (признаки начала этой волны стали, впрочем, проявляться сразу после быстрой победы Тунисской революции). При этом масштаб дестабилизации в конкретных странах зависел прежде всего от того, в какой степени там присутствовали соответствующие предпосылки, такие как внутриэлитный конфликт, промежуточный характер политического устройства²⁶, наличие непривилегированных групп (за исключением гастарбайтеров), высокая доля безработных молодых людей (в особенности с высшим образованием). В ряде случаев (прежде всего в Ливии и Сирии) важную роль сыграло внешнее дестабилизирующее воз-

²⁶ Как мы уже отмечали, последовательно авторитарные режимы в странах Арабской весны оказались более устойчивыми, чем режимы непоследовательно авторитарные.

действие²⁷. С другой стороны, мощное стабилизирующее воздействие в странах Арабской весны оказало наличие кровавых политических потрясений в недалеком прошлом (в таких странах элиты и народ хорошо помнили, что в результате мощной дестабилизации страдают абсолютно все, и явно старались ее избегать) [подробнее об этих факторах см., например: Цирель 2012б; Малков и др. 2013; Kogotayev, Issaev *et al.* 2013; 2014].

Синхронизации дестабилизационных процессов в странах Арабской весны при этом способствовали следующие факторы:

1) наличие панарабских интернет-сетей, по которым арабская революционная молодежь могла свободно обмениваться призывами к восстаниям, конкретным опытом протестной активности и т. п.;

2) наличие панарабских телевизионных каналов, распространявших яркие образы революционных протестов по всему Арабскому миру;

3) вторая волна глобальной агфляции, пик которой пришелся как раз на февраль 2011 г.;

4) и наконец, сходная фаза модернизационного перехода, на которой находилось большинство арабских стран, с характерным для нее стремительным ростом численности высокообразованной (и при этом зачастую неустроенной) молодежи.

* * *

Таким образом, Арабская весна 2011 г. наглядно подтвердила актуальную опасность для многих развивающихся стран попасть в процессе модернизации и завершения демографического перехода в постмальтузианскую ловушку («ловушку на выходе из ловушки»). События в Арабском мире также продемонстрировали, насколько существенным образом процессы, связанные с попаданием в такие ловушки, влияют на социально-политическую динамику.

²⁷ Вместе с тем очень сильным стабилизирующим действием в арабских странах оказалась преобладающая монархическая форма государственного устройства.

Глава 2. Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)

События в ходе революций нередко принимают парадоксальный характер. Случаются, например, революции, которых не ждали сами революционеры. Нередко революционные репрессии обращаются в первую очередь против тех, ради кого, собственно, революция и затевалась. А те, именем которых свергалась старая власть, массово переходят в лагерь контрреволюционеров. Яркие монархисты или авторитаристы вдруг превращаются в демократов, а те, кто считал демократию высшей ценностью, готовятся объявить диктатуру [о парадоксах революций см. также: Goldstone 2001: 160–162]. В части 2 мы еще будем говорить о парадоксах революционных или квазиреволюционных событий, на которых здесь подробно не останавливаемся. Однако в Египетской революции обнаружили еще и собственные парадоксы.

Так, парадоксальным образом случилось, что после переворота 3 июля 2013 г. политическая риторика «Братьев-мусульман» звучала несравненно более современно, чем архаическая политическая риторика их оппонентов-секуляристов¹. «У нас есть своя собственная вера в демократию, и мы готовы за демократию умереть», – говорилось в заявлении руководства «Братьев-мусульман» 18 июля 2013 г. [Chumley 2013]. Секуляристы (и поддержавшие их военные) совершенно архаичным образом отождествляли народ с толпой на Тахрире², «Братья» же апеллировали к формальным легитимным демократическим процедурам.

¹ Однако в свете сказанного ниже в данной главе все это вполне объяснимо.

² Речь шла также о неких загадочных 22 миллионах подписей под требованием об отставке Мурси [Tamarod Petition 2013], однако никакого независимого подсчета этих подписей не производилось, реальное их количество неизвестно (речь могла идти и о нескольких десятках тысяч), и легитимность этих подписей, конечно, немногим выше, чем легитимация переворота рассуждениями о 7 миллионах египтян [см., например: Фадеев 2013], якобы вышедших на Тахрир с требованиями ухода правительства «Братьев-мусульман». Отметим, что откуда-то возникло непонятное доверие к декларируемым египтянами (начиная с революции 2011 г.) астрономическим цифрам, хотя ясно, что 7 миллионов человек на Тахрире разместиться в принципе не могут (тем более что заметная часть площади – бли-

А чуть раньше телезрители всего мира наблюдали другой парадокс. Они видели, как ликовал Египет, как были счастливы революционеры, на чьих знаменах было написано: «За демократию!» А ликовали они потому, что путем военного переворота свергнут законно, всенародно и демократически избранный президент.

Все эти парадоксы дают богатую пищу для размышления.

Почему революционеры радовались свержению законно избранного президента? Что это? Какая-то особенность Египта? Нет, это достаточно обычное и вполне закономерное развитие революционных событий. Вот почему один из главных вопросов этой главы – революция и демократия. Всегда ли они неразрывны?

«Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон», – писал знаменитый российский философ Николай Бердяев [1990: 29], выстрадавший эту глубокую идею собственным политическим опытом. Разумеется, Бердяев был ограничен тем историческим опытом, который имелся к началу XX в. Прошлое и нынешнее столетия продемонстрировали, что устойчивость демократических завоеваний революции в огромной степени зависит от того, на какой фазе модернизационного перехода находится общество, от его культурных традиций, внешнего окружения и ряда других обстоятельств [см.: Гринин 2009б; 2010б; 2013е; 2014б; 2014г]. Поэтому в странах, социокультурный и экономический уровень которых высок и которые уже прошли длительный период очарований и разочарований в демократии, а также циклы демократий и авторитаризма, в конце концов достаточно систематически происходят революции (либо реформы революционной глубины), после которых устанавливается вполне стабильный демократический режим. В качестве примера можно вспомнить «революцию гвоздик» 1974 г. в Португалии или «бархатную революцию» 1989 г. в Чехословакии. При этом такого рода успешные революции – «славные», «бархатные», как правило, не кровавые – проходят довольно быстро³. История такого рода политических переворотов начинается со

же к зданиям Арабской лиги и Египетскому музею – к июлю 2013 г. была уже много лет занята каким-то непонятным непреодолимым для людей долгостроем), как не может в принципе уместиться на площади перед Каирским университетом миллион человек, которые якобы выходили туда поддержать «Братьев-мусульман».

³ В известной мере даже революция 1870–1871 гг. во Франции подходит под этот стандарт, если не считать эпизода с Парижской коммуной. В то же время опыт некоторых успешных стран, в частности Южной Кореи и Индонезии (насколько ее можно считать успешной на

Славной революции 1688 г. в Англии, но особенно ими богаты последние десятилетия человеческой истории. Если же общество недостаточно модернизировалось (в том числе и в демографическом плане⁴), в нем много неграмотных, велик процент негородского населения, сильно влияние традиционалистов и т. д., то «закон Бердяева» о смене революции реакцией имеет высокие шансы реализоваться. Через какое-то время идея демократии может вновь внести свой вклад в генерирование нового революционного взрыва. При этом в истории бывали случаи, когда демократия и авторитаризм неоднократно сменяли друг друга. Кроме того, надо иметь в виду, что в подобных обществах перед революцией стоят очень масштабные задачи. Соответственно глубина ее может быть большой, отсюда и высокая сила сопротивления. Недаром сам Бердяев, продолжая свою мысль, писал: «И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг» [Бердяев 1990: 29]. Очень характерным был пример Китая, который после первой в его истории демократической Синхайской революции 1911 г. в скором времени попал под диктатуру Юань Шикая; неоднократно демократические институты пытались восстановить, но в итоге Китай погрузился в пучину анархии и гражданской войны на долгие десятилетия.

Путь к устойчивой, стабильной демократии долгий и сложный⁵. В любом случае для этого нужны соответствующие экономиче-

сегодняшний день), свидетельствует, что на известном этапе модернизации авторитаризм может способствовать ее продвижению. Однако именно в этом случае авторитаризм объективно готовит почву для своего собственного ограничения и последующей политической демократизации [см. подробнее: Прозоровский 2009]. Однако важно отметить, что этап авторитаризма нередко оказывается исключительно важным и необходимым. Недаром некоторые современные исследователи революции особое внимание уделяют стабильности режима [Goldstone 2001].

⁴ Структурно-демографические факторы, систематически генерирующие социальные взрывы в процессе модернизации, подробно рассматривались в наших предыдущих публикациях [Гринин 2009б; 2010б; 2011а; 2012а; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009а; Халтурина, Коротаев 2006е; Коротаев 2008б; Коротаев, Гринин и др. 2010; 2011а; Зинькина, Коротаев 2010; 2012; 2013; Коротаев, Зинькина 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2012б; 2013; 2014; Коротаев и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Исаев 2014б; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Васильев и др. 2014; Khaltourina, Korotayev 2004; Grinin 2012а; Grinin, Korotayev 2012; Korotayev 2014; Korotayev, Zinkina 2011а; 2014; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Turchin, Korotayev 2006; Zinkina, Korotayev 2014а; 2014б; Korotayev, Malkov, Grinin 2014]. См. об этом также в *Главах 1 и 7*.

⁵ Причем как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом. Звучит парадоксально, но в 1990 г. демократические системы существовали примерно в 45,4 % независимых госу-

ский, социальный и культурно-гуманитарный уровни общества. Повторим, что в странах, где много неграмотных, большой процент сельского населения, низкий уровень жизни, либеральная демократия, как правило (из которого, впрочем, известны некоторые важные исключения), не приживается надолго. Модернизация стран (по крайней мере, сколько-нибудь крупных) всегда идет неравномерно. В результате в модернизирующихся государствах формируется достаточно модернизированный центр и слабо модернизированная, склонная к консерватизму периферия/«глубинка», где и обитает большинство населения/«народ» [подробнее об этом см. Главу 6, а также, например: Гринин, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев, Исаев 2015в; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015]. В рамках такого контекста оказывается, что революционеры, которые радеют за народ, систематически разочаровываются в нем, в его консерватизме, в том, что он на каком-то этапе начинает голосовать не так, как хотелось бы либералам/радикалам, что он скорее предпочитает порядок и стабильность, привычные и понятные порядки и формы непонятым политическим и идеологическим лозунгам, нечто материальное – «нематериальным» на первый взгляд свободам. Нужны длительный путь, собственный политический опыт целых поколений, постепенное их раскрепощение, культурно-гуманитарное развитие, чтобы свободы и демократия обрели статус таких ценностей, которые дороги большинству⁶. Важно также учитывать, что устойчивость демократии зависит главным образом не от того, насколько демократична конституция, а от того, насколько политические институты и акторы «притерлись» друг к другу и готовы

дарств мира, то есть речь идет практически о таком же проценте, что и 70 годами ранее, в 1922 г. [см.: Хантингтон 2003: 36], при этом число демократических государств за это время значительно выросло, но столь же значительно выросло и общее число государств. О факторах становления демократических политических систем см. также, например: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев 1995б; Коротаев, Бондаренко 2001; Grinin 2004а; 2004б; Korotayev, Bondarenko 2000; Korotayev 2003.

⁶ То есть сначала нужно в культурно-гуманитарном плане дорасти до такого уровня, чтобы могла совершиться реальная демократическая трансформация, иметь собственную интеллигенцию, определенный уровень заимствований из мировой культуры, политические формы и т. п. Но требуются еще более высокий гуманитарно-культурный уровень и одновременно значительное изменение социальных условий, чтобы демократия прижилась. Кроме того, демократия – это не просто идея, это часть образа жизни, и чтобы она прижилась, ей необходимо стать реально важной частью образа жизни. Но быстро изживая себя в молодых демократиях, она не успевает войти в образ жизни в качестве реально важного элемента. Получается порочный круг, разорвать который удастся иногда только с нескольких попыток, когда сложатся соответствующие социально-экономические условия.

соблюдать правила игры. Выдающийся французский социолог Р. Арон справедливо указывал в своем глубоком исследовании *Демократия и тоталитаризм*, что «устойчивость и эффективность обеспечиваются не конституционными правилами как таковыми, а гармонией этих правил и партийной системы, природой партий, их программами, политическими концепциями» [Арон 1993: 125]. Естественно, что на все это требуется весьма значительное время. Сходные мысли, связанные с высокими требованиями к обществу, его лидерам и бюрократии, высказывал и такой крупный мыслитель, как Й. Шумпетер [1995: 378–385]. Он в частности считал, что для успешной работы демократической системы «человеческий материал политики – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов – должен быть достаточно высокого качества»; необходимо, чтобы бюрократия была высокого качества, обладала сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира (в эти понятия, естественно, не вписывается коррумпированность или nepotизм). Также требуется «демократический самоконтроль» [Там же]⁷. Таким образом, народ (или его большинство) в итоге может неосознанно предать идеалы революции и саму демократию. С другой стороны, бывают ситуации, когда трезвая практичность населения оказывается мудрее высших идеалов и устремлений образованного радикально-революционного большинства. Тогда народ чутьем выбирает такого лидера, который (при всех его недостатках, пороках, эгоизме) в целом ведет страну по среднему, наиболее верному пути (отходя в важных отношениях от прежнего дореволюционного курса, но и не стремясь во что бы то ни стало воплотить лозунги революции). Пример Наполеона III в этом отношении достаточно характерен. Но бывают ситуации (как мы это видим сейчас в некоторых странах Ближнего Востока), когда отказаться от демократических принципов вполне может и революционное меньшинство, рвавшееся к власти как раз под лозунгами установления демократии.

⁷ Эти мысли об уровне бюрократии, необходимом для установления демократии, также подтверждаются фундаментальным исследованием М. Вебера о бюрократии, ее характеристиках, которые, по его словам, не встречались в своей совокупности до начала XX в. нигде, кроме некоторых европейских государств [Weber 1947]. Причем этот тип бюрократии устанавливался в Европе начиная с XVII в., в том числе не в последнюю очередь потому, что в европейских государствах уже были значимые элементы демократии и самоуправления [см.: Гринин 2010ж].

А консервативное большинство может оказаться более приверженным принципам демократии. И ничего удивительного здесь нет. Как мы уже отмечали выше, в процессе модернизации быстрее модернизируется центр, в результате чего «либеральное/революционное» меньшинство в «столицах» оказывается окруженным консервативным, а то и «контрреволюционным» большинством «глубинки». **В этих условиях рост приверженности к демократии у консервативного («реакционного») большинства вполне естественен. Если эти люди представляют собой большинство, то при честном проведении выборов именно они имеют самые большие шансы прийти к власти совершенно демократическим путем. А вот среди революционного («прогрессивного») меньшинства приверженность демократическим идеалам может очень даже поколебаться, ведь для него честные выборы будут, скорее всего, означать поражение.**

Даже в тех обществах, где демократия оказывается урезанной за счет манипуляций «партии власти», значительная часть общества, а нередко и его большинство настроено лояльно к власти (даже если в чем-то и недоволено). И соответственно это большинство настроено консервативно. Поэтому в принципе авторитарные правители в таких обществах могут победить и при честных выборах, но, конечно, не с тем преимуществом, как при сфальсифицированных (80–90 %). Иными словами, теоретически иной раз такие правители могли бы обойтись и без фальсификаций, но здесь уже начинает работать в собственном режиме система «контролируемой демократии», которая вынуждает руководителей на местах продемонстрировать свою лояльность и при которой не очень убедительное большинство на выборах воспринимается уже как вотум недоверия автократическому лидеру.

Возвращаясь к вопросу о соотношении революции и демократии, стоит вспомнить, что гениальный политик В. И. Ленин подчеркивал: «...коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» [Ленин 1969б (1917): 145]. На ранних фазах модернизации революционеры, которые слишком преданы своим первоначальным лозунгам, практически неизбежно проигрывают, потому что эти лозунги при всей своей заманчивости в настоящей ситуации, хотя и воодушевляют массы, несбыточны. Поэтому логика революции заставляет находящихся у власти революционеров

не считаться с демократией или даже «душить» ее (как это было, например, после того, как большевики разогнали Учредительное собрание). В противном случае на место тех, кто слишком предан революционным идеалам, приходят тем или иным путем (чаще недемократическим) другие. Последние менее привержены идеалам демократии, но более – радикализму, углублению социальных насильственных изменений, усилению власти и себя во власти. История Великой французской революции 1789–1794 гг. и далее, вплоть до Наполеона, является классическим примером в этом плане.

П. Сорокин, исследовавший историю и типологию многочисленных революций в Древнем мире (а в полисах Греции и Римской республике напряженная социально-политическая борьба групп граждан между собой за власть и права была едва ли не более постоянным явлением, чем спокойные периоды), указывал, что голод и/или война обычно стоят у истоков революции [Сорокин 1992а; 1992б; 1994]. В. И. Ленин также считал «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» одним из главных признаков революционной ситуации [Ленин 1969а (1917): 218]. Более современные исследования, однако, установили несколько иное: революции обычно предшествует довольно длительный период роста уровня жизни населения [см., например: Davies 1969; применительно к египетской революции см.: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; Гринин, Коротаев 2014а]. Но подобный рост связан с таким же, а обычно и более высоким ростом социального расслоения и неравенства. Это обостряет социальные отношения в обществе, вызывает к жизни идею, что достигнутый уровень жизни у части населения должен стать достоянием большинства. Одновременно с этим в связи с модернизацией общества появляется более или менее многочисленный слой интеллигенции (и студентов как ее ударного отряда), которая претендует – соответственно своему образовательному уровню – на более высокий уровень жизни, но естественно, что почти всегда количество выгодных мест ограничено и распределено.

Особенно важно, что возникает ситуация завышенных ожиданий, когда рост уровня жизни отстает от ожиданий значительной части населения, а рост неравенства вкупе с различными вопиющими нарушениями принятой в обществе справедливости со сто-

роны власть имущих создает горячий материал для недовольства. При этом особо взрывоопасная ситуация создается, когда после периода уверенного роста вдруг случается какая-то пауза, в которой власти соответствующей страны зачастую реально не виноваты. А кому удалось пройти модернизационный переход совсем уж без затруднений? Практически никому⁸. В этом случае ожидания основной массы населения (как, впрочем, и элиты) продолжают по инерции идти вверх, а реальный уровень удовлетворения этих ожиданий снижается (это так называемая «кривая Дэйвиса» [Davies 1969; см. также, например: Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев 2014]). В результате разрыв между ожиданиями и их удовлетворением достигает критического уровня и происходит социальный взрыв. Применительно к Египту это относится не только к Мубарак-у, но едва ли не в большей степени к Мурси. Ведь именно после революции 25 января ожидания жителей египетских столиц (Каира и Александрии) стремительно возрастали, а уровень их удовлетворения не менее стремительно стал обрушиваться. Это породило «разность потенциалов», которая во многом и обусловила падение первого демократически избранного президента Египта. Но та же «разность потенциалов» может оказаться смертельно опасной и для новых египетских режимов.

Каким образом сказанное о разрыве между ожиданиями и их удовлетворением связано с демократией? Прежде всего демократия может стать ключевой идеей оппозиции, тем волшебным ключом, с помощью которого, по ее мнению, можно решить социальные проблемы (естественно, предполагая, что демократия – такая система, при которой к власти обязательно придут правильные лидеры, то есть оппозиционеры). А поскольку у власти находится жесткий режим (принципиально недемократический или узурпировавший демократию), который, естественно, противится быстрому введению демократии, его свержение становится самоцелью. Он олицетворяет все зло в обществе (которое с его падением соответственно исчезнет). За режимом не признается ничего положительного, ценного, прогрессивного (все его реальные достижения счи-

⁸ Подробнее см.: Гринин 2011а; 2013б; Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев 2012а; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012с; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

таются совершенными сами по себе или даже испорченными этим режимом, без которого все достигнутое стало бы намного лучше).

Однако несмотря на недовольство, в той или иной степени охватившее почти все общество, фактически идеи демократии проникают только в определенные его слои, не составляющие не только большинства, но и сколько-нибудь значительного меньшинства. Для большинства населения, ограниченного как своим культурным кругозором, так и сравнительно узкими жизненными проблемами, демократия является пустым звуком (либо чем-то, что кто-либо каким-то образом установит без их реального участия)⁹. Идеологизированное меньшинство может при определенных условиях увлечь равнодушное (к демократии, но не к собственным проблемам) большинство, в этом случае может сложиться революционная ситуация. Но отсюда очень далеко до упрочения демократии.

Здесь уместно рассмотрение вопроса о соотношении революционного меньшинства и большинства в разных ситуациях. Революционное меньшинство сильно своей активностью, напористостью, умением организовать для совместных акций и т. п. Поэтому оно наиболее заметно на политической сцене революции, оно впереди, оно на первых порах как бы представляет все общество. Кроме того, радикалы/либералы искренне убеждены, что они и есть общество, что их лозунги обязательны для общества (действует логика: кто против – враг революции, кто не с нами, тот против нас). И если революции верхушечны, не приводят к всеобщей демократии (так нередко было в XIX в., например, в Латинской Америке или в Испании), то основная часть населения может

⁹ Неявка на выборы в России, даже когда массовая явка могла бы оказать решающее воздействие, – весьма характерный пример. При этом у огромной части населения (особенно у молодой) едва ли не одновременно с появлением возможности участвовать в выборах выработался стойкий идеологический нигилизм – не принимать в них участия. Зачем на них ходить? Какой смысл? Все равно ничего не изменится. Что значит мой голос? Причем, казалось бы, совсем нетрудно сходить и проголосовать. Но возможно, и трудно, поскольку требуется сделать выбор. С другой стороны, в таком нигилизме, вероятно, была очень большая доля правды. Другая часть российского населения ходила и ходит на выборы по привычке, «говорят – надо, значит, надо», но также не для того, чтобы сделать сознательный выбор. В любом случае не подлежит сомнению, что данный нигилизм одной части населения, как и исполнительность другой его части, оказались весьма на руку партии власти и всякого рода политическим проходимцам. Данный пример объясняет, как политическая пассивность или апатия может демократическим образом поддерживать определенные силы у власти. К. Каутский называл такие народные массы, вовлеченные в выборы, «голосующим скотом» [Каутский 1931].

оказаться вне политики. Революцию делает достаточно массовое, но все-таки меньшинство. Отсюда, кстати, возникла одна из важных причин неустойчивости революционных правительств, поскольку массы в целом достаточно равнодушно воспринимали и их свержение. Но если немедленно вводится (как сегодня) всеобщее и честное голосование (то есть без фальсификаций, поскольку формально всеобщее избирательное право сегодня есть почти везде), то соотношение между революционным меньшинством и призванным высказаться большинством (которое тем самым становится по факту демократическим, но без убежденности в ценности демократии) может существенно измениться. Пример Египта это хорошо показал. На фоне митингов и экзальтации казалось, что весь народ реально ждал радикальных перемен в духе западной демократической и либеральной идеологии, но на самом деле основная или очень большая масса народа была привержена иным ценностям. Однако из-за того, что демократическая система правления в определенной ситуации может оказаться фактически выгодной консервативному («реакционному») большинству, эта система становится все более популярной среди него, и наоборот, все более непопулярной – среди рвавшегося к власти под демократическими лозунгами революционного («прогрессивного») меньшинства.

Вне всякого сомнения, активность, организованность, пропаганда и напористость революционеров играют немаловажную роль и на выборах, но все же значительно меньшую, чем в организации митингов и акций. Одними акциями на выборах победить оказывается уже сложно. Поражению революционеров в очень большой степени могут способствовать разногласия между ними (для внешнего наблюдателя не слишком важные, для самих партий – определяющие).

В результате такого поворота, когда демократические выборы, ради которых как будто революция и делалась, дают победу консервативным силам, наступает час истины. Что важнее для революционеров: идеалы демократии (ради которых надо уходить в оппозицию и упорно работать несколько лет, чтобы прийти к власти на следующих выборах) или революция, то есть постоянное ниспровержение и эскалация изменений в обществе? Вопрос решается по-разному различными политическими силами, в разных странах и в разных ситуациях.

Бывают политические силы, которые оказываются неспособными переосмыслить ситуацию и отойти от своих догм. Так, меньшевики в период Гражданской войны оказались неспособными примкнуть ни к белым, ни к большевикам и исчезли как политическая сила. Но очень часто именно революционность, то есть стремление разрушать прежние институты, становится важнейшей (с одной стороны, ради неких принципов революции, которые все более размываются, с другой – чтобы благодаря этому так или иначе быть у власти). Примером могут служить украинские «революционеры» настоящего времени, находящиеся у власти, которые постепенно отказываются от принципов, ради которых все затеялось, но усугубляют уничтожение прежних отношений и представлений. Еще одним вариантом выступают участвовавшие попытки не признавать результаты выборов, если они невыгодны. В последние десятилетия любая неудача радикалов, сменивших правительство (или заставивших его провести свободные выборы), но не сумевших победить на выборах (когда ненавистное правительство реально дает им такую возможность), объясняется фальсификацией выборов. Пример «цветных революций» на постсоветском пространстве, в Сербии и других местах наглядно это подтверждает. Тогда революционеры стремятся к силовому решению вопроса. Логика такова, что главное не уважение к демократии, а свержение противника во что бы то ни стало¹⁰. Логика эта вполне понятна и объяснима. Однако здесь пути революции и демократии расходятся.

Словом, в обществе, где демократические ценности еще не устоялись, получается примерно по принципу: «Мы за демократию, если наш кандидат выиграет на выборах. А если нет, то такая демократия нам не нужна»¹¹. Умение проигрывать, признавая цен-

¹⁰ Революция, как и любая политика, редко делается в белых перчатках – так или иначе имеют место провокации, дезинформация, обман, закулисные соглашения... Нередко провокации предполагают разжигание враждебности к правительству или оппонентам с помощью прямых или косвенных убийств (скажем, в виде стрельбы из толпы – в отношении революций 1848 г. это хорошо описано у С. А. Нефедова [2008]), что вызывает эскалацию насилия, создание боевых дружин и т. п. Все это ведет к тому, что насильственные действия и другие не очень популярные средства становятся нормой. Пример действий оппозиции на Украине (в феврале 2014 г., когда митингующие были расстреляны снайперами при до сих пор не выясненных, но очень подозрительных обстоятельствах) только подтверждает сказанное. Соответственно и нарушение демократии в условиях стремления к победе над противником уже не воспринимается как нечто ужасное. См. также о снайперах-провокаторах у сирийской оппозиции в *Главе 3* (с. 92).

¹¹ Выборы в Карачаево-Черкесии (в 1999 г.) и Южной Осетии (в 2011 г.), когда противники не признавали победу другой стороны, в результате чего возникли политические кризисы, являются весьма показательным примером.

ность правил демократической игры, независимо от того, кто придет к власти, умение ждать новых выборов и упорно работать ради победы на них – это и есть, по сути, показатель готовности общества к демократии.

Поскольку во многих случаях революции происходят в обществах, в той или иной степени не готовых к демократии и находящихся на еще незавершающих фазах модернизации, **пути демократии и революции должны раньше или позже разойтись**. Если они совпадают на относительно ранних стадиях модернизации, то это скорее исключение, чем правило. Да, повторим, мы не забываем про «бархатные революции» в Чехословакии и других странах Восточной Европы, Славную революцию в Англии, «революцию гвоздик» в Португалии и т. п. И очень бы хотелось, чтобы все революции развивались по такому сценарию. Однако на не самых продвинутых стадиях модернизации это почти невозможно, потому что «бархатные революции» – уже венец долгого социального и политического пути.

Рассмотрим подробнее, почему все-таки пути революции и демократии в странах, где демократия не устоялась, должны разойтись. Помимо уже описанных выше (неготовности общества, идеализации демократии и прочего), для этого существует ряд причин.

Во-первых, выясняется, что одной демократии для осуществления целей революции абсолютно недостаточно и одной демократией сыт не будешь. Демократия в идеале мыслится как средство, с помощью которого можно будет заменить плохое правительство хорошим, что автоматически приведет страну к процветанию. В реальности, конечно, этого не может быть. Требуется конкретное и компетентное управление, чтобы решать конкретные дела. Но революционеры, как правило, не умеют их решать. Они либо должны оставить у власти старых функционеров и управленцев, которые так или иначе являются профессионалами, но в этом случае во многом все идет прежним путем с теми же злоупотреблениями; либо заменить их, но тогда получается еще хуже, поскольку революционные преобразования обычно ведут к ухудшению экономического положения (о примере Туниса см. в *Главе 7*, пример Украины вновь довольно ярко это подтвердил).

Во-вторых, поскольку быстрого чуда и всеобщего улучшения не произошло, а революционные акции и массовая раздача обеща-

ний ведут к ухудшению положения в стране, крайне необходимо найти в этом виновного, чтобы «перевести стрелки» народного недовольства. Но до уважения ли к демократии тогда? Будут ли революционеры или радикалы (если у власти стоят умеренные революционеры) спокойно ждать несколько лет, чтобы победить на следующих выборах? Разумеется, нет, революционная эпоха – не то время, когда живут спокойно. Всем нужно что-то быстро, немедленно и бескомпромиссно полно. А радикалы, если будут ждать, потеряют свое влияние, массы рядовых революции задают неудобные вопросы и т. п. В этом случае демократически избранное или переходное (временное) правительство оказывается между молотом и наковальней (то есть между радикалами, недовольными, что ситуация ухудшается, и консерваторами, недовольными переменами и беспорядком).

В-третьих, массы, для которых главное – решение их конкретных и сиюминутных материальных проблем (чем кормить детей и т. п.), начинают разочаровываться в демократии. В целом все больше людей перестают связывать решение острых социальных проблем с абстрактной идеей демократии, а связывают их конкретно с тем, что нужно бороться с врагами революции, президента, партии, ислама, социализма или чего-то еще, с богатыми, бывшими функционерами, олигархами и т. д. и т. п. Это для них понятнее и конкретнее. Таким образом, создаются все условия для радикализации и углубления революции. Но, как мы помним, чем радикальнее революция, тем вероятнее, что она сменится реакцией¹².

Р. Арон [1993: 141] важным условием устойчивости либерального режима считает на необходимость уже на начальном периоде развития конституционного режима ограничивать требования масс.

¹² Реакцию принято воспринимать почти однозначно со знаком минус, только как нечто однозначно негативное (а революция ассоциируется, хотя и не столь однозначно, с чем-то позитивным, в том числе и из предположения, что она ведет к демократии). Однако вряд ли это всегда оправданно. Реакция нередко играет достаточно позитивную роль, становясь на пути эскалации революционных эксцессов, создавая более сбалансированные и жизнеспособные формы. Иногда позитивные аспекты в процессах политической реакции даже более выражены, чем негативные. Так, термидорианскую реакцию 1794 г. можно рассматривать именно как вполне здоровую попытку французской политической элиты прекратить разгул якобинского террора, вызвавшего ожесточенную гражданскую войну во многих провинциях, и перейти к более жизнеспособной социально-политической системе. Можно также увидеть позитивную составляющую в бонапартистской реакции на французскую революцию 1848 г. и т. д.

Далее он пишет: «Рассмотрим ситуацию во Франции в 1848 г. Замена монархии республикой не увеличила ресурсы общества и производительность экономики. Чтобы возросли доходы народных масс, мало назвать режим республиканским или демократическим. Революционные перемены не могли породить надежд и требований. И режим неизбежно стал жертвой разочарований» [Арон 1993: 141]. Однако совершенно понятно, что революционные массы поддерживают революции не ради того, чтобы умерить свои требования и ждать. Им кажется, что они и так слишком долго ждали. Однако поскольку поспешные и неумеренные требования выполнить невозможно, страна в результате может скатиться к экономической катастрофе, а демократический режим может быть свергнут.

В-четвертых, в этих условиях выясняется, что число истинных демократов очень мало по сравнению с теми, кто стремится к власти или иным благам. В модернизирующемся, относительно бедном и пропитанном сверху донизу определенными предрассудками и недостатками обществе не может быть иначе. Н. Г. Чернышевский в романе «Пролог» писал о николаевской России: «...снизу доверху, все сплошь рабы». В неправовом, недемократическом обществе точно так же все действуют нелегитимно, так или иначе нарушают законы (пусть плохие законы, по которым трудно жить, но нарушают, обвиняя в этом всех, кроме себя); все мыслят недемократически, даже те, кто борется за демократию. Лишь горсточка людей способна следовать своим принципам, но они не делают погоды.

В-пятых, в целом у демократии как политической системы, в которой мирятся с поражением и спокойно работают в оппозиции, в условиях революции оказывается крайне узкая социальная база. А для того, чтобы быть у власти, необходима поддержка достаточно широких слоев населения. В итоге принципами демократии начинают жертвовать. Демократия в той или иной форме может сохраниться, но в усеченном и искаженном виде (кого-то начинают лишать права голоса, какие-то партии запрещают как врагов революции, кого-то надо назначать, а не избирать и т. п.), хотя в общественном сознании такая подмена оказывается на какое-то время незаметной.

В-шестых, демократические институты в чистом виде для революции не годятся. Радикальные революционные преобразования довольно часто осуществляются через учредительные или конституционные собрания, парламенты и прочее. Но это хорошо вначале, для наиболее назревших или консенсусных изменений. Революция – это ломка, часто радикальная, крутая и жестокая. И это всегда быстрая ломка. Обычные парламентские процедуры с длительным обсуждением, затягиванием, уважением к правам меньшинства здесь никого не устраивают. Поэтому через собрание, парламент, совет, меджлис могут быть проведены законы или декреты, направленные на радикальные преобразования, но во главе всегда должен стоять некий орган диктатуры (партия, ЦК, исполком, лидер, президент, особый совет и т. п.), который опирается главным образом на революционный источник власти, а потому неподконтролен парламенту. Именно там решаются основные вопросы, которые потом выносятся на утверждение. При этом демократические или псевдодемократические утверждения судьбоносных и закладывающих основы документов или решений очень часто используются для закрепления власти в руках победившей стороны. Именно так поступил Мурси с конституцией. После его свержения в Египте ввели новую конституцию. Вспомним, что едва ли не первое, что сделал временный президент Египта Адли Мансур, было издание указа о принятии новой Конституционной декларации. Документ предполагал созыв Конституционной ассамблеи для подготовки нового основного закона страны и затем проведения референдума, который и состоялся в январе 2014 г. [см., например: Исаев, Коротаев 2014б].

Неудивительно, что диктаторы так любят референдумы, которые закрепляют их власть. *Демократические институты на деле оказываются инструментами закрепления авторитаризма.*

Таким образом, чистая и полномасштабная демократия, которую стремится закрепить революция, на самом деле рано или поздно, но в целом довольно скоро начинает противоречить как истинным целям революции, так и иным политическим (партийным, групповым и личным) целям и условиям.

Демократически избранная власть (или даже переходное про-демократическое правительство) либо свергается, либо оказывается так или иначе, полностью или частично отделена от демократии (то

есть трансформируется в псевдодемократический орган вроде Долгого парламента в Англии)¹³.

Не забудем, что коренным вопросом революции всегда является вопрос о власти, поэтому демократия приемлема только до тех пор, пока она поддерживает власть наиболее сильной группы, партии, социального слоя и т. п.

Полномасштабная и всевластная демократия не подходит для революционных преобразований, в обществе отсутствуют необходимые институты и умение жить по демократическим законам, а революция – это всегда борьба между крупными противоборствующими силами, в которую вовлечены широкие массы людей. По этим причинам как *в ходе революции, так и в послереволюционном режиме полная демократия редуцируется и трансформируется в самой разной степени и самыми разными способами* в зависимости от особенностей общества, исхода политической борьбы и других обстоятельств. Вновь повторим, в обществах, уже прошедших модернизацию, почти готовых к демократии, такая редукция может быть незначительной (вроде запрета избирать на должность бывших коммунистов и т. п.).

Здесь следует учесть, что исторически всеобщая демократия, которая сегодня взята за образец, устанавливалась далеко не сразу, а постепенно, чаще всего как цензовая. Даже в США, глубиной демократии которых так восхищался Алексис де Токвиль [1993], демократия была далеко не полной. Права голоса были лишены индейцы, афроамериканцы, женщины и значительная часть мужчин европейского происхождения (получивших право голоса не сразу, а лишь в ходе правления президента Джексона). К тому же выборы президента были ступенчатыми (и в то время эта ступенчатость была весьма реальной). А в Англии, колыбели демократии, в 1830 г. право голоса имели лишь несколько процентов взрослого населения. Во Франции в 1789 г. часть Генеральных штатов, провозгласивших себя сначала Национальным, а затем Учредительным собранием, приняла много знаменитых документов. Но не надо забывать, что правила выборов в Генеральные штаты были весьма далеки от сегодняшнего представления о демократии. Стоит отме-

¹³ Повторим, мы говорим об обществах на достаточно ранних стадиях модернизации; общества более модернизированные нередко могут сделать послереволюционный режим устойчиво либеральным.

тить, что участие женщин в выборах в странах, подобных Египту (где достаточно велик процент неграмотных именно среди женщин), усиливает возможности консервативных политических сил (что, впрочем, может оказывать и стабилизирующий эффект).

Подобно тому, как эмбрион проходит эволюционные стадии развития своего вида, так и недемократические общества, которые стремятся к демократии, проходят стадии эволюции демократии, связанные с ее ограничениями. Но поскольку сегодня это нельзя закрепить законодательно введением каких-то цензовых ограничений, *во многих случаях демократия ограничивается другими способами, зачастую и нелегитимными. Но в целом в не достигших нужного уровня обществах демократия по указанным выше причинам не может действовать в полном масштабе.*

В ходе революции ограничения бывают связаны с попытками закрепить политические преимущества, а также с революционным или контрреволюционным насилием (оба случая мы наблюдаем в Египте), с действием какого-то мощного идеологического или иного центра (например, Ирана), с введением имущественных или политических цензов, уничтожением или арестами лидеров оппозиционных сил и объявлением политических противников вне закона (как это произошло в Египте после переворота 3 июля 2013 г., когда организацию «Братья-мусульмане» объявили террористической), ограничением свободы слова или объединений, созданием неконституционных репрессивных органов и т. д.¹⁴.

В послереволюционном режиме также действуют ограничения демократии либо она заменяется полной или частичной ее имитацией. В ряде случаев устанавливается какой-либо баланс между авторитарной властью и системой выборов с реальными, хотя и ограниченными, демократическими процедурами. Примером является Исламская Республика Иран, где уже с начала 1980 г. стала формироваться состязательная система выборов президента, хотя кандидатов отбирал Совет наблюдателей республики. В современном мире наиболее распространенными формами ограничения всеобщей демократии (без которой правительства лишь немногих обществ чувствуют себя легитимно) являются в совокупности фаль-

¹⁴ На Украине используются законодательные ограничения, явно противоречащие Конституции и подписанным страной международным документам. Например, в отношении Коммунистической партии.

сификация выборов в разной форме и ограничения политических противников (Белоруссия, Украина), конституционно-правовые ухищрения (Россия демонстрирует замечательные примеры в этом плане). Могут быть и особые случаи: наличие неконституционной или конституционной, но недемократической силы, которая имеет огромный авторитет (Иран). Существуют и иные формы. Наиболее распространенным остается военный переворот либо попытки осуществить очередной революционный переворот (Грузия, Киргизия дают много примеров этого). Вмешательство военных происходит либо в случае, когда демократическое правительство разлагается и деградирует, либо когда страна заходит в политический тупик. Так или иначе происходит коррекция пути, по которому развивается демократия. С другой стороны, и военные обычно не могут бесконечно и даже слишком долго оставаться у власти, не легитимизируя режим, то есть вынуждены вновь отдавать власть гражданским лицам и проводить выборы.

Таким образом, общий политический курс развития модернизирующихся обществ в целом идет вдоль демократического тренда (все более приближаясь к идеалу), однако колебания вдоль него бывают очень сильными и болезненными. И развитие может оставаться незавершенным, продолжая вращаться в круге контролируемой демократии.

В отношении Египта очевидно, что последние президентские выборы, на которых победил Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, прошли в мае 2014 г. в усеченном виде даже в сравнении с прошлыми выборами (которые также были усеченными) [см., например: Васильев, Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2015б]. Однако путь к настоящей демократизации еще очень долгий (необходимо устранить неграмотность и другие проблемы), зато вероятность новой диктатуры в форме контролируемой демократии и военной силы, стоящей за властью, весьма велика, тем более с учетом репрессивной политики военных по отношению к «Братьям-мусульманам» и активной антиправительственной борьбы последних, а также попыток сделать ситуацию более нестабильной со стороны различных террористических сил, в частности ИГ.

Есть еще один важный момент, который объясняет, почему порой демократия не устанавливается в послереволюционном обществе или быстро в нем деградирует. «Демократия – наихудшая

форма правления, за исключением всех остальных», – сказал У. Черчилль. Для обществ, только вступающих на этот путь, особенно важна первая часть фразы. У демократии (как и у свободного рынка, частной собственности) много пороков. Но зрелые демократические общества, помимо всего прочего, нашли те или иные способы их минимизации. Зато в молодых демократиях эти пороки приобретают гротескные формы. И приобретение иммунитета от таких «детских болезней» демократии – дело долгое и болезненное. В итоге общество может получиться уродливым (также как при отсутствии иммунитета к частной собственности и свободному рынку, весьма эгоистичным институтам, если их не ограничивать). Ясно, что введения формальных демократических институтов абсолютно недостаточно, поскольку они, включая многопартийные выборы, часто скрывают и даже легитимизируют «реальное доминирование авторитаризма» [Diamond *et al.* 1995: 8; см. также: Diamond 1999]).

В завершение отметим: переход к демократии от авторитарного режима, условно говоря, может осуществляться тремя главными путями: революционным (снизу и быстро), путем военного или государственного переворота и реформационным (сверху и постепенно). В прежние эпохи путь реформ был почти невозможен, поэтому путь к демократии прокладывался через революции и контрреволюции, хотя уже в XIX в. можно говорить о некоторых относительно успешных примерах реформаторского становления демократии (или хотя бы движения в сторону демократии). Так, в Японии сверху был введен парламент (1889). О. Бисмарк в Германии ввел всеобщее избирательное право для мужчин (1867 г.), хотя сама избирательная система в Пруссии была заложена революцией 1848 г. В Латинской Америке в XIX в. были случаи перехода от военной диктатуры к демократии, но последняя не могла прочно утвердиться почти ни в одной стране этого региона. Зато в XX в. (особенно в последние его десятилетия) мы видим много примеров сознательного демонтажа авторитарной и тоталитарной власти самой военной или иной диктатурой (в Испании, Чили и других странах Латинской Америки, Южной Корее, на Тайване, в Индонезии, СССР, наконец). Некоторые заметные шаги к демократизации сделаны и арабскими монархическими государствами – парадоксальным на первый взгляд образом накануне Арабской

весны большинство арабских монархий оказалось заметно более демократичным, чем большинство арабских республик [см., например: Труевцев 2011].

И такой (нереволуционный) путь перехода к демократии при прочих равных условиях может оказаться более коротким и надежным. Тем более что корреляции между демократией и темпами роста ВВП не установлено, напротив, более быстрый рост ВВП скорее будет в авторитарном обществе, чем в молодой демократии [Полтерович, Попов 2007]. А в условиях необходимости завершения модернизации темпы роста экономики имеют тем более важное значение.

Революция, демократия и контрреволюция в Египте: анализ противоборствующих сил

В июле 2013 г. Египет вошел в зону бифуркации, когда небольшая вариация параметров, включая действия или даже высказывания отдельных людей, могла привести к движению системы по радикально различным траекториям. Одна из возникших возможностей, которая теперь вряд ли сможет реализоваться в скором времени, – возможность очень значительной демократизации исламистов, резкого роста популярности среди них демократических идей.

После июльского переворота стали популярными заявления о том, что этот переворот знаменовал собой закат политического ислама [События в Египте... 2013]. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот. На Ближнем Востоке переворот скорее дал политическому исламу второе дыхание. И при этом не только и не столько умеренному политическому исламу, сколько, к сожалению, именно радикальному.

Наши молодые египетские друзья из числа левых революционеров-либералов называют события после июля 2013 г. в Египте контрреволюцией. И мы вполне согласны с ними, но с одним существенным отличием. Революционерами контрреволюция мыслится как нечто однозначно негативное. Мы же считаем, что нынешняя египетская власть имеет и много позитивных сторон (хотя она и инициировала после 3 июля 2013 г. явное усиление авторитарных и репрессивных тенденций). Да, эти события вполне могут быть названы контрреволюцией, так как в результате к власти вернулся тот самый блок военных, экономических и бюрократических элит, который правил страной до революции 2011 г. Но, как нам уже до-

водилось показывать ранее, он управлял Египтом очень эффективно, обеспечивая в последние перед революцией годы весьма успешное (в особенности на общемировом фоне) экономическое и социальное развитие великой страны [см., например: Гринин 2012а; Гринин, Коротаев 2012б: 251–289; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2012а; Коротаев и др. 2012].

Однако, конечно же, Египет не вернулся сейчас в точности к тому же состоянию, в каком находился до революции. Многие, особенно в сознании людей, изменилось. В результате усиливается радикализация общества. С одной стороны, происходит радикализация движения «Братьев-мусульман» (тем более что у них есть мощная медиаподдержка в виде специального спутникового канала «Ал-Джазиры» «Мубашер Мыср»¹⁵). С другой стороны, контрреволюционная власть военных установила жесткую диктатуру и активно использует средства подавления, на которые не мог решиться Мубарак (из-за позиции Запада). В результате режим пока достаточно стабилен, но опасность его дестабилизации осталась и, возможно, даже усилилась.

Как было показано в *Главе 1*, египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим обстоятельствам.

Во-первых, это произошло благодаря сильнейшему внутри-элитному конфликту. Речь, напомним, шла прежде всего о конфликте между военными («старой гвардией») и экономической элитой («молодой гвардией») – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком.

Вторым обстоятельством, обеспечившим быстрый успех протестующих, было создание неожиданно широкого оппозиционного блока, объединившего во вполне скоординированно действовавший единый фронт левых молодых либеральных революционеро-секуляристов и исламистов.

Наблюдаемая сейчас ситуация прямо противоположна ситуации января 2011 г.

1) Египетская революция заставила местную экономическую элиту пойти на примирение с военными, и в июне 2013 г. они выступили уже единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Мурси [подробнее об этом см.: Исаев, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев, Исаев 2014а; 2015а]; при

¹⁵ <http://mubasher-misr.aljazeera.net/livestream/>.

этом никаких признаков нового раскола между двумя этими группировками элиты пока не наблюдается. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных «себе дороже», что лучше признать их доминирующее положение в правящем блоке, а также неприкосновенность их «экономической империи» (в том числе и путем конституционных изменений). Она осознала, что любые ее серьезные попытки занять лидирующие позиции в правящем блоке могут закончиться тем, что она потеряет несравненно больше, чем может приобрести¹⁶.

2) Революция с последующей контрреволюцией привела к самому глубокому расколу среди январского (2011 г.) оппозиционного макроблока, при этом сразу по многим линиям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок, ведь режим сейчас поддерживает вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-фундаменталистов-салафитов «Хизб ан-Нур» (и целый ряд других видных исламистов; правда, на уровне рядовых членов партии поддержка не столь очевидная, см., в частности, *Приложение 1*). Поддержка секуляристско-военного режима египетскими исламистами-салафитами (то есть теми, кого у нас называют ваххабитами) требует, конечно, отдельного комментария (как и то, что в июле 2013 г. Саудовская Аравия выступила в качестве верного союзника антиисламистского блока, включавшего в себя исключительно широкий спектр сил – либералов, националистов, левых, ультралевых – вплоть до троцкистов [Abdel Kouddous 2013; Baer 2013; Nasr 2013; al-Alawi, Schwartz 2013; al-Rasheed 2013]). Основным фактором здесь, конечно, служит то обстоятельство, что главным спонсором «Хизб ан-Нур» выступает Саудовская Аравия [Daou 2012; Lavizzari 2013]. А вот для Саудовской Аравии «Братья-мусульмане» представляют самую реальную угрозу. Вспомним, что в 1937 г. у нас провозгласить себя славянофилом было едва ли не менее рискованным, чем троцкистом (притом что для «внешнего мира» разница между сталинистами и троцкистами выглядит мало-

¹⁶ Потенциальный раскол в нынешнем правящем блоке скорее может быть связан с тем, что в него вошло и некоторое количество левых секуляристов (вспомним того же Хамдина Сабха и его Египетское народное движение [*ат-Таййар аш-ша бийй ал-мисрийй*]), а вот продолжение сотрудничества этой части правящего блока как с военной, так и (в особенности) с экономической элитой гарантировать несравненно сложнее – скорее можно ожидать, что между левыми и правыми секуляристами все-таки рано или поздно произойдет окончательный раскол.

существенной, а вот между славянофилами и марксистами – очень даже фундаментальной). Так и для саудитов троцкисты являются какой-то малореальной экзотикой; а вот «Братья-мусульмане» для них практически то же, что троцкисты для Сталина, это именно те левые мусульмане, которые ставят под сомнение легитимность их режима и предпринимают реальные усилия по его свержению [Baer 2013; Nasr 2013; al-Alawi, Schwartz 2013; al-Rasheed 2013]. И в такого рода контексте уже совершенно понятна готовность Саудовской Аравии (плюс имеющих сходные проблемы ОАЭ и Кувейта) блокироваться с кем угодно (включая антиисламистски настроенных либералов и коммунистов, не говоря уже о египетских военных и экономических элитах), чтобы ослабить «в его логове» того противника, который реально угрожает самому существованию аравийских монархических режимов (за исключением катарской монархии, которая продолжает поддерживать «Братьев-мусульман»¹⁷). С другой стороны, египетским «ваххабитам» удаление «Братьев-мусульман» с легальной политической арены по-своему выгодно объективно (вне всякой связи с саудовскими интересами), поскольку позволяет значительно усилить свои позиции и (в том числе потенциально) еще больше расширить свое представительство в египетском парламенте в качестве теперь уже главной легальной исламистской партии страны.

Расколотым оказался и секуляристский леволиберальный блок, большинство членов которого оказались столь напуганными годом правления «Братьев-мусульман», что продолжают поддерживать режим. Однако и остающиеся оппозиционными силы глубоко расколоты (см. *Приложение 1*), ведь выступающая против режима левая либерально-революционная молодежь решительно отказывается от какой-либо идеи нового блока с «Братьями-мусульманами» – достаточно сказать, что один из их главных лозунгов – *Йаскут, йаскут илли хан, ин кана `аскар ау ихван* – переводится как «Долой, долой всех тех, кто изменил – будь то военные или “Братья-мусульмане”!» Мы полагаем, что новые революционные парадоксы в Египте не заставят себя ждать.

¹⁷ В результате между странами Залива и Катаром возникла напряженность вплоть до отзыва послов [см., например: Гафуров 2014].

Часть вторая. ПАРАДОКСЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Глава 3. Сирийский тупик

После падения режимов Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте в начале 2011 г., а также начавшейся ликвидации Ливийской Джамахирии вместе с ее руководителем Муаммаром Каддафи Арабская весна продолжала свое шествие по Арабскому миру. Но ее результаты в разных странах были различными. Так, социально-политические потрясения Ираке, Иордании, а также в Бахрейне не привели к крушению их режимов. При этом в этих трех государствах антиправительственные выступления вообще постепенно угасли (в Бахрейне, правда, это было обеспечено бронетехникой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). Зато в Сирии и Йемене конфликты приняли затяжной характер, причем в Сирии режим пока еще устоял, а в Йемене в конце концов все-таки пал (о Йемене см. следующую главу).

Причины сирийского кризиса и его специфика¹

Имелись различные причины возникновения кризиса в сирийском обществе в 2011 г., часть из которых мы указывали в *Главе 1*: слишком долгое нахождение у власти Б. ал-Асада (с учетом фактической передачи ему этой власти от отца), коррупция, несправедливость, рост численности образованной молодежи, ухудшение социально-экономического положения и многое другое. Но ряд важных причин лежал уже в самой демографической структуре населения Сирии и сложившейся системе распределения ресурсов и благ. Общее население Сирии на 2011 г. составляло приблизительно 22 млн чел [World Bank 2014; 2015]. Среди этнических групп арабы составляют несколько менее 90 %, курды – около 10 %, остальное приходится на туркоманов, армян, выходцев с Северного Кавказа («черкесов»), айсоров и др.; среди конфессиональных групп мусульмане составляют 87 %², из которых подавляющее

¹ О причинах сирийского кризиса и некоторых подробностях внутрисирийского конфликта см. также в *Главе 5*.

² Если, конечно, рассматривать алавизм как направление шиизма, а не как самостоятельную религию, выделившуюся из ислама [см., например: Friedman 2010].

число – сунниты (более 70 %), а иные мусульманские и околумусульманские конфессии – порядка 14–15 %, среди которых преобладают алавиты и в очень незначительной доле присутствуют близкие к ним в современных сирийских условиях шииты-двунадесятники и исмаилиты; христианские конфессии, среди которых преобладают православные и яковиты, составляют порядка 10 %, присутствуют также друзы – около 3 % [World Bank 2014; 2015].

При линейном взгляде на эту статистику не вызывает сомнения доминирующее положение арабов-суннитов в этноконфессиональной картине страны, но при этом господствующее положение в политике, экономике и военной структуре занимает немногочисленная группа арабов-алавитов. Отсюда напрашивается вполне логичный вывод о том, что протестное движение неминуемо должны возглавить арабы-сунниты как представители этноконфессионального большинства, что, собственно, и произошло уже на первых этапах развития политического процесса в 2011 г. Но затем на ситуацию повлияли и другие факторы, в том числе курдский.

Сложная обстановка в Сирии была не в последнюю очередь обусловлена мощнейшей информационной кампанией против руководства этой страны, запущенной странами Запада и аравийской шестеркой в масштабах, ничуть не уступающих прежнему информационному давлению на Ливию. При этом в ход шли дезинформация и прямая подтасовка фактов в огромных масштабах, запугивание, истерия и т. п. [см.: Al Qallab 2014; Jego 2013; Деде 2012]. Режим Башара ал-Асада, и без того нелюбимый монархами Персидского залива (подтверждением этому стал саммит Лиги арабских государств, прошедший в марте 2008 г. в Дамаске и бойкотированный едва ли не половиной стран-членов), после широко освещаемых событий 2011 г. приобрел еще больше противников. В их ряды влились исламистские силы, выигравшие первые после Арабской весны парламентские выборы в Тунисе и Египте³, а также ливийский Национальный переходный совет, на который оказывали давление настроенные против Сирии местные исламисты и западные спонсоры ливийских революционеров.

Основной упор противники президента ал-Асада делали на традиционные сирийские проблемы, серьезно усугубившиеся в последние годы. Речь идет об увеличении (по некоторым оценкам до 15 %)

³ Позиция официального Каира заметно изменилась после «антиисламистского» переворота 2013 г. и прихода к власти военных во главе с Абд ал-Фаттахом ас-Сиси.

курдского меньшинства за счет наплыва беженцев из Турции и Ирака, о политическом «пробуждении» секты друзов на юге страны и о растущей враждебности Турции, пытающейся заменить иранское влияние в Дамаске собственным. Кроме того, к началу XXI в. в этой стране заявили о себе и новые глубинные факторы, также подталкивающие сирийское общество к кардинальным переменам.

Оставаясь на протяжении десятилетий союзником Советского Союза, Сирия представляла собой социально ориентированное государство, перенимавшее советскую модель экономического планирования. Накопление финансовых ресурсов шло в основном за счет внешних факторов: экономическая и военная поддержка со стороны СССР и арабская нефтяная поддержка в рамках так называемой «арабской солидарности», только с 1975 по 1980 г. обеспечившей стране поступление 4 млрд долларов, стимулировали нормальный экономический рост. Правда, уровень внутреннего накопления составлял тогда лишь 12 % при норме в 25 % [World Bank 2012], а эндемическая коррупция не позволяла большей части «внешних денег» работать на сирийскую экономику [Transparency International 2013].

В те годы у сирийцев сформировалась прочная зависимость от иностранного капитала, из-за которой после падения цен на нефть, повлекшего за собой сокращение финансовой помощи в рамках «арабской солидарности», и распада СССР страна оказалась неподготовленной к самостоятельной перенастройке экономической модели. Бывший президент Сирии Хафез ал-Асад постоянно искал новые внешние ресурсы, способные обеспечить экономический рост, но его усилия не приносили ощутимых результатов. С приходом к власти в 2000 г. молодого президента Башара ал-Асада поиски новой стратегии стали более интенсивными. Новая экономическая политика предусматривала, в частности, снижение государственной роли в регулировании экономики, внедрение рыночных начал, отказ от многих социальных обязательств государства. В рамках такого курса были постепенно отменены государственные дотации на хлеб, рис, зерно и прочие продукты питания. Социальная ситуация особенно резко ухудшилась после отмены в начале 2000-х гг. дотаций на мазут: его резкое подорожание привело к 4%-ному падению промышленного производства и ощутимому снижению уровня жизни большинства сирийцев.

О том, что в отличие от других стран Арабской весны в Сирии перед началом волнений могло наблюдаться реальное снижение

уровня жизни значительных слоев населения, свидетельствует следующее обстоятельство: несмотря на быстрые темпы роста ВВП, наблюдавшиеся в стране (как, впрочем, и во всех остальных арабских государствах) в 2000-е гг., Сирия была единственной страной Арабской весны, где в преддверии ее начала наблюдалось снижение средней ожидаемой продолжительности жизни населения (во всех остальных этих странах в те же годы фиксировался ее неуклонный рост) (см. Рис. 3.1; см. также *Главу 1*).

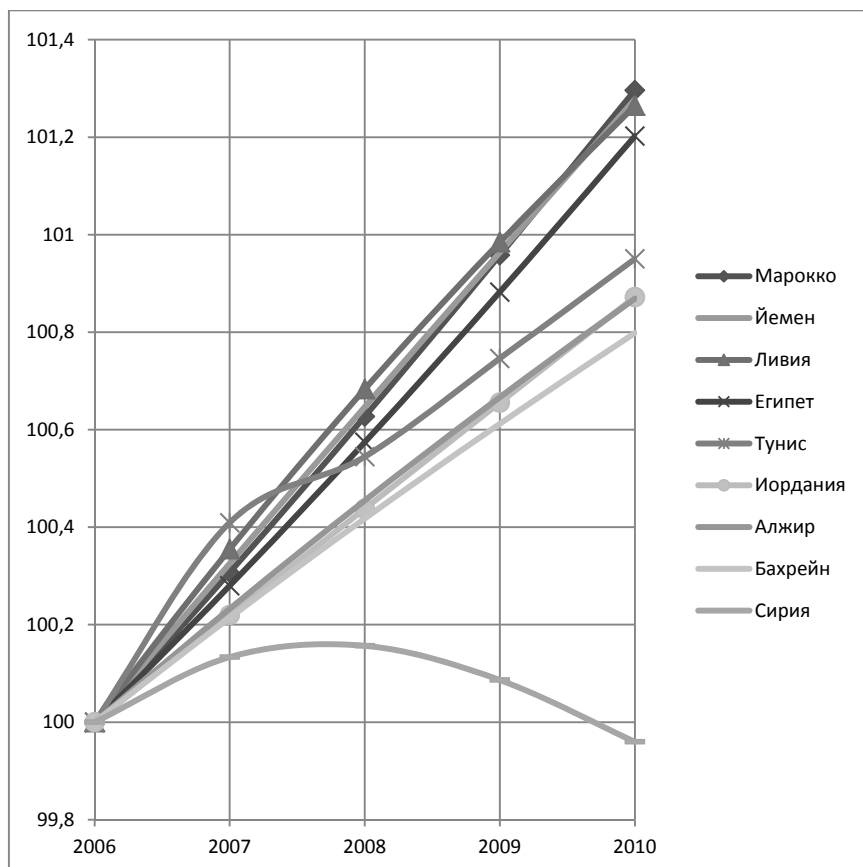

Рис. 3.1. Относительная динамика ожидаемой продолжительности жизни в странах Арабской весны в годы, предшествовавшие ее началу (уровень 2006 г. = 100)

Источник данных: World Bank 2015.

Все более очевидным становился факт несоответствия старой политической системы новым экономическим реалиям.

Правящий режим Сирии и его опора. Это прежде всего семья ал-Асада и правящая партия «Баас», заинтересованная в сохранении статус-кво и недопущении иностранной интервенции. Как уже было отмечено выше, значительную часть руководства страны к моменту возникновения социально-политической напряженности составляли алавиты, их влияние во многом способствовало тому, что в целом вооруженные силы Сирии сохраняли верность режиму. Несмотря на то, что сведений об этноконфессиональном составе регулярной сирийской армии на сегодняшний день не так уж много, исторически алавиты занимали довольно весомые позиции в вооруженных силах – во всяком случае, со времен обретения страной независимости. К 1955 г. более половины рекрутируемых сержантов были алавитами. В отличие от них более обеспеченные сунниты были в меньшей степени предрасположены к военной службе и политике корпоратизма баасистов [Batatu 1999]. К концу XX в. алавиты составляли уже более 60 % офицерского корпуса регулярной сирийской армии. В настоящее время основная часть призывной силы формируется из суннитов, однако алавиты, как уже упоминалось, продолжают доминировать в офицерском составе и занимать ключевые посты [Syria... 2012].

Стоит иметь в виду, что, несмотря на многочисленные проблемы в системе управления страной, режиму Б. ал-Асада удалось установить определенный баланс между различными группами населения, в первую очередь этническими и религиозными; это в условиях поликонфессиональности и полиэтничности страны, а также с учетом непростой миграционной ситуации представляется одним из важных внутривнутриполитических достижений.

Однако, как мы видели выше, проблем накопилось предостаточно, и оппозиция воспользовалась удобным случаем.

Режим Б. ал-Асада, как и режим его отца, исторически опирался на силовые структуры. Эта зависимость в самый ответственный момент не позволила сирийской элите понять, что в периоды острых фаз социально-политической напряженности управление обществом с позиции силы может стать неэффективным. К неприятностям нужно было готовиться, тем более что за несколько лет до нынешнего кризиса предвестниками серьезных испытаний для

сирийского режима уже стали неудавшийся государственный переворот, который в 2005 г. возглавил вице-президент Абдель Халим Хаддам, и развернувшееся в августе 2006 г. противостояние между Израилем и поддерживаемой сирийцами ливанской организацией «Хезболла». Ухудшение социально-экономического положения, усугубляемое тотальной коррупцией, постоянно подогревало напряженность в обществе, которая к началу 2011 г. достигла апогея. Для социального взрыва достаточно было одной искры, и ею стали известия о событиях в Египте.

Антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., то есть на следующий день после первых масштабных протестов на площади ат-Тахрир в Египте, причем начались они точно так же, как в Тунисе, Египте и Йемене, – с акта самосожжения (применительно к Сирии речь идет о самосожжении жителя провинциального города Ал-Хасаки [Шишкина 2012]). Однако антиправительственные выступления вплоть до середины марта, хотя и происходили в целом ряде городов, включая столицу, не носили массового характера. В середине же марта они уже приобрели таковой.

Режим ал-Асада допустил серьезную ошибку, слишком решительно прибегнув к силовому подавлению мятежа. Из антиправительственных выступлений в Арабском мире в 2011 г., а особенно из опыта Туниса и Египта, сирийскому правительству следовало бы извлечь важный урок: применение силы не вовремя способно производить эффект, обратный ожидаемому. Ограничив силовые акции лишь через три месяца после начала выступлений, власти потеряли много времени и обрекли себя на затяжной выход из кризиса. К этому моменту сирийский спецназ уже воспринимался людьми как злейший враг мирного населения. Дискредитировав себя, специальные службы Сирии оказались в уязвимом положении, которым не преминули весьма цинично воспользоваться оппозиционеры, применив старый метод – провокационное убийство собственных сторонников⁴. Так, по заявлению секретаря Национального комитета объединения сирийских коммунистов Кадри Джа-

⁴ Такой метод возбуждения ненависти к правительству с удивительной схожестью даже в деталях применялся в самых разных странах, регионах и периодах: от Литвы в 1991 г. до Киева в 2014 г. [см.: Исаев, Шишкина 2014б]. И это не может не наводить на мысль о том, что режиссеры данных революционных спектаклей учились в одной школе.

мия, являющегося одним из представителей внутрисирийской оппозиции, на стороне противников режима работали специальные команды снайперов, стрелявших по своим – участникам антиправительственных демонстраций. Работа такого стрелка всегда снималась его напарником-оператором, а видеозапись убийства незамедлительно выкладывалась в Интернет с комментарием, приписывающим его силам правопорядка. Кстати, на этот факт обращали внимание не только зарубежные СМИ, но и некоторые сирийские оппозиционеры [см.: Боровикова 2012].

Тем не менее сирийский режим оказался достаточно прочным, несмотря на все давление изнутри и снаружи.

Какое-то время одним из факторов его прочности служило отсутствие на территории страны ярко выраженного оппозиционного района. Бенгази и Адждабия были портовыми городами, куда напрямую могли заходить корабли союзников Переходного национального совета (ПНС) Ливии, кроме того, приграничный Египет, находящийся в состоянии послереволюционной неразберихи, выразил полную поддержку повстанцам из Киренаики. В случае с Сирией ее соседи Ливан и Ирак, с которыми граничит провинция Хомс, на сегодняшний день поддерживают режим ал-Асада, что затрудняет открытую поставку вооружения. А Дераа, будучи небольшим провинциальным городом с населением в 60 тыс. человек, попросту неспособен стать центром сопротивления подобно Бенгази, второй столице Ливии. Радикально настроенная оппозиция, находящаяся за пределами Сирии, преимущественно в Стамбуле, пыталась влиять на ситуацию извне, посылая своих боевиков. Однако долгое время шансы раскачать столь монолитный режим, как сирийский, были не слишком высоки, особенно если принять во внимание мощь сирийской армии, по праву считающейся одной из самых сильных в Арабском мире.

Также отметим, что с начала антиправительственных выступлений в марте 2011 г. сирийская элита сохраняла монолитность и целостность. Не нашлось ни одного сирийского дипломата, который предал бы руководство страны. В рядах сирийской армии не наблюдалось случаев массового дезертирства. Даже внутренняя сирийская оппозиция продолжает настаивать на разрешении социально-политических противоречий исключительно путем переговоров и реформ.

Следует также учитывать, что большинство населения Сирии в течение долгого периода продолжало поддерживать президента и его партию, особенно после отмены чрезвычайного положения и упразднения цензуры прессы, а также обещаний отказаться от руководящей роли партии «Баас» и провести свободные выборы.

Примечательно, что в целом сирийская молодежь, особенно в университетской среде, была настроена проправительственно и принимала активное участие в демонстрациях в поддержку режима Башара ал-Асада. Вполне вероятно, что важную роль в этом случае сыграл выступающий против революционных настроений Национальный союз сирийских студентов (*ал-Иттихад ал-уатани ли-м-талаба ас-сурийин*) – весьма масштабная организация, обладающая значительными ресурсами и пользующаяся авторитетом среди студентов. Кроме того, по заявлениям руководителей наиболее крупных университетов – Дамасского, Алеппского, Тишринского и других, – около 95 % их профессорско-преподавательского состава были так или иначе связаны с правящей партией «Баас».

Основные силы сирийского конфликта

Правящий режим как актор сирийского конфликта уже был рассмотрен нами выше. Изучение других основных акторов в сирийском противостоянии начнем с позиции курдского населения, которая многое объясняет в ситуации внутри Сирии и политике ее соседей, особенно Турции, а далее рассмотрим так называемую оппозицию, внешних противников и внешних союзников.

Курды. Ситуация с курдским меньшинством неоднозначна. Его численность в Сирии, как уже отмечалось выше, сильно выросла в последние годы (о курдском факторе и его влиянии на позицию Турции в сирийском конфликте см. также в *Главе 5*). По сравнению с прочими этническими и конфессиональными группами курды не слишком активно участвовали в народных выступлениях. Это объясняется тем, что сирийская оппозиция поддерживается Турцией. Опасаясь кардинальной смены руководства страны и установления опекаемой турками диктатуры, сирийские курды предпочитают мириться с нынешним положением вещей, воздерживаясь от масштабных проявлений недовольства. Кроме того, они почти не представлены в Национальном собрании Сирии. По словам лидера сирийско-курдской партии «Йекиги» (Демократический

союз) Хасана Салеха, в районах компактного проживания курды подвергаются меньшим гонениям, чем в арабских областях, однако их активистов время от времени арестовывают [Erlich 2011]. Одним из объяснений этого обстоятельства может послужить тот факт, что курды, до прихода волны беженцев составлявшие в районе 8–10 % от почти 23-миллионного населения Сирии, расселены в основном в северо-восточной части страны, которая стратегически важна для сирийского правительства: именно здесь локализованы и без того ограниченные запасы нефти.

Национальное движение курдских партий Сирии, состоящее из двенадцати партий, проигнорировало саммит сирийской оппозиции, состоявшийся в турецкой Анталии в конце мая 2011 г. Оно аргументировало это тем, что любая подобная встреча лишь повредит курдскому населению Сирии, поскольку Турция жестко и систематически подавляет любые политические и социальные устремления курдов. Представитель курдской партии левых Салех Кадо утверждал, что курды, проживающие в Сирии, категорически не доверяют Турции и проводимой ею политике, что и стало причиной бойкота саммита [Shikhani 2011].

Кроме того, с самого начала сирийского кризиса Башар ал-Асад взял курс на сближение с курдами. В частности, уже в апреле 2011 г. был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции Ал-Хасака. Тем самым курдам был дан важный сигнал о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения их прав в направлении автономии (о курдском факторе см. также *Главу 5*). После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом. Подтверждением этому стала августовская встреча оппозиции 2011 г. в Стамбуле (завершившаяся созданием Сирийского национального совета), в которой приняли участие только две курдские партии.

Внутренние противники режима Асада. Это внутрисирийская оппозиция⁵, требующая проведения социально-политических

⁵ Принято делить оппозицию в Сирии на системную и внесистемную, или патриотическую и непатриотическую. К первой группе следует относить внутрисирийские организации, выступающие за разрешение ситуации в стране путем переговоров, без вмешательства извне (например, Коммунистическую партию Сирии), в то время как ко второй

реформ, внесения поправок в конституцию, освобождения политических заключенных и др. (более подробную информацию о сирийской оппозиции см. в *Главе 5*). Условным ядром внутрисирийской оппозиции является Координационный совет за демократические перемены (*Хай'ат ат-тансик ал-уатаниййа ли-т-тагйир ад-димукратийй*), пропагандирующий мирные протесты как единственно возможный инструмент свержения действующего режима и отрицающий любую возможность иностранного вмешательства в дела Сирии [Foreign Policy 2011]. Принципиальность Координационного совета в этих вопросах не позволила ему установить диалог с так называемой внесистемной оппозицией в лице Сирийского национального совета (*ал-Маджлис ал-уатанийй ас-сурийй*) и Свободной сирийской армии, которые позитивно оценивали перспективы введения бесполетной зоны над Сирией и т. д.

Характерной чертой внутренней оппозиции в Сирии является ее крайняя неоднородность и отсутствие бесспорных лидеров, способных четко артикулировать требования противников режима, отстаивать их интересы и соответственно вести продуктивный диалог с представителями режима. К слову, в начале мая 2011 г. власти страны решили начать переговоры с оппозиционерами, поиском переговорщиков среди манифестантов занялся советник президента Башара ал-Асада Бусейна Шаабан, однако эти попытки не увенчались успехом. Впрочем, разобщенность и отсутствие единого центра иногда способствовали успеху оппозиционных сил, позволяя им оставаться мобильным и практически неуязвимым движением.

Зарубежная оппозиция стремилась к отставке президента, роспуску кабинета министров, принятию новой конституции, созданию Национального переходного правительства. Наиболее заметной составляющей внешней оппозиции в Сирии стала так называемая Свободная сирийская армия – организация со штаб-квартирой в Турции, принимающая в свои ряды дезертировавших военных [White 2011] и пользующаяся поддержкой со стороны «Братьев-мусульман». Свободная сирийская армия устраивала нападения на армейские подразделения, полицейские посты и т. д., что дает основания характеризовать ее как сеть вооруженных группировок с террористическим уклоном.

принадлежат структуры, настаивающие на поддержке со стороны внешних сил, к числу которых относятся Свободная сирийская армия и Совет национального спасения.

17 июля 2011 г. в Турции был сформирован оппозиционный Национальный совет Сирии, первое собрание которого состоялось в Стамбуле. В Совет вошли представители исламистских и либеральных движений, а также независимые кандидаты – в общей сложности 25 человек. Национальный совет Сирии получил признание со стороны Франции, Испании и Ливии: так, в ноябре 2011 г. министр иностранных дел Франции Ален Жюппе заявил, что данная организация является легитимным партнером по переговорам [Rettman 2011], а члены Переходного совета Ливии признали его в качестве единственного законного правительства Сирии [New Libyan... 2011].

Исламисты. Одним из наиболее влиятельных компонентов сирийской оппозиции с самого начала кризиса являлись исламисты. В середине 2012 г. появился первый неожиданный фактор в характере сирийского конфликта, который вскоре поставил под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боевых столкновениях оказалась вовсе не Свободная сирийская армия (ССА), а никому дотоле неизвестная организация «Джабхат ан-Нусра». Силы ее стали стремительно нарастать, к ней присоединились около десятка других организаций исламистской направленности, которые до этого действовали под эгидой ССА. Поэтому к концу 2012 г., на который было намечено создание единой политической силы сирийской оппозиции, поддерживаемой арабскими и западными странами с военной опорой на ССА внутри Сирии, последняя уже утратила роль ведущей силы, а на ее место выдвинулась «Джабхат ан-Нусра».

Внешние противники режима ал-Асада. Таковыми являются США и страны «Аравийской шестерки» (а также Турция и Израиль), выдвигающие требования отставки президента, роспуска кабинета министров и ориентированные на вытеснение влияния России из региона, возможность влиять на Иран, на падение алавитского режима ал-Асадов и т. д.

Одним из важных событий середины лета 2011 г., ярко демонстрирующих позицию Соединенных Штатов относительно Сирии, стала атака манифестантов, поддерживающих режим Башара ал-Асада, на американское и французское посольства в Дамаске. Конфликт привел к тому, что посольство США в Сирии было закрыто, а посол Роберт Форд покинул страну [Sharp 2012]. Недовольство

проправительственно настроенных демонстрантов было вызвано тем, что Франция и США официально поддерживали сирийскую оппозицию, неоднократно посещали охваченные волнениями города, проводили встречи с оппозиционерами и, по некоторым сведениям, снабжали их оружием и средствами спутниковой связи [Protesters... 2011]. Руководство этих стран призывало к введению самых жестких мер в отношении режима Башара ал-Асада, а президент США Барак Обама выразил восхищение мужеством оппозиционных демонстрантов [Эксперт Online 2011].

Весьма показательным является и поведение представителей Соединенных Штатов во время обсуждения резолюций ООН по Сирии 5 октября 2011 г. и 4 февраля 2012 г. после наложения на них вето Россией и Китаем. Так, официальным ответом государственного секретаря Соединенных Штатов Хиллари Клинтон на окончательное решение Совета Безопасности ООН было следующее: «Страны, продолжающие поставлять режиму Башара ал-Асада оружие, из которого стреляют по невинным мужчинам, женщинам и детям, должны крепко задуматься о том, что они делают. Эти страны заняли неверную сторону с точки зрения истории. В этом споре они защищают совсем не тех, кого следовало бы» [Клинтон: Россия... 2011].

Ситуация еще больше осложнилась после того, как 21 августа 2013 г. в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска [Benkorich 2013; Shachtman 2013; Nuriyeva 2013]. Страны Запада возложили всю ответственность за происходящее на сирийский режим. Президент США Барак Обама 30 августа заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. При этом следует упомянуть, что турецкий премьер-министр Р. Эрдоган призвал США не ограничиваться только воздушным ударом, а организовать военное наступление. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Средиземном море. Готовность поддержать США в случае военной операции выразила также Франция (правда, Германия и Великобритания от такой поддержки воздержались).

Таким образом, возникла реальная опасность интернационализации конфликта по сценарию, близкому к ливийскому, или даже с угрозой более непосредственного и интенсивного участия в нем США и некоторых их союзников.

Однако эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. В. Путиным и Б. Обамой во время саммита G-20 в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации химического оружия.

Несмотря на то, что в большинстве арабских стран изначально преобладали антиасадовские настроения, все же позиция Лиги арабских государств была далека от единодушия. С одной стороны, Совет по экономическим и социальным вопросам Лиги арабских государств еще в ноябре 2011 г. разработал пакет санкций, в соответствии с которыми предусматривалось замораживание финансовых операций с Центральным банком Сирии и вводились некоторые ограничения на въезд высокопоставленных сирийских чиновников в другие арабские страны. Министры иностранных дел ЛАГ также приняли решение о приостановлении членства Сирии в заседаниях Совета Лиги [Syria forms... 2012]. Однако к концу 2011 г. среди членов Лиги возникли первые разногласия. Так, уже спустя две недели после начала работы наблюдателей от ЛАГ в Сирии в декабре 2011 г. от арабских дипломатов начали поступать противоречивые сведения о положении дел в стране. Более того, среди наблюдателей, по сути, произошел раскол. В то время как одни характеризовали местную ситуацию как полноценную гражданскую войну, требующую срочного вмешательства мирового сообщества, другие перестали демонизировать сирийский режим, заявляя о необходимости переговоров с сирийским президентом и возлагая ответственность за жертвы среди мирного населения и на правительственные войска, и на солдат Свободной сирийской армии.

Союзники режима среди арабов. Вообще стоит отметить, что с начала Арабской весны режим ал-Асада пользовался поддержкой четырех арабских стран: Ливана, Ирака, Палестины и Алжира, причем позиция каждой из них имела серьезные основания. Ирак и Ливан, например, хотели предотвратить вспышку гражданской войны у собственных границ. Особенно актуально это для Ливана, который традиционно ощущает высокую степень зависимости от Сирии. Между тем дальнейшее разрастание гражданской войны вследствие падения сирийского режима кажется вполне вероятным, поскольку сирийское общество крайне разнообразно и разобщено.

Если режим все-таки падет, отдельные религиозные и этнические группы будут стремиться или к независимости (как курды), или к узурпации власти в стране, и в этом случае конфликт обязательно перекинется на Ливан, где поддерживающая ал-Асада шиитская «Хезболла» сразу подвергнется атаке со всех направлений: со стороны Израиля, христиан-маронитов и мусульман-суннитов.

Палестина также видит в ал-Асаде последовательного врага Израиля и борца за независимость палестинских территорий. Действительно, борьба за провозглашение Палестинского государства всегда оставалась одним из ключевых пунктов внешней политики Сирии. Со своей стороны Алжир поддерживает Сирию прежде всего потому, что его лидер Абдель Азиз Бутефлика изначально занял весьма консервативную позицию в отношении событий Арабской весны, критикуя ее деструктивный потенциал. Однако давление со стороны монархий Персидского залива влияло и на его позицию: несколько раз Алжир воздерживался при голосовании по Сирии в рамках Совета ЛАГ.

Кроме того, позиция Египта и Йемена в отношении сирийского конфликта переменилась после революций 30 июня 2013 г. и 21 сентября 2014 г. соответственно. В стране пирамид к власти вновь пришли военные во главе с Абд ал-Фаттахом ас-Сиси, заинтересованные в урегулировании сирийского конфликта и настроенные на выстраивание дружественных отношений с Россией. В Южной Аравии на первые роли стали выходить хуситы, ориентированные прежде всего на Иран и Российскую Федерацию, что предопределило и их позицию в отношении принципиального для Москвы и Тегерана ближневосточного вопроса. Но в связи с дальнейшей эскалацией конфликта в Йемене (см. *Главу 4*) сегодня о поддержке Асада можно говорить только в отношении властей в Санае.

Другие союзники. Это прежде всего Россия, стремящаяся к сохранению за Башаром ал-Асадом поста президента, недопущению иностранного вторжения, упрочению своих позиций в регионе и т. д. Ключевым моментом в развитии сирийских событий 2011–2012 гг. стало вето, наложенное Российской Федерацией на резолюции Совета Безопасности ООН в отношении Сирии с целью исключить вероятность вооруженного вторжения в эту страну и повторение ливийского сценария. 7 февраля 2012 г. состоялась встреча мини-

стра иностранных дел России С. Лаврова и президента Сирии Б. ал-Асада, в ходе которой последний пообещал провести комплекс реформ в стране (о позиции России в это время и в 2013 г. см., например: МИД РФ... 2013; Behind Russia's Syria 2013; Жуков 2013). Во время этой же встречи было заключено соглашение о размещении на территории Сирии российских антирадаров, направленных против американской системы противоракетной обороны [Исаев 2012б].

Стратегический интерес России в стабилизации сирийского кризиса обуславливается тем, что Сирия является одним из немногих союзников РФ на Ближнем Востоке. Кроме того, поддержка сирийского народа, с которым у России сложились давние и тесные связи, выглядела весьма грамотным шагом накануне президентских выборов в России: так, укрепление политического имиджа В. В. Путина как руководителя страны, который «своих не бросает», увеличивало шансы на успех в предвыборной кампании. Подобный шаг способствовал предотвращению раскола элиты, особенно в свете предстоящего решения ливийского вопроса. Помимо всего прочего, активная поддержка странами Запада сирийской оппозиции провоцирует ответную поддержку режима Башара ал-Асада со стороны России.

Россия уже неоднократно давала понять, что сирийский вопрос является для нее принципиальным. Во-первых, неудачное разрешение ливийского конфликта, приведшее к полной дестабилизации, показало руководству нашей страны, какие последствия влечет безответственное вмешательство в конфликты. Даже многие аналитики в Европе теперь стали осознавать это, а также то, что авторитарные режимы сохраняли стабильность в регионе. «Прежде всего нужно усилить существующие меры безопасности и отказаться от любого потворства радикальному исламу, даже если его финансируют наши друзья и союзники из Персидского залива. *В долгосрочной перспективе стоит воздержаться от новых военных авантур против таких авторитарных режимов, потому что их свержение только порождает хаос*», – пишет, например, Ф. Баланш [Balanche 2012; выделено нами. – Авт.]. Во-вторых, широкая поддержка Западом внесистемной российской оппозиции подталкивает В. В. Путина к ответной принципиальности во внешнеполитических вопросах, одним из которых стал сирийский. Очевидно,

что российское руководство и впредь будет препятствовать любому внешнему вмешательству в то, что оно считает внутренними делами Сирии. Наконец, в-третьих, у Российской Федерации в Сирии есть и другие стратегические интересы. В частности, морской порт Тартус остался единственным в Средиземноморье, куда беспрепятственно могут заходить военные корабли России; кроме того, именно на территории Сирии расположена единственная российская военная база на Ближнем Востоке. В сентябре 2015 г. поддержка Россией режима ал-Асада перешла на новый уровень. В связи с этим следует упомянуть речь президента В. В. Путина в ООН 28 сентября 2015 г., в которой он подтвердил, что Россия по-прежнему считает президента Башара ал-Асада единственным легитимным президентом в Сирии, а также заявил, что Россия готова оказать его режиму военно-техническую помощь в борьбе против террористического «Исламского государства». Наконец по просьбе сирийского правительства Российская Федерация с конца сентября 2015 г. стала наносить авиаудары по позициям ИГ. Правда, имеется опасность, что по разным причинам ракетно-бомбовые удары также могут затронуть и позиции сирийской неисламистской оппозиции.

Развитие внутрисирийского конфликта и превращение его в тупик. Как мы уже говорили, нарастание напряженности в Сирии и перерастание протестов во внутриобщественный конфликт с применением насилия началось 15 марта 2011 г. Можно упомянуть события в пограничном с Иорданией городе Дерья, где восставшие практически овладели городом и удерживали его в течение двух месяцев. Эти события всколыхнули всю страну. Практически сразу вслед за началом этого восстания вспыхнули массовые волнения в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Хаме и целом ряде других городов и районов страны. Резкая реакция на эти выступления правительственных сил, включая расстрелы демонстрантов, только обострила противостояние оппозиции и правительства, которое то усиливалось, то ослабевало в течение нескольких месяцев. Так, в начале июня в акциях протеста по всей стране приняло участие около 3 млн человек [Коротаев, Исаев, Шишкина 2013]. Все чаще стали звучать требования смены политического режима. Одновременно активизировались сторонники президента ал-Асада. Начиная с апреля-мая в Дамаске, Тартусе и некоторых других городах прошли демонстра-

ции в поддержку Башара ал-Асада, и они тоже носили массовый характер [Исаев, Шишкина 2012б], что говорило о наличии в стране серьезной базы поддержки режима. Начались маневры правительства с целью ослабления конфликта. Уже в конце марта был отправлен в отставку кабинет министров, который до этого практически бессменно управлял страной с 2003 г., а в его новый состав вошли в том числе и представители умеренной оппозиции левого и либерального толка. Вслед за этим был отменен режим чрезвычайного положения, выпущен из тюрем целый ряд политзаключенных, смещены многие губернаторы провинций. Президент даже счел нужным признать правоту требований протестантов, извиниться перед семьями погибших, что было практически беспрецедентным в практике авторитарных правителей Ближнего Востока. Эти меры были направлены на расширение социально-политической базы режима и одновременно на стимулирование размежевания в рядах оппозиции, чтобы по меньшей мере нейтрализовать ее умеренную часть, а в лучшем случае – склонить на сторону режима. Не сразу, но постепенно данные меры стали давать свои плоды (однако, как выяснилось в дальнейшем, этого тоже оказалось совершенно недостаточно для выхода из обозначившегося тупика).

Особенно очевидным это стало в 2012 г., когда, по сути дела, начался новый этап конфликта, придавший ему ряд принципиально иных черт и иной, выходящий (хотя в этот период еще весьма относительно) за сирийские национальные рамки характер. Во время перемирия, начавшегося 12 апреля 2012 г., сирийскому правительству удалось сделать важный шаг на пути внутренней консолидации. 8 мая прошли выборы в парламент, которые впервые после прихода к власти баасистов в 1963 г. проводились на альтернативной многопартийной основе. Несмотря на всю остроту внутреннего конфликта, в них приняли участие более 50 % избирателей. Победа в выборах блока «Национальное единство» во главе с партией «Баас», так же как само проведение выборов и процент участия в них избирателей, укрепили легитимность режима на внутривнутриполитическом поле, что, правда, еще отнюдь не означало перелома в ходе гражданской войны, однако усилило веру режима и его сторонников в такую возможность.

С другой стороны, в 2012 г. благодаря военной помощи сирийской оппозиции, а также ряду ошибок ал-Асада оппозиционерам

удавалось достичь заметных военных успехов. Неудивительно, что середина 2012 г. рассматривалась силами вооруженной оппозиции и поддерживавшими их арабскими и западными странами как решительный перелом в их пользу, предвещающий скорый и неминуемый крах существующего режима. Действительно, в июле бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо [см. подробнее: Сирук 2012; Nasr 2012b; Secker, Russell 2012].

Однако в первой половине 2013 г. Башару ал-Асаду все-таки удалось переломить противостояние в Сирии в свою пользу, в результате не только внутренняя, но и международная обстановка стала складываться в пользу действующей власти. Во-первых, внутри страны на целом ряде фронтов режиму удалось потеснить силы оппозиции, а победа внутри нее наиболее одиозных радикальных исламистских сил, связанных с «Ал-Каидой», ставила под сомнение дальнейшую возможность поддержки этих сил оппозиции со стороны не только Запада, но и арабских режимов.

Во-вторых, в региональном плане началось практическое формирование шиитской оси не только в виде прямого выступления «Хезболлы» на стороне сирийского режима, но и при помощи начавшейся военно-политической поддержки его со стороны Тегерана, что было бы вряд ли возможно без молчаливого участия иракского режима во главе с шиитским премьером Нури ал-Малики. Кроме того, стал достаточно очевидным и общекурдский консенсус в виде формально позитивного нейтралитета в отношении сирийского режима при очевидной, в том числе военно-политической, поддержке, оказываемой иракскими и турецкими курдами своим сирийским собратьям, что также шло на пользу сирийскому режиму, а вовсе не какой-либо из фракций вооруженной оппозиции.

Однако во второй половине 2013 г. на авансцене, помимо чисто сирийской по своему происхождению «Джабхат ан-Нусра», появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Ал-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ; подробнее об этом образовании см. *Главу 5*). Эта организация, созданная в апреле 2013 г. на базе иракского филиала «Ал-Каиды», активно действо-

вавшего в стране уже в течение десятилетия, теперь заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала генеральное развитие дальнейших событий в виде усиления противостояния именно по линии суннитско-шиитского противоборства, причем с перевесом в пользу шиитов. В пользу этого, казалось, свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима развивать успешное наступление на их позиции. Относительный успех ИГИЛ в противоборстве со своими радикальными конкурентами также был на руку и сирийскому, и иракскому режимам, тем более что руководство «Ал-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири выразило в этом противоборстве однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве своего единственного легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противоборстве с радикальными исламистами в обеих странах. Однако этого не произошло, а победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» и последующее создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

После создания «Исламского государства» конфликт окончательно перешагнул страновые рамки. Таким образом, региональный конфликт приобрел поистине многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран. Одновременно увеличиваются риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального.

Сирийский конфликт превратился в политический тупик, причем тупик не просто регионального, но мирового масштаба. В первых, у самих противоборствующих сил внутри Сирии нет ника-

кого явного перевеса, война идет на истощение. Но это истощение не воюющих сторон, а государства в целом. Во-вторых, в конфликт прямым образом вмешались несколько соседних стран, при этом никакой явной цели они не обозначают. В-третьих, в результате ослабления режима ал-Асада появились новые игроки. Это курды, усиление которых крайне беспокоит Турцию и появление государства которых может дополнительно взорвать Большой Ближний Восток. В-четвертых, с появлением и активизацией «Исламского государства» фактически образовался ирако-сирийский тупик с курдским «сюрпризом». И в этот узел включились Турция, Ливан (и в особенности шиитская «Хезболла»), Иран, Саудовская Аравия, Катар, в той или иной мере государства Залива, частично даже Израиль, теперь также Россия и ряд других игроков. В-пятых, несмотря на все возрастающую опасность «Исламского государства», политика в отношении этого монстра со стороны США, Европы, Саудовской Аравии и других ведущих сил не отличается последовательностью. Создается впечатление, что в какой-то мере ИГ еще тайно покровительствуют. В то же время очевидно, что победить его без союза с режимом ал-Асада маловероятно. Однако США, государствам Залива и Израилю пока кажется, что именно ал-Асад для них – заклятый враг. Возможно, они надеются, что удастся сначала свергнуть ал-Асада, а затем нейтрализовать террористов «Исламского государства». Это опасная иллюзия. Но до выборов президента в 2016 г. США вряд ли рискнут заявить о каком-либо признании ал-Асада, тем более что для этого необходимо дополнительно договариваться с Россией. Тем не менее активизация политики России в Сирии все-таки заставила Дж. Керри, главу госдепартамента США, заявить, что Соединенные Штаты не настаивают на немедленном свержении ал-Асада (правда, они и не могут его свергнуть).

Имеется еще целый ряд сложных противоречий в сирийско-иракском тупике. Выходом из него могла бы стать только честная и конструктивная попытка крупнейших мировых игроков найти консенсус, целями которого были бы стабилизация обстановки, прекращение гражданской войны и создание мощной всеобъемлющей антиигиловской коалиции, включающей в себя не только США и их союзников, но и такие страны, как Россия и Иран (в создании такой коалиции и заключаются предложения В. В. Путина). Даже

в таком случае примирить враждующие стороны и различные страны региона было бы крайне сложно. Но с учетом нежелания США и Запада отказаться от маниакальной идеи свергнуть ал-Асада (и создать тем самым еще больший хаос и конфликт в регионе) выхода из данного тупика пока не видно.

* * *

Сирийский тупик сегодня – это не просто неразрешимый узел противоречий в рамках одной страны или даже региона. Это, по сути, всемирный тупик, который демонстрирует бесплодность курса США и Запада на усиление конфронтации с Россией и региональными державами, на подрыв стабильности ради иллюзорных выгод, политики, которая игнорирует интересы множества стран и их законное желание жить иначе, чем угодно Западу. Это тупик, который демонстрирует, что ни заигрывания с радикальными исламистами, ни попытки силового давления на них не являются продуктивными. Напротив, все это дает радикалам дополнительные силы. Короткая, но яркая история Арабской весны, переродившейся в «осень» (равно как и иракская трагедия, длящаяся уже полтора десятка лет), показывает, что наиболее эффективной сдерживающей силой и заслоном от распространения радикального исламизма выступали как раз авторитарные светские режимы, против которых была направлена волна радикальной революции. Таким образом, выход из сирийского тупика, как и из тупика ближневосточного, заключается в поиске компромисса интересов, в установлении наиболее стабильных режимов во всех государствах, где они пошатнулись, равно как и поддержке тех режимов, которые сумели сами установить порядок в своих странах.

Глава 4. Ненастная «Арабская осень»: Йемен в 2014–2015 гг.

1. Арабская весна в Йемене: от революции к революции (2011–2014 гг.)

23 ноября 2011 г. в Эр-Рияде был подписан план по урегулированию порожденного Арабской весной йеменского кризиса. Этим завершился 33-летний период правления Али Абдаллы Салеха. Будучи выходцем из зейдитского племени санхан¹, этот политик в 16 лет начал военную карьеру, был героем знаменитой 70-дневной осады Саны 1967 г.², а уже в 1978 г., после убийства четвертого президента Йемена Ахмеда Хусейна ал-Гашми, занял высший пост в стране.

Пожалуй, решающую роль в том, что Али Салеху в конце концов пришлось покинуть свой пост, сыграл накопившийся клубок противоречий внутри племенной конфедерации Хашид. Именно вышедший наружу уже в начальном периоде Арабской весны в Йемене внутриплеменной конфликт, во-первых, обнажил уязвимость правящего режима, а во-вторых, вновь актуализировал те важнейшие проблемы йеменской политики, на которые прежняя власть старалась закрывать глаза, оставляя их неразрешенными [см.: Исаев 2012a]. Речь идет прежде всего о конфликте в северной провинции Саада, который с 2004 г. приобретал все большие масштабы, а также о проблеме юга, которая встала практически сразу после объединения Йеменской Арабской Республики и Народно-Демократической Республики Йемен в 1990 г. Но объединение оказалось непрочным. Уже в 1994 г. вновь вспыхнула гражданская война и юг был фактически завоеван севером Йемена. Таким образом,

¹ Зейдиты – сторонники самостоятельного направления в шиизме, распространенного на большей части северойеменской территории. Санхан – йеменское племя, входящее в состав племенной конфедерации Хашид, в основном концентрирующееся вокруг одноименного города в провинции Сана.

² Осада Саны стала одним из кульминационных моментов гражданской войны 1962–1970 гг. в Северном Йемене между республиканцами и монархистами. 27 ноября 1967 г. войска монархистов под командованием принца Мухаммеда бин Хусейна полностью окружили йеменскую столицу, осада которой была снята лишь 8 февраля 1968 г.

единство страны никогда не было достаточно общепризнанным. Было много недовольных и в одном, и в другом регионе. Кроме того, каждая часть страны (и юг, и север) крайне неоднородна. В частности, север также можно разделить на «северный север» (с центром в Сане – с более ярко выраженным племенным устройством и более сильный в военном отношении) и «южный север» (с центрами в Таизе и Иббе) – более развитый в социально-экономическом отношении. Все это оставляло нерешенной проблему создания устраивающего основное население государственного устройства страны, которое бы обеспечило ее территориальную целостность. В связи с этим с 2011 г. стали обсуждаться возможности федеративного устройства Йемена, но такой подход был чреват проблемами дезинтеграции.

Однако достичь консенсуса по этим ключевым вопросам не удалось и переходному правительству в лице Всеобщего национального диалога, который пришел на смену Али Абдалле Салеху. Невозможность принятия новой конституции страны и сформировавшийся политический вакуум предопределили провал инициативы «аравийской шестерки» и, как следствие, вызвали сентябрьскую революцию 2014 г., поддержанную движением «Ансар Аллах» и направленную против переходных властей в лице Мансура Хади. С этого момента инициатива по дальнейшему ведению всеобщего национального диалога постепенно уходила из рук Хади, а также поддерживающего его Эр-Рияда. Последний старался держать под собственным контролем йеменский кризис с самого его зарождения в 2011 г. Необходимость в этом в свою очередь и предопределила проведение в 2015 г. операции «Буря решимости» со стороны стран коалиции во главе с Саудовской Аравией с целью сохранения контроля над внутривнутриполитической ситуацией в Йеменской Республике.

Таким образом, начавшаяся в 2011 г. Арабская весна в Йемене, как и в других странах, никак не оправдала возникших под ее влиянием ожиданий. Напротив, весенние настроения в обществе сменились осенними, а мирная жизнь в стране (путь и под властью авторитарного правителя) теперь обернулась гражданской войной и интервенцией. Причем конец конфликта пока не виден.

На периферии Арабского Востока

Режим Салеха казался незыблемым долгие годы: в 1978 г. его основатель подавляющим большинством голосов членов Временного

президентского совета был избран на должность президента Йеменской Арабской Республики. В 1990 г., после объединения Северного и Южного Йемена, ему не было альтернативы во время избрания председателя Президентского совета Йемена, а в 1994 г., не встретив серьезной конкуренции, он стал президентом Йеменской Республики, занимая этот пост до 23 ноября 2011 г. Более того, на сегодняшний день в Йемене пока никому не удается заполнить тот политический вакуум, который образовался после ухода президента Салеха. Однако феномен Арабской весны заключался именно в том, что социально-политические потрясения с легкостью сокрушали самые, казалось бы, крепкие и долговечные режимы.

Утверждение Салеха у государственного руля прошло в свое время три стадии: сначала он завоевал расположение армии, затем подтянул в столицу «своих» людей из провинций и наконец закрепил властные позиции за своими родственниками. Но сосредоточение властных полномочий и финансовых ресурсов в руках одной семьи привело к внутриэлитному (включая внутриплеменной) расколу, переходу в оппозицию сил, контролируемых группировкой ал-Ахмаров, серьезному недовольству лидеров племенного союза Хашид, которые вместе с частью армейского руководства отошли от президента. Активными противниками режима стали различные силы юга, а также часть светской интеллигенции (см. ниже). Неслучайно антиправительственные выступления в Йемене распространялись именно с юга: первыми очагами сопротивления стали южные города, прежде всего Таиз, давно укрепивший за собой репутацию оплота либеральных идей, и Аден. В итоге горячего материала набралось более чем достаточно.

Первые антиправительственные выступления в Йемене начались еще в январе 2011 г., вскоре после победы революции в Тунисе, но на первых порах они были довольно слабыми³. Однако после новости об отставке египетского президента Хосни Мубарака, состоявшейся 11 февраля 2011 г., интенсивность протестов значительно усилилась. Безусловно, немаловажную роль здесь сыграл так называемый «эффект “Ал-Джазиры”»: египетская революция транслировалась на весь Арабский мир красочно и захватывающе, повсеместно воодушевляя массы. «Счастливым концом египетской

³ См. *Хронику событий* в приложении к данной монографии.

сказки» дал новый, необычайно сильный толчок подъему антиправительственных сил во всех арабских странах. Причем теперь риторика большинства протестующих стала скорее политической, нежели социальной: арабы настолько привыкли к перманентному авторитаризму собственных правителей, что уход одного за другим двух бессменных выборных диктаторов потряс многих из них [Исаев 2012a].

В политическом плане Йемен вполне вписывался в общеарабскую картину. Али Абдалла Салех, находясь у власти 33 года, стал вторым после Муаммара Каддафи арабским руководителем⁴ по длительности пребывания на высшем государственном посту. После окончания гражданской войны 1994 г. Салех предпринял ряд мер, предусматривавших расширение президентских полномочий и продление своего нахождения у власти. Так, в 1994 г. был упразднен Президентский совет. В том же году президент был переизбран на пятилетний срок, а в августе 2000 г. он предложил поправки к Конституции (они были вынесены на референдум 24 февраля 2001 г.), продлявшие президентский мандат до семи лет и позволявшие президенту назначать парламентские выборы, распустив прежний парламент. При этом народный референдум по поводу роспуска не предполагался, а президент получал право издавать декреты, обладающие силой закона, в тот период, пока парламент не заседает или распущен (Сапронова 2003). Таким образом, на выборах 1999 и 2006 гг. Салех избирался уже на семилетний срок. Более того, на рубеже 2010 и 2011 гг. на рассмотрение парламента страны поступила поправка, отменявшая ограничение на число президентских сроков. Впрочем, ввиду прихода Арабской весны она так и не была принята: 2 февраля 2011 г., после второго обращения Хосни Мубарака к египетскому народу, Салех заморозил рассмотрение в Палате представителей конституционной поправки.

Семейные дела, борьба кланов и рост оппозиции

После того, как в первой половине февраля 2011 г. волнения вспыхнули с новой силой, Салех предпринял несколько попыток снизить напряженность в обществе. Однако к тому моменту уже

⁴ Отметим, что М. ал-Каддафи, в отличие от Салеха или Мубарака, формально не был президентом Ливийской Джамахирии, а руководил страной с не прописанным ни в каком законе титулом «Лидер Ливийской революции».

проявился давний конфликт между двумя группировками йеменской элиты – кланом Салеха и кланом ал-Ахмаров, контролирующим многие важные высокобоевые формирования йеменских вооруженных сил. Подобно тому как египетская военная элита воспользовалась народными выступлениями для сведения счетов со своим главным противником – группировкой экономической элиты во главе с Гамалем Мубараком (см. *Главу 1*), группировка ал-Ахмаров решила воспользоваться народными выступлениями в Йемене, чтобы попробовать разгромить своего главного противника – клан Салехов. С этой целью под аплодисменты легковверного международного сообщества группировка ал-Ахмаров позиционировала себя в качестве защитников «народных борцов за демократию» от репрессий «деспотической диктатуры» Али Абдаллы Салеха. 26 февраля 2011 г. сразу несколько лидеров двух крупнейших йеменских племен, хашид и бакиль, группировавшихся вокруг клана ал-Ахмаров, заявили о переходе на сторону оппозиции [Влиятельные йеменские... 2011]. В марте один из лидеров племенного союза Хашид Али Мохсен ал-Ахмар, командующий северным военным округом и первой бронетанковой дивизией (одной из самых боеспособных в стране), заявил о своем выходе из Всеобщего народного конгресса – правящей партии, кандидатом от которой в свое время был президент Салех. Вслед за генералом Али Мохсеном ал-Ахмаром о переходе на сторону оппозиции объявили еще три генерала и десятки офицеров. Войска мятежников прибыли в Сану якобы «для защиты манифестантов», разместившись на центральной площади, а также у зданий Центрального банка, министерства обороны и президентского дворца [см.: Исаев 2012а; Исаев, Шишкина 2012б].

Несколько представителей Всеобщего народного конгресса Йемена, включая членов парламента и министров, также вышли из партии, позиционируя это как «протест против насилия властей в отношении демонстрантов». Среди прочих о выходе из правящей партии заявили глава парламентского комитета по внешней политике и советник премьер-министра Мухаммед ал-Кубати, министр туризма Набиль Хасан ал-Факих, глава государственного информационного агентства Наср Таха Мустафа, постоянный представитель Йемена при Лиге арабских государств Абд ал-Малик Мансур.

С другой стороны, подогреваемое ал-Ахмарами народное недовольство встретило энергичную поддержку со стороны университетских преподавателей, в особенности тех из них, кто бывал за границей. Свыше 90 % профессоров – за исключением руководства университетов и деканов, которые назначаются декретом министра высшего образования Йемена, – отказались от своих должностей в знак солидарности с оппозицией. Вдобавок к этому начиная с 15 февраля 2011 г. перед зданием министерства юстиции начали собираться судьи, требующие независимости судебной власти.

В свою очередь 21 марта 2011 г. президент Салех, не сомневаясь в поддержке большинства населения, заявил о необходимости использования армии для умиротворения страны. За этим демаршем последовало обращение министра обороны Йемена генерал-майора Мухаммеда Насера Ахмеда Али к народу, транслируемое телеканалом «Ал-Джазира». Глава оборонного ведомства пообещал предоставить президенту защиту от любой попытки антидемократического переворота, заявив, что «вооруженные силы останутся верны присяге, данной Богу, народу и политическому руководству во главе с президентом» [Министр обороны Йемена... 2011]. Следует, однако, иметь в виду, что в силу местной специфики министр обороны в Йемене, по сути, является номинальной фигурой, занимающейся в основном хозяйственными вопросами. Реальный контроль над армией сосредоточен в руках командующих военными округами, в первую очередь северным и западным. (При этом первый из них находился в подчинении Али Мохсена ал-Ахмара, объявившего в силу вышеназванных причин о своем переходе на сторону оппозиции.) На стороне Салеха остались командующие военно-воздушными силами, президентской гвардией и службой безопасности страны, являвшиеся ближайшими родственниками президента.

Конфликт между двумя влиятельнейшими семействами Йемена – Салех и ал-Ахмар – имел давние корни. С конца 1970-х гг. шейх Абдалла бин Хуссейн бин Насер ал-Ахмар оказывал Салеху серьезную помощь, обеспечивая поддержку со стороны влиятельнейшего племенного союза Хашид, который он тогда возглавлял. Эта поддержка продолжилась и после гражданской войны 1994 г.: партия «Ал-Ислах», несмотря на свою реформаторскую направленность, всегда негласно содействовала режиму, а Хамид ал-Ахмар, один из сыновей шейха Абдаллы, стал спикером Палаты

представителей и ближайшим советником президента. Более того, семейство ал-Ахмар получало серьезные экономические преференции в южных регионах страны, в том числе в области коммуникаций и недвижимости, а также долю от продажи йеменской нефти и газа.

Ситуация в корне изменилась после кончины шейха Абдаллы в 2007 г. Салех более не чувствовал себя обязанным делиться с его сыновьями и явно давал понять, что не намерен продолжать ту щедрую политику в отношении семейства ал-Ахмар, которая осуществлялась прежде. В соответствии с негласной договоренностью между покойным шейхом и президентом в случае ухода Салеха его преемником должен был стать Али Мохсен ал-Ахмар, еще один сын шейха. Однако сам Салех стремился передать власть своему старшему сыну Ахмеду, командующему президентской гвардией, что вызывало явное раздражение представителей племени хашид и позже стало главной причиной отдаления племенной верхушки от главы государства [Рябов 2011]. При этом борьба за власть в рамках зейдитской общины Йемена усугублялась и экономическими предпосылками. После смерти шейха Абдаллы финансовые амбиции семей Салеха и ал-Ахмаров (прежде всего Хамида ал-Ахмара, крупнейшего бизнесмена Йемена) стали конкурировать друг с другом. Так, наметилось очевидное столкновение интересов в сфере коммуникационного бизнеса: два крупнейших мобильных оператора страны, MTN и Sabafon, принадлежат Салеху и Хамиду ал-Ахмару соответственно.

Однако против режима Салеха выступили не только представители ущемленных племен северного Йемена. Оппозиция в Йемене, как и в других арабских странах, представляла собой весьма неоднородный конгломерат, составные части которого руководствовались разными идеями и преследовали различные цели. Одним из структурных компонентов оппозиционных сил стала Единая партийная ассамблея Йемена, которая была сформирована в 2005 г. на базе пяти оппозиционных партий с целью продвижения политических и экономических реформ. В нее вошли уже упомянутая партия «Ал-Ислах», Йеменская социалистическая партия, партия «Ал-Хак», Юнионистская партия и партия «Союз народных сил». Юг страны в этом объединении представляла светская Йеменская социалистическая партия, основанная в 1978 г. и ныне возглавляемая

прежними руководителями Южного Йемена, выступавшего сателлитом СССР [см., например: Воробьев 1978]. Прекращение помощи из Москвы заставило социалистов переориентироваться на социал-демократическую доктрину. Нынешняя неудовлетворенность южан во многом обусловлена тем, что после объединения 1990 г. и гражданской войны 1994 г. более развитый юг, по сути, превратился в хозяйственный придаток севера. С 2010 г. в южных областях наблюдалась эскалация недовольства правящим режимом, вылившаяся в консолидацию оппозиционно настроенной элиты в крупных городах. Ситуация осложнялась также функционированием в южных регионах страны подразделений вооруженного сепаратистского движения «Ал-Хирак», преследующего частные интересы руководителей некоторых южных провинций [Bahran 2010: 1]. Кроме того, племенной характер общественного устройства характерен именно для северной части страны, в то время как для большинства обитателей остальной части Йемена (включая Таиз и Ибб) этот строй по большому счету уже давно является чуждым [см., например: Коротаев 1996а; 1996б; 2006в; Korotayev 1996]. Напомним, что антиправительственные выступления в Йемене распространялись именно с юга, которому чужды племенные устои. Именно против племенного устройства и выступали студенты, преподаватели и прочие представители интеллигенции, собиравшиеся на площадях йеменских городов. Неслучайно, собрав в феврале 2011 г. шейхов всех йеменских племен, Али Абдалла Салех заявил о том, что в случае их отказа поддержать существующий режим оппозиция уничтожит племенных лидеров. Обращение президента, однако, напугало не всех: как уже говорилось, Али Мохсен ал-Ахмар, Садик ал-Ахмар и другие лидеры отвергли его и постарались использовать недовольство протестующих в своих целях. Внутриэлитный конфликт был настолько глубоким, что даже наличие общего (но, впрочем, довольно слабого) противника в лице либерально настроенной оппозиции не смогло сплотить шейхов вокруг главы государства.

Волна социально-политических потрясений в Йемене, поднявшаяся под влиянием событий Арабской весны и поначалу повторявшая сценарии народных выступлений в других странах – Тунисе, Египте, Ливии, – не привела к полному упразднению режима, существовавшего более тридцати лет, и радикально не переформатировала

тировала в 2011 г. систему управления страной. При этом племенное устройство йеменского общества вкупе с местным менталитетом придали здешним событиям особый и неповторимый колорит.

Подтверждением тому стала сама процедура ухода Али Абдаллы Салеха. Во-первых, добровольное отречение первого президента Йеменской Республики было бы невозможным, если бы протестующих не поддержала племенная верхушка Хашид. Во-вторых, создавалось впечатление, что уход бессменного лидера был лишь маневром, что уйдя де-юре, он останется руководителем де-факто. И действительно, сначала могло показаться, что руководство страной перешло к южанину Абд Раббо Мансуру Хади только номинально⁵. В свое время его прозвали «молчаливым вице-президентом» за поразительное умение никогда не высказывать свою позицию. Первое время казалось, что и президентом он будет абсолютно таким же; по выражению одного журналиста, это «вице-президент, который не решает, как ему у своего дома машину парковать» [Изюмов 2011]. Но на самом деле, скрывая собственное мнение, он старался вести свою игру. Однако это стало понятно только к 2014 г. Но несмотря на стремление стать реальным лидером, за два года исполнения своих обязательств в должности временного главы государства он так и не смог выступить в качестве беспристрастного арбитра, сильной личности в стране, где в силу племенной специфики в столь трудный момент было необходимо сохранить положение «над схваткой», лавируя между различными политическими центрами тяжести подобно тому, как это удавалось делать более тридцати лет Салеху.

Египетская и йеменская модели двойного переворота

Интересно, что само население арабских стран, по сути, и похоронило надежды тех, кто ждал от Арабской весны торжества демократии в регионе. Ведь демократический опыт пришелся явно не по душе очень многим арабам (подробнее об этом феномене см. *Главы 1 и 2*). В свете сказанного показательное угасание протестных настроений в Алжире: это произошло во многом из-за того, что население предпочло стабильный, пусть и авторитарный, режим Абделя

⁵ Отметим, что Хади фактически исполнял функции президента во время лечения Салеха (июнь – сентябрь 2011 г.), затем исполнял эти обязанности после отречения последнего от должности 23 ноября 2011 г. и был избран временным президентом во время досрочных президентских выборов 21 февраля 2012 г.

Азиза Бутефлики возможным переменам, дав зеленый свет четвертому сроку нынешнего президента [подробнее об этом см., например: Исаев 2013а]⁶.

В Египте первые сигналы, свидетельствующие о «кризисе революции», начали поступать уже на следующий год после свержения Хосни Мубарака. Так, нижняя палата парламента, избранная по результатам первых за всю современную историю страны честных выборов, прошедших в отсутствие давления со стороны власти, не успела толком приступить к выполнению своих обязанностей, как была распущена по решению Конституционного суда. Ситуация достигла точки бифуркации 3 июля 2013 г., когда Высший совет вооруженных сил перечеркнул все надежды на то, что Египет пойдет по демократическому пути развития. Избавляясь в 2012 г. от исламистской Народной ассамблеи, Высший совет вооруженных сил все-таки отдал дань политическим приличиям, проведя решение о ее роспуске через Высший совет судей; спустя год, в 2013 г., не понадобилось даже и этого: захотели и разогнали, ссылаясь на волю площади Тахрир [см.: Исаев 2014б] (подробнее о событиях в Египте см. *Главу 2*).

В июле 2013 г., когда силы, отстраненные от власти в Египте в 2011 г., вновь вернулись к управлению страной, был создан контрреволюционный прецедент, который, исходя из особенностей арабских политических трансформаций времен Арабской весны, мог повториться и в других местах. В ходе последовательного крушения авторитарных режимов (Тунис, Египет, Ливия) арабское общество продемонстрировало приверженность принципу домино. Решаясь выйти с протестными акциями на улицы собственных городов, граждане той или иной страны неизменно оглядывались на то, что происходит у соседей. Примером подобной преемственности в поведенческих моделях в ходе Арабской весны можно считать Йемен. Примером тому может послужить начало 2012 г., когда экс-президент Йемена Али Абдалла Салех уже покинул свой пост [Исаев, Шишкина 2012б], а йеменская оппозиция мотивировала свой отказ покидать улицы тем, что образовавшийся вакуум могут заполнить исламисты, подобно тому как это происходило в тот мо-

⁶ Правда, в Алжире в настоящее время экономическая ситуация ухудшается в связи с падением цен на нефть. А ведь волнения в 1980–1990-х гг. были вызваны именно данным обстоятельством [Гринин 2010а; 2011а; Гринин, Коротаев 2012б].

мент в Египте. Подобные опасения были абсолютно обоснованными: с начала 2012 г. власть в Йемене постепенно переходила в руки семейства ал-Ахмаров, представленного сыновьями умершего в 2007 г. лидера племенной конфедерации Хашид Абдаллы ал-Ахмара. При этом действовали они в негласной коалиции с временным президентом Абд Раббо Мансуром Хади, все более выходящим из-под контроля Салеха и стремившимся из формального лидера страны превратиться в реального. Их основными союзниками стали исламистская партия «Ал-Ислах» и йеменские «Братья-мусульмане», поднявшиеся на волне успеха своих идейных вдохновителей в Египте [Vonnefoy 2014]. Но удача сопутствовала коалиции лишь до тех пор, пока «Братья-мусульмане» находились у власти в Египте; свержение Мухаммеда Мурси и последующая межарабская изоляция ассоциации и ее зарубежных ячеек резко подорвали позиции временного йеменского руководства. Однако именно Йемену было суждено стать второй после Египта страной, где протестный потенциал, вышедший на поверхность в ходе Арабской весны, оказался достаточным для осуществления «двойного» переворота. Но если в Египте эта модель выглядела как «революция – контрреволюция», то в Йемене она более похожа на модель двух революций подряд (но при этом, как мы увидим далее, в Йемене под определение революции более подпадает вторая из них). Правда, забегая вперед, следует заметить, что за вторым актом драмы в Йемене наступил третий – полууспешная попытка Мансура Хади свергнуть новую революционную власть хуситов с помощью внешней интервенции (что пока привело к разделу страны по старой границе между Севером и Югом)⁷.

После провала Всеобщего национального диалога (ВНД) в начале 2014 г. основные политические силы в Йемене сосредоточились вокруг двух противоборствующих лагерей – Всеобщего народного конгресса (ВНК) во главе со смещенным в ходе Арабской весны Али Абдаллой Салехом и уже упомянутого клана ал-Ахмаров во главе с Садыком ал-Ахмаром. Уже в 2011 г. эти две силы оказались на противоположных политических полюсах, начав

⁷ Отметим, что третий акт смены власти в Египте не состоялся не потому, что «Братья-мусульмане» не старались свергнуть власть военных и устроить новую революцию, а потому, что у первых не хватило сил «свалить» вторых.

искать союзников среди остальных политических акторов Йемена: вокруг ал-Ахмаров сплотились партия «Ал-Ислах» и «Братья-мусульмане», в то время как Всеобщий народный конгресс вступил в альянс с партией «Баас» [Bonnetfoy 2014], «Союзом народных сил», а также начал проводить политику по негласному сближению с движением «Ансар Аллах».

После вступления в должность временного президента Мансура Хади 25 февраля 2012 г. была ликвидирована традиционная для Йемена «нарезка» военных округов, что привело к фактическому исчезновению национальной армии. Кроме того, была распущена Республиканская гвардия, которую возглавлял сын Али Абдаллы Салеха; она превратилась в войска резервного назначения [Серебров 2014: 9]. В общей сложности военные реформы последнего времени привели к тому, что в Йемене вокруг каждой политической силы сложилась своя военизированная группировка. Интересно, что при таком раскладе наиболее боеспособной оказалась армия хуситов, получившая название в честь своего лидера Хусейна Бадр ад-Дина ал-Хуси, убитого в 2004 г. [Yemens Abd-al-Malik... 2014]. В 2014 г. им удалось одержать целый ряд крупных военных побед и заметно расширить свои территории, распространив влияние на территорию практически всего Северного Йемена [Ожерельева 2014: 8].

Единственной силой, способной составить конкуренцию хуситам в военном плане, до «революции 21 сентября» 2014 г. была де-юре расформированная, но де-факто по-прежнему существовавшая Первая бронетанковая дивизия во главе с генералом Али Мохсеном ал-Ахмаром, поднявшимся в должности до советника президента Мансура Хади по военным вопросам. Однако после 21 сентября ал-Ахмары потерпели полное поражение в противостоянии с хуситами, а их лидеры (включая и самого Али Мохсена) были вынуждены бежать из страны [Mawgy 2014].

Особый интерес представлял негласный союз ВНК с хуситами, еще несколько лет назад казавшийся немыслимым. В годы правления прежнего президента крайний север Йемена считался самым небезопасным регионом в стране. Вражда между прежним режимом и хуситами имела давние корни, а сам президент в период своего правления шесть раз воевал против «Ансар Аллах». Однако

в начале 2014 г. эти две политические силы оказались по одну сторону баррикад, выступив серьезным противовесом для действующей власти в лице ал-Ахмаров [Ожерельева 2014: 8].

Фиаско ал-Ахмаров и революция 21 сентября 2014 г.

Во многом ал-Ахмары в Йемене допустили те же ошибки, что и «Братья-мусульмане» в Египте. В первую очередь им так и не удалось предложить пути выхода из сложившегося политического кризиса, которые бы устраивали большинство политических сил страны. Апогеем этого стали результаты Всеобщего национального диалога. Как минимум по четырем из девяти рабочих групп ВНД («по проблеме в Сааде», «по проблеме юга», «по переходной справедливости» и «по государственному устройству») ал-Ахмарам так не удалось достичь консенсуса со своими политическими оппонентами. При этом они существенно ослабили свои позиции, прежде всего в связи с планируемой федерализацией государства. Из всех проектов, рассматривавшихся Всеобщим национальным диалогом, за основу был принят проект, предусматривающий создание шести федеральных округов: Хадрамаут, Аден, Джанат, Тихама, Азал и Саба. При этом сама «нарезка» вызвала бурное неодобрение. Так, южане выступили против разделения юга страны на два округа (Хадрамаут и Аден), настаивая на неделимости Южного Йемена как единого субъекта будущей федерации⁸. Родина хуситов Саада в купе с провинциями Амран, Сана и Дхамар была включена в состав округа Азал, не имеющего выхода к морю и обладающего низким экономическим потенциалом.

У ал-Ахмаров не случайно не сложились отношения с хуситами. Дело в том, что при активном содействии «Ал-Ислаха» в Йемене была создана салафитская группировка «Ан-Нусра», которая должна была вступить в противостояние с «Ансар Аллах». При этом подобная тактика уже имела место в прошлом, когда во второй половине 2000-х гг. режим использовал салафитских радикалов в интересах своей внутренней политики. Это было связано прежде всего с именем генерала Али Мохсена ал-Ахмара, который непо-

⁸ Тексты резолюций, выступлений и докладов рабочих групп размещены на официальном сайте ВНД: www.ndc.ye.

средственно руководил шестью военными операциями в Сааде с 2004 по 2010 г. и не раз прибегал к услугам салафитов в своей борьбе с хуситами.

Еще одна инициатива ал-Ахмаров настроила против них и ВНК, выступивший категорически против предложения на десять лет запретить выдвижение на президентский пост лицам, ранее занимавшим военные должности [Исаев, Ожерельева 2014]. Очевидно, жертвой данного требования станет прежде всего Ахмед Салех, сын бывшего президента, который до сих пор считается одним из основных претендентов на президентское кресло [Исаев, Шишкина 2012б].

Все это привело к тому, что ал-Ахмары вкупе с «Братьями-мусульманами» умудрились разругаться со всеми ведущими политическими силами в стране. Проблема юга страны, где не прекращались выступления с призывами отделения региона в границах бывшей НДРЙ, так и не была решена. Более того, все более ассоциировавшаяся с исламистами власть в Санае никак не устраивала южан, в памяти которых до сих пор живы воспоминания о 1994 г., когда север, по сути, начал проводить по отношению к югу гегемонистскую политику, которая зиждилась на идеях духовных лидеров «Ал-Ислаха», прежде всего ал-Зиндани и ал-Дайлани, объявивших джихад «безбожникам» с юга⁹.

Наконец, ал-Ахмары пошли на открытый конфликт со Всеобщим народным конгрессом и лично Али Салехом. Подтверждением этому могут служить неоднократные попытки ареста экс-президента со стороны временных властей [Yemenis call... 2013]. Не стоит также забывать, что именно Али Мохсен, возглавлявший в 2011 г. первую бронетанковую дивизию, был главной военной силой, примкнувшей к протестующим в ходе Арабской весны, а наиболее серьезные противостояния осенью 2011 г. в столичном районе Ал-Хасаба наблюдались между силами, лояльными Салеху и ал-Ахмарам.

⁹ В 1994 г. между йеменским правительством в Санае и Йеменской социалистической партией (ЙСП) в Адене, возглавляемой Али Салемом ал-Бидом, произошел вооруженный конфликт, который закончился поражением южан. В ходе гражданской войны религиозные лидеры партии «Ал-Ислах» шейхи ал-Зиндани и ал-Дайлани издали фетвы против жителей юга, оправдывающие массовые нарушения политических и экономических прав со стороны северян, а также отстранение ЙСП от управления государством [см.: Day 2012].

Поэтому складывавшаяся с начала 2012 г. ситуация, при которой власть в Йемене постепенно начала монополизироваться в руках коалиции Мансура Хади, ал-Ахмаров в лице «Ал-Ислаха» и их союзников, представленных «Братьями-мусульманами» и салафитами, поставила их оппонентов по одну сторону баррикад и вынудила пойти на крайние меры. Подлило масла в огонь и все возрастающее в последние годы влияние Али Мохсена, занявшего пост советника президента Мансура Хади по военным вопросам и не скрывавшего своих политических притязаний на пост будущего руководителя страны (одной из главных причин конфликта между Салехом и Али Мохсеном в преддверии Арабской весны считалось желание экс-президента передать власть своему сыну, а не «сводному брату»). Очевидно, что подобные перспективы категорически не устраивали ни хуситов, ни ВНК, ни южан, что и предопределило «революцию 21 сентября» 2014 г., после которой ал-Ахмары были вынуждены покинуть страну, в то время как «Ансар Аллах», проводя политику заключения союзов с йеменскими племенами, а также членами ВНК, по сути, установила контроль над Северным Йеменом.

2. Арабская осень в Йемене: от кризиса к полномасштабной революции, гражданской войне и интервенции

Неизвестная революция

Политический кризис оказался куда более глубоким, провал национального диалога под эгидой Мансура Хади проявлялся все отчетливее, и даже нейтрализация одного из наиболее деструктивных элементов йеменского политического истеблишмента – семейства ал-Ахмаров – не смогло остановить процессы, запущенные «революцией 21 сентября». За три года после ухода Али Салеха временным властям, ведомым Мансуром Хади и ал-Ахмарами, не удалось разрешить ни одной проблемы, стоящей на повестке дня в Йемене: проблема федерализации и юга страны, разработка нового проекта конституции, обеспечение справедливого представительства в органах государственной власти всех политических сил, подготовка и проведение выборов в новые органы власти – лишь малая часть вопросов, на которые переходная власть так и не смогла ответить, не говоря уже о целой совокупности нерешенных социально-эконо-

мических и демографических задач, остро стоящих перед страной. Монополизация власти в руках ал-Ахмаров в конечном счете оставила их на обочине йеменской истории. При этом потребность в коренных переменах назрела в йеменском обществе настолько глубоко, что понадобилась тотальная реконструкция временной власти в стране. Конец первому временному правительству был положен через четыре месяца после «сентябрьской революции».

Проделанный нами анализ показал: утверждения хуситов о том, что события 2014 – начала 2015 г. в Йемене являются революцией, представляются совершенно обоснованными с научной точки зрения (и то, что революция осложнилась иностранной интервенцией, а также отказ иностранных держав признавать новое революционное правительство – уже совсем не редкость с исторической точки зрения). А вот йеменские события 2011–2012 гг. имеет смысл считать незаконченной революцией.

Действительно, возьмем одно из самых авторитетных определений революции, принадлежащее известному американскому социологу Дж. Голдстоуну: «*Революция* представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» [Goldstone 2014b: 4].

Рассмотрим теперь, какие из этих событий соответствуют данному определению, а какие – нет. Да, и в 2011, и в 2014 г. участники событий пытались свергнуть правящие режимы во имя социальной справедливости. И в том и в другом случае была налицо массовая мобилизация. Однако не менее важным моментом является и результат революции. Произошло ли насильственное свержение режима? Насколько это относится к событиям 2011–2012 гг.? С одной стороны, если протесты вынудили отойти от власти довольно авторитарного политического лидера, который руководил страной 33 года, не планировал отдавать власть и даже пытался законодательно обеспечить возможность бесконечного переизбрания, это можно рассматривать как насильственную смену режима. Но с другой стороны, все же 23 ноября 2011 г. формально произошла лишь отставка главы режима (при этом его место заняло второе лицо), сам же политический режим на какое-то время остался прежним. При этом продолжил свою работу йеменский парламент, и большинство мест в нем осталось за представителями Всеобщего

народного конгресса, президентом которого остался Али Салех, а пост генерального секретаря был закреплен за Мансуром Хади. Кроме того, после выборов временного президента 21 февраля 2012 г. свои позиции во власти укрепили ал-Ахмары, представленные второй партией в парламенте – «Ал-Ислах», которые и во времена правления Али Салеха были частью политического истеблишмента.

А вот в отношении событий 2014–2015 гг. в Йемене можно уже однозначно говорить, что произошло именно насильственное свержение режима. В результате «революции 21 сентября» сначала полностью были отстранены от власти представители семейства ал-Ахмаров, которые практически сразу покинули страну вместе с премьером Басиндвой. А в январе 2015 г. сентябрьская революция приняла свой окончательный вид: Мансур Хади и Халед Бахах сложили с себя полномочия временного президента и премьер-министра, за этим последовал и роспуск самого правительства. Власть перешла в руки революционных комитетов «Ансар Аллах» вплоть до формирования Президентского совета, состоящего из пяти членов.

Йеменские события 2014–2015 гг. попадают под определение революции и по другому важному критерию. События 2011–2012 гг. не привели к созданию новых политических институтов (необходимость их создания только была провозглашена), в отличие от событий последних месяцев. После ухода Али Салеха в 2011 г. все прежние политические институты продолжили свою работу в полном объеме, что к тому же было зафиксировано в плане ССАГПЗ. В свою очередь, «революция 21 сентября» привела к ликвидации всех прежних институтов власти. В соответствии с объявленной хуситами конституционной декларацией предполагается созыв Учредительного собрания, которое должно будет подготовить проект новой конституции. Исполнительная власть переходит к Президентскому совету, а также временному правительству. Существенные изменения претерпел и законодательный орган. Вместо однопалатного парламента было решено создать двухпалатный – Народный совет, состоящий из вновь создаваемой верхней палаты – Совета Шура и нижней – Палаты представителей, вошедшей в состав нового органа в прежнем составе. Помимо этого создаются революционные комитеты на местах, ко-

торые будут осуществлять властные функции во время переходного периода. Тем самым хуситами был запущен механизм полного реструктурирования политической системы страны. Правда, начавшаяся интервенция и гражданская война не дали возможности осуществить эти планы.

Таким образом, представляется, что события 2011–2012 гг. были незаконченной революцией, зато утверждения о том, что события 2014 – начала 2015 г. в Йемене являются революцией, мы считаем более обоснованными¹⁰.

Интересно отметить, что незавершенная йеменская революция 2011 г. и революция 2014 г. развивались по двум принципиально отличным сценариям. Напомним, что С. Хантингтон предложил различать два основных типа революционной дестабилизации – «центральный коллапс» (*central collapse*) и «наступление с периферии» (*peripheral advance*) (Huntington 1968).¹¹

В 2011 г. социально-политическая дестабилизация в Йемене развивалась по модели центрального коллапса (этот сценарий подробно описан в *Главе 6*).

Описание другого хантингтоновского сценария революционной дестабилизации («наступления с периферии») в изложении Дж. Голдстоуна выглядит следующим образом: «В случае наступления с периферии разложение старого режима изначально¹² находится не на самой продвинутой фазе. Однако группа представителей элиты¹³, стремящихся к свержению правительства, оказывается способной укрепиться в одной из частей страны, обычно в гористой или лесистой местности, удаленной от столицы¹⁴. Эта периферийная база сопротивления может оставаться небольшой и незначительной в течение нескольких лет. Но если режим становится более нестабильным – ослабевая экономически, испытывая

¹⁰ Правда, не исключено, что эта революция в итоге закончится частичной реставрацией режима, сформировавшегося в 2012–2014 гг. (по крайней мере, на южной части территории страны).

¹¹ К этому вопросу мы еще вернемся в *Главе 6*.

¹² В нашем случае начало сценария будет датироваться 2004 г., когда о «разложении» режима Всеобщего народного конгресса было действительно очень сложно говорить.

¹³ В нашем случае это группа под руководством Хусейна Бадр ад-Дина ал-Хуси, которая в июне 2004 г. начала партизанскую войну против правительства Саны на крайнем северо-востоке страны.

¹⁴ В нашем случае это гористая местность Марран на северо-западе Йемена вблизи саудовской границы.

военные неудачи, теряя поддержку среди все новых групп народа и лояльность все новых элит – оппозиционный нуклеус может начать расти и укрепляться по мере роста числа тех, кто его поддерживает, и сокращения числа тех, кто поддерживает существующий режим. Повстанцы зачастую используют тактику партизанской войны, устанавливая контроль над сельской местностью и совершая впечатляющие рейды с целью продемонстрировать слабость правительства... Постепенно силы оппозиции развиваются в самую настоящую армию, способную вести гражданскую войну и даже силой овладеть столицей. Повстанцы могут прибегать и к тактике ненасильственных действий с использованием массовых народных демонстраций, забастовок и бойкотов с целью заставить правительство отказаться от власти. При любом развитии событий ключевая роль может принадлежать иностранным державам. Если иностранные государства или группы помогают вооружать и организовывать оппозицию или если бывшие заграничные союзники отказываются от поддержки правителя, баланс сил может окончательно качнуться в пользу оппозиции. По мере того как баланс власти склоняется все сильнее не в пользу правящего режима, представители правительства начинают все чаще переходить на сторону повстанцев, моральный же дух правительственных войск и их военная эффективность все сильнее падают. Все эти процессы обычно занимают многие годы, иногда даже больше десятилетия¹⁵. Однако в конце концов силы старого режима разваливаются или отступают, революционные силы вступают в столицу и создают новый режим» [Goldstone 2014b: 28–29].

А вот это уже едва ли не дословное описание хуситской революции, которая должна быть охарактеризована именно как революция, произошедшая по модели «наступления с периферии», правда, ее успеху способствовали революционные события 2011 г., развивавшиеся по модели центрального коллапса, уход от власти Салеха и неожиданная комбинация союза со свергнутым президентом против общих врагов ал-Ахмаров.

Разрастание революционных перемен. Очередное обострение ситуации произошло 17 января 2015 г., когда хуситы арестовали по подозрению в попытке фальсификации проекта конституции стра-

¹⁵ Если в йеменском случае началом хуситского повстанческого движения считать 2004 г., то можно сказать, что в Йемене этот процесс занял как раз 10–11 лет.

ны главу президентской администрации Ахмеда бин Мубарака. Важно отметить, что на протяжении последнего времени бин Мубарак был главным куратором основного закона страны, а также сторонником разделения Йемена на шесть субъектов федерации. Попытка Мансура Хади бросить последний вызов движению «Ансар Аллах» в опоре на руководителей силовых ведомств обнажило паралич верховной власти в стране и привело к захвату хуситами президентского дворца и здания Бюро национальной безопасности (БНБ). При этом стремительность, с которой развивалась ситуация, явно свидетельствует о расстановке сил к началу 2015 г.

18 января после не увенчавшихся успехом попыток договориться об освобождении бин Мубарака Мансур Хади созвал экстренное заседание Совета безопасности Йемена, на котором всем силовикам был отдан приказ: вывести войска на улицы Саны 19 января в 5:00 по йеменскому времени. Однако «Ансар Аллах» к вечеру 18 января узнала о планах президента и обратилась к своим сторонникам в армии и службах безопасности не подчиняться приказу Мансура Хади. Хуситы сыграли на опережение и утром 19 января окружили президентский дворец в Санае, а также Бюро национальной безопасности. В течение всего дня продолжались бои, которые завершились к вечеру, когда «Ансар Аллах» удалось взять под контроль территорию президентского дворца и здание БНБ. В результате 20 января начали поступать первые сигналы о достижении договоренностей между президентом Хади и хуситами, которые сводились к нижеследующему. Мансур Хади соглашался на недопущение внесения исправлений в проект конституции, ускорение реализации договоренностей Всеобщего национального диалога, решение вопросов безопасности в провинции Мариб. В свою очередь хуситы обязались отвести свои войска от президентского дворца и освободить бин Мубарака.

Однако спустя два дня хуситы выдвинули Хади дополнительные требования:

- назначить членов «Ансар Аллах» на посты вице-президента, вице-премьера страны, генерального прокурора, в органы Центральной службы по контролю и учету, на руководящие посты в органы судебной власти и госбезопасности;
- предоставить «Ансар Аллах» ряд министерских портфелей;

– принять 50 000 членов «Ансар Аллах» в ряды вооруженных сил Йемена.

Условия, выдвинутые власти со стороны «Ансар Аллах», оказались невыполнимыми, что и предопределило отставку президента Мансура Хади и премьер-министра Халеда Бахаха.

Позиция экс-президента Салеха и его партии при этом изначально была относительно нейтральной. Вечером 18 января и утром 19 января состоялось экстренное заседание ЦК Всеобщего народного конгресса, на котором Али Абдалла Салех отдал распоряжение своему брату генералу Али Салеху, создателю Республиканской гвардии, не вмешиваться в конфликт между хуситами и временным правительством. Нежелание ВНК занимать ту или иную сторону в противостоянии, равно как и «перетягивать одеяло» на свою сторону, четко проявилось в случае голосования (а вернее, неголосования) по отставке Хади в Палате представителей Йемена. Интересно, что йеменский парламент не переизбирался с 2003 г. и отражал реалии более чем десятилетней давности. Неудивительно, что большинство мест в Палате представителей имеет ВНК – 238 из 301. В случае принятия парламентом отставки Хади власть в стране должна была перейти к спикеру парламента, представителю Всеобщего народного конгресса Йахье ар-Раи. Однако отличительная особенность йеменского представительного органа заключалась в том, что после «революции 21 сентября» депутаты от ВНК начали активно симпатизировать хуситам, не меняя при этом своей партийной принадлежности. В этой связи голосование как за отставку президента, так и против только усугубляло бы и без того сложную ситуацию в стране. В первом случае власть возвращалась бы, по сути, в руки Али Абдаллы Салеха, во втором – становились бы бессмысленными попытки хуситов ликвидировать остатки первого временного правительства в стране.

Лишь стремлением занять наиболее безопасное для себя положение можно объяснить тот факт, что парламентарии не смогли созвать Палату представителей для рассмотрения важнейшего вопроса об отставке президента Хади. Заседание парламента так и не состоялось по причине отсутствия кворума, что дало хуситам все основания объявить и этот государственный орган вне закона и провозгласить начало формирования второго временного правительства.

Йемен становится регионом геополитической борьбы: «Ал-Каида», ИГИЛ и саудовская интервенция

Однако революция 21 сентября 2014 г. – 6 февраля 2015 г. вызвала резкое неприятие со стороны Саудовской Аравии, других государств Залива и ряда арабских стран, что превратило внутрийеменский конфликт в региональную проблему. Ситуация усугублялась еще и тем, что в Йемене уже действовали различные радикальные группировки, вызывавшие тревогу у международного сообщества и государств Залива. В частности, «Ал-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) возникла в 2009 г., но в первые годы деятельности этой организации она не считалась первостепенной угрозой для безопасности Йемена. Более того, нельзя исключать, что столкновения боевиков с официальными военными структурами были искусственно инспирированы и являлись отражением внутреннего конфликта между политическими силами в столице.

Подтверждением тому могут служить следующие факты, имевшие место в годы правления Салеха. Во-первых, боевики АКАП, арестованные и посаженные в тюрьму в разное время, значительно чаще других заключенных совершали побег, а сотрудники сил безопасности ни в одном из этих случаев не подвергались преследованию и не привлекались к ответственности за халатность.

Во-вторых, власти Саны использовали силы вооруженных группировок, когда это было необходимо, и по собственной инициативе замораживали деятельность боевиков, что подтверждалось свидетельствами всех партийных лидеров на протяжении 2011 – начала 2012 г. Наиболее очевидным доказательством существования диалога между властями Йемена и военизированными группировками может служить факт заключения перемирия на время проведения президентских выборов в феврале 2012 г.

В-третьих, вопреки поступающей информации о готовящихся нападениях со стороны боевиков «Ал-Каиды», службы безопасности и армейские подразделения не спешили принимать какие бы то ни было меры по противодействию потенциальной угрозе.

Наконец, значительное число членов военизированной группировки получали религиозное образование в учебных центрах, имеющих государственную аккредитацию и получающих официальную поддержку, в том числе со стороны правительственных чиновников.

Не исключено, что выступления «Ал-Каиды на Аравийском полуострове», которая борется против сотрудничества арабских стран с Соединенными Штатами Америки и выбирает в качестве своих мишеней места базирования вооруженных сил США, смогли стать удачным предлогом для получения правительством Йемена финансирования с целью борьбы с террористической активностью. Да и в целом на Ближнем Востоке вполне логичным образом активность АКАП и ее влияние среди исламистов были пропорциональны активности США в этом регионе [Bin Salam 2008].

Однако после ухода Али Абдаллы Салеха АКАП стала выходить из-под контроля властей¹⁶ и резко активизировала свою деятельность, в частности в нефтеносной провинции Мариб, с 2014 г., что в свою очередь связано как с внешними, так и с внутренними обстоятельствами. К первым можно отнести появление «Исламского государства» (ИГ). Различные радикальные группировки исламистского толка увидели в ИГ реальную силу, за которой можно следовать. Не стала исключением и «Ал-Каида на Аравийском полуострове», присягнувшая в феврале 2015 г. на верность лидеру ИГ Абу Бакру ал-Багдади. При этом весьма важную роль здесь играло усиление влияния хуситов, которые несовместимы с «Ал-Каидой» на экзистенциальном уровне.

Саудовская Аравия, наиболее всего заинтересованная в противостоянии хуситов и АКАП, пытается действовать через «Ал-Каиду» и просаудовски настроенного президента Хади. Давление саудовцев во многом заставило последнего отказаться от подписанного в январе 2015 г. отречения, де-факто перенести на какое-то время столицу в Аден, создать новое правительство и начать борьбу с «Ансар Аллах».

Саудовская Аравия также пытается консолидировать международное сообщество в оказании давления на хуситов. В частности, Эр-Рияд требует от своих арабских соседей поддержать группировку свергнутого президента Мансура Хади.

Прослеживается саудовский след и в попытках добиться реинкарнации Всеобщего национального диалога и переноса его из Йемена на саудовскую территорию. Это, в частности, обсуждалось 12 марта на саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде. Соответственно предпо-

¹⁶ Здесь стоит отметить, что сам Салех не раз обращался к новым властям страны с предложением использовать его контакты для переговоров с АКАП.

лагалось, что все политические силы Йемена должны будут договариваться о судьбе страны в Саудовской Аравии. Тем самым Эр-Рияд пытался решить сразу две задачи: во-первых, это контроль над легитимным с международной точки зрения политическим процессом, во-вторых, исключение из диалога хуситов – они в Саудовскую Аравию попросту не поехали бы.

При этом Саудовская Аравия явно ставит целью ослабление северного Йемена, оказывая поддержку южанам. Прежде всего йеменский юг не представляет для Саудовского королевства такой опасности, как север, с которым к тому же до сих пор существует неразрешенный территориальный конфликт по поводу Наджрана. Кроме того, политический спектр сил, представленных на юге, очень разнообразен в отличие от севера, где доминируют две ключевые политические силы – «Ансар Аллах» и ВНК, установить диалог с которыми для Саудидов представляется весьма затруднительным. Наконец, как уже упоминалось, для севера Йемена всегда были характерны развитость племенных структур и слабость государственных институтов, в отличие от южан, где картина прямо противоположна [см., например: Коротаев 1995а; 1996б; 1997; Korotayev 1993; 1994]. Такого рода племенная мощь севера во многом объясняет его превосходство над югом в военном отношении.

В этой связи неудивительно, что поддерживаемый Саудовской Аравией Мансур Хади, сбежавший в Аден, пытался ослабить северные территории. Неслучайно в начале марта 2015 г. он обратился к лидерам провинций Таиз и Ибб с просьбой о признании его легитимным президентом Йемена и оказании ему военной помощи. Причина такого шага понятна: именно эти две провинции исторически были наиболее развитыми и наименее лояльными властям Саны регионами Северного Йемена. Но Хади получил отказ.

А после того как командование Аденским гарнизоном отказалось подчиняться Хади, президент, оставшийся без военной защиты, принял логичное решение – обратился за помощью к вождям своей родной южной провинции Абьян. Имеются достаточные основания предполагать, что как шейхи абьянских племен, так и АКАП будут стараться использовать предложение Хади в своих интересах. В итоге Хади и саудовские лидеры довели ситуацию в стране до полномасштабной гражданской войны, а при самом негативном варианте развития событий существует опасность и вовсе

сделать из Йемена очередной плацдарм для развития «Исламского государства».

Первый шаг к этому саудовцы сделали, нанося авиаудары по йеменской территории. Ставка при этом делалась на то, чтобы активизировать сепаратистские движения на юге, например «Ал-Хирак». Подобная тактика саудовцев отнюдь не нова: во время гражданской войны 1994 г. Эр-Рияд уже поддерживал сепаратистские движения бывшего социалистического юга с целью ослабления севера, в котором королевский двор видел для себя перманентную угрозу.

Однако уязвимость саудовцев во многом связана и с фигурой Мансура Хади, видимо, лишившегося поддержки йеменского народа. Во-первых, его предложение о переносе «Всеобщего национального диалога» за пределы Йемена (в частности, предлагались Эр-Рияд, Доха и Маскат) оттолкнуло от него северян, которые сочли этот вариант неприемлемым. Во-вторых, просьба Хади о саудовском военном вторжении лишила его поддержки и очень заметной части южан. Неслучайно 24 марта 2015 г., в день своего обращения в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, северяне практически беспрепятственно продвинулись по всей провинции Лахдж и ворвались в шестисоттысячный Аден, что явно свидетельствовало о довольно слабой опоре у Хади даже на юге страны, откуда он родом. Симпатизировавшая ранее Хади партия «Ал-Ислах» на следующий день после саудовских авиаударов подвергла критике действия северного соседа.

Военное вторжение в Йемен может обернуться против самой Саудовской Аравии, которая оказывается во враждебном окружении. На севере – «Исламское государство», которое, если сможет, нанесет удар по королевству [см.: Труевцев 2014б; Швицер, Шауль 2015]. На востоке – проблема шиитского населения: как раз в самом экономически важном районе (именно там, где добывается нефть) живут шииты, многие из которых только и ждут какой-либо вспышки, чтобы бросить вызов суннитской монархии. Там же бахрейнский кризис: большинство жителей Бахрейна – шииты, во время Арабской весны они восстали против суннитской власти, которая восстановила стабильность только с помощью саудовских войск; но недовольство шиитов не исчезло. Потеря контроля над югом Аравии может сделать ситуацию непредсказуемой. Да и внутренняя обстановка в Саудовской Аравии нестабильна и в обо-

зримом будущем, скорее всего, будет накаляться ввиду назревающего поколенческого обновления политической элиты и обострения борьбы за власть.

Тем не менее результат войны всегда непредсказуем, и она может идти с переменным успехом. К августу 2015 г. коалиция Хади и государств Залива добилась заметных успехов: у хуситов при прямом участии эмиратского спецназа был отбит Аден, войска коалиции заняли большую часть примыкающей к Адenu провинции Лахдж, вышли к Таизу, развернули контрнаступление в провинциях Мариб и Шабва.

* * *

Таким образом, на кону оказался не только вопрос о власти, политическом режиме, но и о единстве страны. В течение последних месяцев вновь отмечено усиление сепаратистских тенденций на юге Йемена, причем активность Саудовской Аравии направлена на поддержку возможности отделения юга, прежде всего Адена, от остальной части страны. Произошла активизация и действующей на территории Йемена организации «Ал-Каида на Аравийском полуострове», чья активность в последнее время отмечается прежде всего в провинциях Шабва и Ал-Бейда. При этом саудовские позиции на севере Йемена явно ослабели ввиду того, что большинство политических сил там придерживается антисаудовских позиций. «А если говорить об “Исламском государстве”, их главным выразителем здесь является ал-Каида на Аравийском полуострове, в отношениях с которой Саудовская Аравия, конечно, может идти на временные союзы, имея при этом в виду, что именно Йемен и особенно его провинции Шабва и ал-Бейда являются наиболее удобными площадками проникновения боевиков ал-Каиды на территорию королевства» [Труевцев 2014б].

Начавшееся как борьба за обновление арабских обществ протестное движение, получившее название Арабской весны, выявило силы и проблемы, которые превратили весенние надежды в хмурые осенние реалии. В каждом государстве это проявилось по-своему. Но цена революционных экспериментов везде оказалась высокой. В Йемене пока еще даже невозможно представить, насколько высокой она станет, так как ставки продолжают расти. Поистине прав был Николай Бердяев, сказавший, что «революцию не понимают ни революционеры, ни контрреволюционеры» [Бердяев 1928: 41].

Глава 5.

«Исламское государство» – нежеланное дитя Арабской весны

Центральным звеном в афразийской полосе напряженности¹, охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является Ближневосточный регион. Но в результате последних событий и процессов узел проблем, который завязался в этом регионе, стал существенно сложнее, чем ранее. Если один из самых застарелых в мире арабо-израильский конфликт постепенно сузился в основном до палестино-израильского и от этого стал в известной мере предсказуемым, то в отношении Ближнего Востока ни о какой предсказуемости и речи быть не может (см. также *Заключение*). Существует несколько центров конфликта. Один из самых значимых находится в настоящее время на территории Сирии, откуда он распространился на Ирак, немного было успокоившийся после вторжения в это государство США. Обе страны на сегодняшний день выглядят частично территориально и институционально распавшимися, большая часть их национального пространства охвачена гражданской войной (о причинах этой войны в Сирии и роли в ней внешних игроков см. *Главу 3*). Конфликт приобрел характер политико-конфессионального противостояния, выходящего далеко за рамки отдельных государств. Фактически в регионе сложились межгосударственные суннитская и шиитская оси, противоборствующие по всем линиям соприкосновения (см. об этом также в *Главе 7*). Но наибольшую непредсказуемость дальнейшему ходу развития конфликта придает тот факт, что в его центре оказывается никем извне не контролируемое, самодостаточное в финансово-экономическом и военном отношении и стремящееся к безудержной экспансии террористическое «Исламское государство».

¹ Подробнее об этой полосе напряженности (мы предложили обозначить ее как «афразийскую макрозону нестабильности») см. в наших предыдущих работах: Гринин, Коротаев и др. 2014; Коротаев, Исаев 2014а; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015.

Такое развитие событий чревато дальнейшей эскалацией угрозы как в сугубо региональном, так и в более широком плане. Ни одно государство региона не осталось огражденным от реальных угроз внешнего вторжения, либо участия в вооруженных конфликтах с соседями и/или внутреннего коллапса. Практически на Ближнем Востоке не осталось ни одного государства, не вовлеченного в той или иной степени в эти негативные процессы (а в Северной Африке только Алжир в основном остается в стороне от них).

Следует обратить внимание также и на глобальное измерение сегодняшнего ближневосточного конфликта. «Исламское государство» превращается едва ли не в глобального игрока в исламском мире. Во-первых, в отличие от Афганистана, находящегося под властью талибов, оно находится не на периферии, а в самом центре исламского мира. Во-вторых, ряд исламистских организаций Северной Африки и Африки южнее Сахары уже присягнули ему на верность [см., например: Швицер 2015]. В-третьих, связь с исламской диаспорой, в том числе с неопитами из числа местных жителей в Европе, Америке и странах бывшего СССР, включая Россию, дает ему большие возможности для террористической деятельности по всему миру, возможно, даже несоизмеримые по своей перспективе с той, которой обладали террористические сети в предыдущие десятилетия.

Следует напомнить, что современный ближневосточный конфликт, в который сегодня прямо или косвенно вовлечены большинство стран региона и эпицентром которого в настоящий момент являются территории двух стран – Сирии и Ирака, не сразу обрел черты, присущие ему в последнее время. В своем развитии он прошел ряд этапов, каждый из которых характеризовался изменением его характера, динамики, состава участников и, что особенно важно отметить, последовательной эскалацией с расширением территориальных рамок и количества участвующих в нем сил. Вместе с тем менялся характер и возрастал потенциал исходящих от него угроз, в том числе и выходящих за региональные рамки.

Начало сирийского конфликта

На первом этапе этот конфликт, начавшийся, собственно говоря, в Сирии, проявлял себя почти полностью как внутрисирийский, поэтому он рассматривался как одно из логичных событий Арабской

весны. Имелся целый ряд причин внутрисирийского кризиса (см. *Главу 3*), но многие из них коренились уже в самой демографической структуре населения Сирии. Имеет смысл повторить некоторые данные, приводимые в *Главе 3*. На 2011 г. население страны составляло около 22 млн человек [World Bank 2014; 2015]. В составе населения, как мы видели, наряду с арабами есть достаточно значительное (10 %) курдское меньшинство (продолжающее играть очень важную роль в конфликте), которое в последнее время существенно увеличило свою численность за счет беженцев из Ирака. Наряду с мусульманами и алавитами² имеется и значительное меньшинство христиан (10 % населения), а также относительно небольшое (около 3 % населения), но достаточно заметное в политическом отношении друзское меньшинство [World Bank 2014]. Крайне важно, что среди мусульман доминировали сунниты (70 % от общего числа мусульман³). Алавиты, которые являются меньшинством (около 12 %), в то же время занимали ключевые позиции в государстве и армии. Все это предопределило одну из главных линий противостояния на первом этапе. Иными словами, протестное движение неминуемо должны были возглавить арабы-сунниты как представители этноконфессионального большинства, что, собственно, и произошло уже на первых этапах развития политического процесса в 2011 г.

Как уже сказано в *Главе 3*, антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., то есть на следующий день после массовых протестов на площади ат-Тахрир в Египте. А эскалация конфликта произошла с 15 марта. Уже в начале июня в акциях протеста в стране приняло участие около 3 млн человек [Коротаев, Исаев, Шишкина 2013]. Все чаще стали раздаваться требования смены политического режима. Как было сказано в *Главе 3*, режим президента Башара ал-Асада предпринял ряд мер, чтобы ослабить накал конфликта и расширить собственную политическую и социальную базу. В частности, был отменен режим чрезвычайного положения, выпущен из тюрем целый ряд политзаключенных, смещены многие губернаторы провинций, признана правомерность ряда требований протестантов. Эти меры, принятые

² Алавизм порой рассматривают как крайнее направление шиизма, но иногда и как самостоятельную религию, выделившуюся из ислама [см., например: Friedman 2010].

³ При включении туда алавитов.

президентом, также были направлены на то, чтобы вызвать раскол в рядах оппозиции, нейтрализовать ее умеренную часть, а в лучшем случае привлечь ее на сторону режима. Добиться этого удалось лишь частично.

С лета 2011 г. началось формирование Сирийской свободной армии, основным костяк которой составили офицеры, дезертировавшие из сирийской армии [см., например: Nasr 2012a; Васильев 2012], причем дезертиров среди военнослужащих, по некоторым (возможно, завышенным) данным, насчитывалось до 60 тыс. человек [Васильев 2012]. К ним присоединялись либо действовали отдельно военизированные отряды исламистов, сформировавшиеся в условиях исламистского подполья, имевшего традиционное влияние в ряде центральных городов страны, прежде всего в Хомсе и Хаме, а также в восточных провинциях. При этом следует учитывать, что ряд вооруженных исламистов приобрели немалый боевой опыт участия в борьбе против американских оккупационных войск в Ираке начиная с 2003 г., в том числе в рядах организации «Ал-Каида в Ираке», возглавляемой иорданцем Абу Мусабом аз-Заркауи вплоть до его гибели. Это был начальный этап становления радикальной оппозиции, поскольку ни Сирийскую свободную армию, вставшую на путь вооруженной борьбы с режимом, ни тем более объединявшихся с ней либо действовавших отдельно отрядов исламистов вряд ли можно причислять к умеренным оппозиционным силам именно по критерию формы противоборства с существующей властью.

Что касается умеренной оппозиции, придерживавшейся не вооруженных, а политических методов борьбы, то именно здесь первоначально, в 2011 г., и произошла основная линия размежевания. Первая коалиционная организация, включавшая ряд левых и либеральных сил, в том числе Компартию Сирии – Национальный координационный комитет за демократические перемены (НККДП), стояла на позициях мирной борьбы за изменение режима, вторая, Сирийский национальный совет (СНС), выступала в поддержку Сирийской свободной армии (ССА) и придерживалась вооруженных методов борьбы. Но именно это обстоятельство (переход СНС исключительно к вооруженному пути борьбы с сирийским режимом) означало и переход руководства СНС в ряды радикальной оппозиции, несмотря на то, что к созданию его в той или иной мере

были причастны некоторые либеральные или консервативные в прошлом деятели, которые так или иначе определенное время были частью сирийского истеблишмента, а также занимали высокие политические посты.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в то время как НККДП был создан и все время продолжал функционировать на территории Сирии, в первую очередь в ее столице, СНС был организован за рубежом, в Стамбуле, и, несмотря на заявленное стремление включить в организацию большинство оппозиционных представителей, на деле в его состав вошло крайне ограниченное число представителей политических, этнических и конфессиональных групп, включая «Братьев-мусульман», Ассирийскую демократическую организацию и курдскую партию «Движение за курдское будущее». Остальные члены СНС представляли в основном небольшие диссидентские группы сирийской эмиграции. Так или иначе СНС ни на момент своего создания, ни в последующем не смог привлечь в свое руководство ни одной знаковой фигуры, обладавшей достаточной степенью общественного авторитета и политической харизмы.

Указанные обстоятельства позволили ряду исследователей, в частности российских, рассматривать НККДП в качестве «системной» оппозиции, а СНС – в качестве «внесистемной» [Шишкина 2012]. В политической практике это дало сирийскому режиму возможность маневра, заключавшегося в реальных перспективах расширения своей социально-политической базы за счет постепенного привлечения на свою сторону по крайней мере части тех реальных и потенциальных секторов оппозиции, которые присутствовали на внутреннем политическом поле, и нейтрализации других, при одновременном игнорировании СНС не только как «внесистемной» оппозиции, но и как оппозиции, созданной за рубежом при участии внешних сил и мало кого представляющей в сирийском обществе [об успехах режима ал-Асада см., например: Balanche 2013].

Особенно очевидно это стало в 2012 г., когда, по сути, начался новый этап конфликта. Он приобрел ряд принципиально иных черт и международный размах. Очень важно отметить первые с 1963 г. выборы в парламент на альтернативной многопартийной основе, произошедшие 8 мая 2012 г. Выборы стали возможны благодаря перемирию, начавшемуся 12 апреля 2012 г. Победа на них блока

«Национальное единство» во главе с партией «Баас», как и само проведение выборов и процент участия в них, укрепили легитимность режима на внутривластном поле. Однако это совсем не означало перелома в ходе гражданской войны.

Эти перемены также никак не отразились на ситуации вокруг Сирии: внешняя изоляция режима на региональном и международном уровнях и поддержка, оказываемая вооруженной оппозиции, нацеленной на его свержение, продолжали нарастать. Таким образом, в 2012 г. произошла фактическая интернационализация конфликта. Начала складываться региональная и международная коалиция поддержки вооруженной оппозиции и противодействия сирийскому режиму [Исаев 2012б].

Выход на авансцену радикального исламизма и внешние силы

Как уже упоминалось в *Главе 3*, в середине 2012 г. стало казаться, что вооруженная оппозиция и поддерживавшие ее арабские и западные страны добились решительного перелома в войне. Так, в июле 2012 г. бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо [см. подробнее: Сирук 2012; Nasr 2012b; Secker, Russell 2012]. Казалось, что падение режима ал-Асада уже не за горами.

Однако именно в этот период стал проявляться первый неожиданный фактор в характере внутрисирийского конфликта, который вскоре поставил под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боевых столкновениях оказалась вовсе не США, а никому дотоле неизвестная «Джабхат ан-Нусра»⁴, которая на поверку оказалась не чем иным, как организацией «Ал-Каиды» в Сирии и Ливане⁵. Силы этой организации стали стремительно нарастать, к ней присоединились 12 других организаций исламистской направленности, в том числе такие уже получившие известность, как «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид»,

⁴ Полное название – *Джабхат ан-нусра ли-ахл аш-Шам*, что в переводе с арабского означает «Фронт поддержки народа Сирии».

⁵ По некоторым данным, с ноября 2012 г. на территорию Сирии проникли 6000 боевиков «Ал-Каиды» [Nasr 2012a].

«Ахрар Сурийа», «Лива ислами», которые до этого действовали под эгидой Сирийской свободной армии (ССА), причем некоторые из них насчитывали от 3000 до 5000 бойцов, а в ходе боев за Алеппо на сторону «Джабхат ан-Нусра» перешла и целая бригада ССА.

Поэтому к концу 2012 г., на который было намечено создание единой политической силы сирийской оппозиции, поддерживаемой арабскими и западными странами, военной опорой которой внутри Сирии должна была по-прежнему быть Сирийская свободная армия, последняя уже утратила роль ведущей силы вооруженной сирийской оппозиции. На ее место выдвинулась «Джабхат ан-Нусра», которая выразила свое отношение к Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) совершенно определенно: назвала ее «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран. Отношение же западных стран (как и международного содружества в целом) к «Джабхат ан-Нусра» тоже проявилось достаточно определенно: она была признана террористической организацией.

Отношение ближневосточных стран и сил к этой организации было не столь однозначным. Представители нефтяных монархий официально не признали ее террористической, а в неофициальном порядке некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на моджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не выявились их самые одиозные выходки. Турция официально присоединилась к признанию «Джабхат ан-Нусра» террористической организацией, однако именно через турецкую территорию осуществлялись поставка ей вооружения и, что не менее важно, проникновение увеличивающегося числа наемников и добровольцев из арабских и других мусульманских стран, а также из стран Запада и республик бывшего СССР.

Здесь представляется особенно важным акцентировать внимание на этом разрыве, произошедшем уже в конце 2012 г. Речь идет о разрыве между оппозицией, как ее хотели бы видеть международные и региональные круги, позиционировавшие себя в качестве «друзей Сирии» (то есть противников существующего в ней режима), и на которую они делали ставку, и сформировавшейся к этому времени главной силой оппозиции. Последняя не только проявила враждебность по отношению к так называемой умеренной оппозиции, но и вовсе не вписывалась в стратегию событий, начертанную

извне, а фактически в дальнейшем спутала все карты внешним игрокам. Проще говоря, Запад и региональные режимы сделали ставку на Сирийскую свободную армию (ССА), а главным бенефициаром развития событий стали вовсе не представляемые ею либеральные и умеренные исламские круги, а радикальные исламисты, представленные на тот момент в первую очередь организацией «Джабхат ан-Нусра».

Далее посмотрим, как «пазл» совпадающих интересов Запада и региональных режимов стал рушиться уже в конце 2012 г. Во-первых, Арабская весна в целом вышла за границы представлений о повсеместной, а тем более устойчивой победе коалиции либерально-демократических и умеренно-исламистских сил как модели поступательного социально-политического развития ближневосточных обществ. Единственным исключением, где такая модель оказалась хоть в какой-то мере жизнеспособной, стал Тунис (см. *Главу 7*). А, например, в Ливии не только развалилась наспех сколоченная «лоскутная коалиция разномастных сил», но в результате начавшейся в мае 2014 г. второй волны ливийской гражданской войны распалось и само государство.

Во-вторых, к этому времени уже окончательно выявились особенности развития процесса в Сирии. В частности, дестабилизация пришлось не на центр, а на периферию. Центр оказался на стороне режима и был потерян для оппозиции. Процесс размежевания при нарастании конфликта в большей степени захватывал оппозицию, чем сам режим. Мало того, оппозиция все более радикализировалась, причем в неприемлемом для Запада крайне исламистском направлении. Сам же Запад упорно продолжал цепляться за уходящий образ либерально-исламистской коалиции (чего стоит в этом контексте одна фигура руководителя коалиции христианина Джабры), в то время как под ней «расползалась» социально-политическая почва.

В-третьих, турецкие региональные амбиции в 2012 г. в целом еще представлялись оправданными. Существенная переориентация Турции с вектора европейской интеграции на ближневосточное и – более широко – панисламское направление, которая обозначилась с самого начала прихода к власти Р. Эрдогана и руководимой им Партии справедливости и развития, к этому времени принесла определенные результаты в виде значительного укрепления пози-

ций страны в исламском мире в целом и на Ближнем Востоке в частности. Ряд знаковых шагов турецкого руководства в этом направлении (особая позиция в ходе иракской экспедиции США и их союзников; поддержка Палестинского государства; помощь сектору Газа во время его блокады Израилем и инцидент с израильским конвоем, в ходе которого погибли турецкие граждане) внесли весомый вклад в рост авторитета Турции среди населения и политических кругов арабских стран. Впрочем, думается, главным фактором возрастания этого авторитета все же была сама привлекательность турецкой модели, обеспечившей впечатляющий экономический рост и социальный прогресс в мусульманской стране, где к власти пришла партия, идеологией которой является политический ислам. Вряд ли стоит сомневаться, что этот пример имел значение и в ходе Арабской весны: нельзя не обратить внимание хотя бы на тот факт, что названия созданных исламистами партий в Египте и Тунисе перекликаются с турецкой Партией справедливости и развития (о том, как турецкая модель привлекала революционеров в Тунисе см. в *Главе 7*).

Однако тот же 2012 г. показал и ограничители на пути триумфального «турецкого марша» в регионе. Несмотря на исключительно теплый прием, который был оказан Р. Эрдогану во время его визитов в Тунис и Каир, среди тунисской и египетской обществственности практически сразу после них стала нарастать обеспокоенность по поводу возможных гегемонистских устремлений Турции в регионе, и, что особенно примечательно, эта озабоченность не в последнюю очередь обозначилась именно в исламистских кругах. Это стало особенно заметным в Египте в 2012 г., когда правящие исламистские круги в этой стране недвусмысленно выразили (в том числе и устами президента М. Мурси) собственные устремления к региональному лидерству.

Кроме того, эта озабоченность (причем не только в указанных странах, но и более широко – среди общественности и политических кругов региона) возрастала по мере углубления вовлеченности Турции в сирийский кризис, в которой небезосновательно усматривали возможность чрезмерного усиления ее позиций в регионе. Поэтому проведение учредительной конференции Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) в декабре 2012 г. не на территории Турции, а в сто-

лице Катара Дохе следует рассматривать и как отражение противоречий между Анкарой и ее арабскими партнерами по поводу роли каждой из сторон и путей их взаимодействия в ходе сирийского кризиса.

Наконец, во второй половине 2014 г. стали очевидными, с одной стороны, недооценка Анкарой роли курдского фактора в сирийском и общерегиональном кризисе, а с другой – переоценка собственных возможностей воздействия на этот фактор.

В-четвертых, если по поводу западных держав еще можно утверждать, что они «плелись в хвосте» внутрисирийских событий, продолжая делать ставку на идею «умеренной оппозиции», то ведущим региональным игрокам, таким как Саудовская Аравия и Катар, вряд ли можно заподозрить в непонимании того, что происходит на самом деле. Поэтому когда они инициировали создание НКСРОС в Дохе, с достаточной уверенностью можно было предположить, что с их стороны речь шла об «азартной игре», связанной с дальнейшей эскалацией конфликта: НКСРОС в этом случае была уготована лишь роль «крыши», с помощью которой будет оказываться поддержка, а реальная ставка будет сделана на радикальную оппозицию в лице «Джабхат ан-Нусра». Вряд ли они при этом полностью адекватно оценивали все региональные последствия эскалации конфликта, которая в этом случае должна была произойти, и совершенно очевидна их явная переоценка уровня своего контроля над этой радикальной исламистской организацией, являющейся сирийским филиалом «Ал-Каиды». Но расчет на то, что через дальнейшую радикализацию конфликта удастся вовлечь Запад в сирийский конфликт по ливийскому сценарию, был достаточно реалистичным, и, как показали дальнейшие события, весьма близким к реальному воплощению.

В-пятых, позиция Израиля, связанная с попыткой через своих американских союзников сделать ставку в разгорающемся суннитско-шиитском противостоянии на консервативные суннитские режимы, в первую очередь Саудовскую Аравию, подверглась довольно существенному испытанию. Исходя из логики противостояния прежде всего с ХАМАС и «Хезболлой», Израиль оказался в определенной мере вовлеченным в сирийский конфликт. Но с приходом к власти в Египте «Братьев-мусульман» ХАМАС полностью переориентировался с Дамаска на Каир и другие суннитские источ-

ники поддержки, связь между ХАМАС и «Хезболлой» оказалась разорванной, и реальная региональная опасность для Израиля стала исходить уже не из шиитского лагеря.

Таким образом, к 2013 г. произошло существенное реформирование структурно-функциональных составляющих конфликта, включая не только его внутрисирийское, но и региональное измерение. При этом многие компоненты конфликта стали развиваться вопреки ожиданиям и расчетам большинства его участников, и даже там, где эти расчеты продолжали оставаться реальными, их дальнейшее прогнозирование вызывало растущие сомнения.

Курдский фактор и изменение ситуации в 2013 г.

Переход к следующей фазе конфликта в 2013 г. был обусловлен рядом внутрисирийских и региональных факторов и событий, придавших конфликту новые измерения и полноценные черты уже не внутривосточного, а регионального.

Что касается событий внутри Сирии, здесь есть необходимость некоторой дальнейшей детализации демографических данных, позволяющей глубже осознать динамику изменения соотношения сил не только на социально-политическом, но и на этноконфессиональном уровне, с учетом также географического контекста и (не в последнюю очередь) военно-политической составляющей.

Как уже было сказано, среди населения Сирии по религиозному признаку преобладают мусульмане-сунниты, а власть фактически принадлежала религиозному меньшинству – алавитам. Это и определило на первом этапе значимую роль суннитов в протестах. Однако по мере развития конфликта в условиях крайней радикализации оппозиции и прихода на доминирующие позиции в ней экстремистов, ведущих войну на уничтожение не только всех иных конфессиональных и этнических групп, но и «неправильных» мусульман из числа самих суннитов, эта линейная картина стала претерпевать достаточно быстрые изменения. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое – почти до 30 %. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффек-

тивных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом отношении призван был сыграть (и действительно сыграл) курдский фактор.

Уже на начальной стадии конфликта, в апреле 2011 г., Б. ал-Асад встретился с рядом курдских лидеров, и по итогам этой встречи был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции Ал-Хасака. Он коснулся немалого числа курдских граждан – 150 тыс. человек. Тем самым была ликвидирована историческая несправедливость в отношении этого народа, но не менее важным был сигнал, именно так и воспринятый курдами, о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения их прав в направлении автономии. После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом.

Следует отметить, что курдский вопрос имел здесь двойное значение, поскольку он касался не только борьбы с оппозицией, но и сирийско-турецкого противоборства.

Турция с самого начала пыталась учитывать курдский фактор в сирийском вопросе. Но для этого ей прежде всего было необходимо наладить отношения с курдами внутри самой Турции. И такие переговоры турецкая администрация начала в первые месяцы 2012 г. с находящимся в пожизненном заключении лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджаланом. При этом была выработана дорожная карта турецко-курдского урегулирования: турецкая сторона настаивала на прекращении курдами вооруженной борьбы и отказе от сепаратизма (то есть фактически от требований автономии) в обмен на последующее начало реформ по обеспечению права курдов на образование на родном языке и увеличение квоты последних при выборах в турецкий парламент.

Для курдов это соперничество в любом случае оборачивалось усилением позиций и в Сирии, и в Турции. Но сирийский режим в разыгрывании курдской карты опережал турецкое руководство не только по времени, но и в политической плоскости.

Это стало особенно очевидным в 2012 г. Уже с начала года поддержку режиму начала оказывать крупнейшая курдская партия на сирийской территории – Курдский демократический союз (КДС), тесно связанный с турецкой РПК. В июле 2012 г. из Сирий-

ского Курдистана были выведены правительственные войска, что открывало путь не только для формирования повсеместно курдской администрации (этот процесс подспудно начался ранее), но и для фактического установления безальтернативной курдской власти в районах Сирийского Курдистана. Иначе говоря, без формального объявления автономии процесс автономизации Курдистана уже начался. Его дальнейшее закрепление состоялось в конце ноября в столице Иракского Курдистана Эрбиле, где при посредничестве его президента М. Барзани было достигнуто соглашение между КДС и другой крупнейшей партией – Курдским национальным советом (КНС) об объединении усилий в деле достижения автономии. Кроме всего прочего это означало, что КНС, который до того проявлял колебания в вопросе о поддержке сирийского режима, склонялся на сторону союза с ним, и подавляющее большинство курдского общества в Сирии консолидировалось на проправительственных позициях. В этот период были отмечены не только заявления курдских лидеров о том, что они являются гражданами единого сирийского отечества, но и активизация сирийских вооруженных отрядов в борьбе с вооруженными силами радикальной оппозиции [см.: Люлько 2013а; 2013б].

Таким образом, курдский фактор к началу 2013 г. стал играть существенную роль в том серьезном переломе, который наметился на фронтах гражданской войны.

Дело в том, что курдам объективно принадлежит важная стратегическая роль на сирийско-турецкой границе. Большая часть курдского населения проживает на северо-востоке Сирии в уже упоминавшейся провинции Ал-Хасака, включая фактическую столицу Сирийского Курдистана г. Эль-Камышлы. В этом регионе Сирийский Курдистан смыкается с Иракским и Турецким Курдистаном, перекрывая значительную часть возможных путей снабжения сирийской оппозиции с территории Турции и одновременно обеспечивая поддержку сирийских курдов с сопредельных курдских территорий Турции и Ирака. Но еще один крупный курдский анклав расположен на Западе, примыкая к средиземноморскому побережью к северо-западу от Алеппо. Часть курдской диаспоры проживает и в самом Алеппо.

Уже в конце 2012 и начале 2013 г. произошли значительные столкновения между курдами и исламистами, причем не только в

пограничных курдских районах, но и в Алеппо. Ответные (на выступления курдов) зверства боевиков «Джабхат ан-Нусра» по отношению к мирному курдскому населению привели к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции.

Это изменение соотношения сил сказалось и на значительной части суннитского населения. Около трех миллионов сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактики вооруженных сил – переход от попыток фронтального наступления к концентрированным ударам по скоплениям боевиков и использование иррегулярных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо.

Дамаск, за исключением некоторых пригородов, оказался практически полностью освобожден от исламистских сил, в Алеппо также были достигнуты серьезные успехи.

В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись отряды «Хезболлы», имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане, а также военного противостояния Израилю. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически коренным образом изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, общее стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу режима Б. ал-Асада. Хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусра», это были преимущественно районы Сирийской пустыни, в наиболее населенных районах центра, севера и запада страны военно-политическое превосходство режима стало очевидным.

Истоки и история «Исламского государства»

На стороне оппозиции в возрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также мусульмане из стран Запада и СНГ, включая Россию. Их количество уже в 2013 г. стало исчисляться тысячами. Они пользовались военной и финансовой поддержкой со стороны не только общественных фондов и финансовых кругов ряда нефтедобывающих арабских стран Персидского залива, но и со стороны правящих режимов Саудовской Аравии и Катара.

В апреле 2013 г. на сирийском театре военных действий, помимо чисто сирийской по своему происхождению (имея в виду, что она была создана на базе сирийского отделения «Ал-Каиды») «Джабхат ан-Нусра», появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Ал-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака». 8 апреля 2013 г. она официально объявила о включении Сирии в свою сферу действий и соответственно о своем переименовании в «Исламское государство Ирака и Леванта»⁶ [ISI Confirms... 2013]. Таким образом, эта организация была создана на базе «Исламского государства Ирака» (иракского отделения «Ал-Каиды»), активно действовавшего там в течение десятилетия. Теперь же она заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств.

Вопрос, в чем причина быстрых успехов этой организации, пока не имеет достаточно полного ответа. Вопрос же о ее происхождении особых споров уже не вызывает – большинство аналитиков считают, что движение это имеет уже по крайней мере более чем десятилетнюю историю, а с учетом ее духовных связей с «Ал-Каидой» и еще большую.

Как и в отношении «Ал-Каиды», причины появления ИГИЛ лежат в дезинтеграции ближневосточных государств и усилении в результате возникшей анархии радикального исламизма, а также в более или менее последовательном поощре-

⁶ В арабском оригинале – *ад-Даула ал-исламийя фи-л-Ирак ва-ш-Шам*. Отметим, что последнее слово (*аш-Шам*) имеет в арабском языке два значения. Оно может обозначать и собственно Сирию, и более широкий регион, включающий в себя еще и Ливан с Палестиной (то есть Левант).

нии таких движений ради выгоды тех или иных геополитических игроков. Как пишет Э. Йылдызоглу [2014], ИГИЛ сформировалось как результат двух векторов, порожденных фиаско имперской политики США. Первый из них – шиито-суннитский конфликт, всплывший в тот момент, когда США оказались не в силах подавить сопротивление в Ираке (американцы не смогли овладеть с религиозно-этнической враждой, вышедшей из-под контроля в силу свержения Саддама и провокации со стороны самих Соединенных Штатов). Второй – вакуум власти и отдельные неуправляемые территории, которые стали возникать в Северной Африке, на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) в результате арабских восстаний. К этому следует добавить также в целом ошибочную внешнюю политику большинства держав, которые раскрыли объятия самым радикальным крыльям политического ислама и в конечном счете утратили доверие традиционных друзей и союзников в регионе и на Западе.

Таким образом, история ИГИЛ начинается с американской оккупации Ирака. В 2003 или, по другим данным, в 2004 г. иорданец Абу Мусаб аз-Заркави учредил региональное отделение «Ал-Каиды». Эта организация представлялась в дальнейшем как «Месопотамская Ал-Каида» или «Иракская Ал-Каида». После гибели Абу Мусаб аз-Заркави в 2006 г. в результате американской бомбардировки новым эмиром движения стал Абу Омар ал-Багдади (Багдади Первый, не путать с современным лидером Абу Бакром ал-Багдади). Он и провозгласил «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Эта организация в 2004–2010 гг. упрочила свое положение. Озан Ормеджи (2014) выделяет несколько важнейших этапов в развитии ИГИЛ.

Первым поворотным пунктом после уничтожения в ходе операции, проведенной американской армией в 2010 г., лидера организации Абу Омара ал-Багдади и его помощника Абу Хамзы ал-Мухаджира стал переход руководства организацией в руки Абу Бакра ал-Багдади. В результате его лидерства сила и численность членов организации заметно возросли.

Вторым важным событием для организации стал вывод американской армии из Ирака в 2011 г. Благодаря этому ИГИ расширило сферу своих действий и за короткий период стало набирать силу среди суннитских группировок в Сирии и Ираке (превраща-

тившись в конечном счете в апреле 2013 г. в ИГИЛ). Третьим значимым для организации поворотным пунктом стала гражданская война в Сирии. «Исламское государство Ирака и Леванта» появилось на сирийском театре боевых действий в 2013 г. в результате слияния иракских и сирийских суннитских группировок [Добров 2014]. Оно быстро взяло под свой контроль значительную часть районов Сирии, занятых до этого умеренной сирийской оппозицией, а также «Джабхат ан-Нусра». Вследствие ошибочной политики правительства Нури ал-Малики в Ираке ИГИЛ удалось завоевать доверие суннитского народа и захватить ряд городов [Ормеджи 2014].

Многие аналитики и обозреватели отмечают большую роль в становлении «Исламского государства» внешнего фактора. Например, Д. Добров [2014] считает, что так же, как «Ал-Каида» и «Талибан», ИГИ/ИГИЛ/ИГ было изначально создано при поддержке спецслужб США и стран Персидского залива. Чрезвычайно активно исламистам помогали Турция, Катар и Саудовская Аравия, особенно в период, когда ИГИ/ИГИЛ боролась с сирийской правительственной армией на севере страны. Сейчас Катар и страны Персидского залива категорически отрицают свою причастность к финансированию ИГИЛ, но ни для кого не секрет, что стратегической задачей суннитских монархий является борьба с «шиитским поясом» от Ливана до Ирана, включая Сирию и Ирак, и они готовы ради этого заключить соглашение с кем угодно. На первом этапе главным союзником ИГИЛ в Сирии стал фронт «Ан-Нусра», состоящий из сирийских и международных джихадистов и активно финансировавшийся Катаром. Однако вскоре ИГИЛ оказался в сложных отношениях с этой организацией, которая считается официальным подразделением «Ал-Каиды» в Сирии. После серии побед ИГИЛ/ИГ в Ираке в его ряды влилось много бойцов «Ан-Нусры» [Там же]. Роль таких стран Залива, как Саудовская Аравия и Катар, а также Турции в создании для ИГИЛ очень важной опоры подчеркивает и О. Ормеджи [2014]. После победоносного наступления в Ираке в июне 2014 г. ИГИЛ превратилось в ИГ, или халифат («Исламское государство»). Несомненно, важной датой короткой истории ИГИЛ является 29 июня 2014 г., когда его лидер Абу Бакр ал-Багдади провозгласил себя халифом, а подконтрольные его движению территории Сирии и Ирака – халифатом.

Как пишет Г. Вуд [Wood 2015], до лета 2015 г. единственным изображением Абу Бакра ал-Багдади была нечеткая фотография, оставшаяся после пребывания этого человека в американской тюрьме «Кэмп-Букка» во время оккупации Ирака. И вот 5 июля прошлого года он взошел на минбар мечети ал-Нури в Мосуле, чтобы прочитать проповедь в праздник Рамадан в качестве первого халифа за долгие годы. В тот момент повысилось качество его изображения на пленке, а также его статус, поскольку из партизана, за которым ведется охота, он превратился в главнокомандующего всех мусульман. Багдади говорил на камеру всего один раз. Но его выступление, а также бесчисленные пропагандистские видеоклипы и послания ИГИЛ присутствуют в Интернете. В итоге усилился наплыв в ИГ джихадистов со всего мира, который сегодня приобрел невиданные масштабы и темпы.

Хотя ИГ не скрывает, что ведет свое происхождение от бен Ладена (об этом говорится, например, в выпущенном им подобии информационно-рекламного ролика в ноябре 2014 г.), по мнению Доброва, халифат принципиально отличается от уже известных исламистских движений – «Братьев-мусульман», «Ал-Каиды», ХАМАС, «Хезболлы», фронта «Ан-Нусра» и т. д. Например, ИГ ставит на первый план идею «исламско-суннитского интернационала» и имеет намерение стать его ядром. В этом его реальное отличие от движений типа ХАМАС или «Талибан», которые решают чисто национальные задачи. ИГ, являясь «дочкой» «Ал-Каиды», имеет ту же идеологию и цели, однако это уже не террористическая организация классического типа, а «государственнический» проект, рассчитанный на построение халифата и контроль всех сфер жизни. Основная цель организации заключается в создании на территории Ирака и Сирии, преимущественно в их северном сегменте, где большинство составляют арабы-сунниты, туркмены и курды, шариатского государства, основанного на салафитской трактовке ислама [Ормеджи 2014]. Бен Ладен считал терроризм прологом к халифату, возникновения которого при своей жизни он не ждал. Его организация была гибкой, имела широкий географический охват и состояла из множества автономных ячеек. В отличие от «Ал-Каиды» ИГИЛ для поддержания легитимности требуется территория, а также иерархическая структура, чтобы управлять этой территорией (его бюрократия поделена на гражданскую и военную,

а территория – на провинции) [Wood 2015]. Отметим, что методы вооруженной борьбы ИГИЛ еще более жестокие и радикальные, чем у «Ал-Каиды», включая запрещенные виды оружия и безжалостный террор. Также необходимо указать на буквальное (и потому ужасающее) возвращение к изначальной практике мусульман (включая возрождение рабства, средневековых форм уголовных наказаний и жестокие казни). Налицо также откровенное восхваление жестокости и кровожадности. Все это делает ИГ гораздо более опасным в сравнении с «Ал-Каидой». Добров [2014] подчеркивает, что само слово «государство», или «халифат», говорит о форме общественного устройства, в которой война против «неверных» играет важную, но не единственную роль. ИГ взяло на себя функцию практической организации жизни на подконтрольных территориях и по-своему справляется с этой задачей, хотя и варварскими, средневековыми методами.

ИГИЛ первоначально заручилось безусловной поддержкой более мелких боевых группировок, таких как «Джейш ал-Фатихин», «Джейш ат-Таифа ал-Мансура», «Катаиб Ансар ал-Тавхид ва-с-Сунна» и «Джунд ас-Сахаба», а также длительное время пользовалась полной поддержкой «Ал-Каиды» [Ормеджи 2014]. Но позже между ними произошел разрыв.

Неожиданные успехи ИГИЛ и их причины

Таким образом, в 2013 г. в рамках внутрисирийского конфликта появилась новая грозная (а главное, никем из мировых лидеров не контролируемая) сила в лице ИГИЛ. Поскольку ИГИЛ поддерживало суннитскую версию ислама, для алавитов и шиитов оно было крайне опасным. В результате в регионе стала формироваться противостоящая ИГИЛ шиитская ось. Помимо уже упоминавшегося вступления в вооруженную борьбу на стороне сирийского режима начиная с первых месяцев 2013 г. боевых отрядов «Хезболлы», осенью появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. ал-Асада из Ирана четырех тысяч бойцов Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, ряд источников сообщал о том, что на стороне сирийского режима сражаются боевые отряды иракских шиитов, находящиеся в подчинении Мустафе ас-Садру, наиболее воинственному лидеру шиитов Ирака.

Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные оси – суннитская и шиитская, и это противоборство затрагивало непосредственно интересы практически всех расположенных в нем государств, неся в себе потенциальную угрозу тотального распространения конфликта на региональном уровне.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала генеральное развитие дальнейших событий по пути усиления противостояния именно по линии противоборства этих двух региональных политико-конфессиональных осей, причем со складывающимся перевесом в пользу шиитской. Свидетельством этого были события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2000 жизней их участников, ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима успешно наступать на их позиции. Относительный успех ИГИЛ в противоборстве со своими радикальными конкурентами также был на руку сирийскому и иракскому режимам, тем более что руководство «Ал-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири выразило в этом противоборстве однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве своего единственного легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противоборстве с радикальными исламистами в обеих странах.

Надо сказать, что ряд таких совместных ударов на пограничных территориях был действительно нанесен. Прежде всего речь идет о воздушных налетах на позиции ИГИЛ на пограничных территориях Ирака.

Однако в начале лета ситуация начала стремительно меняться, что стало совершенно неожиданным не только для местных и региональных сил, но и для глобальных центров, прямо или косвенно задействованных в данном ставшем уже региональным конфликте.

10 июня 2014 г. силами ИГИЛ был захвачен крупнейший город Северного Ирака Мосул, вскоре после этого в их руках оказался родной город Саддама Хусейна Тикрит, войска исламистов быстро приближались к столице страны Багдаду, от которого к концу июня их отделяло не более 80 километров. Регулярная иракская армия в ходе этого наступления оказалась практически разгромленной.

Несмотря на то, что дальнейшее продвижение на Багдад было все же остановлено, причем усилиями не столько регулярной армии, сколько радикальных шиитских группировок, обширные территории, захваченные ИГИЛ на территории Ирака, а также Северной Сирии, позволили группировке объявить себя состоявшимся государством. 29 июня 2014 г. вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (уже без территориальной привязки) в форме халифата.

На иракском театре военных действий в первые месяцы 2015 г. наметился некоторый перелом. В конце февраля – начале марта правительственные войска при участии шиитской милиции начали наступление на позиции «Исламского государства», и 11 марта им удалось отбить у него город Тикрит. При этом ряд источников сообщал об участии в этой операции офицеров иранского Корпуса стражей исламской революции. Стратегической целью операции являлось возвращение под контроль иракского правительства Мосула, а также захваченных исламистами нефтепромыслов.

Однако надежды на коренной перелом в борьбе с исламистами в пользу правительственных сил как Ирака, так и Сирии оказались по меньшей мере преждевременными. Уже в мае отряды «Исламского государства» предприняли наступление на столицу провинции Ал-Анбар город Рамади. Оно оказалось для иракских правительственных войск столь же неожиданным, как и предшествовавшее ему наступление на Мосул. Во всяком случае оно повлекло такое же беспорядочное, похожее скорее на бегство отступление из этого важного административного центра, расположенного всего в нескольких часах пешего перехода от Багдада. За этим последовало паническое бегство из города местного населения.

Не менее примечательно и то, что практически одновременно с кампанией по взятию Рамади происходило стремительное продвижение отрядов ИГ и на сирийском театре, результатом чего стало овладение ими расположенным примерно в 200 км к востоку от

Дамаска важным стратегическим центром Тадмуром (древней Пальмирой). Нельзя не отметить, что в отличие от 2014 г. ИГ в Сирии стало координировать свои действия с «Джабхат ан-Нусра» и другими разрозненными отрядами исламистских боевиков, что существенно изменило баланс сил в пользу исламистов, позволило им усилить свои позиции в ряде стратегически важных пунктов, включая пригороды Дамаска и ряд районов Алеппо. Это вновь поставило сирийский режим в критическое положение, не наблюдавшееся после начала 2013 г.

Существует целый ряд версий объяснения неожиданного успеха ИГИЛ. Большинство из них носит недостаточно глубокий, а иногда и откровенно конспирологический характер. Грубо говоря, они в основном сводятся к тому, что исламисты были «накачаны» оружием и деньгами Запада, прежде всего США, а также их региональных союзников – Саудовской Аравии, Катара, Турции (некоторые добавляют к этому ряду также Израиль), вследствие чего после массового притока наемников как из исламского мира, так и из стран Европы, Америки и постсоветского пространства они оказались в состоянии превратить это количественное накопление в новое качество, что привело к экспансионистскому взрыву.

Почти все перечисленные компоненты количественного накопления ресурсов так или иначе действительно имели место. Однако подобные простейшие, лежащие на поверхности объяснения не дают ответа на ряд не менее простых вопросов. А они существенны.

Во-первых, почему этот успех достался наиболее радикальным, по сути антизападным (и даже антитурецким, антисаудовским и уж точно антиизраильским) исламистам, а вовсе не силам национальной коалиции (НКСРОС), которых как раз «накачивали» и деньгами, и оружием почти все перечисленные страны?

Во-вторых, почему боевики из умеренных исламистских организаций массово переходили в лагерь наиболее радикальных, антизападных, антитурецких и антисаудовских исламистов? Простые объяснения (не без доли понятного злорадства) типа: «Вот, они их кормили, а против них же все и обернулось» – на самом деле ничего не объясняют, точно так же не был объяснен антизападный поворот «Ал-Каиды».

В-третьих, почему успех в противостоянии радикальных исламистских сил достался не более «сирийской» «Джабхат ан-Нусра»,

а более «иракскому» ИГИЛ, даже несмотря на поддержку первой со стороны руководства «Ал-Каиды»?

И, наконец, в-четвертых, почему после явного перевеса, достигнутого в ходе военной конфронтации с «Джабхат ан-Нусра», силы ИГИЛ двинулись вовсе не на Дамаск, а на Багдад?

Ответы на эти вопросы на самом деле есть. Первый и главный из них заключается в самостоятельности, самодостаточности, в том числе ресурсной, радикальных исламистских организаций [см., например: Кронин 2015].

Самодостаточность зиждется прежде всего на самом исламском проекте. «Ислам – вот решение», – говорил Хасан ал-Банна. Вначале это был всего лишь лозунг, но Усаме бен Ладену в определенной степени удалось сделать его проектом возвращения к халифату. Причем сама сетевая структура «Ал-Каиды» уже использовала (с совершенно современным наполнением) ряд структур, заимствованных из исторического опыта арабского халифата, таких как джамааты (небольшие вооруженные группировки боевиков), имараты (военно-административные единицы на различных территориях во главе с боевым командующим, амиром) и пр. Эти структуры и сегодня продолжают существовать как на территории исламского мира, так и в странах, входящих в понятие «Дар ал-харб», включая многие государства Америки, Европы, Азии, Африки, постсоветского пространства, где присутствуют мусульманские диаспоры. Все это уже составляет достаточные точки притяжения для неудовлетворенных своим положением и существующим порядком в своих странах мусульман, включая неопитов.

Идеология ИГИЛ, вероятно, подкупает своей простотой, ясностью, бескомпромиссностью и возможностью для каждого, кто желает быть истинным мусульманином, найти свое место в объявленной борьбе с неверными. Этот феномен радикализма – чем примитивнее лозунг, тем он привлекательнее для малограмотных масс – в целом известен в истории различных движений. Кроме того, ИГИЛ в определенной мере играет на противоречиях между суннитами и остальными исламскими течениями, объявляя, по сути, первых истинными мусульманами, а остальных – неправильными. И в условиях указанных выше претензий сирийских (а также и иракских) суннитов к властям, которые пренебрегали их интересами, такой подход также мог дать идеологические очки ИГИЛ.

Идеологические и организационные компоненты (начиная от проповедей радикальных носителей идеологии исламизма и заканчивая вовлечением людей в боевые группы) создают основу главного, человеческого ресурса радикальных организаций, боевой костяк которых первоначально составляли те, кто приобрел опыт сражений в Афганистане. Затем этот костяк пополнялся воевавшими в Боснии, Алжире, Чечне и других горячих точках мира. Не приходится говорить, что помимо боевого опыта они отличаются чрезвычайной мобильностью, мотивированностью и нацеленностью исключительно на войну, поскольку это стало их единственной профессией.

Особо следует сказать о финансовом ресурсе. Базовой основой финансирования боевых радикальных исламистских групп начиная с «Ал-Каиды» стал «ал-хавалья» – финансовые потоки, формирующиеся из добровольных, но фактически обязательных ежемесячных взносов мусульман на благотворительность. Именно благодаря тому, что У. бен Ладену еще в годы Афганской войны удалось «оседлать» значительную часть этого обезличенного финансового ресурса, исчисляемого миллиардами долларов и не поддающегося никакому внешнему контролю, ему удалось превратить «Ал-Каиду» в могущественную глобальную организацию. Если к этому прибавить огромные ресурсы мусульманских благотворительных фондов, контролируемых сочувствующими радикальному исламу религиозными финансистами в таких странах, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Кувейт, и ряде других мусульманских государств, становится понятным, что не только «Ал-Каида», но и такие организации, как «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ (созданные на базе филиалов «Ал-Каиды») изначально обладали достаточными финансовыми ресурсами, чтобы обеспечивать регулярных бойцов и новобранцев, осуществлять вербовку новых боевиков и закупать оружие в достаточных для ведения крупномасштабной сухопутной войны объемах.

Поэтому представления о том, что эти группировки удастся поставить под контроль политически или экономически, через финансовую подпитку по официальным или полуофициальным каналам, поставки оружия или разведывательные структуры, будь то ЦРУ или саудовская разведка во главе с Бендером бен Султаном, оказались не более чем иллюзией. Разумеется, исламисты не отка-

зывались от подобной помощи, но это никак не определяло существования и направления их действий.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» (разумеется, не окончательная и неполная) объясняется, на наш взгляд, двумя факторами, на которые практически никто не обратил внимания поначалу.

Первый заключается в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, уже реально действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии, – Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Второй фактор заключается в более качественном военном руководстве и планировании, а также осуществлении военных операций.

Это не было еще столь очевидным на сирийском театре военных действий, однако в полной мере проявилось в ходе иракского блицкрига, когда с ходу был взят Мосул, а затем и Тикрит, и судьба Багдада, казалось, висела на волоске.

Одной из главных причин этого успеха было то, что впервые за все время существования постсаддамовского Ирака произошло соединение двух главных оппозиционных сил суннитского ареала – радикальных исламистов бывшей «Ал-Каиды» в Ираке и иракского баасистского партизанского движения, которые до самого недавнего времени не только действовали разрозненно, но и изначально отличались крайней взаимной враждебностью [о причинах успехов ИГИЛ в Ираке см. также: Коэн 2015; подробности о ключевых командирах ИГ см.: Ключевые командиры... 2015].

Одним из главных мотивов этого объединения стала общая угроза, исходившая из того, что наметившаяся координация действий сирийского режима с правительством Нури ал-Малики (при прямом или косвенном участии Тегерана) могла привести к разгрому и тех и других. Более того, шиитская «реконкиста», затронувшая не только районы южнее Багдада, но и саму столицу, несла потенциальную угрозу суннитской общине Ирака как таковой, о чем свидетельствовали не только политические действия Н. ал-Малики, ограничивавшие роль суннитов в политическом пространстве, но и удары,

наносившиеся по суннитским племенам в провинции Ал-Анбар [Труевцев 2013].

К этому времени были амнистированы некоторые военные руководители, занимавшие различные посты в армии (и особенно в Национальной гвардии) в период правления Саддама Хусейна, осужденные в рамках кампании дебаасизации [Исаев 2015б]. Многие из них примкнули к подпольной вооруженной оппозиции. Именно это при соединении структур ИГИЛ со структурами баасистского партизанского движения дало ту синкретику, которая стала залогом их успеха в ходе кампании по захвату большей части «суннитского треугольника» в западной и центральной областях страны.

ИГ и изменение геополитической ситуации в регионе

Создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

Прежде всего следует отметить, что исламское государство в форме халифата впервые стало реальностью в новейшей истории. Уже само по себе это вносит совершенно новый аспект в современный исламский дискурс, давая весомый аргумент тем, кто утверждает не только возможность, но и неизбежность возвращения к исламским корням. Правда, на вопросы о реальной структуре государства и его атрибутов ответы пока неясны, кроме разве что права на насилие, которое осуществляется с чрезмерным усердием. Однако что касается финансово-экономических основ этого государства, их база заложена при захвате Мосульского отделения Национального банка Ирака с его авуарами в несколько миллиардов долларов, а также нефтепромыслов в северной части страны, откуда успешно осуществляется контрабандная торговля нефтью. Таким образом, изначальная финансовая база, существовавшая за счет упоминавшихся уже традиционных для исламистов источников, серьезно, а возможно, и многократно пополнена за счет новых.

После создания ИГ конфликт окончательно перешагнул страновые рамки. Не говоря уже о землях Ирака и Сирии, террористическое государство непосредственно затрагивает территориальные интересы по меньшей мере еще трех стран региона, прямо угрожая их территориальной целостности, да и самому существованию.

Речь идет о том, что ИГ непосредственно вышло к границам Турции, Иордании и Саудовской Аравии.

Существованием ИГ, однако, вовсе не исчерпывается характер угроз дальнейшего разрастания конфликта, как не ограничивается Турцией, Иорданией и Саудовской Аравией перечень стран, где не только существует опасность воздействия общерегионального конфликта на внутреннюю конфликтогенность, но и уровень внутренних конфликтов либо доходит до критической точки, либо уже перешел ее [Труевцев 2014а].

Таким образом, региональный конфликт приобрел поистине многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран и одновременно увеличивает риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального и мирового конфликта.

Подтверждением этому стало создание военной коалиции против ИГИЛ в сентябре – декабре 2014 года. Формально ее членами стали почти 60 государств, в том числе западных (НАТО и многие страны ЕС) и ближневосточных (Иордания, Марокко, страны Залива и Лига арабских государств – как коллективный член). Основными военными действиями стали воздушные удары, но в целом действия коалиции оказались не слишком эффективными.

В сентябре 2015 г. российский президент В. В. Путин предложил США и западным странам создать новую, более эффективную коалицию против «Исламского государства» с опорой на наиболее важную военную силу – армию Башара ал-Асада. Однако западные страны не проявили активности в этом вопросе. В результате Российская Федерация вынуждена была оказать военную помощь законному сирийскому правительству ал-Асада собственными силами. 30 сентября 2015 г. российская авиация стала наносить воздушные удары по позициям исламских радикалов.

Ярким примером неизбежного вовлечения в этот конфликт стала Турция (причем степень ее вовлеченности усиливается). Турецкое руководство оказалось практически перед тупиковым для него выбором в противостоянии между курдами и ИГ. Нападение исламистов на пограничный с Турцией курдский город Кобани (Айн ал-Араб) потребовало проведения против них наземной операции, которая могла быть осуществлена либо силами турецкой армии, либо

силами боевых отрядов турецких курдов совместно с иракско-курдскими пешмерга. Турецкие власти долго отказывались и от собственного участия в операции, и от предоставления коридора для прохода курдских отрядов, несмотря на требования своих союзников по НАТО и региональных стран антиисламистской коалиции.

Их позиция была понятна: несмотря на потенциальные угрозы для Турции со стороны ИГ, это исламистское образование сегодня представляет собой единственный заслон на пути окончательного военно-политического объединения территорий сирийских, турецких и иракских курдов и создания их неподконтрольного Турции территориального единства. Но в конечном итоге в результате протестных волнений в Турецком Курдистане Турция была вынуждена пойти на оба этих шага – предоставить курдским боевикам возможность поддержать своих сирийских «собратьев» в противостоянии с исламистским геноцидом и обозначить участие своих войск в этой наземной операции, дабы сохранить хотя бы видимость контроля в данном пограничном районе.

Политический результат для турецкой власти можно резюмировать следующим образом. Во-первых, курды усилили свои политические позиции внутри Турции в процессе борьбы за автономию. Во-вторых, силы ИГ впервые в начале 2015 г. осуществили рейд на территорию Турции, показав, что они не только переходят с ней в открытую конфронтацию, но и в состоянии нанести ей ущерб (нападению сопутствовали новые идеологические установки со стороны ИГ с объявлением Османской империи «ненастоящим халифатом», что придает их противостоянию с Турцией историко-политический оттенок и может служить косвенным сигналом террористам внутри Турции для активизации их действий). В-третьих, и то и другое ослабляет позиции Р. Эрдогана в контексте прошедших парламентских выборов, давая его противникам повод обвинить его в слабости перед лицом радикальных исламистов и курдских сепаратистов. Эрдоган оказался в достаточно сложном положении. Бесспорно, для турецкой власти выбранная ею изначально политика невмешательства в конфликт с ИГ была бы наиболее выгодной, поскольку конфликт между курдами и ИГ лежит де-факто в фарватере политических интересов турецкого руководства, подрывая тем самым чаяния турецких курдов на получение автономии.

Однако вылазки исламистов на территорию Турции по сути поставили под угрозу саму возможность дальнейшей безучастной позиции Анкары. Поэтому Эрдоган вынужден воевать против своего «союзника» по курдскому вопросу – ИГ, подтверждением чему стали авиаудары, наносимые ВВС Турции по позициям исламистов [РБК 2015]. Правда, по большей части декларируемую войну против террористов ИГИЛ турки используют именно для борьбы против собственно курдов (Рабочей партии Курдистана), чего и не скрывают.

В Ливане следствием усиления региональной шиитской оси и активного участия «Хезболлы» в боях в Сирии стало усиление позиций шиитов во внутривосточном спектре. Ответом на это стала радикализация части ливанских суннитов, чего раньше на ливанской политической арене практически не наблюдалось. Правда, связи между ливанскими суннитами и суннитской оппозицией в Сирии складывались и ранее, но присутствие в стране (прямое или косвенное) «Джабхат ан-Нусра» (а сейчас не исключено, что и ячейки ИГ) создает новую ситуацию, вновь приближающую Ливан к опасной грани возвращения к гражданской войне.

В не менее сложной ситуации, как представляется, оказывается Израиль. Правящие круги страны в течение последних десятилетий строили стратегию, основанную на противостоянии оси ХАМАС – «Хезболла» – Сирия – Иран, где в качестве ведущей силы рассматривается последний, но в качестве непосредственной угрозы, что не раз подтверждалось недавно, рассматривается ХАМАС, а вслед за ним – «Хезболла» и неизменно поддерживавшая ее Сирия. Понятно, что Иран оказывал всем этим силам всестороннюю поддержку, а кроме того, неоднократно выступал с угрозами применения ядерного оружия против Израиля. Эта угроза до сих пор воспринимается Израилем как реальная.

Однако в свете противостояния региональных суннитской и шиитской осей в рассматриваемой конфигурации произошло определенное переформатирование. ХАМАС практически вышел из союза с Сирией и Ираном, предпочтя этому установление более тесных контактов с суннитскими радикалами. Тем временем «Джабхат ан-Нусра» вышла на границы с Израилем, вытеснив миротворческие силы ООН с Голанских высот. Было бы, очевидно, верхом наивности представлять, что суннитские радикалы, союз-

ные с ХАМАС и движимые салафитской идеологией, могут представлять для Израиля меньшую угрозу, чем, скажем, Дамаск, практически ни разу не вступавший в прямую конфронтацию с ним после войны 1973 г., а сейчас к тому же полностью вовлеченный во внутренний конфликт. Кроме того, антииранская стратегия израильского руководства в последнее время вступила в явный конфликт с линией администрации Б. Обамы по вопросу об иранской ядерной программе [см., например: Глик 2015; Кахана 2015; Непомнящий 2015; Уитни 2015а; 2015б; Эскобар 2015; Тол Гёньюль 2015; см. также Гринин 2015б]⁷. В этом контексте положение Израиля в общей динамике сегодняшнего ближневосточного конфликта может быть чревато новыми труднопредсказуемыми угрозами.

Внешне- и внутривосточная ситуация в Саудовской Аравии в контексте регионального кризиса представляется не менее сложной, чем та, которая наблюдается в перечисленных странах. Являясь одним из самых закрытых обществ в мире, Саудовское королевство дает не слишком много информации, доступной прямому политическому анализу. Тем не менее опыт стран, в том числе и арабских, переживших долгое геронтократическое правление, подсказывает, что начавшаяся смена поколений власти уже сама по себе является предвестием политической турбулентности. При этом вряд ли стоит забывать, что более чем десятилетняя активность «Ал-Каиды» в стране не могла не оставить своего следа в виде «спящих ячеек» радикальных исламистов, симпатизирующих и сотрудничающих с ними религиозных авторитетов, имеющих корни в том числе и в среде истеблишмента [Труевцев 2014б].

В этом контексте угроза захвата святынь Мекки и Медины и уничтожения священного камня Каабы со стороны ИГ вовсе не кажется совсем уж пустым бахвальством.

Не исчезла и угроза со стороны шиитской оси, тем более что, как известно, волнения 2011 г. затронули в том числе и шиитские районы Саудовской Аравии, где расположены основные нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие предприятия. Уже после этих волнений в 2013–2014 гг. появились публикации, по мнению ряда аналитиков, инспирированные из Ирана, где обозначались возмож-

⁷ Подробнее об этом см. *Заключение*.

ные точки уязвимости Саудовской Аравии на ее восточных нефтепромыслах в случае даже ограниченных атак небольших боевых групп [Труевцев 2014б].

Если говорить о западной части самого региона, то, помимо «Ал-Каиды» на Аравийском полуострове, еще ранее о присоединении к ИГ заявили салафитские группы на Синае, тесно связанные ранее с египетскими «Братьями-мусульманами», а также с ХАМАС.

Террористическая деятельность салафитских групп на Синайском полуострове, которая спорадически ведется с момента военного переворота в Египте в июле 2013 г. и жертвами которой стали десятки военнослужащих, фактически вовлекла Египет в региональный конфликт. Эта вовлеченность, однако, практически не выходит за территорию страны. Впрочем, следует отметить, что связь египетских салафитских групп с ХАМАС имела последствия в виде объявления последней властями страны террористической организацией – при том что еще до такого законодательного оформления члены ХАМАС в течение последних трех лет неоднократно арестовывались в Египте за подрывную деятельность.

Тем не менее стоит отметить, что эта позиция Египта означает наряду с йеменским фактором обозначение региональной границы на западе региона, ставящей предел ареалу непосредственного распространения активности и потенциальной власти радикальных суннитских исламистов.

Этот факт необходимо подчеркнуть в связи с тем, что исламистские группы, располагающиеся вне региона, заявляют о присоединении к «Исламскому государству».

В Африке это относится прежде всего к Ливии, где исламистские группировки, захватившие власть в ряде районов страны, объявили себя частью ИГ. Однако физического присоединения их к халифату не произошло, да и не может произойти, пока на пути к этому препятствует египетское государство с его мощной армией. Правда, это означает, что Египту приходится сегодня воевать на два фронта. Это стало особенно очевидным, когда ливийские террористы в стиле, присущем действиям ИГ, казнили десятки египетских христиан-коптов. В ответ египетская авиация нанесла бомбовый удар по позициям ливийских исламистов, но тем самым со всей очевидностью была обозначена и региональная граница «Исламского государства». Чувствуется влияние ИГ и в Тунисе, где

произошло несколько крупных террористических актов (см. подробнее *Главу 7*).

Схожим образом обстоит дело и к востоку от Ирана. Ряд исламистских группировок в Афганистане (и Пакистане) также заявили о присоединении к «Исламскому государству». Это, разумеется, создает новые угрозы в непосредственном «подбрюшье» Средней Азии, на границах Туркмении, Таджикистана и Узбекистана. Опасность угрожает и иранским границам. Однако пока на пути распространения этого радикального исламистского движения на западе от Афганистана стоит столь мощное государство, как Иран, ни о каком его физическом объединении с ИГ говорить не приходится.

В силу этих факторов, несмотря на всю глобальную угрозу, которая исходит от «Исламского государства» как главного на сегодняшний день источника международного терроризма, о самом этом государстве как структурно-политическом феномене речь может идти только в региональном, но никак не в глобальном плане. Однако реальное влияние ИГ выходит далеко за рамки региона, поскольку движение исламских добровольцев из разных стран, включая европейские, достигло довольно заметных масштабов и даже, кажется, усиливается, что не может не тревожить как Запад, так и Россию, где проживает много миллионов мусульман, а также и многие другие страны мира [см., например: *Строкань 2015: 6*]. Таким образом, в определенном смысле ИГ все-таки оказывает влияние и в глобальном масштабе.

Часть третья. БЛИЖНИЙ ВОСТОК И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИР-СИСТЕМЕ

Глава 6. Революционная волна 2013– 2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ

Турбулентность, означающая, по нашему мнению, начало глобального процесса реконфигурации Мир-Системы (см.: Гринин 2012а; Grinin, Korotayev 2013; 2014а; подробнее см. *Главу 7*), с начала 2010-х гг. проявила себя отнюдь не только на Ближнем Востоке. В 2013–2014 гг. мир столкнулся с новой и при этом достаточно своеобразной революционной и протестной волной в различных регионах мира. Волна протестов в Каире, Киеве и Бангкоке привела к падению режимов (в первом и третьем случае – при прямом участии военных), а в Тунисе, Каракасе, Стамбуле/Анкаре и Сараево предъявила серьезный вызов соответствующим режимам, но не привела к их свержению¹. Есть ли что-либо общее между этими волнами дестабилизации, произошедшими хоть и синхронно в столь далеких на первый взгляд (и географически, и цивилизационно) странах, как, скажем, Венесуэла, Украина и Таиланд? Как выясняется, есть. И неожиданно много.

Интересную попытку поиска данного общего знаменателя предпринял известный американский социолог Дж. Голдстоун. Он проанализировал четыре случая волн дестабилизации 2013 – начала 2014 г. (в Таиланде, Украине, Боснии и Венесуэле) и обратил внимание на следующие общие характеристики, наблюдающиеся во всех этих случаях.

¹ Наиболее близко к свержению режима, на наш взгляд, подошли в 2013 г. тунисцы. Однако от революции Тунис во многом спасло то обстоятельство, что тунисская протестная волна развивалась вслед за египетской: в результате лидеры как умеренно исламистского тунисского режима, так и секуляристской оппозиции смогли увидеть трагические последствия египетской «революции 30 июня» (или военного переворота 3 июля) еще до того, как волна в Тунисе достигла критической точки (о событиях в Египте см. *Главы 1 и 2*). В результате лидеры обеих сторон пришли к выводу, что полномасштабная новая волна революционной дестабилизации вполне может привести к значительному ухудшению ситуации, и приняли мудрое решение пойти на компромисс (см. также о событиях в Тунисе *Главу 7*).

Первое. «Все четыре – это “среднеразвитые” страны, не относящиеся ни к самым богатым, ни к самым бедным обществам. Согласно Международному валютному фонду, они ранжируются среди всех стран мира по своему ВВП на душу населения (по паритетам покупательной способности) в промежутке от 71-го места для Венесуэлы до 106-го места для Украины, притом что Таиланд занимает 92-е место, а Босния – 99-е. Другими словами, среди 187 стран мира, для которых МВФ дает информацию по душевому ВВП, рассматриваемые нами государства находятся в точности посередине. Все эти страны подошли к такой точке в траектории своего развития, когда большинство их населения грамотное, оно ожидает, что правительство обеспечит ему эффективную экономику, работу и нормально функционирующие общественные службы. Однако граждане этих стран совсем не чувствуют себя в экономической безопасности и недовольны своим уровнем жизни. Эта безопасность и лучшее будущее для них и их детей в очень высокой степени зависит от того, будет ли руководство этих государств работать над обеспечением больших возможностей и прогресса для их стран или же будет заниматься собственным обогащением и защитой себя и своих приближенных. Они находятся как раз в такой точке, когда ограничение коррупции и рост подотчетности властей являются критически важными для решения вопроса о том, сможет ли та или иная страна продолжить догонять богатые государства или скатится обратно к жизненным стандартам бедных стран» [Goldstone 2014a].

Второе. «Все четыре страны проиндексированы организацией *Freedom House* как “частично свободные”» [*Ibid.*]. Это обстоятельство представляется очень важным, так как оно показывает, что во всех случаях мы имеем дело с неконсолидированными демократиями, политическими системами, переходными между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией, между тем как Дж. Голдстоун и его коллегами было уже достаточно давно с научной четкостью показано, что социально-политической дестабилизации в особо высокой степени подвержены именно политические режимы, переходные между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией [Goldstone *et al.* 2003; 2010]. С этим, кстати, связано одно важное обстоятельство. Как мы могли видеть выше, Дж. Голдстоун связывает высокий уровень

риска дестабилизации в среднеразвитых странах, затронутых революционной волной 2013 – начала 2014 г., с низким качеством работы государственной администрации в этих странах. Однако к проблеме неконсолидированных демократий прибавляются непрофессионализм администрации, а также преобладание граждан, которые еще не интернализировали демократические ценности в необходимом объеме и в результате считают нормальным не ждать следующих выборов для устранения от власти неугодного правителя, а немедленно предпринимать революционные действия, направленные на его свержение [см.: Труевцев 2011; Цирель 2012а; 2012б; Малков и др. 2013; см. также *Главу 2*].

Третье. «Не должно вызывать удивления, что эти четыре страны характеризуются как высоко коррумпированные: согласно *Transparency International*, Таиланд занимает 102-е, Украина – 144-е, а Венесуэла – 160-е место по уровню восприятия коррупции. В 2012 г. *Transparency International* охарактеризовал Боснию как несколько менее коррумпированную страну, поставив ее на 72-е место; но в прошлом году уровень воспринимаемой коррупции для этой страны резко вырос, и одной из основных претензий протестующих здесь было то, что проведенная боснийским правительством в прошлом году приватизация государственного имущества представляла собой спектакль самой откровенной коррупции» [Goldstone 2014а].

Отметим, что все сказанное выше в полной степени относится и к трем случаям революционной волны 2013–2014 гг., которые Дж. Голдстоун не рассматривал, – в Египте, Турции и Тунисе.

Во-первых, подобно Таиланду, Украине, Боснии и Венесуэле, Тунис, Египет и Турция относятся к среднеразвитым странам [IMF 2013]; во-вторых, они были отнесены *Freedom House* на момент начала в них протестной волны к категории «частично свободные» [Freedom House 2013]; в-третьих, они (Турция с некоторыми оговорками) характеризуются высоким уровнем коррупции [Transparency International 2013].

Отметим, что со второй характеристикой всех семи стран рассматриваемой революционной волны тесно связан еще один общий знаменатель, разительно отличающий волну 2013–2014 гг. от волны 2011 г. (Арабской весны). Как мы уже отмечали в *Главе 1*, практически все попытки (иногда успешные) свержения режимов во

время Арабской весны были направлены против авторитарных властей, а в немногочисленных неконсолидированных арабских демократиях (Ливане, Палестинской автономии и Ираке) массового скопления народа, вышедшего на улицу под лозунгом *аш-Ша`б йурид искат ан-низам!* («Народ хочет падения режима!»), особо не наблюдалось [Коротаев, Исаев, Шишкина 2013].

Дестабилизационная волна 2013–2014 гг. представляет разительный контраст с событиями Арабской весны, так как все антирежимные выступления здесь были направлены против демократически избранных властей.

Еще одним контрастом можно считать факт, что в случае второй волны влияние Запада на ход событий было существенно сильнее, чем на начальной фазе первой волны 2010–2011 гг. При этом если события 2013 г. в Тунисе и Египте в основном определялись внутренними причинами, были естественным продолжением революционных событий Арабской весны, то события в Таиланде, Украине, Боснии, Венесуэле и Турции в большей или меньшей степени вдохновлялись влиянием США и других западных стран. И это в определенной мере объясняет, почему выступления в 2013–2014 гг. шли против законно избранных правителей и протестующие не могли ждать следующих выборов. Для инспираторов таких выступлений промедление было равносильно поражению.

Вместе с тем нельзя не отметить определенной логической связи между двумя этими волнами. Действительно, первая волна обрушила заметную часть из имевшихся на тот момент в мире неустойчивых авторитарных режимов, оставив на их месте в ряде случаев неустойчивые неконсолидированные демократии и добавив «горючего материала» к новой дестабилизационной волне, прокатившейся уже по неконсолидированным демократиям.

Ко всем вышеназванным общим характеристикам проанализированных выше событий революционной волны 2013–2014 гг. мы добавим еще одну – все они относятся к типу «центрального коллапса». Дело в том, что Дж. Голдстоун вслед за С. Хантингтоном [Huntington 1968; Хантингтон 2004] выделяет два основных типа революционной дестабилизации.

Во-первых, «наступление с периферии» (*peripheral advance*). Этот тип революционной дестабилизации был подробно описан нами в *Главе 4*. Как мы видели, сценарий «наступления с перифе-

рии» вполне описывает хуситскую революцию 2014 – начала 2015 г.², но явно не подходит для описания революционной волны 2013 – первой половины 2014 г.

Однако ко всем этим семи случаям революционной дестабилизации самое прямое отношение имеет второй тип – «центральный коллапс» (*central collapse*). В соответствии с Голдстоуном, центральный коллапс «может быть запущен быстрым экономическим спадом, скачком цен, военным поражением, выборными фальсификациями или какими-то действиями правительства, встречающими массовое сопротивление³. Каков бы ни был начальный импульс, за ним быстро следует массовая демонстрация в столичном городе. Правительство пытается разогнать митингующих, но сделать это оказывается неожиданно сложно; за первыми попытками разгона следуют все более масштабные демонстрации. Полицейские силы оказываются неспособными справиться с городскими беспорядками, и правительство сталкивается с такой ситуацией, когда для их подавления оно вынуждено привлечь армию. Однако армия отказывается от решительных действий по очистке улиц от протестующих; ключевые воинские части занимают нейтральную позицию, а некоторые даже переходят на сторону оппозиции. Бездействие армии служит сигналом правителю, элитам и населению о том, что режим реально беззащитен. Толпы захватывают столицу; похожие массовые демонстрации распространяются по другим городам и областям страны. Все это развивается на протяжении немногих недель (максимум нескольких месяцев). Правитель после этого может бежать из страны или попасть в плен, в то время как элиты, поддерживаемые толпами народа или военными, захватывают правительственные здания и создают временное правительство» [Goldstone 2014b: 27]. Все это, как легко заметить, совпадает с описанием сценариев революционной дестабилизации 2013 – начала 2014 г.⁴ Далее в этой главе мы будем рассматривать только тип

² Под данный тип социально-политической дестабилизации вполне подпадают генезис и диффузия ИГИЛ в Сирии и Ираке, а также возобновившаяся в мае 2014 г. гражданская война в Ливии [см. Главы 3, 4 и 5, а также: Исаев, Коротаев 2015].

³ При этом предполагается, что к моменту появления подобного дестабилизирующего импульса соответствующий режим уже являлся внутренне неустойчивым.

⁴ Хотя в случае волны 2013 – начала 2014 г. события прошли все фазы данного сценария только на Украине (и с некоторыми оговорками – в Египте), а в большинстве других случаев остановились на достаточно ранних стадиях сценария «центрального коллапса».

«центрального коллапса», вынеся сценарий «наступления с периферии» за скобки (тем более что такой сценарий рассмотрен в *Главах 3–5*).

Отметим, что соображения Дж. Голдстоуна вполне можно представить в качестве формальной «политометрической модели». Собственно говоря, их можно оформить в виде следующей поддающейся формальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» является сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и политическим режимом, промежуточным между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией. Данная гипотеза может быть операционализована следующим образом: «В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП, равным или более высоким, чем в Египте, и/или равным или более низким, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции, равным или более высоким, чем в Боснии, в странах, проиндексированных *Freedom House* как “частично свободные”, следует ожидать революционной дестабилизации по модели “центрального коллапса” со значимо более высокой частотой, чем в странах, индексированных *Freedom House* либо как “свободные”, либо как “несвободные”»⁵. Далее проведем формальный тест данной гипотезы (см. Табл. 6.1).

⁵ Отметим, что отсюда несколько «выпадает» Турция, которая занимает более высокое место, чем Венесуэла, по ВВП на душу населения, и где уровень коррупции (согласно *Transparency International*) несколько ниже, чем в Боснии. Однако, как мы увидим, включение или невключение Турции в нашу выборку очень слабо влияет на конечный результат, поэтому ниже мы просто приведем результаты анализа как с учетом, так и без учета Турции.

Таблица 6.1. Неконсолидированная демократия как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высоко коррумпированных среднеразвитых странах в 2013–2014 гг.

		Индекс уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
Индекс Freedom House (дихотомизированный)	0 (иные значения ≈ последовательно авторитарные и консолидировано демократические режимы)	12 Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Ямайка, Сербия, ЮАР, Суринам, Тонга, Туркменистан	3 Бразилия, Ирак, Перу			15
		80 %	20 %			100 %
	1 (<i>partly free</i> ≈ неконсолидированные / частичные демократии)	5 Албания, Доминиканская Республика, Эквадор, Мальдивы, Парагвай	2 Колумбия, Ливия	4 Босния, Тунис, Турция, Венесуэла	3 Египет, Таиланд, Украина	14
		35,7 %	14,3 %	28,6 %	21,4 %	100 %
Итого		17	5	3	3	29
		60,7 %	17,9 %	10,7 %	10,7 %	100 %

Примечание. Значения индекса уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»: 1,0 – насильственное свержение правительства при наличии массовой революционной мобилизации населения столиц по модели «центрального коллапса»; 0,5 – попытка насильственного свержения правительства при наличии массовой революционной мобилизации населения столиц по модели «центрального коллапса»; 0 – отсутствие насильственного свержения правительства по модели «центрального коллапса» или попыток такого свержения; 0,25 – ситуация, промежуточная между 0 и 0,5. Проанализирован только самый последний по времени (на момент проведения данного исследования) срез

глобального политического процесса – страны рассматриваются на отрезке между последними выборами (если они прошли не позднее 15 марта 2014 г.) и 15 июня 2014 г.; $\rho = 0,53$, $\alpha = 0,003$ (с Турцией); $\rho = 0,50$, $\alpha = 0,007$ (без Турции).

В целом, как мы видим, для последних лет наличие неконсолидированного демократического режима оказывается достаточно неплохим предиктором социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» (см. Рис. 6.1 и 6.2).

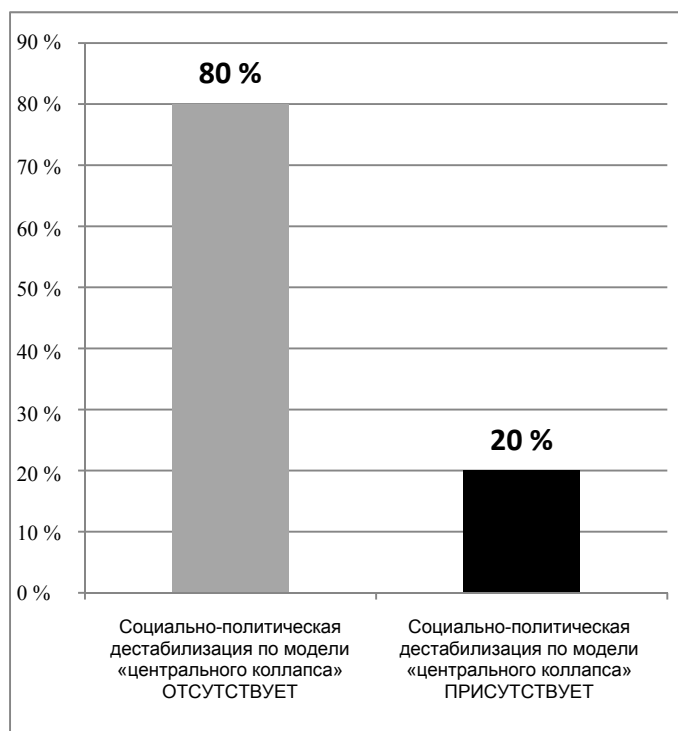

Рис. 6.1. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высококоррупцированных среднеразвитых странах с *последовательно авторитарными или консолидированно демократическими режимами*

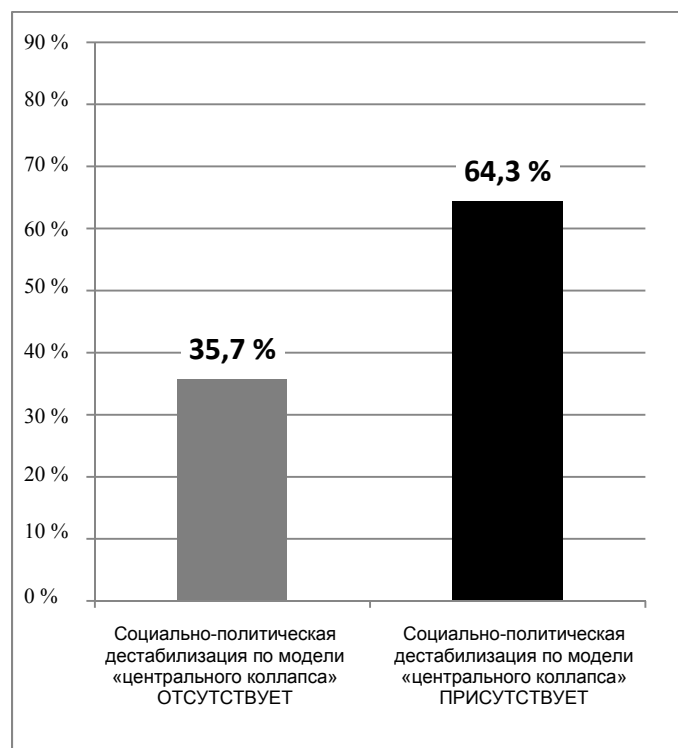

Рис. 6.2. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с *режимом частичной демократии*

Как мы видим, в современных высоко коррумпированных среднеразвитых обществах и последовательный авторитаризм, и консолидированная демократия выступают мощными ингибиторами социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса». Действительно, в последнее время подобного рода дестабилизация наблюдалась лишь в небольшом меньшинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг *Freedom House*, отличный от «частично свободные» (при этом во всех случаях речь шла о самой минимальной дестабилизации). В то же время социально-политическая дестабилизация по модели «центрального коллапса» наблюдалась в абсолютном большинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг «partly free». При этом

в большинстве случаев речь шла о достаточно масштабной дестабилизации – вплоть до падения режимов.

Стоит отметить, что для Табл. 6.1 корреляция между двумя переменными все же не очень высока (с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена на уровне между 0,50 и 0,53). К тому же выясняется, что для дестабилизационной волны 2013–2014 гг. можно найти и еще один общий знаменатель, о котором будет сказано далее.

Как подчеркивалось в *Главе 2*, модернизационные процессы⁶ в сколько-нибудь крупных странах идут неравномерно в разных их частях. При этом в столицах они обычно идут быстрее, чем на периферии, в результате настроение столичного населения закономерно может существенно отличаться от настроения периферии. Предельно упрощая, в столицах модернизирующихся систем обычно преобладают более «либеральные»/«вестернизированные» (в исламских странах – более «секуляристские») настроения, а на периферии – более «консервативные»/менее «вестернизированные» (в исламских странах – более «исламистские»).

В подобной ситуации, как уже отмечалось в *Главе 2*, установление демократии в такого рода странах систематически ведет к тому, что в результате демократических выборов к власти приходит партия, пользующаяся поддержкой большинства населения страны, но не жителей столиц.

Одним из самых характерных примеров XIX в. в этом плане может служить история Франции 1848–1871 гг. В 1848 г. парижане свергают французскую монархию и 10 декабря того же года во Франции проходят первые в ее истории прямые президентские выборы⁷. К удивлению парижских либералов, на выборах победил Шарль Луи Наполеон Бонапарт. Затем всефранцузский референдум 21 декабря 1851 г. увеличивает срок его президентских полномочий с 4 до 10 лет. А еще один всефранцузский референдум (21 ноября 1852 г.) санкционирует превращение Франции из республики в империю, открывая демократическим путем дорогу к провозглашению 2 декабря 1852 г. Шарля Луи Наполеона Бонапарта Императором Франции Наполеоном III.

3–4 сентября 1870 г. парижане снова свергают французскую монархию и провозглашают республику еще раз. На последовав-

⁶ Что в современном мире в высокой степени коррелирует с процессами вестернизации [Хантингтон 2003; Поляков 1997].

⁷ Интересно, что следующие *прямые* выборы президента во Франции, кстати, прошли только в 1965 г. До этого президент избирался выборщиками.

ших 8 февраля 1871 г. выборах в первую Национальную ассамблею Третьей республики в Париже побеждают республиканцы. Однако в целом по Франции большинство мест в новом парламенте получают консервативные монархические партии [Lejeune 1994: 8–11], что послужило одним из факторов начала парижского восстания, известного у нас как Парижская коммуна.

Имеются основания утверждать, что подобный фактор центр-периферийного диссонанса сыграл важную роль и в генерировании дестабилизационной волны 2013–2014 гг., ввиду чего подробнее рассмотрим события, произошедшие в семи анализируемых нами странах – Тунисе, Египте, Турции, Боснии и Герцеговине, Таиланде, Венесуэле и Украине.

В Таиланде правившая до событий 2014 г. партия «Пхья Тхай» («Для Таиланда») на всеобщих выборах 2011 г. имела поддержку почти половины избирателей, что позволило ей получить 265 мест в парламенте из 500. Ее главный соперник, Демократическая партия, получила 35 % голосов, проведя в парламент только 159 своих депутатов. Однако в Бангкоке «Пхья Тхай» получила только 30 % голосов, значительно меньше Демократической партии; в результате от Бангкока в парламент вошли 23 представителя Демократической партии и только 10 – от «Пхья Тхай» [Elections 2011]. При этом оппозиция одержала победу почти во всех округах центрального Бангкока. То, что большинство жителей тайской столицы поддерживает оппозицию, а не правящую партию, убедительно продемонстрировали и губернаторские выборы 2013 г. в Бангкоке, на которых уверенную победу одержал представитель именно оппозиционной Демократической партии – Сукхумбханд Парибатра, заменивший на посту главы Бангкока Понгсапата Понгчароена [Bangkok Metropolitan... 2013]. Именно Бангкок стал эпицентром начавшейся в ноябре 2013 г. протестной волны, завершившейся в 2014 г. смещением правящего режима военными.

В октябре 2011 г. в Тунисе на выборах в Учредительное собрание достаточно уверенную победу одержала умеренная исламистская партия «Ан-Нахда» («Возрождение»), которая значительно опередила своих основных секуляристских соперников, набрав 37 % голосов. Однако в столице она получила лишь 29,9 % голосов, что является одним из самых низких результатов по стране. Именно в городе Тунисе наблюдались главные события начавшейся в феврале 2013 г. протестной волны, направленной против исламистов и по-

ставившей под серьезную угрозу существование правящего умеренно исламистского режима [см.: Исаев 2013б; Долгов 2014].

В Венесуэле на президентских выборах 2013 г. преемник Уго Чавеса лидер Единой социалистической партии Николас Мадуро в целом по стране набрал больше половины голосов. Однако в Каракасе в принципиально значимых центральных районах за Мадуро проголосовало меньшинство избирателей, большинство же поддержало его соперника – лидера Круглого стола демократического единства Энрике Каприлеса [Consejo Nacional Electoral 2013]. Именно эти районы Каракаса стали важнейшей базой начавшейся в январе – феврале 2014 г. протестной волны.

В Турции в 2011 г. правящая Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом одержала вполне убедительную победу на парламентских выборах как в целом по стране, так и в Стамбуле. Однако опрос, проведенный исследовательским центром *Pew Research* в марте 2013 г., то есть за два месяца до начала мощной протестной волны на Таксимае, показал, что хотя в целом по стране почти две трети турок поддерживало Эрдогана, в Стамбуле он пользовался поддержкой лишь меньшинства его обитателей [Fisher 2013]⁸.

Ситуацию в Боснии и Герцеговине анализировать особенно трудно из-за чрезвычайно сложной административной системы этой страны. Главой государства здесь является не отдельный человек, а коллективный орган – Президиум, включающий в себя представителей трех основных народов страны – хорватов, сербов и боснийцев-мусульман. С другой стороны, страна делится на хорватско-боснийскую Федерацию Боснии и Герцеговины, Республику Сербскую и де-факто контролируемый последней Округ Брчко [Политические системы... 2009]. Наиболее масштабные протесты 2014 г. в Боснии наблюдались в ее столице Сараево, но затронули они прежде всего хорватско-мусульманскую Федерацию Боснии и Герцеговины (при этом 73 % ее населения составляют именно мусульмане). На этом фоне примечательно, что лидер боснийской общины Бакир Изетбегович получил на предыдущих президентских выборах боль-

⁸ Интересно, что муниципальные выборы 30 марта 2014 г. показали, что партия Эрдогана снова пользуется поддержкой большинства жителей Стамбула, причем уровень этой поддержки оказался даже выше, чем в 2011 г., что, по-видимому, отражает усталость многих стамбульцев от таксимовских эксцессов. Парадоксальным образом таксимовские беспорядки привели не к падению, а к восстановлению популярности Эрдогана в Стамбуле во многом из-за занятой им последовательной жесткой позиции по отношению к попыткам псевдodemократического свержения демократически избранных властей.

шинство голосов мусульман (боснийцев) в целом по стране, и лишь откровенное меньшинство – в столице [Centralna Izborna... 2010].

В Египте на конституционном референдуме 2012 г. «Братья-мусульмане» (*ал-Ихван ал-муслимун*) в целом по стране смогли добиться одобрения продвигаемой ими конституции вполне уверенным (почти две трети) большинством голосов – 63,8 %. Однако в Каире конституцию «Братьев» поддержало лишь меньшинство принявших участие в референдуме – 43,2 % [Истифта Миср 2012]. Через полгода после этого именно Каир стал эпицентром волны протестов, завершившихся 3 июля 2013 г. смещением военными администрации «Братьев-мусульман» во главе с президентом Мурси при массовой поддержке жителей Каира [см.: Васильев, Виницкий 2013; Исаев 2014а]. При этом проведенный нами математический анализ результатов президентских выборов в мае 2014 г. показал, что, скажем, в Среднем Египте «Братьев-мусульман» на тот момент поддерживало абсолютное большинство его обитателей [Коротаяев, Исаев 2014б].

Сходная ситуация наблюдалась и на Украине. Во втором туре президентских выборов 2010 г. Янукович вышел на первое место, набрав 48,95 % голосов [Центральна виборча... 2010]. Однако в Киеве он получил почти в два раза меньше голосов. На парламентских выборах 2012 г. Партия регионов получила значительно больше голосов, чем любая другая партия, – около 30 %. Но те же самые выборы показали, что в Киеве партию власти поддерживало лишь незначительное меньшинство (12,6 %) столичных жителей [Центральна виборча... 2012]. Как мы хорошо помним, именно Киев в ноябре 2013 г. стал эпицентром волны протестов, завершившихся в феврале 2014 г. свержением администрации президента Януковича. На особенности революционных событий 2013–2014 гг. обратил внимание С. В. Цирель: «Революционные события (не обязательно революции) в странах среднего уровня благосостояния и политического развития происходят чаще всего при следующих условиях.

Форма правления, при которой происходят революционные события, – имитационная демократия (или анократия) в диапазоне от сильно коррумпированной демократии до мягкого авторитаризма с элементами выборной системы. В жестко авторитарных странах чаще либо нет никаких событий, либо, наоборот, беспорядки имеют больший размах – гражданские/религиозные войны (Ливия, Сирия) или теократическая революция (Иран, 1979 г.).

Центр конфликта – это противоречие между глобалистским/антиглобалистским и/или либеральным/социалистическим меньшинством столичных жителей, живущим в XXI в., и большинством, живущим в XX–XIX–XVIII и еще более ранних веках. Конфликт принимает открытые формы, когда большинство просыпается от векового сна и обретает свое мнение. Тогда правительство, имитирующее демократию (и в общем-то не только имитирующее), перестает подстраиваться только под горожан и начинает лавировать, ища баланс интересов. Или подстраивается под большинство, или наиболее активную его часть, или старается подкупить и удержать непроснувшуюся часть большинства, или угождает всем сразу, прикрывая свое воровство, и т. д.

Рассерженные таким поведением правительства горожане долго терпят, но потом переходят к открытым формам выражения недовольства. Дальнейшее в первую очередь зависит от степени единства остальной части населения. Если в нем нет явных расколов (Турция) и/или современные горожане не находят контактов ни с одной частью большинства (Россия, отчасти – “окупаи” в разных странах), то протест затухает. Если же народ расколот и рассерженные горожане объединяются с близкими силами (Венесуэла, Таиланд), достаточно далекими (Тунис) или совсем далекими (Египет, 1-я фаза), начинаются революционные события. При этом количество жертв и длительность революционного беспорядка возрастают при увеличении в населении доли молодежи, столичных студентов и особенно молодых безработных.

В рамках этих представлений центральный пункт украинских революционных событий – это объединение либералов (социал-демократов, анархистов и др.) с западенскими националистами, достаточно далекой политической силой по методам политической борьбы и общему мировоззрению, на почве общего отторжения советского прошлого и его постсоветских инкарнаций. В этом киевские либералы и западники полностью едины с западенскими националистами, в том числе самыми радикальными. Второй общий пункт – это построение национального государства» (Цирель 2014; 2015).

Таким образом, можно выделить еще один предиктор социально-политической дестабилизации для высоко коррумпированных среднеразвитых обществ – то, что мы назвали «центр-периферийным диссонансом». В целом тезис о центр-периферийном диссонансе можно оформить в виде следующей подающейся фор-

мальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» являлось сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и заметным уровнем центр-периферийного диссонанса. Данная гипотеза может быть далее операционализирована следующим образом: «В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП, равным или более высоким, чем в Египте, и/или равным или более низким, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции равным или более высоким, чем в Боснии и Герцеговине, в странах с более высоким значением индекса центр-периферийного диссонанса следует ожидать революционной дестабилизации по модели “центрального коллапса” со значимо более высокой частотой, чем в странах с более низким значением этого индекса».

Для тестирования этой гипотезы был использован следующий индекс центр-периферийного диссонанса (ИЦПД):

1 – уровень поддержки режима в центре («столицах») существенно ниже, чем в целом по стране;

0,5 – промежуточное значение;

0 – уровень поддержки режима в центре («столицах») такой же или выше, чем в целом по стране.

Из рассмотренных выше семи случаев значение «1» было присвоено Таиланду, Украине, Боснии и Герцеговине, Тунису и Египту, а Венесуэле и Турции присвоено значение «0,5». Значение «0,5» присвоено нами и Бразилии последних лет, так как на последних (перед революционной волной 2013–2014 гг.) президентских выборах 2010 г. лидер бразильской партии власти Дилма Русеф получила большинство и в целом по стране, и в двух из трех бразильских «столиц» – Бразилиа и Рио-де-Жанейро, но в третьей «столице» – крупнейшем городе страны Сан-Паулу – она получила меньшинство голосов [Tribunal Superior... 2010]⁹.

Проведем теперь формальный тест сформулированной гипотезы (см. Табл. 6.2).

⁹ В связи с этим, возможно, и не случайно, что важнейшим центром начавшихся в 2013 г. бразильских протестов оказался именно Сан-Паулу.

Таблица 6.2. Центр-периферийный диссонанс как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высоко коррумпированных среднеразвитых странах в 2013–2014 гг.

		Индекс уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
ИЦПД: Индекс центр- периферий- ного диссо- нанса	0 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] такой же или выше, чем в целом по стране)	13 Албания, Доминиканская Республика, Парагвай, Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Сербия, Суринам, Тонга, Туркменистан	2 Ливия, Ирак			15
		86,7 %	13,3 %			100 %
	0,5 (промежуточное значение)	2 Ямайка, ЮАР	1 Бразилия	2 Турция		5
		40 %	20 %	40 %		100 %
	1 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] существенно ниже, чем в целом по стране)	1 Эквадор	2 Колумбия	2 Босния, Тунис	3 Египет, Таиланд, Украина	8
		12,5 %	25 %	25 %	37,5 %	100 %
Итого		16	5	4	3	28
		57,1 %	17,9 %	14,3 %	10,7 %	100 %

Примечание: $\rho = 0,722$, $\alpha = 0,00001$ (с Турцией); $\rho = 0,721$, $\alpha = 0,00002$ (без Турции).

Как мы видим, для последних лет наличие центр-периферийного диссонанса оказывается даже заметно более сильным предиктором

социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса», чем наличие неконсолидированного демократического режима. Так, коэффициент корреляции (0,72) для центр-периферийного диссонанса оказывается заметно выше, чем для неконсолидированной демократии (0,50–0,53). Это достаточно ясно прослеживается и при использовании дихотомизированных вариантов индексов (см. Рис. 6.3 и 6.4).

Напомним, что в 2013 – первой половине 2014 г. присутствие неконсолидированной демократии в высоко коррумпированных среднеразвитых странах являлось индикатором 64%-ного риска социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса». А вот при наличии центр-периферийного диссонанса речь шла уже о риске, превышающем 87 %.

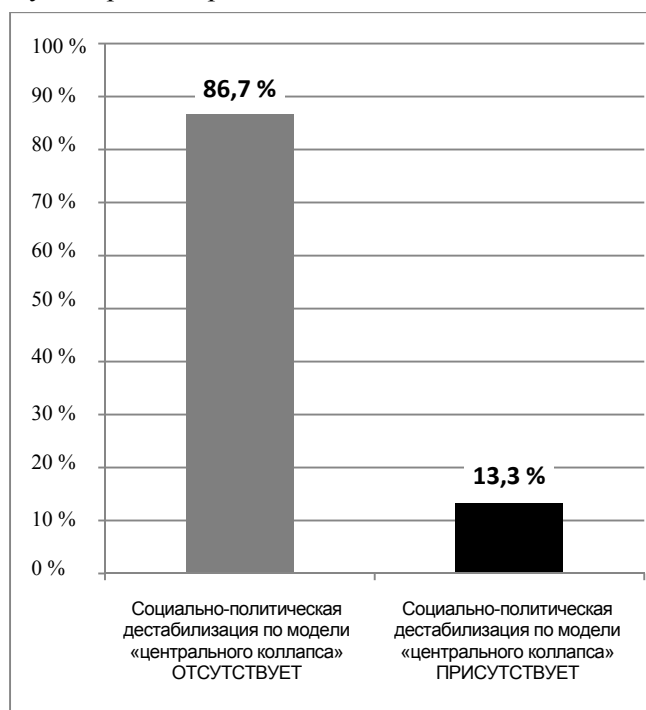

Рис. 6.3. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с *отсутствием* центр-периферийного диссонанса

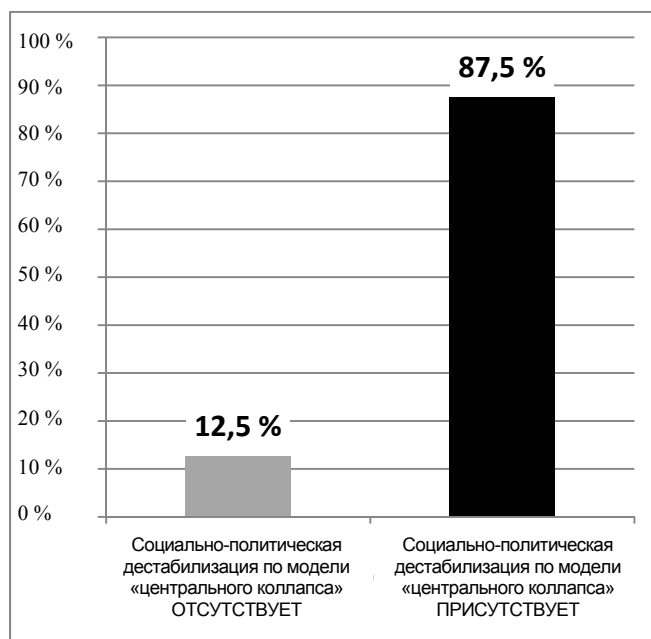

Рис. 6.4. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высококорруптированных среднеразвитых странах с наличием центр-периферийного диссонанса

Таким образом, нам удалось выявить еще один (и при этом очень сильный) фактор дестабилизационной волны по модели «центрального коллапса» 2013–2014 гг. Речь идет о факторе, обозначенном нами как «центр-периферийный диссонанс». Подчеркнем еще раз, что появление этого фактора совсем не случайно, а скорее даже неизбежно в процессе модернизации и связано с закономерной неоднородностью и асинхронностью модернизационных процессов, когда центральные элементы («столицы») системы практически всегда модернизируются быстрее, чем ее периферия.

Выявление этого фактора представляет значительный интерес и потому, что учет данного фактора должен существенно улучшить качество прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации модернизирующихся социальных систем. При этом важно подчеркнуть, что мы ни в коем случае не отрицаем значимости типа политического режима как важнейшего предиктора дестабилизации модернизирующихся социально-политических систем.

Мы согласны, что для неконсолидированных демократий характерен значительно бóльший риск дестабилизации, нежели для последовательно авторитарных режимов и консолидированных демократий. Мы предлагаем учитывать фактор центр-периферийного диссонанса не вместо фактора типа политического режима, а в дополнение к нему. Наибольшим прогностическим эффектом должна обладать методика, учитывающая действие всех рассмотренных выше факторов: и уровня экономического развития, и уровня коррупции, и типа политического режима, и центр-периферийного диссонанса¹⁰.

При этом стоит подчеркнуть, что потенциально дестабилизирующая роль этого фактора может быть очень сильна и опасна. Действительно, события последних лет показали, что этот фактор способен дестабилизировать общество и в условиях завершения демографического перехода, когда исчезает такой традиционно важный фактор политической дестабилизации, как «молодежный бугор» [см. *Главу 1*, см. также: Коротаев, Зинькина 2011а; Коротаев и др. 2010; 2011; 2012]. При этом имеются определенные основания утверждать, что центр-периферийный диссонанс может быть фактором не только относительно бескровных «центральных коллапсов», но и достаточно кровавых гражданских войн. Действительно, если центральный коллапс происходит под действием центр-периферийного диссонанса, это практически по определению означает, что как минимум значительная часть политически активного населения периферии (если даже не его большинство) считает силы, захватившие с применением насилия власть в столице, нелегитимными, а себя – вправе применить насилие для свержения этих сил. Здесь, чтобы не уходить очень далеко, обратим внимание на то, что центр-периферийный диссонанс сыграл определенную роль и в генерировании полномасштабной гражданской войны в России

¹⁰ Мы не можем продемонстрировать это здесь при помощи простых парных корреляций из-за достаточно высокой скоррелированности центр-периферийного диссонанса и неконсолидированных демократий в данных 2013–2014 гг. Однако проведенный нами мультиномиальный логистический регрессионный анализ приведенных выше данных [см.: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015] однозначно показывает, что совместный учет факторов центр-периферийного диссонанса и типа политического режима имеет заметно больший предиктивный потенциал, чем учет их по отдельности. Действительно, для среднеразвитых высоко коррумпированных стран парная номинальная регрессия с социально-политической дестабилизацией по модели «центрального коллапса» в качестве зависимой переменной дала достаточно высокую силу связи (оцененную через псевдо R-квадрат Нагелькерке) и для типа режима (0,400), и для центр-периферийного диссонанса (0,580). Однако при объединении их в единую полиномиальную логистическую регрессионную модель детерминация вырастает до уровня 0,726, притом что статистически значимым оказывается и фактор типа политического режима ($\alpha = 0,030$), и фактор центр-периферийного диссонанса ($\alpha = 0,016$).

в 1917–1918 гг. Действительно, в ноябре 1917 г. на выборах во Всероссийское учредительное собрание достаточно убедительную победу одержала Партия социалистов-революционеров (эсеров), получившая более 40 % голосов и 347 мест в Учредительном собрании, то есть почти в два раза больше, чем следующая по популярности партия – ленинская РСДРП(б), получившая 24 % голосов и только 168 мест в Учредительном собрании [Знаменский 1976].

Однако в российских столицах большевики получили не просто больше голосов, чем эсеры, – они получили даже заметно больше голосов, чем эсеры в целом по стране. Так, в Петрограде за большевиков проголосовали 45 %, а за эсеров – только 17 %. В Москве большевики получили еще бóльшую долю голосов – 48 %. И факт поддержки большевиков (и левых эсеров) большинством населения столиц не мог не оказать влияния на принятое ими в январе 1918 г. трагическое решение насильственно ликвидировать наиболее легитимный орган власти провозглашенной Учредительным собранием 6 (19) января того же года Российской Демократической Федеративной Республики, открывшее дорогу полномасштабной гражданской войне.

Мы не видим, почему этот фактор не будет продолжать играть свою дестабилизирующую роль и в обозримом будущем. В ближайшие годы его дестабилизирующий потенциал может даже заметно возрасти в связи с последними прецедентами фактического международного признания режимов, появившихся в результате свержения демократически избранных правителей. В итоге любителям майданов всех континентов фактически послан сигнал: «Если вам не люб ваш правитель, даже если он победил на последних демократических выборах, нет смысла ждать следующих выборов. Выходите на майдан и свергайте его, а мировое сообщество ваше свержение признает»...

* * *

В заключение отметим, что общие черты анализируемых в настоящей главе протестных движений заключались не только в их структурных и процессных сходствах, не только в схожем уровне развитости и характеристик режимов, но и в том, что все они являются частью общего процесса турбулентности, означающего начало реконфигурации Мир-Системы. К этому же ряду (хотя причины их существенно иные), видимо, могут быть отнесены и протестные движения в Венгрии и Македонии, Молдове и Армении в 2015 г., целый ряд расовых волнений в США в 2014–2015 гг. и начавшиеся протесты в ряде стран Европы против наплыва мигрантов из стран Азии и Африки.

Глава 7.

Потрясения на Ближнем Востоке и реконфигурация Мир-Системы

События особой значимости

В главе пойдет речь о связи событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке с мировыми изменениями, о влиянии вторых на первые, а также о том месте, которое, по нашему мнению, занимают первые в общем развитии современной Мир-Системы. Мы старались передать непосредственное восприятие событий по горячим следам и дать уже ретроспективный анализ по результатам прошедших 3–4 лет, которые очень сильно изменили ландшафт региона.

Арабский мир и в целом Ближний Восток и Северная Африка уже давно воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2011 гг., получившие название Арабской весны, и последующие за этим пертурбации и конфликты вполне вписались в логику истории бурных событий данного региона, хотя стали для него шоком. В самом деле, «после десятилетий политической спячки» [Гарднер 2011] неожиданность и энергичность социального взрыва, географическая масштабность Арабской весны «от океана до Залива», синхронность «цветных революций» и социальных волнений, преобладающая на первых порах социально-политическая (а не межэтническая или межконфессиональная) направленность событий не могли не впечатлять¹. Волнения и протесты заметно затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива; при этом крупномасштабные волнения и революции происходили по крайней мере в шести странах; в Тунисе, Египте они привели к смене режима, в Сирии – к гражданской войне, в Йемене – к свержению президента и в конечном счете к гражданской войне и интервен-

¹ Межэтнические и межконфессиональные конфликты, конечно, несколько позже не могли не оказать своего огромного влияния в ряде стран, особенно таких как Ливия, Сирия, Йемен, и даже там, где, собственно, ни о каких революциях говорить не имело смысла (как, например, в Ираке).

ции, в Бахрейне – к интервенции, а в Ливии – к свержению режима с помощью внешних сил, дестабилизации и новой волне гражданской войны (о событиях в Египте, Сирии, Йемене см. предшествующие главы). Они затронули также Марокко, Алжир, Иорданию, Кувейт, Саудовскую Аравию, Оман, Ливан, Мавританию, Судан, Палестину, Мали, Нигер и многие другие страны Западной Африки и зоны Сахеля, оказали очень сильное влияние на Ирак, изменили политику всех стран Залива, Ирана и Турции². Словом, весь Большой Ближний Восток, включая Израиль, Афганистан и Пакистан, оказался так или иначе в них вовлеченным.

Более того, представляется, что в этих событиях есть нечто новое по сравнению с прошлыми событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сначала, конечно, была некоторая эйфория, заставлявшая все воспринимать со знаком безусловного прогресса. Журналист Дж. Ярон [2011] выразил это словами: «Наконец-то на Ближнем Востоке совершается история». Далее в статье говорилось: «“Уже более ста лет арабский Ближний Восток не является той ареной, где совершается история”, – утверждал еще совсем недавно Томас Фридман, один из влиятельных американских политических комментаторов. До начала XXI в. в арабских странах господствовали феодальные структуры, пресекавшие на корню любое идейное новшество. Но с момента начала революций в Тунисе и Египте этот дефект был исправлен. В начале 2011 г. не было недостатка в фактах, подтверждающих, что на Ближнем Востоке совершается история» [Там же]. Исчезло впечатление, что арабы способны лишь на антиколониальную освободительную борьбу или же на мятежи под зеленым знаменем ислама, считали другие [см.: Мирский 2011].

Однако жизнь показала, что арабские страны все еще во многом являются объектами геополитики, а их попытки стать ее субъектами либо подавляются, либо используются более сильными государствами в собственных целях. Но, без сомнения, 2010-е гг. по-

² Следующая цитата хорошо иллюстрирует настроения начала 2011 г. «Отголоски революций в Северной Африке дошли даже до среднеазиатских диктаторских и авторитарных режимов, в том числе и до Казахстана, – пишет *El País*. – Хотя эти два региона очень сильно отличаются друг от друга, есть и общее: например, зависимость от углеводородов, бедность широких слоев общества, долгое пребывание лидеров у власти и отсутствие демократической передачи власти» [Набитовский 2011]. Но жизнь показала, что ситуации в Средней Азии и Казахстане имеют и большие отличия [см., например: Акаева и др. 2013].

казали, что роль арабских стран все-таки растет. С другой стороны, и войны под зеленым знаменем ислама никуда не делись, а даже еще более радикализировались, обретая даже собственную псевдогосударственную структуру в лице «Исламского государства». Таким образом, палитра форм социально-политической активности ближневосточных народов сильно расширилась.

И это действительно стало новым явлением для Ближнего Востока. Кроме того, за этими событиями ощущалось и ощущается начало чего-то нового в мире в целом. Но чего именно? В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом [Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010b]. При этом мы ожидали, что формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от внешне незаметных до внезапных и бурных.

Исходя из этого прогноза, можно считать, что бурные события конца 2010–2011 гг. в Арабском мире, включая революции и волнения в, казалось бы, относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются началом структурных изменений, даже более того, **началом реконфигурации мира** [см.: Гринин 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; 2014з; 2015в; Grinin, Korotayev 2012; 2014а; 2014б; 2015]. Развитие событий в 2012–2015 гг. как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в других регионах (на Украине и Дальнем Востоке [Гринин 2014а]) все более убеждают нас в том, что реконфигурация мира началась и идет довольно активно.

Революции: причины, характер, движущие силы

Анализ концепций революций уже был дан во *Введении* и *Главе 2*, поэтому в настоящей главе мы делаем это в минимальном объеме. Вновь отметим, что несмотря на огромное число работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения нет, что, как нам представляется, неслучайно: слишком различные события объединяются этим термином. По-видимому, имеется много

десятков, если не сотен, различных определений революции. Но, как мог убедиться читатель, большинство из них вполне подходят для событий Арабской весны, по крайней мере в таких странах, как Тунис, Египет и Йемен. Так, в ряде дефиниций подчеркивается быстрота изменений, и в арабских странах она не может не впечатлять³.

В революциях в Арабском мире, как в любых такого рода крупных и неожиданно начинающихся процессах, налицо неповторимая совокупность многих причин (объективных и случайных, внешних и внутренних, социальных и личностных), разобраться в которых совсем непросто⁴. Причем такого рода потрясения даже десятилетия и столетия спустя остаются предметом споров, прежде всего в отношении причин революций [см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2010б]. Тем не менее всегда очень полезно попытаться систематизировать эти причины, насколько это возможно и с учетом сказанного в других главах. В частности, в них рассматривался целый ряд факторов арабских революций, а именно: рост цен и безработицы, коррупционность и порочность режима, нарастание недовольства, роль современных средств связи и информации в мобилизации и организации движений, влияние иностранных организаций, роль влияния «молодежного бугра», урбанизации и современного образования на социальную динамику⁵.

В этой главе мы проанализируем причины революций в несколько ином аспекте, но сначала попробуем, не претендуя на полноту, сформулировать некоторые условия и предпосылки, необходимые для того, чтобы произошла революция. Эти предпосылки в полной мере присутствовали в событиях Арабской весны (ниже мы дополнительно их конкретизируем):

1. Определенные структурные особенности общества, генерирующие труднопреодолимые экономические и социальные

³ Например, «быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» [Neumann 1949: 333–334]. «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» [Huntington 1968: 264].

⁴ О роли личности в период революций см.: Гринин 2008г; 2010г; 2011в; Grinin 2012a: ch. 2.

⁵ Сравнительный анализ безработицы, коррупции и бедности см. в *Главе 1*; см. также: Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012: Раздел 2.

проблемы. В отношении арабских стран речь идет о «молодежном бугре» и перенаселенности многих арабских городов в результате взрывообразных урбанизационных процессов [см. подробнее в *Главе 1*; см. также: Гринин, Коротаев 2012б], перекосах в экономике и распределении. В отношении таких стран, как Египет, можно также добавить перекосы в образовании, что привело к очень высокой доле безработных среди лиц с высшим образованием (см. *Главу 1*, а также далее). Есть и еще один аспект такого рода структурных предпосылок, вызванных взрослением общества. Дело в том, что оно «вырастает» из привычных отношений и стремится к новым формам, даже если всерьез к этому еще не готово (степень готовности определяется историей позже, «по факту»). В итоге такой модернизации общество часто попадает в модернизационную ловушку⁶.

2. Жесткость режима. В истинно демократических режимах революций не бывает. Революции направлены только на жесткий режим, который пытается контролировать все и потому как бы за все отвечает. Соответственно все плохое, действительное и даже мнимое, начинает приписываться этим режимам и их персонифицированным выразителям. В каждом подобном режиме существуют определенные дефекты, связанные с особенностями институтов и личностей⁷. В частности, авторитарные режимы в арабских странах

⁶ Отмечено, что процессы модернизации обычно идут сложно и достаточно часто сопровождаются потрясениями и революциями. *Модернизационной ловушкой* мы назвали ситуацию усилившихся в результате модернизации до степени социального взрыва противоречий и диспропорций в обществе, связанных со сложными структурными перестройками и глубокими качественными и масштабными количественными изменениями в нем, которые происходят в исторически короткие сроки. Качественные изменения в технологии, производстве, прибавочном продукте, уровне образования, урбанизации, росте населения и многом другом не сопровождаются адекватными изменениями в важнейших институтах общества (политической структуре, правовой системе, системе привилегий, отношениях собственности, религии, семейно-брачных отношениях, морали и т. п.). В итоге отношения в обществе обостряются, возникает завышенный уровень ожиданий, претензий и идеалов, удовлетворить которые при сложившейся ситуации оказывается невозможным [подробнее см.: Гринин 2010а; 2010б; 2012а; 2012з; 2013в; Grinin 2012с; Гринин, Коротаев 2012б].

⁷ В таких случаях, даже если формально это республики (фактически неконсолидированные демократии), власть, как отмечает Р. Данин из американского аналитического центра под названием Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), «настолько централизована, что госаппарат и лидер становятся синонимами» [см.: Халаф 2011]. Напротив, в монархиях у королей иногда больше возможностей для маневра, поскольку исполнительная власть и монарх в этом случае разделены, отмечает Р. Данин. Например, вскоре после начала массовых демонстраций король Иордании Абдалла отправил в отставку премьера, а султан Омана Кабус – все правительство. В Марокко аналогичное разделе-

обладали (каждый на свой лад и в то же время достаточно похоже) характерными дефектами: кумовством, коррупцией, клановостью во власти и бизнесе, использованием служебного положения в личных целях, несправедливым судом и т. п.⁸ Изменить такую систему, тем более если она основана на режиме личной власти определенного политика, а система передачи власти преемнику не создана либо дает сбой, очень сложно, даже если правительство и понимает все ее недостатки.

3. Падение авторитета власти и особенности политической структуры. За длительное время у многих нарастает недовольство коррупцией, засильем людей из определенных групп или кланов, нарушением справедливости, невозможностью реализации жизненных планов и т. п. Когда социальный мир и порядок держатся на определенной личности (при авторитаризме или диктатуре), тогда падение авторитета правительства ниже определенного уровня и даже небольшое ослабление власти делает режим очень хрупким (см.: Гринин 1997; 2008г; 2010ж; 2011в; 2012г; 2012з; Семенов и др. 2007). И, как показывает история и события Арабской весны в частности, социальные волнения могут сравнительно легко сокрушить власть. Добавим, что если при этом еще недостаточно внутренних скреп при наличии противоборствующих или сепаратистских сил и тенденций (последнее нехарактерно для Туниса или Египта, но весьма релевантно для Йемена, Сирии, Ливии, а также – добавим попутно – и Украины [Гринин 2015а]), социальная нестабильность может вести не только к большим потрясениям, но даже к распаду государства.

Предпосылки революций всегда связаны с нарастанием недовольства властью, с одной стороны, и бессилием (растерянностью, нерешительностью) власти в какой-то момент – с другой (в отношении последнего пример Туниса, Египта или опять же Украины является очень типичным). При этом важно, что одни и те же люди у власти надоедают настолько, что сама по себе усталость от них

ние власти позволило королю Мухаммаду объявить о реформах, расширяющих полномочия избираемого народом парламента [Там же].

⁸ При этом, конечно, уровень управления очень сильно зависит от общего уровня государственной культуры в стране (так, в Египте он был выше, чем в других странах) и самого правителя. Отметим также, что хотя подобного рода режимы неподконтрольны обществу, но и само общество еще неспособно к такому контролю, то есть уровень режима обычно вполне соответствует общественному уровню.

и раздражение всем, что бы они ни делали (хорошего или плохого), становится одним из важнейших фактором активизации и объединения оппозиционных сил. Имеются исследования, которые показывают, что средняя «нормальная продолжительность» правления авторитарного лидера – 14 лет [см., например: Goldstone *et al.* 2003]⁹. Это значит, чем дольше держится власть авторитарного лидера, тем – при прочих равных условиях – быстрее он теряет авторитет и легитимность, и право лидеров страны руководить, если они находятся у власти слишком долго, ставится под сомнение. Как говорит П. А. Сорокин [1992б: 278], когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения. Утрата авторитета становится столь очевидной, что в начале кризиса даже те, кто объективно или по долгу службы должен поддерживать власть, начинают дистанцироваться от нее или открыто переходить на сторону оппозиции (в особенности при наличии острого внутриэлитного конфликта). Это касается и высшей элиты, и армии, и репрессивных органов (см. описание такого паралича власти в *Главе 6*). Такое отмежевание или прямое «предательство» ближайших сторонников, отказ от выполнения приказов и т. п. еще сильнее деморализуют высшую власть, отчего ее падение часто происходит удивительно легко.

4. Идеологические предпосылки. По сути, все революции – это сочетание настроений протеста, недовольства, ненависти, желания переложить ответственность за тяготы и трудности на надоевшее правительство, с одной стороны, и сильная тяга к новым идеям, идеалам, отношениям и т. п. – с другой. В обществах, где не стремятся к переменам, вряд ли возможны революции. Мало того, если в обществе отсутствуют подходящая идеология, идеализированная и мифологизированная модель лучшей жизни, мало шансов, что революция произойдет. В лучшем случае это будут мятежи, протесты, бунты и т. п. Отметим, кстати, что объективность обвинений здесь уже не играет роли, наоборот, намеренно распускается все больше

⁹ В этой же работе есть важный вывод, что в современной Африке особой неустойчивостью обладают смешанные режимы (непоследовательно авторитарные режимы со значительными элементами демократии), и в то же время значительно более устойчивыми оказываются как последовательно демократические, так и последовательно авторитарные/недемократические режимы. Отметим, что это касается далеко не только Африки, о чем свидетельствуют «цветные революции» на территории бывшего СССР, при этом в странах с большей авторитарностью (Белоруссия, Узбекистан и др.) попытки революций не имели успеха.

необоснованных порочащих власть слухов и обвинений (как, например, русскую царицу в 1916 г. обвиняли в измене). А если обвинений не хватает, нередки провокации, вплоть до провокационных выстрелов или расстрелов демонстрантов. События в Киеве в феврале 2014 г. прекрасно это иллюстрируют (см. также *Главу 3* о подобных провокациях со стороны сирийской оппозиции).

Таким образом, для революции нужны некоторое ухудшение условий жизни, помноженное на завышенные претензии к правительству и завышенные ожидания; необходимы представления о том, что можно было бы вполне реально сделать жизнь намного лучше, справедливее, честнее, если бы не мешало плохое (корруптированное, преступное, антинародное и т. п.) правительство. То, что совпадение реалий с идеализированными представлениями возможно только в небольшой степени, выясняется позже, после победы революции и провала новой власти в плане выполнения обещаний.

Завышенные ожидания, во многом порожденные именно ориентацией на более развитые страны, создают идеологическое обоснование для недовольства и выступления против правительства. Это особенно опасно для модернизирующихся стран, в которых есть повышенная доля молодежи и которые не так давно вышли или только выходят из мальтузианской ловушки [см. *Главу 1*; см. также: Гринин 2010а; 2010б; 2012а; 2013в; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2011г; 2012а; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев 2012а; Grinin 2012с; Korotayev 2014; Korotayev, Zinkina 2011а; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011]. Очевидно, что многие из стран Арабской весны именно таковы.

Голод, завышенные ожидания или стремление к свободе?

В *Главе 1* мы уже останавливались на развенчании некоторых мифов об арабских революциях. Но, к сожалению, сила этих мифов достаточно велика, поэтому имеет смысл отмежеваться от них дополнительно. Нередко главной причиной арабских революций представляли такое падение уровня жизни населения в результате роста безработицы и роста цен на продовольствие, которое близко к полному обнищанию и голоданию. Действительно, акты самосожжения в разных странах как будто подтверждали это. Но сейчас видно, насколько идеологизированным было такое объяснение.

Представляется абсолютно неверным интерпретировать события, происходившие в Египте, Тунисе, Бахрейне (а в целом и в других арабских странах), как «голодную революцию»¹⁰. Если взять для примера Египет, то процент людей, живущих менее чем на 1\$ в день (уровень критической бедности), составляет менее 2 %, что аналогично ситуации в развитых странах (США, Великобритании и др. [см. *Главу 1*; см. также: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Гринин, Коротаев 2012б]). Поэтому можно согласиться, что события, происходившие в этой стране, правильнее было бы характеризовать как активный протест, *фитну* (от арабского *ал-фитна* – смута, психологическое состояние массового протеста и стремления свергнуть власть) людей, лишенных надежд на благополучное и свободное будущее [см. подробнее: Исаев, Шишкина 2012а].

То, что Арабская весна не была революцией голодных, наглядно подтверждает карта (Рис. 7.1), составленная Всемирной продовольственной программой; уровень голода по странам классифицируется цветовой гаммой по пяти категориям.

Очень характерно, что все арабские страны, за исключением Йемена, находятся в первой категории вместе с развитыми странами, то есть, согласно этой карте, число недоедающих в них менее 5 %. И в целом уровень «обнищания» вовсе не был столь высоким (см. *Главу 1*). Кроме того, по крайней мере в Египте оказывалась значительная продовольственная помощь живущим за чертой бедности. Разумеется, падение уровня жизни, рост безработицы и цен выступили своего рода детонатором социального взрыва, которого в ином случае могло и не быть. Так, число безработных в Египте перед революцией достигло почти 2,5 млн [Abd al-Rahman 2010: 4]. Но хуже, что более миллиона из них составляли молодые люди 20–24 лет. Многие обозреватели [см., например: Игнатенко 2011; Мухаммед 2011; Бубнова, Салем 2011; Халаф 2011] справедливо отмечали, что ударной силой арабских революций выступила молодежь. Это неудивительно, учитывая, что ее численность в последние десятилетия очень быстро росла (см., например, рост численности египетской молодежи на Рис. 7.3). Характерно, что эта образованная молодежь уже не хотела выступать под зеленым знаменем ислама (см. также *Приложение 1*). Под ним позже собирались в

¹⁰ Даже в Йемене, где норма потребления не достигла рекомендованной ВОЗ [см.: FAO 2011], этот фактор, будучи катализатором недовольства, все же не был ведущим.

большей степени необразованные молодые люди (в том числе из сельской местности). Таким образом, особенностью современных социальных движений на Ближнем Востоке стало то, что влияние глобализации, демократии, западных ценностей, Интернета и современных технологий на значительную часть общества начинает перевешивать традиционные влияния (см. Приложение 1).

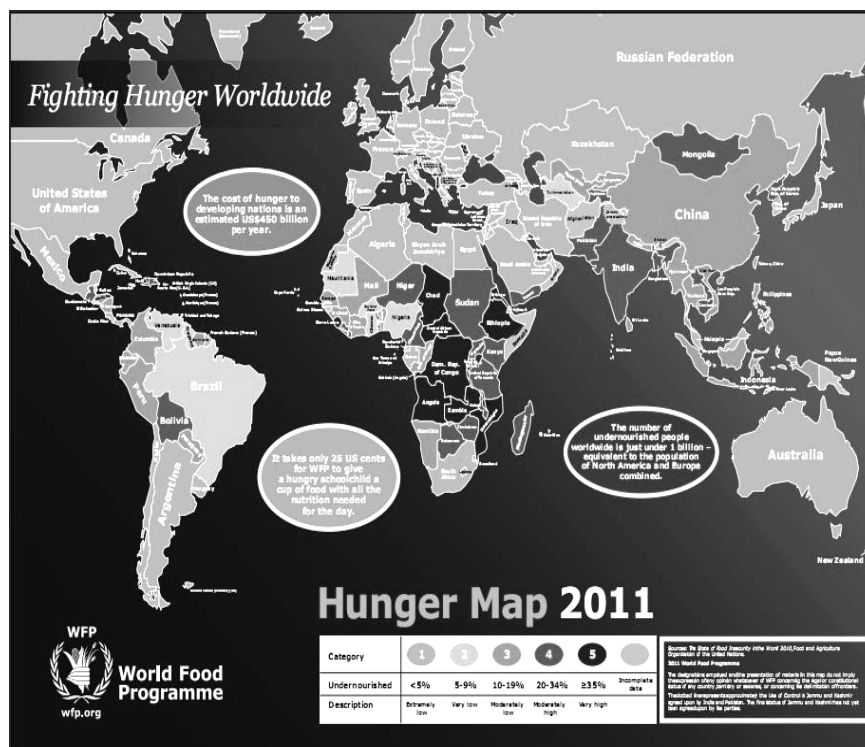

Рис. 7.1. Карта распространения голода в мире в 2011 г.

Источник: World Food Program (см.: <http://www.wfp.org/hunger/map>).

В целом мы согласны с теми аналитиками, которые считали, что преобладающую роль в Арабской весне играли политические требования: свобода, демократия, подотчетность властей перед народом [Халаф 2011]. (Но речь идет только о начальных событиях, далее в общий хор включились иные лозунги и иные силы.) И тот факт, что, согласно исследованиям, проведенным в конце 2010 г.

Центральным египетским агентством по общественной мобилизации и статистике (*The Egyptian Central Agency for Public Mobilization and Statistics*), более чем 43 % египетских безработных имели университетский диплом [CAPMAS 2010], это подтверждает. Именно эти молодые образованные люди и составили ударную силу революции на ее первом этапе. Для них речь шла не просто о возможности зарабатывать, они чувствовали себя оскорбленными властью, а причины своего неудовлетворительного положения видели в отсутствии демократии и свободы, пороках власти и режима Мубарака (режима, который, собственно, и дал им образование). Поэтому помимо лозунга «Долой!»¹¹, весьма обычного для всех революций, они требовали свободных выборов, отмены военного положения, свободы и демократии.

Но при этом представляется, что эти лозунги во многом порождены чрезмерными требованиями к власти (которая, надо отметить, немало сделала и для роста образования в странах, и для роста экономики и уровня жизни), и в целом завышенными ожиданиями, порожденными, с одной стороны, примером более развитых стран¹², а с другой – достаточно длительным периодом реального роста уровня жизни. В монархических нефтедобывающих странах, где имеются огромные ресурсы, удается, хотя и с трудом, покупать мир ценой все больших дотаций населению¹³.

В связи со сказанным нельзя не вспомнить о теории революционных кризисов Дж. Дэвиса [Davies 1969], которую мы приводим ниже в достаточно удачном, на наш взгляд, пересказе А. П. Назаретяна [2005: 156]:

¹¹ *Ирхал* («Уходи» – пер. с араб.).

¹² Здесь налицо отождествление определенных характеристик развитых стран (особенно демократии) с их большими успехами в области уровня жизни и культуры жизни. Иными словами, демократия видится как способ быстрого достижения уровня жизни развитых стран. При этом полностью выпадает из понимания, что сама по себе демократия, равно как и другие институты, может работать только при наличии очень многих условий, которые вырабатывались в западных странах столетиями. Об этом подробно было сказано в *Главе 2* [см. также: Гринин, Коротяев 2013; 2014a]. Добавим только, что идеализация демократии используется различными политическими силами западных стран для реализации собственных целей и распространения собственного влияния на остальной мир.

¹³ В монархических государствах богатого нефтью Персидского залива громадные финансовые ресурсы правящих династий помогают снизить градус недовольства: только в Саудовской Аравии только в 2011 г. на социальные нужды было дополнительно израсходовано более 100 миллиардов долларов [Халаф 2011]. И траты продолжались последующие годы. Но при этом одновременно увеличились и военные расходы, и затраты на репрессивные органы. Поэтому неудивительно, что в 2014–2015 гг. в связи с падением цен на нефть и в этих странах начинают ощущаться финансовые трудности.

Изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Девис [Davies 1969] показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста за которым развитие не успевает или, как в данный момент, кризиса и роста цен на продовольствие. – *Авт.*), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут выходов – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки (см. Рис. 7.2).

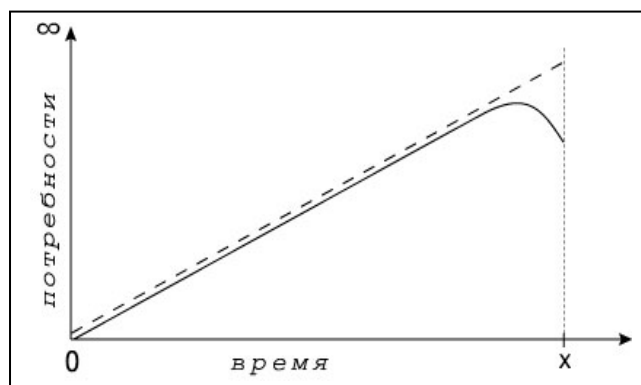

Рис. 7.2. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация

Источник: Davies 1969.

Примечание. Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит либо нет в зависимости от ряда «субъективных» факторов [см.: Назаретян 2005: 156; Гринин 2011г; 2012а; 2012з].)

Несмотря на избыточную категоричность изложения, данное описание представляется весьма релевантным для арабских модернизирующихся обществ.

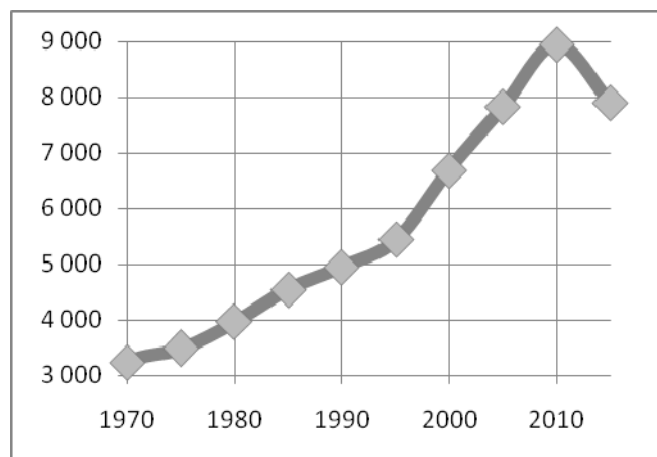

Рис. 7.3. Численность египетской молодежи в возрасте 20–24 лет, тыс. чел.

Источник: Korotayev, Zinkina 2011b: 88.

Глобальный аспект причин Арабской весны

С учетом темы настоящей главы необходимо остановиться на разделении внутренних и внешних, особенно глобальных, причин, но с учетом того, что одни и те же причины выступают и как внутренние, и как внешние, глобальные причины в разных обществах могут вызывать весьма разные последствия¹⁴. Анализ причин революций привел нас к выводу, что в их возникновении едва ли не важнейшую роль сыграли внешние, особенно глобальные факторы и причины, или – с учетом того, что ряд причин можно рассматривать одновременно как внешние и внутренние, – глобальный аспект этих причин.

При этом вновь подчеркнем, что именно совпадение внутренних и внешних факторов в сочетании с другими обстоятельствами может привести протесты к уровню революционного шторма, а для победы последнего также нужны особые условия. В частности, небезынтересно отметить, что «нынешняя цветная революция в Египте (то есть революция 2011 г. – *Авт.*) – это уже третья попытка. Первая была в 2005 г., когда движение *Кифайа!* (“Хватит!”) затея-

¹⁴ Весьма показательное сравнение разной реакции на рост цен на продовольствие на Ближнем Востоке и в Латинской Америке [см.: Коротаев, Ходунов и др. 2012].

ло митинг на той же площади Тахрир против переизбрания президента Мубарака на новый срок. Тогда организаторам движения удалось собрать всего лишь менее тысячи человек. Вторая попытка произошла в 2008 г. Тогда тоже главным требованием было отстранение Мубарака от власти, но опять-таки отсутствовала массовая поддержка этого требования» [Игнатенко 2011]. И только третья попытка в 2011 г. под влиянием кризиса, роста цен и, главное, внутриэлитного раскола и успеха революции в Тунисе оказалась удачной.

Сначала исследуем факторы, которые можно рассматривать одновременно как внутренние и глобальные (точнее, как трансформацию глобальных причин во внутренние проблемы и настроения). Идеологическая палитра общества, его духовный настрой всегда выступает как его внутренняя характеристика, причем одна из самых важных при анализе революций. Но откуда взялись сами политические лозунги, способы их пропаганды, наконец, технические средства этой пропаганды и организации? Несомненно, идеи превосходства демократии, убеждения, что правительство всегда за все ответственно и должно поддерживать достойную жизнь населения, что всякий получивший диплом должен иметь высокооплачиваемую и гарантированную работу и т. п., есть результат воздействия новейшей западной социальной культуры (именно новейшей, поскольку до середины XX в. социальная помощь еще не казалась обязательной и на Западе)¹⁵. Помимо этого подчеркнем, что господство идеологии «цветных революций», идущих достаточно успешно с начала XXI в., а также активное их «подталкивание» или прямая подготовка из-за рубежа (или организациями, которые поддерживаются извне) одновременно выступает как внешняя причина (о цветных революциях см. *Введение*). Поэтому несомненно определенную роль сыграли и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций, хотя можно согласиться, что конспирологическая версия

¹⁵ Правда, они уже успели набить оскомину в других обществах, недаром один журналист назвал их «пыльными идеологемами, слабо связанными с реальностью» [Яковина 2013]. Да и в западных странах в последнее время социальная помощь касается далеко не всех слоев и в важных аспектах может отсутствовать. В частности, проблема нахождения адекватной работы для дипломированной молодежи стоит весьма остро, однако «молодежного бугра» в этих странах нет, соответственно и социальное напряжение намного ниже, чем в бурно растущих развивающихся.

произошедшего не выглядит достаточно релевантной, если в объяснении ограничиться только ею¹⁶.

Тем не менее влияние США и Запада может рассматриваться как одна из причин, способствовавшая синхронности, поскольку в целом они довольно активно поддерживали революционные движения, «держали за руки» правителей, которые пытались подавлять эти движения, а также активно стремились свергнуть правительства ряда стран, всячески поддерживая в них так называемую оппозицию (фактически военных мятежников). Следующий взгляд на причины событий Арабской весны можно считать вполне здравым: «Сейчас существует много точек зрения относительно того, инициированы эти события из одного центра, или все же из разных. На мой взгляд, в каждой стране действует несколько разнородных сил – тут и местные политические и финансовые элиты, и региональные игроки, и мировые центры силы. Все эти игроки пытаются использовать объективные факторы и причины для достижения своих целей. Многое определяется и весом игроков. Прежде всего, речь, конечно, идет о США и Западе в целом. Вместе с тем, на примерах Египта или Бахрейна мы видим, что не все события определяются из Вашингтона. Есть другие игроки, которые в одном случае играют скрытно, в другом – более явно. Но это говорит не об их слабости, а, скорее, о понимании соотношения сил» [Баранчик 2013].

Итак, глобализация в целом, включая быстрое распространение современных информационных и коммуникационных технологий, а также представлений о том, какие порядки, отношения, уровень жизни следует считать достойными, сыграли большую роль в организации и разворачивании революций.

¹⁶ У. Добсон в блоге *The Washington Post* называет конспирологические теории последним прибежищем диктаторов. «Действительно, в этих странах работают западные организации гражданского общества, – признает автор статьи. – Но необъяснимо, как группа сотрудников нескольких слабо финансируемых неправительственных организаций могла свергнуть целый ряд авторитарных режимов» [см.: Набитовский 2011]. Тем не менее фактическая и оперативная помощь таких компаний, равно как и сервисов вроде *Google*, *Twitter*, *YouTube* и целого ряда других [см., например: Галустян, Кузьменкова 2011], уже выглядит отнюдь не слабой. А активное участие западных дипломатов, одновременно являющихся и представителями спецслужб, усиливает внешний фактор. Не следует забывать и о так называемых НКО, получающих финансирование из специальных фондов США или других западных стран, а также ангажированных другими способами.

Современные технологии, как отмечалось многими, стали важной причиной хорошей организации движений. В самом деле, призывы с помощью мобильных СМС-сообщений или размещения на популярных сайтах стали едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология быстро копировалась в соседних странах [см., например: Tausch 2011; Галустян, Кузьменкова 2011]. Не только европейские ноу-хау, но и чисто арабские, например использование возможностей для митингов в молитвенный пятничный день, стали быстро перениматься [см., например: Игнатенко 2011].

Даже такой бесспорно внутренний фактор, как демографический, может рассматриваться как внешний. Важнейшей причиной, действие которой невозможно устранить, являлась повышенная доля в населении молодых возрастов (коhort), так называемый «молодежный бугор» [см. Рис. 7.3; подробнее см. в *Главе 1*; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Гринин, Коротаев 2012б]. Однако это мировой глобальный фактор, а не чисто египетский или арабский. Политологи ранее уже говорили о странах с молодежной возрастной структурой населения как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии [Мир... 2009: 59].

Современный кризис, начавшийся в 2008 г. и продолжающийся до сих пор, нужно рассматривать в первую очередь как глобальный фактор, уже оказавший огромное воздействие и способный существенно повлиять на судьбы мира в будущем [см.: Гринин 2009а; Гринин, Коротаев 2009а; 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2015; см. также: Кудрин 2009; Рубцов 2011; Сулакшин 2012; Кругман 2013; Мельянцев 2015]. Однако влияние этого кризиса стало важнейшим внутренним фактором в каждой стране Арабской весны. Несомненно, именно он во многом «ответственен» за синхронное возникновение политического кризиса во многих странах. Очень важную роль сыграл другой (частично связанный с кризисом) глобальный фактор, который назвали *агфляцией*. Хотя он имел временный характер, сила его воздействия на арабские страны была велика (об агфляции см. также *Главу 1*). Еще до начала кризиса беспрецедентно высокие цены на продовольствие породили волнения в некоторых арабских странах (и не только в них [см. Рис. 7.4]). Однако в 2008–2009 гг. в связи с общим падением цен на многие активы также «сдулся» пузырь цен на продовольствие. В результате возникла парадоксальная

ситуация. Число живущих за чертой бедности в том же Египте, несмотря на бушующий кризис, заметно уменьшилось [Коротаяев, Зинькина 2011а; 2011б; Korotayev, Zinkina 2011b]. Между тем в 2010 г. в связи с неурожаем в целом ряде стран в разных частях мира, а также новым «надуванием» пузыря и разгоном спекуляции в результате политики «количественного смягчения» инфляция усилилась. В результате число живущих за чертой бедности в Египте и других арабских странах быстро увеличилось. И это наряду с другими упомянутыми выше острыми проблемами (безработицей, возмущением ростом коррупции, сильным неравенством и т. п.), а также ростом популярности идеи обновления режима вылилось в политические революции¹⁷.

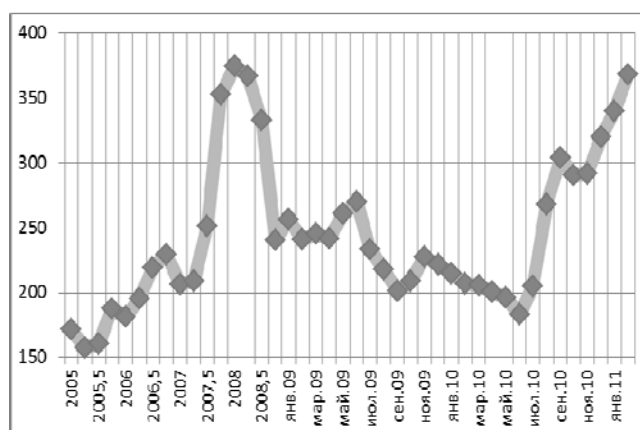

Рис. 7.4. Мировые цены на пшеницу в долларах за тонну, 2005–2011 гг.

Источник: Korotayev, Zinkina 2011b: 74.

Влияние глобализации видно и в том, что суверенные prerogatives государств под влиянием как объективных процессов, так и добро-

¹⁷ Стоит отметить, что к весне 2011 г. рост цен на продовольствие прекратился, а к лету на некоторые из продуктов начал снижаться. Если бы режимам удалось выстоять еще полгода, возможно, накал страстей не был бы столь сильным. На этом примере видно, как внешнее событие может роковым образом сказаться в обществе, где противоречия и недовольство достигли критического уровня. Кстати отметить, что в последние годы цены на продовольствие в мире снижаются, в 2014–2015 гг. это снижение было особенно связано с падением цен на энергоносители, а также и с сокращением спроса на биотопливо. Это отражает общий процесс усиления дефляции в мире в послекризисные годы [см.: Гринин, Коротаяев 2014б; 2014в; 2015а].

вольного отказа от части суверенных прерогатив, а также мирового общественного мнения и нередко прямого давления (особенно со стороны США) существенно трансформировались и сократились [подробнее см.: Гринин 1999; 2005; 2007б; 2008а; 2008б; 2008в; 2012д; Grinin 2009а; 2009b; 2012а; 2012b]. Сокращение суверенных полномочий наглядно видно как в навязывании демократических стандартов, вовсе не всегда подходящих к конкретным странам, так и в том, что под влиянием соответствующего мирового общественного мнения и прямого давления на правительства стран, в которых происходили революционные волнения, власти не имеют возможности применить силу против демонстрантов и даже против вооруженных мятежников, многие из которых на поверку оказываются вовсе и не гражданами соответствующих стран, а наемниками. Убеждение, которого далеко не всегда на практике придерживаются сами западные страны, что правительство не имеет права применять оружие против граждан, намеревающихся его свергнуть, существенно связало руки правителям, попавшим в отчаянное положение¹⁸.

Между тем, оставляя за скобками моральный и гуманитарный аспекты проблемы, можно предположить, что жесткое применение силы могло существенно изменить политическую ситуацию в Тунисе и Египте. В обеих странах, конечно, особую позицию заняла армия [см. *Главу 1*; см. также: Халаф 2011; о поведении армии в таких ситуациях см. *Главу 6*], но, возможно, в какой-то степени именно под влиянием призывов Запада не доводить до кровопролития. В любом случае на сегодня факты таковы, что тот, кто не решился или не смог применить оружие, свергнут, а те, кто это сделал или делает, пока власти не лишены (случай с Каддафи особый, так как ему фактически была объявлена война коалицией могущественных государств). Условно определяемые как контрреволюционные, события в Египте показали, что без применения силы (причем в гораздо больших размерах, чем в последние годы правления Мубарака) стабильности в обществе было не достигнуть.

¹⁸ В условиях откровенно двойных стандартов США и западные страны, с одной стороны, «выкручивают руки» правителям, в падении которых они заинтересованы (угрожая судом, арестом счетов и т. п.), а с другой – охотно закрывают глаза в случаях, если оружие против недовольных применяют удобные для них режимы [см. подробнее: Гринин 2015б]. Новейшая история Украины и Йемена хорошо показывает, как действуют двойные стандарты.

Каким путем пойдут революции?

Ход истории далеко не часто идет по линии наименьших потерь для населения и общества, и влияние глобальных факторов нередко оказывается решающим в выборе пути развития тех или иных государств. В результате особых обстоятельств отдельные страны нередко как бы объективно приносятся в жертву основным направлениям развития мира (также в какой-то мере их неудачи становятся условием более удачного развития других обществ). В частности, общий вектор развития на ослабление национального суверенитета в последние десятилетия XX в. привел к распаду многонациональных государств, что в общем-то не было неизбежным и, думается, не являлось наилучшим путем [анализ национализма и общих тенденций глобализации см.: Гринин 1999; 2005; 2008а; 2009б: Гл. 5; Grinin 2008].

В таком плане, на наш взгляд, существование авторитарных режимов в Тунисе и Египте было бы лучшим вариантом с экономической и, вероятно, социальной точек зрения, чем революционное их свержение с неопределенным результатом. Египет, как уже неоднократно бывало, смог вернуться к более устойчивой форме правления. Ситуация в Тунисе также временно исправилась, но она более неопределенная (об этом мы скажем далее). Если рассматривать исторические примеры, то сохранение монархии в России в 1917 г. было бы существенно лучшим для нее исходом, чем Февральская революция, свержение шаха в Иране в 1979 г. также привело к тяжелым жертвам для этой страны и мира в целом. Отметим, что при таких внутренних катаклизмах присутствует большой риск развала государств. Особенно чувствительными оказываются многонациональные и многоконфессиональные страны, а также те, в которых государственные формы и границы еще не устоялись, а государственное сознание жителей слабое. В них свержение сильных (хотя и коррумпированных) авторитарных правителей, которые реально удерживали страну, может привести к анархии внутри государства. Хорошим подтверждением служат события в Йемене, порядок в котором все более ослабевал, борьба ведущих сил внутри общества нарастала, и в итоге он стал ареной иностранной интервенции и гражданской войны (подробнее см. *Главу 4*). Потенциальная опасность распада некоторых стран превратилась в реальность. Совершенно неясная ситуация сложилась в настоящий

момент в Ливии, где нет единого правительства, контролирующего ситуацию в стране, укрепляются опирающиеся на трайбалистские связи силы¹⁹. Фактически разделена на несколько частей Сирия, где сражаются между собой ИГИЛ, правительственные войска и целый ряд движений – так называемая оппозиция. [Об этом см. подробнее в *Главах 3 и 5*; см. также: Родье 2015]. Сирийский конфликт стал центром противостояния интересов множества стран (см. *Главу 4*). Он также стал причиной нового витка войны в Ираке и полураспада этой страны. Да, к сожалению, сегодня есть большая доля правды в утверждениях, что «Ирака больше нет, как и Сирии» (так заявляет бывший глава ЦРУ и АНБ Хайден [Мандевиль 2015]). Однако свержение режима Башара ал-Асада может привести к полной дезинтеграции Сирии и усугублению и без того скверной ситуации, «расползанию» влияния ИГ на еще большую территорию [см.: Балланш 2014; Родье 2015].

Имеет смысл хотя бы бегло обозначить некоторые итоги революций и возможные варианты развития событий в странах Арабской весны, как они виделись в 2011 г. и сегодня, в 2015 г. Естественно, было много попыток предугадать, по какому варианту пойдет развитие в них дальше, что крайне важно для будущего и Северной Африки, и Ближневосточного региона, и мира в целом. Какой представлялась ситуация там, где революции победили, то есть в Тунисе и Египте?

«Политический переходный период в Египте и Тунисе проходит хаотично: ожидания людей намного превосходят возможности

¹⁹ Только сейчас (в 2015 г.) под влиянием увеличившегося числа беженцев из Ливии у некоторых (в общем-то немногих – большинство по-прежнему не хочет этого признавать) исследователей и политиков появляется осознание ошибочности и преступности того, что совершил Запад в этой стране. Норвежка Х. Н. Хэрланд [2014], в частности, пишет: «Потом Норвегия участвовала в нанесении авиаударов по Ливии, одному из богатейших государств на Африканском континенте, разбомбив его до основания по указке США. Таким образом, мы, по сути, помогли связанным с “Ал-Каидой” повстанцам прийти к власти во втором по величине городе страны Бенгази. До этого Ливия представляла собой общество всеобщего благосостояния со справедливой системой распределения доходов и ВВП выше, чем в Италии и Австралии. <...> Сама я была одной из немногих, кто выступал против происходящего, и в своих статьях в газете “Афтенпостен” писала о том, что военные действия НАТО в Ливии и убийство там гражданского населения является одним из худших в наше время примеров злоупотребления Западом властью». Далее следует справедливый вывод, который, однако, пока разделяет явное меньшинство: «НАТО превратилась из трансатлантического оборонительного альянса в инструмент политики силы и агрессии в отношении слабых государств, в которых затрагиваются интересы Запада» [Там же]. В этой статье автор также указывает о том, что было неверно вмешиваться в войну в Сирии.

временных правительств – особенно в том, что касается материальных благ», – писал Р. Халаф [2011]. Но хаотичность – не главная характеристика ситуации в этих странах. Период после победы революции нигде не проходит организованно, это всегда весьма сумбурное время. Важно отметить, что развитие шло по вполне понятной логике революционеров: эскалации социального возбуждения и истерии, поляризации общества, выдвижения все новых требований, поиска новых врагов. Радикалам были «нужны новые акции протеста, чтобы не допустить контрреволюции» [см., например: Супонина 2011]. Новым лидерам было нужно постоянно организовывать массы, а лучше всего организовывать их именно на расширение внутренней борьбы. И поскольку революционерам нечего было предложить в конструктивном плане, для сохранения своих позиций они должны были обострять внутреннюю обстановку. Грубо говоря, они искали козлов отпущения и накаляли страсти (и кое-где все еще продолжают делать это). Суд над президентом Хосни Мубараком, приговоры членам его правительства также стали повторением классики революций²⁰. Уже в скором времени стало ясно, что выборы, сроки которых постоянно переносились, не могли привести к успокоению страны. Страна была расколота, экономическая ситуация ухудшалась, а доходы от туризма падали. В Тунисе в принципе выдвигались те же требования, что и в Египте: ускорить политические реформы, происходили те же процессы над «бывшими», те же массовые эксцессы под руководством исламистов. Однако и в одной, и в другой стране после победы исламистов на выборах и формирования ими правительства начались волнения сторонников светских партий. То есть опять же по классическому сценарию началось противостояние в лагере «победителей». Но в Тунисе и Египте при определенном сходстве развития событий были и существенные различия. Об этом мы скажем далее.

В первое время после победы революций наиболее животрепещущий вопрос состоял в том, не окажется ли в итоге власть в руках исламистских радикалов. Многие – и справедливо – писали, что опасность эта очень велика [см., например: Мирский 2011].

Опытные политики считали, например, что приход к власти «Братьев-мусульман» – это лишь вопрос времени; в конце концов,

²⁰ В общую цепь событий легла и попытка штурма израильского посольства 9 сентября 2011 г., приведшая к жертвам, причем ранено было свыше тысячи человек [см.: Куделев 2011].

они являются самым крупным и дисциплинированным оппозиционным движением в Египте [см.: Ярон 2011]. И в отношении Туниса было много подобных прогнозов. Недавний исторический опыт также подтверждал вероятность такого хода событий. Свержение шаха в Иране поначалу совершали тоже преимущественно прагматичные демократические силы – и оказалось, лишь для того, чтобы власть захватили экстремисты [Там же]. Другие аналитики утверждали, что чисто политические лозунги революций и преобладание в авангарде образованной молодежи оставляют шанс на то, что радикалы если и придут к власти, то вынуждены будут считаться с ситуацией. Они надеялись, что «второго издания» иранской революции не получится. С другой стороны, по их мнению, усиление нестабильности, опасность несанкционированного ввоза оружия давали хороший шанс военным оставить в силе военное положение на длительный срок [см.: Куделев 2011].

Было очевидно, что в Арабском мире усилится борьба между фундаментализмом и стремлением к модернизации, ведь многие стороны модернизации (особенно связанные с бытом и семейной жизнью) оказались табуированными и замерли в развитии. С одной стороны, поскольку одной из главных сил революций выступала образованная молодежь, заглядывающая на Запад, можно было предполагать, что стремление к такого рода модернизации усилится. С другой стороны, вероятность временного усиления фундаментализма была очень высока. Тем более что у этих политических движений было гораздо больше опыта и они были лучше организованы, чем либеральные партии, многие из которых еще находились в стадии формирования [Халаф 2011].

Но, как мы отмечали [Гринин 2012a], в это время были моменты, способные уменьшить данную опасность, в частности то, что среди исламистов также не было единства и у исламистских партий имелись разные крылья, значительная часть (особенно молодых) деятелей занимают более умеренную и более благосклонную к демократии позицию. И действительно, каких-то монолитных исламистских коалиций не сложилось, что позволило удержаться от сползания к религиозному государству и в Тунисе, и в Египте. Другой момент, касающийся Египта, заключался в том, что в этой стране традиционно велика роль армии, которая стремилась по возможности сохранить важные рычаги влияния сама и была гото-

ва (как показали события июля 2013 г.) вернуть себе власть даже путем военного переворота (подробнее см. *Главу 2*). Менее очевидным в то время, но оказавшимся реальным был фактор большого пути, проделанного обществом Туниса в отношении секуляризации, что позволило противостоять попыткам навязать стране исламское законодательство и исламскую конституцию²¹.

В то время была надежда на то, что сама интеграция исламистов в политическую систему придаст их позиции большую умеренность, поскольку общество приветствует им более прогрессивные взгляды [см.: Халаф 2011]. Однако события не оставили для этого времени.

В самом общем плане было ясно, что если бы фундаменталисты взяли ответственность на себя, то крах этой политики мог способствовать уменьшению влияния фундаментализма. Но разумеется, для такого естественного развития событий потребовалось бы много времени. Противники исламистских партий ждать не стали.

В целом дальнейшее развитие показало частичную правоту и тех, кто опасался роста исламизма, и тех, кто полагал, что для него есть жесткие ограничения. И как всегда бывает, события приняли во многом отличающийся от прогнозов оборот.

И в Тунисе, и в Египте свободное волеизъявление дало победу религиозным партиям, что вновь продемонстрировало правильность утверждения (о чем шла речь в *Главе 2*), что в неготовом к демократии обществе всеобщее голосование может привести к власти силы авторитарного типа. Правда, исламистов в Египте и Тунисе нельзя обвинять в том, что они стремились уничтожить демократию (для этого у них не было особой нужды). Однако попыток навязать религиозный контроль (то есть ограничить гражданские свободы) было более чем достаточно. И в Египте, и в Тунисе исламисты активизировались и требовали принятия исламских законов; сплочение на основе борьбы с этим и стало одним из факторов их поражения.

²¹ По сравнению с другими арабскими странами, в том числе Египтом, Тунис был затронут более глубокими модернизационными процессами. Он отличается большей степенью секуляризации, более качественным средним и высшим образованием и меньшей степенью религиозного консерватизма. Согласно опросам, 56 % тунисцев считают, что шариат должен стать основным законом страны, 89 % – что женщина имеет право самостоятельно решать, закрывать ей лицо или нет. В Египте таковых 74 % и 46 % соответственно [Султангалиева 2014]. Тем не менее видно, что степень секуляризации (особенно в отношении шариата) еще далеко не достаточная, что определяет возможность большого влияния исламистских партий и вероятность будущих колебаний во внутренней политике.

О событиях в Египте уже шла речь в предыдущих главах. В данном случае мы не будем повторяться, а скажем несколько слов о том, как развивались события в Тунисе. По прошествии года революции на выборах 23 октября 2011 г. в Национальный учредительный совет – орган, который фактически должен был определять будущее страны, – большинство голосов получила исламистская партия «Ан-Нахда» (89 мест из 217). При свергнутом президенте Бен Али она была под строжайшим запретом. Эта партия, выступающая за законодательное введение в стране норм ислама, вместе с другими, создавшими с ней коалицию, и сформировала правительство²². Лидеры коалиции подтвердили, что через год после принятия новой конституции в Тунисе пройдут всеобщие выборы новых органов власти. Однако дальнейшие события показали (как и в Египте), что идеология не способствует развитию экономики, а наоборот, вгоняет ее в кризис. Экономические трудности исламисты пытались компенсировать усиленным навязыванием своего понимания «духовности» (это типично для революций, что наблюдается сегодня и на Украине). Несогласных с таким положением дел новые власти отправляли в тюрьму или на кладбище [Яковина 2013; см. также: Сарджентини 2013]. В итоге, как и в Египте, в стране поднялось мощное оппозиционное движение, требовавшее сменить правительство. Главные бои шли вокруг конституции, в итоге ее принятие было задержано на целый год. В январе 2014 г. конституция была наконец принята.

С одной стороны, события в Египте и Тунисе были во многом похожи, с другой – реакция общества была различной, что отражало как исторические особенности стран (более сильную роль армии в Египте, например), так и уровень секуляризации, который в Тунисе, по нашему мнению, выше. Правление исламистов ни в одной стране не способствовало росту энтузиазма в отношении их программы, напротив, пребывание их в течение года у власти вызвало резкие протесты. Но у каждой страны был свой путь. В Египте во-

²² Ее лидер Рашид Ганнуши, видный идеолог политического ислама, известен не только в Тунисе, но и за его пределами. Во времена Бен Али партия «Ан-Нахда» была обвинена в попытке государственного переворота, ее деятельность запрещена, вследствие чего Ганнуши был вынужден эмигрировать и более 20 лет проживал в Англии. Он вернулся в Тунис после свержения режима Бен Али 30 января 2011 г. Ганнуши заявлял, что «не собирается становиться тунисским Хомейни», и после успеха «Ан-Нахда» на парламентских выборах подтвердил приверженность партии демократическим принципам [Долгов 2012].

енные свергли «Братьев-мусульман» и вновь объявили их вне закона. В Тунисе оппозиция заставила правящий блок пойти на компромисс и создать переходное правительство, а также принять соответствующую конституцию (о протестах в Тунисе в 2013 г. см. *Главу 6*).

Разница между двумя арабскими республиками проявилась и во взаимоотношениях религии и власти. В итоге, как пишет А. Султангалиева [2014], демократический приход к власти партий, связанных с исламскими движениями, бывших под запретом при прежних режимах (в Египте – «Братья-мусульмане», в Тунисе – «Ан-Нахда») имел разные последствия. В Египте исламисты по тем или иным причинам не сумели преодолеть экономический и политический кризис, консолидировать общество, что в итоге обернулось новой волной насилия, очередным переворотом и радикализацией противостояния. В Тунисе же исламская партия, уступив требованиям большинства, передала власть переходному коалиционному правительству. В результате стал возможным компромисс между исламистами и секуляристами. Их договороспособность отразилась в принятии новой конституции, считающейся самой современной в арабском и исламском мире. Документ, например, признает свободу совести, религиозную свободу, в том числе и право не исповедовать никакую религию, а также равенство в правах женщин. Примечательно, что новый основной закон Туниса закрепил приоритет закона и гражданства.

Неоднократно (как и в Египте) переносились выборы в парламент и президента. Наконец 26 октября 2014 г. прошли выборы, победу на которых одержала главная светская партия «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»), а исламистская партия «Ан-Нахда» потерпела поражение, оказавшись на втором месте (соответственно 85 и 69 мест). В самом конце 2014 г. во втором туре президентских выборов в Тунисе победил лидер светской партии «Нидаа Тунис» Бежи Каид эс-Себси, набравший более 55 % голосов. Конкурент эс-Себси – временный президент страны Монсеф Марзуки – получил поддержку немногим более 44 %.

Таким образом, Тунис избежал масштабного политического кризиса, сопровождаемого жестким политическим противостоянием светских и религиозных сил. Особенность тунисского общества сказалась и на том, каким образом решаются в стране вопросы по-

литического транзита. Если в Египте это происходило через противостояние на площадях, то в Тунисе – преимущественно за столом переговоров [Султангалиева 2014]. С большим трудом, но удалось удержаться в законных рамках решения внутреннего общественного кризиса. Однако все очень хрупко. Кровавое нападение на иностранных туристов в марте 2015 г. в музее в центре тунисской столицы и расстрел туристов в июне этого же года в курортном городе Сус, которые стали делом рук связанных с ИГИЛ террористов, а также введение чрезвычайного положения в стране показали, насколько нестабильна ситуация [см. также: Стогов 2015; Хашчинский 2015; Якуби Имен 2015]. Кроме того, важно помнить, что опытный политик, нынешний президент эс-Себси, по сути, стал компромиссной фигурой, ведь ему уже более 88 лет. Ни эффективности, ни стабильности в такой ситуации ждать не приходится. И экономическая ситуация в стране не радужная. В том числе растет безработица среди молодежи, и что особенно тревожно – среди образованной молодежи. Данный показатель увеличился до 40 % от общего числа безработных [Султангалиева 2014]. Высокой остается эмиграция. Поэтому пока неясно, сработает или нет «закон Бердяева» о том, что «все революции кончаются реакциями» [Бердяев 1990: 29], в Тунисе, как уже сработал в Египте. Шансов в его пользу, увы, немало.

Синхронность революционных событий и асинхронность развития составляющих Мир-Системы

Одной из особенностей революций Арабской весны было то, что они стали неожиданностью для абсолютного большинства как аналитиков, так и самих жителей данных стран. Другой – то, что главными в них стали политические, а не религиозные лозунги. Хотя и высказывались мнения, что это станет «закатом политического ислама» [Игнатенко 2011], но в целом было понятно, что исламизм еще очень долго не уступит своих позиций. Но революции скорее поляризовали силы, поэтому радикальный исламизм появился в совершенно неприкрытом и до недавнего времени вообще неожиданном виде (ИГИЛ). Третьей особенностью революций выступает то, что они перекидывались из одной страны в другую с большой скоростью, как будто запылал пожар. Назовем это быстрое распро-

странение революционных действий синхронностью революций. Стоит рассмотреть, каковы ее причины в Арабском мире (см. также *Главу 1*).

То, что это страны одного языка, религии и культуры, а также наличие некоторых общих сходств в политических режимах и условиях жизни, естественно, дает определенный ключ к пониманию, почему революции и волнения возникли почти одновременно и стали быстро захватывать одно государство за другим в течение буквально двух-трех месяцев. Разумеется, живой пример соседей, вещания одних и тех же СМИ, доступность интернет-ресурсов для людей, живущих в разных странах, наличие отделений одних и тех же организаций в разных государствах и т. п. значительно способствовали этому. Свою роль сыграли и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций и интернет-ресурсов. Кроме того, как сказано выше, налицо общее влияние глобальных причин: кризиса и агфляции²³.

Тем не менее нельзя не отметить, что эти причины полностью не объясняют синхронности волнений в разных государствах, возникновения одних и тех же условий и ситуаций в верхах и низах в разных странах. В новой и новейшей истории такого рода синхронность иногда имела место, хотя нам не приходилось встречать анализ такого рода явлений. Представляется, что такой анализ в глобально-историческом аспекте может раскрыть некоторые важные черты Арабской весны и особенно ее места в современных мировых событиях.

Синхронность революционных изменений

В Мир-Системе (именно из-за ее системности) всегда наблюдались синхронные явления [см., например: Гринин 2012a; Гринин, Коротаяев 2009a; Varfield 1989; Chase-Dunn, Manning 2002; Hall *et al.* 2009]. Но, разумеется, временной «шаг» синхронности в древней и средневековой истории отличался от современности и мог равняться десятилетиям и даже столетиям. В рамках одной империи нередко наблюдалась синхронность социальных волнений, но одновременные социальные процессы в разных государствах если

²³ Протесты в США против крупных финансовых корпораций и банков осенью 2011 г., поддержанные как в странах Европы, так и вне ее, показывают, что глобальные причины могут быть таким источником синхронности при наличии соответствующих информационных технологий.

и имели место, то как исключения. С началом процесса глобализации и формирования современной Мир-Системы ситуация стала меняться. Вот почему уже в самом начале Нового времени возникает такое социально-идеологическое синхронное событие, как Реформация, начавшаяся с тезисов Лютера в 1517 г. в Германии и быстро распространившаяся в другие страны. Здесь нельзя не учесть воздействия новой для того времени мощнейшей информационной технологии – печатного слова²⁴, как, впрочем, нельзя не учитывать, что именно начало XVI в. было в Германии (да и в целом в Европе) временем довольно быстрого роста богатства, связанного с развитием мировой торговли, ростом спроса на немецкое серебро и т. п. [см., например: Арриги 2006; Бакс 1986; Nef 1987; Grinin, Kogotayev 2015]. То есть здесь имели место глобальные факторы и завышенные ожидания населения. Другим такого рода событием, вероятно, можно считать национальные революции в Латинской Америке 1809–1826 гг. [Томас 1960; Лавров 1991], начавшиеся после свержения Наполеоном династии испанских королей в 1809 г. В меньшей степени это проявилось в 1830–1831 гг. в Европе, тем не менее Июльская революция во Франции нашла отклик в Бельгии и Польше, а также в некоторых немецких землях. Очень наглядно синхронность реализовалась в революциях 1848–1849 гг., охвативших целый ряд европейских стран (кстати, эти движения называли «весной народов»).

Характерно, что эта революция была тесно связана с мировым экономическим кризисом 1847 г. и неурожаем картофеля и хлеба 1845–1847 гг. Неурожаи вызвали явления, аналогичные современной афляции. Революция 1905 г. также вызвала определенную волну подражания в мире и тоже произошла после мирового экономического кризиса 1900–1903 гг., а в России – после и в результате недоурожая 1901, 1905 и 1906 гг. Кстати сказать, появление новых способов печати, а также новые формы связи (электрической), равно как и развитие транспорта, способствовали возможностям революций. Взрывной характер носили и национально-освободительные движения в колониях в Африке в конце 1950-х – начале 1960-х гг., апогеем чего стал 1960 г.²⁵ Последним до Арабской весны таким синхрон-

²⁴ Так, за период возникновения и укрепления протестантизма в Европе было напечатано 500 млн экземпляров Библии [Назарчук 2006: 79].

²⁵ 1960 г. вошел в историю как «год Африки». На карте мира появились 17 новых африканских государств. Большинство из них – французские колонии и подопечные территории ООН, находившиеся под управлением Франции: Камерун, Того, Малагасийская Респуб-

ным событием стали революции в социалистических странах Европы в 1989–1990 гг.

Беглый анализ такого рода синхронных социальных и революционных движений говорит о том, что для их возникновения нужны следующие условия.

1. Наличие в определенном регионе сходных политических и идеологических условий и возникновение в нем (на базе уже существующего культурного единства) каких-то новых его направлений и пластов. Чаще всего это интеллигенция или верхушка («аристократия») новых классов, которые могут стремиться к интернационализму. Роль «носителя» такого рода идеологии выполняет сравнительно новый слой общества, который претендует на роль «авангарда» и ориентируется на какие-то популярные (и сравнительно новые) идеологии. Так, в революционной Европе 1848–1849 гг. выдвинулась разночинная интеллигенция, радикальная буржуазия и мыслящая верхушка рабочих (новый класс), а в некоторых странах (типа Чехии или Венгрии) – националистическая интеллигенция и дворянство. В Африке конца 1950-х застрельщиком выступала интеллигенция. Но, конечно, в процессе революции поднимается масса иных сил и противоречий, а равно идеологий, которые могут в тех или иных случаях и местах стать ведущими, перехватить инициативу, выдвинуть на первый план фундаментальные идеи.

В арабских странах (особенно в Египте и Тунисе), как сказано выше, ведущей силой была радикальная образованная молодежь, спонтанно возникшие и зачастую неорганизованные молодежные движения, а исламисты следовали за ней [см., например: Халаф 2011]. При этом религиозные фундаменталистские лозунги пока оставались на заднем плане, а на передний выдвигались светские и демократические лозунги свободы и честности выборов, прав и т. п. [см.: Халаф 2011; Мухаммед 2011]. Характерно, что выступления фундаменталистов, такие, как, например, в Алжире в 1980-х гг., не стали толчком для массовых волнений в других странах (равно как и Иранская революция в 1979 г.).

лика, Конго (бывшее Французское Конго), Дагомея, Верхняя Вольты, Берег Слоновой Кости, Чад, Центральноафриканская Республика, Габон, Мавритания, Нигер, Сенегал, Мали. Независимыми были провозглашены самая крупная страна Африки по численности населения – Нигерия, принадлежавшая Великобритании, и самая большая по территории – Бельгийское Конго. Британское Сомали и подопечное Сомали, находившееся под управлением Италии, были объединены и стали Сомалийской Демократической Республикой. 1960 г. изменил всю обстановку на Африканском континенте.

2. Революционный эффект, влияющий на другие страны (особенно схожие по цивилизационным, политическим и социальным параметрам), возникает в сходных для этих стран ситуациях. При этом сходство закладывается как культурно-исторически, так и в результате влияния общих внешних факторов, например колониальных захватов, индустриальной революции в Европе в XIX в., установления социализма, глобализации.

В условиях наличия указанного сходства можно выделить два главных типа формирования подходящей для синхронии ситуации. Первый – **возникновение вакуума власти**, то есть ослабление какой-либо силы, которая препятствовала изменениям. Примерами могут быть освободившиеся страны Африки в результате ослабления Франции и Англии, изменения в социалистических странах в 1989–1990 гг. в связи с ослаблением СССР²⁶. Второй тип – **обострение назревших противоречий в результате глобальных причин**, то есть общие глобальные (региональные) сдвиги и проблемы типа кризисов, неурожаев, инфляции. Это характерно для революции 1848 г. и Арабской весны. Но в отношении Арабского мира справедлив и первый тип ситуации, к чему мы еще вернемся.

3. Необходимы также **утрата доверия** к старым формам в политике и культурной сфере и соответственно **стремление к радикальным переменам**²⁷. Для темы нашего исследования важно, что *такое падение доверия и стремление к радикальным переменам охватывает в той или иной мере крупный регион в целом и возникает под влиянием не просто внутренних трансформаций общества, но особенностей глобального развития*. О них подробнее будет сказано далее.

4. Наконец отметим, что для реализации таких блоковых социальных движений немаловажна **апробация новых социальных и технических технологий** организации протеста и объединения протестующих. В этом случае новые революционные технологии активно берутся на вооружение лидерами движений.

²⁶ К слову сказать, если бы неожиданно наступило резкое ослабление США, то можно было бы наблюдать сильный эффект «вакуума власти» с соответствующей синхронией изменений.

²⁷ Это часто сочетается со стремлением к возврату к якобы чистым формам прошлого (так наряду с радикальным республиканизмом возникает радикальный монархизм типа «Черной сотни» в России). Для арабских стран характерно сочетание стремления к демократии в одной части общества с исламским радикализмом – в другой. Но в целом и те и другие перестали доверять авторитарным правителям и уважать созданный ими строй.

Ситуация вакуума власти может возникнуть в любой момент истории. Но ситуация крупного глобального кризиса скорее характерна для так называемых нисходящих (понижательных) фаз длинных кондратьевских волн. Каждая волна длится 50–60 лет, соответственно каждая фаза составляет 20–30 лет²⁸. Повышательная фаза характеризуется более быстрым экономическим ростом и менее затяжными кризисами, понижательная – менее высокими темпами развития и более длительными и затяжными кризисно-депрессивными периодами [см.: Кондратьев 2002: 380–381; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: гл. 3; Гринин, Коротаев 2012б]. Революции в Европе в 1830 и 1848 гг. начались соответственно на пике и на излете понижательной фазы первой К-волны. К моменту арабских революций можно говорить о начале понижательной фазы пятой К-волны (после 2008 г.). На наш взгляд, то, что она ознаменовалась столь масштабным политическим событием, как Арабская весна, выглядит не случайно, а вполне объяснимо с учетом сказанного о начале понижательной фазы пятой кондратьевской волны. Эта фаза предположительно закончится в 2020-х гг. Не исключено, что приблизительно в это время в результате экономического роста африканских государств с учетом их «молодежного бугра» волна протестов, похожих на Арабскую весну, может прокатиться и по некоторым из них.

Завершая краткий исторический анализ синхронных революционных событий, следует подчеркнуть, что каждая из таких волн синхронии знаменовала значительные изменения в Мир-Системе. Они либо побуждали к серьезным изменениям (например, после революций 1848 г. в Европе начали очень быстро развиваться капитализм и современные политические режимы, а после освобождения колоний неевропейский мир стремительно изменился), либо являлись предвестниками новых более значимых цепочек синхронии (как революции 1830 г. стали прологом для революций 1848 г.). Поэтому мы имеем основания считать, что *в Арабской весне налицо эффект начала глобальной реконфигурации мира. Волнения охватили весь Большой Ближний Восток, а затем и другие регионы. Они также подтвердили нашу идею о начале эпохи новых коалиций. Речь идет о том, что в современную эпоху начал-*

²⁸ См. подробнее: Гринин 2010е; 2012ж; 2013в; Гринин, Коротаев 2010а; 2012б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Коротаев, Гринин 2012; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011.

ся очень активный процесс поиска новых союзников (и попутчиков), возникают необычные союзы и комбинации (как в экономическом, так и в политическом плане). Особенно это характерно для союзов, связанных с Россией и Китаем (БРИКС, стремление привлечь в ШОС или ЕАЭЭС такие страны, как Вьетнам, Турция, Египет, Индия)²⁹. С другой стороны, против этих попыток выступают США и западные страны, активно использующие свои союзы (как ЕС или НАТО), и пытающиеся создать новые (как ТТИП или ТТП)³⁰. Словом, идет активная геополитическая и дипломатическая работа по укреплению позиций в условиях формирующегося нового мирового порядка.

Политическая и экономическая составляющие глобализации и Арабская весна

Рассмотрим теперь, почему появляются глобальные причины для начала синхронных массовых социальных движений. Сначала напомним то, о чем мы писали ранее: «Очевидно, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию. Усилится ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы, считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Мы придерживаемся подобного же мнения³¹. Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться?» [Гринин 2009а; 2013в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2012; 2015].

Но как будет проходить это подтягивание? Подтягивание означает форсированное развитие, что может реализоваться напряжен-

²⁹ Подробнее о такого рода коалициях см.: Гринин 2009а; 2011б; 2012б; 2012в; Гринин, Коротаев 2012б; Grinin, Korotayev 2012.

³⁰ Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) (англ. *Transatlantic Trade and Investment Partnership*) и ТрансТихоокеанское Партнерство (англ. *Trans-Pacific Partnership*, TPP). О принципиальных договоренностях по последнему объявлено в октябре 2015 г. Говорят также о договоре по торговле услугами (*Trade in Services Agreement*, TISA), обсуждение которого ведется в обстановке секретности.

³¹ Современная экономическая ситуация (вместе с усилением дефляционных тенденций [см.: Гринин, Коротаев 2014б; 2014в; 2015а]) это подтверждает.

ностью, крутыми поворотами и переворотами, разломами, и – как стало ясно сегодня – вовлечением в бурные события сразу большой группы стран. Вот почему мы прогнозировали, что такое подтягивание в рамках Мир-Системы означает в ближайшем будущем достаточно сложный период [Гринин 2009а; 2013в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2012; 2015]. Логика очевидна: отставание не может быть бесконечным; когда оно становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. И это бывает именно тогда, когда экономическое развитие замедляется вследствие кризисных явлений, при этом одной из причин кризисов выступает то, что социальные и политические изменения в обществе не успевают за экономическими [см.: Гринин 2010а; 2012а; Гринин, Коротаев, Цирель 2011].

Таким образом, идея заключается в том, что *именно асинхронность развития разных линий Мир-Системы является причиной синхронности крупных социальных движений*. Иными словами, в процессе глобализации одни процессы значительно опережают в развитии другие, в частности экономические процессы опережают политические. А такое опережение не может постоянно возрастать, соответственно происходит подтягивание, но оно совершается не постепенными изменениями, а рывками. Такое опережение одного вектора в отношении других приводит к различным диспропорциям в мире и в отдельных странах, что реализуется в социальной реальности в виде возникновения оппозиционной, протестной и революционной идеологий (см. выше). Причем неважно (с точки зрения назревания революции), что такого рода идеологии и идеалы реально могут быть плохо применимы к конкретной стране в определенное время³². Они играют роль тарана, с помощью которого сокрушаются негибкие режимы и имперского рода образования, дальнейшая же судьба такого рода стран зависит от исторического везения. Насколько затратными будут перемены для конкретного общества с глобальных мировых позиций, в сущности, оказывается не так важно. Поэтому слепое следование за модными теориями и их прозелитами опасно: естественно-историческое развитие в условиях глобализации будет осуществляться именно по

³² И напротив, режим «просвещенной» автократии, которая может последовательно проводить экономические и иные преобразования до того момента, когда общество уже будет реально готово к демократии, может быть существенно более подходящим для тех или иных стран, в частности и для Египта.

принципу «лес рубят – щепки летят», где щепками порой выступают целые страны и политические движения.

Почему очередной рывок подтягивания политической составляющей в Мир-Системе произошел именно в арабских странах? С точки зрения глобализационных процессов нельзя не отметить, что разрыв между уровнем развития экономики, технологии и образования, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, быт, право и многие другие стороны жизни – с другой, является наибольшим среди всех остальных цивилизаций и культурных областей. Именно здесь женщины по сравнению с мужчинами имеют наименьшие права, но в то же время уровень образования, культуры и восприятия мира среди женщин уже явно не соответствует их положению³³. Влияние религии на все стороны жизни, включая право и финансы, здесь намного выше, чем в других местах, а веротерпимость во многих странах практически отсутствует. Арабские страны не смогут бесконечно игнорировать эти проблемы, тем более что высокий уровень миграции, в том числе в европейские страны, и усиливающаяся открытость к телевизионным и интернет-вещаниям подтачивают или прямо взламывают прежде закрытую идеологию.

Из истории глобализации: подтягивание политической составляющей

Опережение экономического вектора развития в отношении политического уже бывало в истории. Это, в частности, стало ощущаться с конца XIX в., пожалуй, с 1870-х гг., когда началась понижающая фаза второй кондратьевской волны. Войны и революции конца XIX – начала XX в. можно рассматривать как некоторые попытки подтянуть политический вектор в рамках Мир-Системы. Однако они не принесли реального успеха и вылились в Первую мировую войну. После нее прошла волна больших территориально-политических и не менее значимых социальных изменений в западных обществах, а также были предприняты в целом не очень успешные попытки создать мировые координационные органы

³³ Причем появляются такие утверждения, которые нельзя игнорировать. «Согласно докладу Фонда Thomson Reuters, в результате Арабской весны положение женщин в арабских странах ухудшилось», – пишет В. Мацца в статье, опубликованной в газете *Corriere della Sera* [Мацца 2013].

(Лигу Наций) и некоторые экономические организации. Таким образом, крупные политические изменения произошли, хотя и тяжелой ценой. Однако относительно слабое экономическое развитие в межвоенный период было одним из свидетельств того, что требовалась более глубокая перестройка как в рамках Мир-Системы в целом, так и во многих ее обществах [см. об этом: Гринин 2013*б*]. Завершила эту перестройку Вторая мировая война, в результате которой возник новый мировой порядок, причем были созданы дееспособные экономические мировые организации, и, в конечном счете, открылись большие возможности для экономического развития [об истории мирового порядка см.: Он же 2015*б*].

Однако требовалось и политическое изменение в колониальном мире, где уровень развития колоний уже стал опережать их политическое состояние [подробнее см.: Он же 2012*а*; Grinin, Korotayev 2015]. В результате Второй мировой войны, приведшей к поражению или ослаблению таких колониальных держав, как Япония, Италия, Англия, Франция, Бельгия и Голландия, началась полоса освобождения колоний. Первый крупный разрыв в колониальных владениях произошел в результате освобождения Британской Индии (образовались Бирма, Индия, Пакистан, Цейлон [см., например: Кей 2011: гл. 19, 20]). Позже обессиленная войнами в Алжире и Индокитае Франция не смогла сопротивляться освободительному движению в Африке, и в 1960 г. колонии обрели независимость.

Развитие мировой экономики в 1950–1980-е гг. сопровождалось созданием массы наднациональных экономических и политических союзов и блоков. Грандиозные экономические изменения в результате начальной фазы новой производственной революции³⁴ привели к новым диспропорциям. Поэтому отставание политической составляющей от экономической явственно ощущалось. Наиболее слабым звеном оказались социалистические страны. В итоге распад Советского Союза, не выдержавшего экономической гонки, создал вакуум власти, в результате чего рухнула политическая система всех европейских социалистических стран.

³⁴ Эту производственную революцию мы назвали кибернетической, а ее первую фазу – научно-информационной. Завершающая фаза кибернетической революции, по нашим предположениям, начнется в 2030–2040-х гг. [подробнее см.: Гринин 2013*д*; Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2013; 2015; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014; 2015; Гринин, Коротаев 2015*б*; 2015*е*; Grinin A., Grinin L. 2015*а*; 2015*б*].

Это существенно облегчило развитие того, что, собственно, и получило название глобализации. Но глобализация эта, как известно, была главным образом экономической и даже финансовой (наиболее крупным политическим изменением последних десятилетий в мировом масштабе стало, пожалуй, углубление и расширение интеграции Европы). Пока экономическая ситуация шла на подъем, главным образом происходили экономические (и связанные с ними социально-демографические) изменения, которые существенно преобразовали многие развивающиеся страны [подробнее см.: Amsden 2004; Мельянцев 2009; 2013; 2015; Гринин 2013а; Grinin, Korotayev 2014а; 2015]. Теперь, похоже, наступает очередь подтянуть тылы в развитии Мир-Системы, и Арабская весна – один из значительных эпизодов в подтягивании политической составляющей мир-системного развития³⁵. При этом турбулентность существенно усиливается (а в ряде случаев задается) тем, что США, ощущая свое ослабление, пытаются задержать процесс уменьшения ее лидерских позиций подрывом мощи конкурентов, пытаясь обозначать свое присутствие в самых разных регионах и странах [см. об этом в Заключении; см. также: Гринин 2015б].

Таким образом, глобализация и ускоренное развитие развивающихся стран уже привели и приведут в еще большей степени к ощущению необходимости глубоких изменений в мире. Этот период серьезных изменений, напомним, был назван нами *эпохой новых коалиций*, в процессе которых начнут складываться контуры нового мирового порядка [см.: Гринин 2009а; 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; Гринин, Коротаев 2012б]. В определенном плане ближайшая к нам эпоха может напоминать перемены, которые наступили в результате Второй мировой войны. Разница, однако, будет заключаться в том, что в первом случае возник ведущий лидер Мир-Системы – США, а в ближайшем будущем на роль такого лидера предложить некого. Отсюда роль новых коалиций будет более высокой. Нечто похожее происходило после Второй мировой войны, когда возникали различные блоки по принципу близости к коммунизму или антикоммунизму, США или СССР, и иные, связанные с региональной или особой политикой. Но теперь вектор все же должен сме-

³⁵ При этом чем сильнее такая диспропорция между экономическим и социально-политическим развитием, тем своеобразнее может быть затем политическое изменение [см. о некоторых аспектах этого процесса: Гринин 2013а].

ститься в направлении создания более дееспособных мировых (межблоковых, межгосударственных и т. п.) центров координации.

Далее мы вернемся к вопросу о возможных изменениях, связанных с Арабской весной. Но пока необходимо дать общее представление о некоторых предполагаемых изменениях в будущем.

Ослабление центра Мир-Системы и наступающая эпоха новых коалиций

Сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом³⁶. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом – относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится [такого рода прогнозов много, см., например: Thompson 1988; Attali 1991; Colson, Eckerd 1991; Frank 1998 (Франк 2002); Todd 2003 (Тодд 2004); Wallerstein 1987; 2003 (Валлерстайн 2001); Kurchan 2002 (Капхен 2004); Buchanan 2002 (Бьюкенен 2007); Иноземцев 2008; Гринин 2009а; 2009б: гл. 5; Арриги 2006; 2009; Frank 1997; Arrighi 1994; 2007; Mandelbaum 2005; Global Trends 2030... 2012; Grinin, Korotayev 2010а; 2010б; 2015]. Особенно активно такие предположения высказывались с момента начала кризиса в США в 2007–2008 гг. И этим очень обеспокоены многие в самих США.

С 2008 г. (даже до начала глобального кризиса) появляется все больше статей, в той или иной мере утверждающих, что американское могущество под угрозой, что США перестает быть абсолютным гегемоном, что однополярный мир трансформируется и т. п. [см., например: Милн 2008; Haass 2008; Закария 2009; Le Monde 2009]. Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например «Иллюзорность американского могущества» [Гринуэй 2008]; «Конец американской эпохи?» [Кеннеди 2009]; «Падение Америки создает опасные возможности для ее вра-

³⁶ Это в значительной степени связано и с процессами Великой конвергенции в целом, то есть процессами подтягивания развивающихся стран к развитым (подробнее о Великой конвергенции см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2010; Коротаев, Божевольнов 2010; Коротаев, Малков и др. 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Гринин 2013а, 2015б; Акаев 2015; Korotayev *et al.* 2011а; 2011б; 2012; Korotayev, de Munck 2013; 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2015).

гов» [Падение Америки... 2008]; «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» [Грей 2008]; «Американский век на закате» [Reid 2008]. Такого рода статьи постоянно появляются до сих пор [см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015а], хотя некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии ее внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Также многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдерживать соперников [на те или иные возможности поддержать лидерство США указывают ряд авторов, см., например: Милл 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015].

Действительно, сегодняшний кризис стал важным этапом в плане ослабления позиций нынешнего лидера. В целом прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, нежелающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия [Гринин 2005: 17; 2008а: 93; 2009а; 2009б: Гл. 5]. На Ближнем Востоке, особенно в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене, но также и в ситуации вокруг Ирана, и в событиях вокруг Украины и других постсоветских стран мы видим сегодня болезненные вариации этой коллизии. Соответственно в ближайшем будущем новые аспекты взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой, будут демонстрировать нам трансформацию указанного противоречия.

Прежде всего отметим, что США всеми силами и вопреки всему пытаются сохранить свою гегемонию и в условиях замедления экономического развития активно применяют тактику обрушения любых соперников, которые рассматриваются ими как опасные. В настоящее время главным объектом таких атак выступает Россия (по мнению США, ее примерное наказание заставит и Китай вести себя лучше). Но США думают и о том, как всячески сдерживать Китай, который стал слишком мощным. К сожалению, о последствиях таких откровенно враждебных действий для экономики других стран, устойчивости мирового порядка и поддержания опреде-

ленных стандартов международных отношений в США практически не думают.

Однако подобные действия не могут иметь стопроцентного успеха, поскольку главная причина ослабления лидерских позиций США не в соперничестве других держав, а в ослаблении внутренних импульсов развития в самих Соединенных Штатах. Поэтому изменение их позиции в мировом рейтинге неизбежно. В то же время такая коллизия относительно уменьшения роли США – как бы к ней ни относились – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России; чаще всего речь идет о Китае). Но это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Потеря Соединенными Штатами статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка, поскольку США сосредоточивают в себе слишком много *аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, технологического*. Причем это лидерство в разных сферах хотя и ослабевает, но по-прежнему сохраняется [см.: Бреммер 2015]. Уже одно это перечисление преимуществ показывает, что место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, поскольку никто не в состоянии сосредоточить одновременно столько лидерских функций. И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны [подробнее об этом см.: Гринин 2009а; 2013а; 2015б; Гринин, Коротаев 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2014b; 2015]. При этом еще больше усугубит проблемы нежелание США утрачивать ведущую роль. Ситуация на Ближнем Востоке хорошо это иллюстрирует. США перестали поддерживать арабский статус-кво рука об руку с саудовскими королями, и об этих днях еще не раз придется ностальгировать [см.: Камински 2011]. Ныне США скорее предпочитают хаос порядку, при этом они надеются, что хаос будет управляемым, но управлять им трудно или просто невозможно. В результате США не смогли уйти с Ближнего Востока, как предполагали, а напротив, еще больше там завязли [Тол Гёнюль 2015], и «распадающийся

Ближний Восток источает мстительное презрение к Соединенным Штатам» [Фримэн 2015; см. также: Лорд 2015]. США перестают бояться и крупные игроки, которые начинают играть в собственную игру [см., например: Раинери 2014; Тол Гёньюль 2015]. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий для очень многих стран и мира в целом.

Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов в долгосрочной перспективе предполагает определенное сокращение национального суверенитета, о чем мы неоднократно писали [см. подробнее: Гринин 2008*a*; 2008*b*; 2009*a*; 2015*b*; Grinin 2013*b*; 2014]. Но проблема в том, что этот объективный процесс, который идет с конца прошлого века, Соединенные Штаты и другие сильные игроки стали использовать, чтобы навязывать свою волю и интересы десяткам стран. В целом в результате ослабления лидерских функций США, попыток в этой связи ряда государств изменить мировые правила (например, в отношении статуса доллара и т. п.) и одновременно абсолютного нежелания США уступать хоть что-то из своих неформальных прерогатив напряженность в мире усилилась. В итоге мировой порядок сменяется мировым беспорядком, в котором действует одновременно несколько принципов, где сосуществуют однополярный и многополярный миры. Причем «новорожденный многополярный мир беспорядочен, почти анархичен» [Многополярный мир... 2009]. Тем не менее «было бы ошибкой недооценивать сейчас влияние США после того, как его переоценили в прошлом. Еще более страшной ошибкой было бы ...убедить себя в том, что Америка готова добровольно отречься от своей короны» [Лаиди 2009].

Такая турбулентность вместе с формированием различных союзов и комбинаций может продлиться определенное время. Но постепенно наряду с вероятным усилением конфликтности и политических перемен в различных регионах усилится вектор, направленный на формирование общего поля интересов государств. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил», который не может быть слишком долгим (возможно, до двух десятков лет), мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и поддерживать их. Подтягивание политической со-

ставляющей глобализации может заключаться в том, что общемировые интересы начнут так или иначе оказывать влияние на политику все большего количества государств. А это значит, что в самой концепции внешней политики и постепенно (очень неровно) в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов государств будут занимать меньше места, чем сегодня.

Да, конечно, сказанное может звучать утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового мирового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно. После 2008 г. произошли некоторые изменения, в том числе и в политике США, которые стали больше прислушиваться к мнению других стран, но стоило их экономике чуть окрепнуть, как они начали отыгрывать назад. Украинский кризис, как и борьба с ИГ, также будет способствовать поиску новых отношений.

Таким образом, в течение некоторого времени принципы мирового порядка должны измениться. Грубая демонстрация в качестве ведущей причины политики национального эгоизма, как нам кажется, должна уменьшиться. Дело, разумеется, не в том, что национальный эгоизм исчезнет (он вряд ли вообще когда-нибудь исчезнет). Просто он будет сильнее, чем сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая международная акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Поэтому есть ощущение и надежда, что – конечно, весьма постепенно – во внешней политике все чаще будут звучать лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели. Но подобная трансформация так или иначе приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Также неизбежно

радикально изменится политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы насильственно доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, причины соперничества на международной арене, формы конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Заметнее пойдет конкуренция за то, кто станет направлять процесс формирования нового мирового порядка в мире и отдельных регионах. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* [Гринин 2009а; 2012в; Гринин, Коротчаев 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2012]. В результате могут быть обозначены контуры новой расстановки сил на какой-либо срок.

Вполне вероятно, что на определенное время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими. В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИКС.

Сегодня союз стран БРИКС стал вполне осязаемым, начинают осуществляться вполне серьезные проекты, в частности по созданию нового мирового банка и др. Растет число стран, желающих в той или иной степени сотрудничать в рамках БРИКС. И есть даже идеи, хотя еще весьма неконкретные, расширить БРИКС до БРИКСА, включив в структуру Аргентину. Но вспомним, что аббревиатура БРИК появилась в записке аналитика «Голдман Сакс» Дж. О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Однако неожиданно умозрительные конструкции ожили, и в 2009 г. прошел первый форум стран БРИК на уровне руководителей стран в российском Екатеринбурге, а затем, в 2010 г., – в Бразилии. Далее к этому форуму четырех был приглашен пятый участник – ЮАР, и БРИК превратился в БРИКС. В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на

высшем уровне в Китае на острове Хайнань (см., например: Садовничий и др. 2014). В это время Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», отмечал, что «этим странам выгодно подчеркивать свой особый статус в мировой системе. Пока для каждой из них это просто престижно», «но со временем объединение будет становиться все более перспективным» [см.: Сурначева, Артемьев 2011]. Как мы видим, весьма перспективным. Но тогда еще не было ясно, станет ли БРИКС достаточно устойчивым объединением. Сегодня после целого ряда форумов и важных решений видно, что у него может быть будущее.

При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединиться к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС, либо к международным проектам, как, например, Китайский Азиатский банк или «Новый Шелковый путь».

Таким образом, мы видим, что современные союзы могут возникать случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится достаточно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, находясь не только рядом друг с другом. Вот поэтому возникают самые разные геополитические фантазии, некоторым из которых, вполне возможно, и суждено ожить, как произошло с БРИК.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Но в конце концов некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий [см., например: Тинберген 1980].

Ближний Восток и реконфигурация мира

Глобализация по мере своего развития способствует восприятию как базовых более крупных, чем отдельные государства, экономических и политических единиц. Поэтому аналитики, особенно экономисты, все чаще оперируют региональными единицами (ЮВА или даже Азией, АТР, Европой и т. п.). И хотя страны, входящие в те или иные регионы и блоки, очень разные, такое масштабное вос-

приятие объективно оправдано и полезно. Арабская весна, как мы уже отмечали, показывает, что современный мир под влиянием глобальных процессов начинает серьезно меняться. Такая смена сулит возникновение мощных и, вероятно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Внезапность может быть сродни землетрясениям. И продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что, подобно тому, как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических плит. И Ближний Восток, и Украина относятся к таким регионам³⁷. Внутренние особенности регионов и стран во многом и определяют эту геополитическую неустойчивость.

Таким образом, можно предположить, что особо сильные изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат на стыке геополитических плит.

Рассмотрим несколько подробнее процесс, который мы назвали реконфигурацией. Основные векторы этой реконфигурации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом увеличение роли в мировой экономике и политике развивающихся стран. Проявляться процесс реконфигурации в разных странах, случаях и регионах может по-разному и часто непредсказуемо. Если спроецировать это на Ближний Восток, то в результате ослабления влияния США и Запада здесь возникнет много новых комбинаций, которые показывают различные варианты развития. Они также демонстрируют переход к новому состоянию в международных отношениях, когда наряду с попытками сохранять старые союзы и комбинации одновременно пытаются сформировать самые разнообразные новые (то есть имеется сдвиг к «новым коалициям»). Отсюда этот регион может генерировать много изменений всякого рода (включая и импульсы для выработки общемировых норм и принципов). Пока же налицо поляризация сил, о которой мы скажем ниже, и откровенные попытки установления собственной гегемонии со стороны региональных лидеров.

³⁷ На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Синьцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но возможны – не значит, что они обязательно будут).

Арабская весна показала двойственность позиции США и в целом Запада на Ближнем Востоке. Это во многом связано с тем, что под влиянием кризиса западные страны все больше заняты своими внутренними проблемами. С одной стороны, Запад совершенно не намерен отказываться от лидирующей роли. Особенно это было заметно в отношении Ливии и Сирии. Вполне понятно, что с точки зрения США нельзя было упускать шанс под благовидным предлогом разделаться со своими старыми врагами. Тем более что поддержка идеи (либо даже инициатива) установления над Ливией зоны запрета полетов боевой авиации вместе с признанием нелегитимным режима Каддафи исходила от так называемого Совета сотрудничества стран Персидского залива, то есть Саудовской Аравии и других государств Залива. С другой стороны, США и Европа, по сути, предали своих союзников, которых много лет поддерживали и в которых было вложено много средств³⁸. При этом, несомненно, ослабление Египта означало для Запада крушение одного из несущих столпов его политики [Ярон 2011]. Этот фактор, а также неприкрытое стремление Саудовской Аравии ослабить влияние «Братьев-мусульман», вероятно, и является объяснением, почему сегодня США, нуждаясь в Египте, закрывают глаза на жесткую политику и террор, которые проводят там военные во главе с Ас-Сиси.

В целом же политика США в этом регионе в последние пять лет довольно непоследовательна. Все эти годы она постоянно колебалась в самых разных аспектах, так что обнаружить в них ясную логику затруднительно³⁹. (Подробнее о политике США на Большом Ближнем Востоке см. в *Заключении*.) В целом можно констатировать, что США взяли курс на сокращение своего прямого участия

³⁸ Многие политики и дипломаты огорчились по этому поводу, поскольку чувствовали, что рискуют потерять друзей и поставить под угрозу экономические и военно-политические интересы на новом Ближнем Востоке, который они едва понимают. Так, после падения Мубарака один высокопоставленный представитель США огорченно воскликнул: «С кем же нам теперь вести дела в Египте?» [Рахман 2011]. А один из авторов *Washington Times* сокрушался по этому поводу: «Пускай Мубарак был мелким продажным диктатором, но он поддерживал Америку» [Там же]. Говоря объективно, Х. Мубарак много сделал и для Египта, и для дела мира на Ближнем Востоке, поэтому говорить, что он мелкий и продажный, и глупо, и несправедливо. Да и его поведение в период кризиса и после него говорит о его личных качествах. Думаю, что история (как говорил сам Мубарак) вынесет совсем другой приговор ему и его правлению. В любом случае было бы намного лучше, если бы он спокойно передал власть вновь избранному президенту, но, увы, у революции свои законы, от результатов действия которых народу может зачастую стать только хуже.

³⁹ «Не понимаете политику Обамы в Сирии? Это нормально» – этот ироничный заголовок в итальянской газете *Il Foglio* [Раинери 2014] довольно точно отражает ситуацию.

в конфликтах, в результате чего вывели основные войска из Афганистана и Ирака. Но попытки опереться на установленные в этих странах режимы не дали нужного результата, и в итоге США завязли на Ближнем Востоке [Тол Гёнюль 2015]. При этом возникает ощущение, что в ряде случаев Соединенные Штаты полагают, что в условиях хаоса в результате свержения легитимных правителей (как в Ливии или Сирии) и балканизации стран им будет легче осуществлять свою глобальную политику. Они также пытаются противопоставить одни страны другим (в частности, Иран – Израилю и Саудовской Аравии). Правда, понять смысл и цели этой политики довольно затруднительно. Но то ли по причине потери ориентиров, то ли из-за падения профессионализма дипломатов, то ли потому, что явно не хватает сил, но зато возросли амбиции⁴⁰, США как будто перестали считаться со своими союзниками, действуют под влиянием каких-то сиюминутных интересов и т. д.⁴¹ Словом, ситуация в действиях США характеризуется разнонаправленными и часто противоположными векторами. С одной стороны, налицо попытки мобилизовать старых союзников, не выпустить их из своей орбиты, с другой – странные действия, которые грозят ухудшить отношения с союзниками ради достижения каких-то не очень реальных целей. Возможно, это тоже отражение изменений в мировой политике, ее дрейфа к «эпохе новых коалиций».

Итоги влияния США на Ближнем Востоке подвел английский комментатор Джон Уайт, специализировавшийся на геополитике. По его оценкам, война в Ираке породила «иракский синдром», операция в Ливии «открыла ворота ада», политика в Сирии подорвала авторитет Обамы, а попытки заставить Россию играть по своим

⁴⁰ «США не имеют осмысленной и четкой стратегии происходящего в странах Магриба, вследствие чего пытаются приспособиться к быстро меняющейся ситуации с целью извлечения максимальной геоэкономической и геополитической прибыли. По максимуму – цель была в конечном итоге так выстроить комбинаторику событий, чтобы всем доказать», что они еще полные хозяева положения [Баранчик 2013].

⁴¹ В целом в США восторжествовал гегемонистский поход, с одной стороны, из-за непрофессионализма во внешней политике (который окончательно победил), примером чего является поведение Х. Клинтон в Ливии, а с другой – убеждение, что у США хватит ресурсов, влияния и средств давления на любую страну, чтобы разрешить любую ситуацию, поэтому нет смысла особенно беспокоиться о налаживании долгосрочных отношений. В то же время такая политика, в том числе решение Обамы не наносить авиаудары по позициям сирийских правительственных войск ал-Асада, окончательно подорвало авторитет американской администрации в регионе. В результате Израиль, Турция, Саудовская Аравия и Катар начали преследовать свои собственные цели, считая Вашингтон слабым [Wight 2015; Уайт 2015].

правилам усугубили неспособность США «проецировать власть» [Wight 2015; Уайт 2015].

Упадок «имперского» влияния США в этом регионе, по его мнению, начался после неудачной «оккупации» Ирака и Афганистана. Результатом американских усилий в этих государствах стало лишь распространение терроризма и экстремизма, а также неспособность США к проведению крупномасштабных военных операций, отмечает аналитик. Он справедливо считает, что любое обострение на Ближнем Востоке может привести к непредсказуемому «взрыву», что подтверждают последствия свержения Каддафи в Ливии. Вместо того чтобы обеспечить «благополучное приземление ливийской фазы Арабской весны на берегах западных геополитических интересов», операция в Ливии «открыла ворота ада, из которых вылились десятки тысяч первобытных фанатиков, чья кровожадность не знает границ» [Там же]. Вашингтон и его европейские союзники оказались не в состоянии контролировать распространение этого фанатизма [Там же].

Что касается поддержки движений Арабской весны со стороны США даже там, где их геополитические интересы от этого пострадали, то в полной мере истинные причины такой позиции станут, вероятно, ясны только позже, но представляется, что в известной мере западные страны стали заложниками своей веры в демократию в условиях, когда революционеры подняли знамя демократии и побоялись открыто поддержать своих недемократических, но вполне лояльных союзников. Поэтому сравнение, сделанное обозревателем *Financial Times* Г. Рахманом [2011], пусть и преувеличенное, все же выглядит весьма убедительно.

«Для Запада Арабская весна – хорошая и дурная новость сразу. Хорошая новость в том, что это арабский 1989 год. А дурная – в том, что Запад выступает в роли Советского Союза. Когда в Египте началась революция, администрация Обамы дала понять Мубараку, что для США неприемлемо жестокое подавление восстания в Египте – точно так же, как в 1989 г. лидер Советского Союза Михаил Горбачев заявил руководству ГДР, что не поддержит убийство мирных демонстрантов в Лейпциге. В обоих случаях – в Египте и ГДР – отказ сверхдержавы от дальнейшей поддержки помог подтолкнуть режим к обрыву и возмутил весь регион. Как и СССР в 1989 г., США благородно решили не позволять своему союзнику в регионе остаться у власти посредством насилия. Но, как и русские, США имеют теперь все основания опасаться, что им при-

дется пожертвовать своими позициями в традиционной сфере влияния» [Рахман 2011].

Сравнение с 1989 г. не случайно. Оно хорошо показывает, что ослабление Запада (наметившееся именно с момента апогея его могущества, когда исчез коммунизм и не стало врага, борьбой с которым можно было оправдать любые действия в политике), дошло теперь до критической точки. Мир начинает развиваться более неуправляемо, чем раньше. Это значит, что реконфигурация началась.

Помимо 1989 г. возникает сравнение и с ситуацией, создавшейся после Второй мировой войны, когда ослабление Запада и концентрация его на собственных проблемах вместе с попытками удержать колониальные империи в конечном счете привела к их развалу. Если в эпоху 1950–1960-х гг. роль альтернативы западному пути и империализму играл социалистический блок во главе с СССР, то теперь быстро растут богатство и сила становящихся уже мировыми державами Китая и Индии, а также ряда региональных держав.

В отношении Ближнего Востока создается впечатление, что, во-первых, израильско-палестинский узел теряет роль первого по значимости (см. об этом в *Заключении*), во-вторых, заметно углубляется раскол в исламском ближневосточном и североафриканском мире. Как уже было сказано, довольно давно существует антагонизм между шиитским Ираном, который поддерживает радикальные шиитские режимы и движения (в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке, а также в Йемене), и суннитскими монархическими режимами Залива с Саудовской Аравией во главе. Но в связи с событиями Арабской весны – волнениями в Бахрейне, где Иран также пытался разыграть шиитскую карту, интервенцией туда войск саудитов и напряженными столкновениями между режимом ал-Асада и разношерстными оппозиционерами в Сирии, – а также рядом других событий, включая хуситскую революцию в Йемене, этот антагонизм превратился в открытый раскол и яростную борьбу за лидерство в регионе. При этом Иран никогда не скрывал своих амбиций получить региональное господство, а Саудовская Аравия длительное время мечтала о том, как США нападут на Иран, чтобы «отрубить голову змее» [Ярон 2011]. Указанное региональное противостояние требовало союзников, которых искали повсюду. Это противостояние – «с одной стороны, США и их союзники, с другой – Иран и его приверженцы – находило свое отражение в каждом локальном конфликте. В Ливане, Иране, Йемене или Палестине силы – неважно, сунниты

это или шииты, – классифицируются по шкале, полюсы которой образуют Вашингтон и Тегеран» [Там же; см. также: Джа 2011].

Однако так было в период до 2014 г. Теперь с появлением ИГИЛ и не полностью понятным стремлением США заключить договор с Ираном, которое удалось осуществить, ситуация существенно меняется (см. также *Заключение*). Противостояние между Ираном и саудитами никуда не исчезло, но оно осложнилось и несколько закамouflировалось рядом новых обстоятельств. Саудиты и другие страны Залива, по-видимому, тайно поддерживали «Исламское государство» а некоторые силы в этих странах делают это до сих пор, но, естественно, отрицают какую бы ни было связь с игиловскими террористами. Зато Иран открыто помогает Башару Асаду в борьбе с радикалами в Сирии и Ираке. При этом позиции Ирана в связи с тем, что США отказываются сегодня от политики санкций в отношении Исламской республики (что, вероятно, все же является временным отклонением), усиливаются. А позиции Саудовской Аравии в связи с определенным охлаждением в отношениях со своим заокеанским союзником и падением цен на нефть стали чуть слабее. Хотя геополитических амбиций новому королевскому правительству этой страны не занимать. Последнее выразилось в том, что Саудовская Аравия возглавила довольно широкую военную коалицию ближневосточных государств против режима хуситов в Йемене с целью возвращения к власти президента Мансура Хади. Турция также постоянно пытается в том или ином плане повлиять на ситуацию. При этом, с одной стороны, она хотела бы сблизиться с Ираном, а с другой – вынуждена с ним конфликтовать.

Вообще на Ближнем Востоке все очень изменилось и запуталось, так что позиции многих игроков (включая Израиль) не всегда понятны, а различные возникающие блокировки еще недавно казались невозможными. Это еще раз подтверждает сказанное нами выше о наступлении *эпохи новых коалиций*. В частности, уже упоминавшийся Совет сотрудничества стран Персидского залива даже рассматривал возможность включения в эту прежде региональную организацию Иордании и Марокко, что, по сути, превратило бы ее в «охранительный» клуб арабских монархий [см.: Халаф 2011].

Геополитический результат этой реконфигурации в исламском мире, по-видимому, еще значительное время будет определять основные интриги политического развития Ближнего Востока. В то же время развязанные странами Залива и США конфликты создают весьма неоднозначную ситуацию, в которой противоречивые инте-

рессы глобальных и региональных игроков никак не могут примириться [см., например: Обзор прессы... 2015].

Завершим эту главу тем, чем мы ее начали. Ближний Восток и Северная Африка всегда были в центре внимания мировой общественности. Арабская весна и ее пока непредсказуемый геополитический результат сделали этот регион еще более важным. При этом «цена демонтажа укоренившихся авторитарных режимов» оказывалась «невероятно высокой», как с огорчением отмечал обозреватель еще в 2011 г. [Халаф 2011]. Однако об истинной цене такого «демонтажа» по-настоящему никто и не подозревал. Сегодня Европа начинает первые платежи по счетам, на которые были выписаны векселя бомбежками в Ливии и безудержной поддержкой антиправительственных режимов. Речь идет о неуправляемом потоке беженцев, с которым ЕС не в состоянии справиться. Мы не говорим уже о цене, которую заплатили сами арабские народы. Но цена перехода к действительно более демократическим и дееспособным режимам может оказаться на порядок выше. В любом случае в настоящее время условия жизни в данных арабских странах стали менее комфортными, чем до начала революционных преобразований [Султангалиева 2014]. И впереди еще тяжелый и, вероятно, длительный период поиска политической идентичности.

Повторим, что исламский мир, за исключением некоторых стран, в целом оставался наиболее консервативным в плане изменений регионом. Несомненно, Арабская весна существенно ускорила его модернизацию, так и изменения в мире в целом. Недаром даже страстные приверженцы ислама заговорили о том, что революции подвигают сознание миллионов людей не только к свержению режимов, но и к пересмотру многих веками складывавшихся представлений [Мухаммед 2011]. И все это свидетельствует об одном: не только Ближний Восток и Северная Африка, но и мир в целом начал развиваться по-новому и процесс изменений уже не может быть остановлен. Но цена этих изменений однозначно будет высокой, а путь к устойчивому состоянию – тернистым. Тем более что, согласно одному довольно справедливому мнению [Wight 2015], Ближний Восток можно рассматривать как «передовую» в борьбе за и против американской гегемонии в мире.

Заключение. Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока

Ближний Восток, как мы уже говорили, – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания всего мирового сообщества. И не только потому, что является беспокойным и конфликтным. Он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав, крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Если к этому добавить неурегулированные вопросы создания национальных государств (курдов, палестинцев), несложившиеся нации, пестроту этноконфессионального состава населения во многих странах, колоссальные богатства, сосредоточенные в некоторых центрах, громадные закупки вооружения и многое другое, то картина предстает еще более яркой и тревожной.

Хотя в данной книге немало было сказано о множестве резких изменений, поворотах и «сюрпризах», произошедших на Ближнем Востоке за последние годы, тем не менее стоит остановиться еще на некоторых вопросах, тем более что многие из них подтверждают выдвинутую нами концепцию, что события Арабской весны (а также события, последовавшие за ней) являются началом реконфигурации Мир-Системы.

Прежде всего стоит указать, что все эти годы политика США постоянно колебалась в самых разных аспектах, поэтому обнаружить в ней ясную логику затруднительно, тем не менее мы попробуем сформулировать возможные выводы (анализ американской политики в современный период см. в *Главе 7*; см. также: Гринин 2015б). Во-первых, в целом можно констатировать, что США взяли курс на сокращение своего прямого участия в конфликтах, в результате чего они вывели свои основные войска из Афганистана и Ирака. Это свидетельствует о том, что возможности Соединенных Штатов вести войны сокращаются¹. Но попытки опереться на установленные ими режимы в этих странах не дали нужного результа-

¹ США «взамен» пытаются расширить число и географию локальных операций с помощью беспилотников, бомбящих намеченные цели, и групп специального назначения, которые грубо нарушают суверенитет большинства стран мира. По последним данным, деятельность таких групп в 2014 г. затронула около 150 государств [Turse 2015].

та, военные возможности и успехи данных режимов явно не оправдали ожиданий. В итоге «Америка была вынуждена еще глубже погрузиться в Ближний Восток» [Тол Гёнюль 2015].

Во-вторых, вывод войск вовсе не означает, что США хотят сократить и степень своего влияния в регионе. Кажется, напротив, они пытаются использовать методы раздувания внутренних противоречий, инспирирования конфликтов, помощи оппозиционным группировкам для свержения устойчивых режимов. По-видимому, некоторые представители американской политической элиты полагают, что в условиях хаоса в результате свержения легитимных правителей (как в Ливии или Сирии) и балканизации стран им будет легче осуществлять свою глобальную политику.

В-третьих, Соединенные Штаты стали активно использовать различные силы для ослабления тех режимов, которые им неудобны, или для достижения собственных целей (см., например, ниже в отношении Ирана).

В-четвертых, вероятно, они полагают, что проводят политику «разделяй и властвуй», когда пытаются противопоставить одни страны другим (в частности, Иран – Израилю и Саудовской Аравии). Правда, понять смысл и цели этой политики довольно затруднительно. Единственное, что понятно, – США пытаются ослабить многие режимы, которые не контролируются ими полностью, а также то, что они зачастую стремятся достичь своей цели любой ценой, даже возможным ухудшением отношений с союзниками (см. ниже).

В результате политика Соединенных Штатов выглядит достаточно противоречивой, их взаимодействие даже с союзниками весьма эгоистично. Они пытаются не брать на себя каких-либо постоянных обязательств и действуют по сиюминутным побуждениям, в то же время полагая, что все страны будут с радостью сотрудничать с ними в любой сфере и в любой момент, когда США того пожелают. Все это выглядит весьма самонадеянным и недалеким, и свидетельствует, с одной стороны, о падении профессионализма в области внешней политики [Фримэн 2015], а с другой – о том, что элита США впадает в иллюзию своего сверхмогущества². В целом это ведет только к усилению хаоса и появлению сил, которые никто не в состоянии контролировать. В итоге Соединенные Штаты могут растратить свое могущество гораздо быстрее, чем в случае взвешенного и реалистичного подхода (см. об этом

² Дж. Неру [1977, т. 1: 82], ссылаясь еще на Геродота, по сходному поводу писал: «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение».

в отношении украинского кризиса мнение П. Козна [Smith 2015]). Кроме того, непродуманными попытками использовать самые разные силы США высвобождают политические амбиции региональных лидеров, таких как Саудовская Аравия, которые начинают вести свою собственную агрессивную игру (как в случае с саудовской интервенцией в Йемене) [см., например: Тол Гёнюль 2015].

В публицистике не раз озвучивали историю о том, что во второй половине 1980-х гг. американский президент и король Саудовской Аравии договорились об увеличении добычи нефти саудитами, что в итоге привело к резкому падению цен на нефть в 1986 г. и обострению экономических проблем в СССР (что способствовало его коллапсу). В этом можно сомневаться, в любом случае не так просто установить истинную пропорцию между объективными и субъективными причинами падения цен на нефть. Аналогично можно говорить и о возможных договоренностях во второй половине 2014 г. между Б. Обамой и королем Абдаллой по поводу обрушения цен на нефть, чтобы создать экономический хаос в непокорной России (а заодно в Венесуэле, где не удалось совершить «цветную революцию», и некоторых других нефтедобывающих странах). Если это так, то складывается впечатление, что политика США, образно говоря, заключается в том, чтобы ради непосредственной конкретной задачи выпустить джинна из бутылки, не беспокоясь о том, что в итоге этот «джинн» окажется неконтролируемым и может натворить множество бед. Так или иначе, в очередной раз произошел резкий поворот в нефтяном сюжете, и падение цен на нефть затронуло весь мир. Последствия этого пока не ясны. Вероятно, такой поворот означает закат ОПЕК, наиболее мощного картеля развивающихся стран. Падение цен на нефть вызвало мощные изменения, связанные с положением многих стран, включая также и нефтяную отрасль США. Игра с нефтяными ценами, которую ведут Соединенные Штаты вместе с саудитами и странами Персидского залива (но одновременно и друг против друга), продолжается и грозит серьезными изменениями. Это неожиданно сделало Иран центром внимания. В то же время не исключено, что арабские страны Залива перехитрили США, ослабив перспективы их сланцевой добычи нефти [см., например: Doan 2015].

Другой поворот, не столь драматичный, но также очень важный – превращение Израиля в провинциальный пункт Большого Ближнего Востока. События в этом районе меркнут на фоне других. Естественно, Израилю это не очень нравится, также как не нравится, что США начали больше интересоваться Ираном, чем Израилем.

В Израиле падает рейтинг Обамы. Обвинения однообразнее другого мелькают в местной прессе: «Обама против Израиля» [Непомнящий 2015]; «Обама бросает Израиль под колеса ближневосточного автобуса» [Кахана 2015]; Обама «позволяет Ирану набирать силу, продвигает “Братьев-мусульман”, придерживается антисемитских взглядов и принимает радикальный ислам» [Глик 2015].

Еще одна метаморфоза, произошедшая в результате непоследовательной американской политики, связана с Ираном. Несмотря на все санкции и давление на эту страну, отчаянное желание саудитов ослабить Иран, создается впечатление, что позиции последнего укрепляются. Иран неожиданно оказался нужен США и Европе. Нужен настолько, что ради него Соединенные Штаты портят отношения с надежными союзниками [см., например: Тол Гёнюль 2015]. Возможно, правы аналитики, которые считают, что Иран Соединенным Штатам нужен как орудие ослабления российской энергетической мощи [Уитни 2015а; 2015б]. Очевидно, что как санкции США и Европы против Ирана, так и близкое к утверждению соглашение между Ираном и США с их союзниками относительно ядерной программы Ирана основано не на истинной угрозе, а на согласованном и безостановочном желании США разоружить тех, кого они воспринимают как врагов Запада; врагов, которых определяют по единственному признаку, – тех, кто отвергает гегемонию США, справедливо считает Дж. Хёртлер [2015]³. Но дело в том, что Америка постоянно меняет своих врагов, а также предает (или заставляет делать самоубийственные шаги) тех, кого вроде бы считала союзниками (как Х. Мубарака). Отсюда нарастает хаос.

Бесконечные изменения внешней политики США значительно усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке, попытки тушить огонь керосином (как, например, попытка давить на Россию с помощью снятия санкций с Ирана, а проблемы Ирака решать путем попыток свержения турецкого лидера Эрдогана и т. п.) могут привести к хаотизации в еще большей степени.

В любом случае политика США не выглядит ни дальновидной, ни благоразумной. Несомненно, Вашингтон совершил крупную ошибку, чрезмерно и даже драматически расширив горизонт своих внешнеполитических интересов, в результате чего Соединенные Штаты оказались в центре иррациональных войн и кризисов [The Nation... 2015]. Но, вероятно, это одно из проявлений изменений «эпохи новых коа-

³ Он также добавляет, что если страна разоружится, останется мало факторов, сдерживающих Запад от потворства своим грабительским инстинктам, где бы он ни видел к тому возможности. Фактически это никогда не обсуждается [Хёртлер 2015].

лиций», первая фаза которой связана с хаотизацией, попытками изменить ситуацию [см. подробнее: Гринин 2009а; 2012в; 2013а; Гринин, Коротаев 2009а; 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2015].

В рамках указанных особенностей внешней политики США также стоит отметить изменение отношения к курдской проблеме. Опять же Соединенные Штаты пытаются действовать в ущерб своим союзникам, в частности Турции, к которой они часто стали относиться не как к союзническому государству.

«Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) – один из самых неприятных сюрпризов Большого Ближнего Востока. Мы несколько раз говорили о законе Бердяева: *«Все революции кончаются реакциями»*. Но, расширяя этот закон, можно сказать, что и всякие вмешательства также часто заканчиваются реакциями. Вот почему можно считать, что *ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США*.

Вокруг «Исламского государства» много шумихи и конспирологии. Но утверждение, что именно активная помощь США сирийской оппозиции (наряду с такими факторами, как брошенные офицеры армии Саддама Хусейна) значительно помогла формированию этой организации, весьма похоже на правду [см. *Главу 5*, а также: Кронин 2015]. Так или иначе, «Исламское государство» своим чудовищным радикализмом привлекает огромное число добровольцев из разных стран, при этом и в западных странах формируется пятая колонна из радикализованных мусульман. По оценкам американской разведки, около 15 тысяч иностранцев из 80 стран прибыли в регион, чтобы вступить в ряды ИГИЛ – в среднем до тысячи бойцов в месяц [см. *Главу 5*, а также: Кронин 2015]. При этом эксперты из разных стран предупреждают, что влияние ИГ может и, скорее всего, будет нарастать, поскольку сила этого движения состоит в «привлекательном для многих призыве сопротивления миру угнетения и несправедливости» как в собственно ближневосточных странах, так и в западных. Поэтому у ИГИЛ есть шанс стать глобальным движением [Строкань 2015]. С другой стороны, эта опасность сближает бывших врагов. Так, в Сирию постоянно прибывают тысячи иранских и иракских бойцов, призванных поддержать вооруженные силы страны в борьбе с боевиками «Исламского государства» для защиты Дамаска. Кроме того, ИГИЛ удалось настолько радикализовать исламские лозунги и практику, что есть вероятность отмежевания от них очень многих.

Отсутствие каких-либо гарантий безопасности для любой страны на Большом Ближнем Востоке дополнительно усиливает напряженность, в результате все лихорадочно вооружаются и

угрожают друг другу. В этом регионе всегда (но теперь, может быть, даже в еще большей степени) нарушаются международные нормы, уже ставшие привычными акты возмездия и терроризма дополняются проявлениями агрессии, становящимися обычным делом (как неожиданные бомбардировки Йемена), быстро складываются военные коалиции, которые объявляют войны легитимным лидерам и одновременно легко признают свержение законно избранных президентов. Отсюда – угроза постоянной нестабильности. Можно предположить, что изменение международного порядка может начаться именно здесь, в регионе с наибольшим градусом напряжения, где война стала перманентной, а террор – нормой.

В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу глобального противоречия [Гринин 2005; 2008а; 2009а]. Последние годы, особенно в связи с Арабской весной (а затем и с украинскими событиями), все заметнее это подтверждают. Очевидно, что реальная цель «хозяев Вселенной» – справиться с упадком империи. Это подразумевает возрождение стратегии «разделяй и властвуй» в Западной Азии с участием Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля [Эскобар 2015].

Все это пока ведет к усилению противодействия США, расколу мира и созданию новых коалиций. Как пишет Дж. Томас, «Китай, Россия и остальной мир, столкнувшись с американскими угрозами и хвастовством, не просто свернут свои знамена и согласятся, что надо слушаться США. Вместо этого они создают альтернативы. И делают это весьма хорошо и быстро. В данный момент переоценка США своих сил не только дает возможность подняться другим державам, она вынуждает их буквально создавать полномасштабную империю» [Томас 2015].

Таким образом, для формирования нового, более адекватного мирового порядка инициатива должна исходить прежде всего от США. «Вашингтону нужно пересмотреть свой подход. Прекратить вмешательство и антагонизм, перестроить отношения с помощью торговли и взаимного доверия и принять неизбежность упадка империи», – справедливо замечает М. Уитни [2015а].

США и Европа часто действуют жестко и агрессивно против развивающихся стран, потому что им кажется, что это никоим образом их самих не касается и не коснется. Однако глобализация по своей природе такова, что события на одном конце света начинают стремительно влиять на обстановку в других местах. Так, Ливия и ИГИЛ начали влиять на ситуацию в Европе и США. Беженцы, за-

хват заложников, казни, борьба с терроризмом обусловили необходимость привлекать страны, которые находятся в оппозиции Западу.

Таким образом, налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, хотя пока что западные страны действуют так, как будто мы живем в XIX, а не в XXI в. Но в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной.

Опасность распространения исламистско-террористической идеологии в результате распада ранее стабильных государств на территориях, наиболее предрасположенных к этому в связи со своим этноконфессиональными особенностями, исключительно велика. Терракты в Тунисе и нападения на блокпосты на Синае – это уже совсем не шутки...

Большую опасность представляет ситуация в Ливии, которая становится третьим после Ирака и Сирии очагом воинствующего исламизма на Ближнем Востоке. Сюда стекаются исламистские радикалы всех стран. Все больше нарастает опасность того, что исламистско-радикальная сфера влияния распространится на регионы южнее Сахары, вплоть до Мали, Чада, Нигерии, где уже и так действуют радикалы «Боко харам» и другие. Запад рискует создать в Африке постоянный источник терроризма и радикализма, который будет отравлять жизнь в течение многих десятилетий. И отсидеться в своем благополучии не удастся. Меры по контролю за иммиграцией могут не помочь, да, собственно, уже не помогают, если всерьез обсуждается необходимость бомбить жалкий флот нелегалов. Если употреблять терминологию А. Тойнби [1991], внешний пролетариат в Азии и Африке, просачиваясь в Европу и Америку, становится их внутренним пролетариатом, который может подорвать стабильность [см. также: Эмре 2015]. США и Западу необходимо отказаться от политики разрушения государственности в странах Большого Ближнего Востока и Африки, в том числе средствами так называемой революции, и начать думать, как помочь укрепить в них государственность. Ведь процессы глобализации все заметнее объединяют судьбы народов.

* * *

Большой Ближний Восток, несомненно, еще не раз удивит мир. В то же время в обществах этого региона наметились радикальные перемены, которые рано или поздно произойдут, хотя, к сожалению, из-за большой геополитики США и радикализма исламистских организаций цена этих изменений может оказаться высокой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письма с Тахрира. От революционной эйфории к разочарованию и отчаянию

В настоящем приложении мы публикуем несколько писем, полученных в промежутке между 5 июня 2013 г. и 31 декабря 2014 г. от нашей каирской корреспондентки, яркой представительницы египетской революционной молодежи Самихи Разек¹.

№ 1

Письмо написано за месяц до военного переворота 3 июля 2013 г., когда после начавшихся 30 июня (при прямой поддержке египетских спецслужб) широких народных протестов египетскими военными была насильственно отстранена от власти администрация «Братьев-мусульман» во главе с Мухаммедом Мурси.

5 июня 2013 г.

Сейчас довольно спокойно, проф. Андрей, идет подготовка к 30 июня, когда все выйдут на улицы, чтобы требовать отставки Мурси, после того как будет собрано более 7 млн подписей против «Братьев-мусульман» и Мурси.

Кроме того, «Братья-мусульмане» пытаются сместить всех высокопоставленных чиновников, как, например, руководство Оперного театра, чтобы заменить его на представителей «Братьев» или партии «Нур» (салафитов) с целью отмены всех танцевальных мероприятий. Таким образом, все авторитетные музыканты, художники, артисты, писатели и т. д. протестуют и покидают свои должности, устраивают демонстрации. Судьи также проводят акции протеста и сидячие забастовки против Мурси и «Братьев-мусульман», поскольку в парламенте идет обсуждение судебного кодекса, что может лишить судебную власть ее независимости. Это дает возможность заменить старую судебную систему в интересах «Братьев-мусульман». Законодательство об НКО также обсуждается в парламенте, что встречает возражения многих как внутри Египта, так и за его пределами, поскольку подобная ситуация порождает много ограничений свободы и независимости НКО в нашей стране!

Многим революционерам, таким как Ахмеду Думе, были предъявлены «странные» обвинения, в то время как некоторые представители старого режима, как, например, бывший министр жилья Ахмед ал-Маграби, были освобождены из заключения, отделавшись штрафами.

¹ Из соображений безопасности нашей корреспондентки мы, естественно, были вынуждены при публикации писем изменить ее имя и фамилию.

Единственное, что, кажется, сплачивает «Братьев-мусульман» с оппозиционерами, это иностранная угроза со стороны Эфиопии, строящей плотину, которая значительно уменьшит количество поступающей в Нил воды, в результате чего может возникнуть очень опасный дефицит питьевой воды в Египте.

Мы планируем провести сидячую забастовку, аналогичную 18-дневной забастовке против Мубарака, начиная с 30 июня – дня, который, как ожидается, должен стать решающим днем для революции.

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 2

4 июля 2013 г.

Письмо написано на следующий день после переворота 3 июля 2013 г. в ответ на вопрос одного из авторов этой монографии о том, рада ли корреспондентка последнему развитию событий.

Дорогой проф. Андрей!

Конечно, я рада, но печаль и гнев от освещения событий западными медиа и от их анализа омрачает мою радость.

Они называют это военным переворотом! В этой связи они призывают остановить помощь Египту, словно египетские ресурсы не могут обеспечить стране самодостаточность. Они говорят так, будто не видят миллионов тех, кто требовал отстранить от власти фигуру², избранную в результате сфальсифицированных выборов (хотя западные СМИ называли их свободными и справедливыми) экстремистскую фигуру, настоящую марионетку «Великого Хомейни» «Братьев-мусульман» Мухаммеда Бадеи!

Не было другого решения, профессор, кроме военного вмешательства, и, в отличие от 2011 г. (когда это действительно был военный переворот, так как в его результате у власти оказались военные, и Запад, честно говоря, поддерживал это), военные незамедлительно вернули власть в руки легитимного гражданского лица – председателя Конституционного суда, что было требованием революционеров и простых людей с самого начала, с момента отстранения от власти Мубарака. Я действительно могу утверждать, что революция в Египте не увенчалась успехом до вчерашнего дня, когда глава Конституционного суда полноправно получил власть на время переходного периода, за который предстоит подготовить проект новой конституции и провести новые парламентские и президентские выборы, по-настоящему свободные и честные, без их фальсифицирования военными и «Братьями-мусульманами» ради западных интересов!

Я просто в бешенстве! Я действительно хочу взорвать все западные СМИ, которые преподносят успех египетской революции после трех лет борьбы как кризис и провал так называемой «демократии». А по факту это был всего лишь теократический режим, созданный группировкой,

² Имеется в виду Мухаммед Мурси.

укравшей нашу революцию при поддержке Высшего совета вооруженных сил, режим, обслуживавший интересы США, Израиля и других стран Запада, чтобы заслужить право именоваться «демократией» в их лживых СМИ. Я не могу поверить, что это происходит, чтобы разрушить наше счастье в финале нашей подлинной революции в Египте! Но мы научим Запад тому, что есть истинная свобода и демократия вместо их ущербных неокOLONиальных демократий, после успеха нашей всемирно-исторической революции в Египте...

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 3

24 июля 2013 г.

Письмо написано в ответ на вопрос «Дорогая Самиха, ты по-прежнему так оптимистична, как и 20 дней назад?»

Дорогой проф. Андрей!

Я не могу сказать точно, какова обстановка после свержения режима «Братьев-мусульман». Месяц Рамадан начался через несколько дней после этого, и, как правило, это время поста и крайне жаркой погоды, поэтому люди ведут себя спокойно и обычно ничего серьезного не происходит.

Хотя я по-прежнему слышу в новостях, что представители «Братьев-мусульман» и их сторонники время от времени устраивают столкновения в разных регионах, в результате которых погибают люди...

Похоже, что Синай бушует, поскольку это база экстремистски настроенных вооруженных групп, включая членов ХАМАС, где они устраивают атаки на подразделения полиции и армии; по несколько полицейских и представителей армии оказываются убитыми практически каждый день!

Мы ожидаем окончания Рамадана, чтобы посмотреть, что будет дальше...

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 4

28 июля 2013 г.

Дорогой проф. Андрей!

В своей текущей работе я делаю небольшое исследование Пакистана и его взаимоотношений с США и «Талибаном». В рамках магистерской диссертации я также в настоящее время провожу исследование политической культуры революционеров в Египте, сравнивая ее с общественно-политической культурой в целом...

Кстати, в последние пять дней события в Египте стали развиваться «по спирали». Я начинаю действительно беспокоиться о том, что мы возвращаемся к правлению военных.

Как Вы, возможно, уже знаете, в прошлую пятницу ас-Сиси призвал египтян выйти на демонстрации, чтобы получить мандат на использова-

ние еще большей силы в противодействии насилию «Братьев-мусульман». Тысячи, а может быть, даже миллионы людей вышли на улицы в пятницу с поддержкой этой идеи. В ту же ночь более 80 человек, поддерживающих Мурси, были убиты полицией!

Я не принимала участия в демонстрациях, потому что мне было неприятно обеспечивать мандат на использование силы генералу, даже если он является министром обороны. Я думаю, что Адли Мансур – временный гражданский президент – единственный, кто имеет право обращаться к египетскому народу и просить о таких серьезных вещах. И я беспокоюсь о том, что это признак начала настоящего правления ас-Сиси в Египте, а это, в свою очередь, означает, что мы снова возвращаемся к военному режиму! Еще большей проблемой является то, что он пользуется народной поддержкой, и мне кажется, что большинство египтян не подозревают об опасности, исходящей от режима военных, опасности такой же силы, что от теократического правления (как, например, «Братьев-мусульман»).

Революционная молодежь разделилась в этом вопросе, тем более что значительное число гражданских лиц (вооруженных или нет) были убиты. А некоторые даже говорят, что именно вооруженные отряды «Братьев-мусульман» несут всю ответственность за убийства демонстрантов, поддерживающих Мурси – они якобы это делают, чтобы вернуть сочувствие людей и международного сообщества...

Действительно, все перемешалось, и я не знаю, кому больше верить! Кажется, что все врут, и наступила просто стадия конфликта между режимом военных и «Братьев-мусульман», а революционерам не отведено места в этом фиаско!

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 5

24 августа 2013 г.

Ситуация действительно удручающая! У нас комендантский час каждый день с семи часов вечера до шести часов утра, потому что «Братья-мусульмане» распространяют хаос и насилие повсюду, и несколько человек (будь то «Братья-мусульмане», полицейские или обычные граждане) оказываются убитыми ежедневно в разных регионах Египта. Но самым страшным районом, как всегда, является Синай, где экстремисты и члены ХАМАС убивают военных и полицейских каждый день, используя насильственные методы партизанской войны...

Но, как Вы, возможно, уже знаете, это не единственный удручающий факт. Кажется, старый режим возвращается (или, надеюсь, я ошибаюсь!)... Мубарак был освобожден несколько дней назад, и повсюду на улицах люди говорят о том, что «Братья-мусульмане» на самом деле ответственны за все злодеяния с 25 января 2011 г., и что Мубарак, Высший совет вооруженных сил, полиция и армия невиновны во всех преступлениях! Они утверждают, что настоящая революция произошла только

30 июня, в то время как 25 января осуществился только заговор, с помощью которого «Братья-мусульмане» получили власть! Это похоже на то, что старый режим и военные воспользовались провалом «Братьев-мусульман» и насилием в период их правления, чтобы заставить людей считать «Братьев» виновными во всех актах насилия с 25 января, и что Мубарак и Высший совет вооруженных сил невиновны ни в одном убийстве и проявлении насилия в это время.

Представители «Братьев-мусульман» попадают в тюрьму (и я рада этому, потому что они должны ответить за насилие, совершенное за прошедший год), но меня беспокоит то, что до сих пор ни функционеры режима Мубарака, ни военные из Высшего совета вооруженных сил не были арестованы за причинение насилия, коррупцию и убийства в период их пребывания у власти, чтобы они могли предстать перед лицом справедливого суда так же, как и представители «Братьев-мусульман».

Но и этого мало! В настоящее время международное сообщество остановило поставку любой помощи и осуществление торговых сделок с египетским правительством, утверждая, что они не признают его, поскольку в стране произошел государственный переворот.

Я действительно надеюсь, что мы не вернемся к начальной точке и старому режиму у власти.

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 6

4 октября 2013 г.

Дорогой проф. Андрей!

Я не могу точно сказать, что сейчас происходит на улицах Египта, потому что я вышла из игры между военными и «Братьями-мусульманами».

В настоящее время я не принимаю участия в демонстрациях, поскольку все они в эти дни инициированы «Братьями-мусульманами» и их сторонниками, которые требуют возвращения Мурси. Я не могу точно оценить масштаб этих демонстраций, так как СМИ полярно разделились на тех, кто очень предвзято относится к «Братьям-мусульманам» и всячески поддерживает любое действие военных и действующего правительства (большинство телеканалов), и тех, кто настроен лояльно по отношению к «Братьям-мусульманам» (впрочем, реально это только «Ал-Джазира», поскольку другие религиозные каналы были принудительно закрыты правительством), и в этом случае первые преуменьшают реальное количество демонстрантов, а вторые завышают этот показатель.

Как я уже говорила Вам раньше, мое беспокойство и недовольство по отношению к действующему режиму растут с каждым днем, так как я чувствую, что ситуация все больше и больше приближается к прежнему режиму правления военных (включая режим Мубарака)... К примеру, Конституционный комитет едва ли может представлять все общество в целом (особенно исламистов, поскольку только часть из них являются

салафитами, и в этом случае игнорируется тот факт, что значительную часть египетского общества составляют исламисты, нравится нам это или нет). Главой комитета был назначен Амр Муса, бывший министр иностранных дел при Мубараке, чьи заявления еще до революции были направлены против революционеров и в поддержку прежнего режима. Кроме того, реакция военных и полиции по отношению к демонстрациям в поддержку «Братьев-мусульман» вылилась в чрезмерное использование насилия (в такой степени, что Мухаммед ал-Барадеи, бывший генеральный секретарь МАГАТЭ и видный деятель оппозиции прежнему режиму, который считался либералом, выступающим против религиозных идеологий, подал в отставку с должности вице-президента в знак несогласия), в ходе которого было зафиксировано много жертв со стороны «Братьев-мусульман» (что преднамеренно скрывалось средствами массовой информации). Но, с другой стороны, есть много жертв и среди военных, убитых оружием «Братьев», особенно на Синае. Почти каждый день армейских офицеров убивают в ходе террористических атак, которые, как провозглашается, подготовлены радикальными исламистами и членами ХАМАС, оказывающими поддержку «Братьям-мусульманам». На самом деле можно сказать, что Синай сейчас находится в состоянии настоящей войны между армией и радикальными исламистами.

Меня очень беспокоит тотальное подавление действующим правительством представителей «Братьев-мусульман», которых с каждым днем все чаще сажают в тюрьму, их деньги экспроприируются, в то время как большинство, если не все, деятели режима Мубарака, обвиненные в убийствах демонстрантов в начале революции, были объявлены невинными или освобождены из тюрьмы под залог. И хотя они освобожились во время правления Высшего совета вооруженных сил и после правления «Братьев-мусульман», ожидалось, что так как действующее правительство представляется по-настоящему революционным и воплощает волю «революции 25 января», оно должно учреждать революционные суды (в обход тех судебных разбирательств, которые не могут предъявить обвинение этим чиновникам с точки зрения действующей правовой системы), чтобы предъявить обвинения бывшим чиновникам, посадить их в тюрьму или казнить, наряду с устранением бывших чиновников из «Братьев-мусульман», также обвиняемых в коррупции и убийствах демонстрантов. Но суды и правительство расправляются только с «Братьями-мусульманами», оставляя чиновников прежнего режима на свободе – кажется, что представители действующей судебной системы (которые были назначены в основном при Мубараке) мстят от имени режима Мубарака и военных «Братьям-мусульманам», и ничего не делается ради «революции 25 января».

Я также обеспокоена тем, что слышу на улицах и в транспорте. Похоже, что большинство людей так впечатлены образом «Братьев-мусульман», транслируемым в СМИ, что они их просто демонизируют, утвер-

ждая, что Мубарак и военные невиновны в коррупции и убийствах демонстрантов во время правления Мубарака и Высшего совета вооруженных сил, а «Братья-мусульмане» были единственными, кто убивал демонстрантов. И люди также начинают говорить о том, что «демократия», которую принесли нам «Братья-мусульмане», хуже правления Мубарака и военных, и поэтому они приходят к выводу, что военное правление и диктатура действительно лучше, чем демократия! И сейчас разворачивается широкомасштабная кампания, призывающая Абдель-Фаттаха ас-Сиси идти в президенты на ближайших президентских выборах! Широко распространена также тенденция сравнения ас-Сиси и Гамалея Абдель Насера – первого военного президента, правившего Египтом после обретения страной независимости и устранения королевского режима в 1952 г., который был очень известен благодаря своей социалистической политике, значительно улучшившей уровень жизни бедных, крестьян и рабочих, а также политике объединения арабских стран в единую страну; он также славился своей сильной внешнеполитической позицией против Израиля и США, но, с другой стороны, Насер был известен решительным подавлением любой оппозиции, в том числе «Братьев-мусульман», масштабными ограничениями свободы, препятствованием демократическому развитию и нарушениями прав человека. Насер до сих пор пользуется большой популярностью среди египтян, и образ ас-Сиси в их сознании весьма близок образу Насера.

Таким образом, хотя «революция 25 января» была направлена против военного правления (Мубарак был последним военным руководителем того военного режима, который длился с 1952 по 2011 г.), общественность в настоящее время, к сожалению, с энтузиазмом воспринимает идею военного режима. Это произошло вследствие большой ошибки, позволившей теократическим силам в лице «Братьев-мусульман» участвовать в первых после революции выборах и выиграть их, вместо того чтобы ограничить выдвижение кандидатов только из по-настоящему народных и демократических сил с целью обеспечения успеха первого послереволюционного правительства.

Иногда я думаю, что все эти три года, начиная с 2011 г., были всего лишь продуманной игрой против сил революции, разыгранной и выигранной военными, закончившейся тем, что люди сами стали просить возвращения военного режима. После провала режима Высшего совета вооруженных сил, который пытался выступать в поддержку интересов старого режима, военные убедились в том, что люди в конечном счете выбирают между представителями военных (Ахмедом Шафиком) и «Братьев-мусульман» (Мухаммедом Мурси), поскольку Высший совет вооруженных сил и военные знали, что в любом случае политическое господство к ним вернется. Их предположения о том, что «Братья-мусульмане» не продержатся у власти и только спровоцируют усиление религиозных разногласий между египтянами (которые египтяне категорически отрицают),

наслоились на демонизацию Мурси и «Братьев-мусульман» египетскими СМИ; таким образом, это в конце концов и закончилось выходом людей на улицы и требованием к армии вернуться к прежнему статус-кво и убрать «Братьев»!

Только революционеры, которые всегда составляют меньшинство в ходе любой революции, понимают, что она не может быть успешной без третьей силы, которая бы отрицала как военных, так и «Братьев-мусульман»... Но эта третья революционная сила пока еще не реализовала себя на улицах...

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 7

30 декабря 2013 г.

Ситуация в Египте сейчас едва ли может стать хуже, я фактически не могу вспомнить периода, когда страна была столь же угнетенной!

Несколько недель спустя после нашей последней встречи³ полиция и военные начали наступление на все силы оппозиции, не только «Братьев-мусульман». Меня наряду с другими девушками арестовала полиция во время демонстрации против внесения в конституцию статьи, согласно которой разрешается отдавать гражданских лиц под суд военного трибунала. Некоторые лидеры либеральной и социалистической революционной молодежи были арестованы (хотя они сыграли свою роль в революционной волне против Мурси!) и приговорены к более чем трем годам заключения и огромным штрафам.

Многие теперь призывают ас-Сиси баллотироваться в президенты, в том числе Амр Муса (глава Конституционного комитета), и средства массовой информации постепенно повышают градус пропаганды, утверждая, что его президентство в данный момент – единственная гарантия национальной безопасности!

После взрывов в Ал-Мансуре на прошлой неделе, которые, я думаю, были срежиссированы самим военным режимом, чтобы получить безграничное право на использование насилия, с целью обрести контроль над всеми политическими силами в стране и заставить молчать оппозицию под прикрытием «национальной борьбы с терроризмом», несколько гражданских лиц были убиты полицией во время демонстрации «Братьев-мусульман».

Наихудшая ситуация сложилась в университетах, где наблюдается беспрецедентный уровень угнетения. Несколько студентов были убиты полицией во время демонстраций внутри университетских кампусов. И полиция сейчас штурмует лекционные залы во время лекций и арестовывает студентов (в том числе девушек), называя их «террористами».

Проблема в том, что большинство египтян, похоже, согласны с тем, что происходит, учитывая значительное влияние пропаганды в СМИ на

³ Речь идет о середине ноября 2013 г.

настроения людей. Все египетские каналы, государственные и частные, ведут пропагандистскую войну слухов против «террористов» (которые у них включают не только «Братьев-мусульман», но еще гражданских лиц и студентов, поддерживающих их, а также любую оппозицию и революционные движения, выступающие против правления как военных, так и «Братьев»), и мобилизуют людей на поддержку военных, изображая их как единственного спасителя египетского народа в темную эпоху терроризма, которую сейчас переживает Египет.

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 8

4 января 2014 г.

Я не беспокоюсь о том, станет ас-Сиси президентом или нет, в Египте при любых обстоятельствах правил институт военных и, похоже, в ближайшие годы он также будет у власти.

С начала революционных событий военные демонстрировали гибкость и мудрость, чтобы доказать, что они могут противостоять любой предсказуемой волне революции и сохранять власть в обозримом будущем...

Во-первых, Мубарак был авторитарным лидером не только благодаря его связям в полиции и бизнес-сообществе, но также благодаря военным; как только началась революция, военное руководство и генералы проявили мудрость и пожертвовали Мубараком, подталкивая его к отказу от президентства, чтобы направить революционные действия только против самого Мубарака, а не против военного режима, правящего с 1952 г., в целом. Им также удалось (с помощью «Братьев-мусульман», которым была обещана некоторая власть) создать образ военных как «защитников» революции, поскольку они присоединились к требованиям народа, а не встали на сторону Мубарака, и распространяли эту риторику в СМИ и мечетях (с помощью тех же «Братьев»).

Во-вторых, Высший совет вооруженных сил был главным органом управления в тот период, люди, которые выступали против определенной политики, начали устраивать демонстрации против него, что было неприемлемо для военных, так как они не относятся к гражданскому институту и не могут вынести какой бы то ни было политической оппозиции, таким образом, прямые столкновения и противостояния стали происходить между военными и революционерами. Ситуация обострялась в течение целого года, и военное правление становилось все более непопулярным среди простых египтян, которые снова стали направлять революцию в ее истинное русло, заключающееся в свержении «военного режима 1952 г.». Однако накануне своего падения военные продемонстрировали гибкость и мудрость, когда приняли решение передать бразды правления избранному президенту.

В-третьих, учитывая то, что двумя единственными организованными и обладающими значительными финансовыми ресурсами силами в Египте являются военные и «Братья-мусульмане», ожидалось, что выборы закончатся противостоянием кандидатов от каждой из них. При тех ярости и недовольстве правлением Высшего совета вооруженных сил, что наблюдались в то время, разумным шагом для Совета было отказаться от президентства в пользу «Братьев-мусульман», поскольку дальнейшее присутствие военных во власти только бы усиливало недовольство армией на улицах, что впоследствии могло бы перерасти в события, вынуждающие военных пойти на реальные уступки гражданским институтам. Я думаю, военные предполагали и планировали, что правление «Братьев» продлится не более чем один или два года (я считала примерно так же, когда Мурси выиграл выборы). Но нельзя сказать, что взаимодействие военных с различными государственными учреждениями (которые давно разделяли корыстные интересы военных, если не были под их контролем на протяжении уже 60 лет), с целью помешать их сотрудничеству с правительством «Братьев-мусульман», а также существенное отставание в сфере предоставления услуг и невозможность удовлетворения основных нужд населения, наряду с разжиганием народного гнева в СМИ, направленного на свержение правительства «Братьев-мусульман» и эскалацию недовольства им, является единственными причинами столь скорого конца правления «Братьев». Истинные причины их провала – в отказе от взаимодействия с другими политическими силами, в особенности революционными, чтобы преодолеть этот критический период, в их невнимании к недовольству и требованиям революционеров, в использовании полиции для их преследования, для арестов и иногда убийств, что не оставило революционерам и политическим активистам другого выбора, кроме требований ухода Мурси.

В-четвертых, после свержения Мурси военные снова оказались «на коне», так же как после ухода Мубарака, вновь распространяя собственный образ «защитников» не только революции, но и всего Египта и его населения от терроризма и террористов, таких как «Братья-мусульмане». И на этот раз военные обрели такую огромную популярность, какой не имели с момента начала революции. Также распространялась риторика (посредством СМИ), согласно которой люди стремятся к гражданскому правлению, но они уже имели опыт такого правления (хотя правление «Братьев-мусульман» я рассматриваю в качестве теократического, а не гражданского), и он был катастрофичным, поэтому после трех лет опыт вроде бы показал, что единственным подходящим для Египта режимом является военный авторитарный.

Таким образом, военные всегда проявляли мудрость... И сейчас, в соответствии с конституцией: разрешены военные суды для гражданских лиц (хотя статья описывает это неоднозначным образом: утверждается,

что они запрещены, кроме тех случаев, когда причиняется ущерб военному – такой иск может быть предъявлен любому гражданскому лицу), министр обороны избирается самими военными, а не гражданским президентом (если он когда-нибудь будет), а хуже всего то, что военные учреждения могут заключать сделки с представителями любого сектора экономики, принадлежащего государству, и их бюджет отделен от общего государственного и не может подвергаться контролю или пересмотру со стороны гражданского учреждения (парламента). А это значит, что коррупция в сфере бизнеса, так долго сопровождавшая военных лидеров, будет защищена (военные – самая богатая и обширная институция в египетской экономике). И до тех пор, пока они сохраняют подобную политическую и финансовую мощь в стране, ничего не изменится...

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 9

1 февраля 2014 г.

Годовщина «революции 25 января» была удручающей и почти фатальной.

На третью годовщину «25 января» мы впервые не смогли попасть на площадь Тахрир! Обычно в этот день мы устраивали марш по Каиру к Тахриру, призывая к свержению режима (Высшего совета вооруженных сил в 2012 г. и «Братьев-мусульман» – в 2013 г.). На этот раз полиция и армия незамедлительно атаковали нас при помощи слезоточивого газа и боевого огнестрельного оружия перед началом нашего марша. Таким образом, мы рассеялись и двинулись на Тахрир отдельными группами, пытаясь избежать встречи с полицией и армией и рассредоточиваясь, чтобы они не могли нас арестовать. И когда мы пришли на площади Рамсеса и Талаата Харба (ближайшие к Тахриру места) и попытались снова собраться вместе и начать марш, нас расстреляли из боевого оружия (огнестрельное оружие в этот день использовалось чаще, чем слезоточивый газ и резиновые пули!). Я чуть не погибла в тот день, но революционер-христианин спас мне жизнь, перетащив меня в другое место и заставив уйти из этого района. В этот день даже больницы отказывались открыть нам двери.

Тахрир был переполнен военными и сторонниками ас-Сиси, которых охраняли военные. Люди там «праздновали», пели и танцевали на музыкальном фестивале, а в это время полиция и вооруженные силы стреляли в нас на соседних улицах. Таким образом, у нас не было шанса добраться до Тахрира, площади, где революционеры пролили кровь за свободу.

Сотни, а может быть, даже больше тысячи революционеров были арестованы в этот день, и более ста демонстрантов были убиты. А в это время сторонники режима танцевали на Тахрире.

Самиха Разек

№ 10

11 марта 2014 г.

Я в порядке, но, как всегда, подавлена!

Как Вы, возможно, уже знаете, сейчас на улицах ничего не происходит, и военный режим, кажется, контролирует абсолютно все.

Насколько я поняла из сообщений «Ал-Джазиры» (я не знаю, насколько правдива информация этого канала, обычно там много лжи), демонстрации «Братьев-мусульман» до сих пор происходят на улицах каждый день (но лично я никогда их не видела!).

Что касается нас, революционеров, то мы в основном ничего не делаем, кроме разглаговльствований и жалоб на «Фейсбуке». Более половины революционеров находятся в тюрьме, а те, кто был освобожден, должны заплатить сотни тысяч египетских фунтов (даже несмотря на то, что большинство из них – студенты, у которых даже нет работы, чтобы оплачивать штрафы с зарплаты). И харизматические лидеры нашей молодежи также в тюрьме. И время от времени открываются скандалы, связанные с пытками в отношении политических заключенных. Таким образом, у нас недостаточно воли и силы, чтобы организовать даже простую демонстрацию на улице, и даже если мы собираем ее, она оказывается плохо организованной, поскольку все хорошие организаторы стали мишенью режима и оказались в тюрьме.

Буквально позавчера я присоединилась к демонстрации в память 9 марта 2011 г., когда произошло нападение военных и бандитов на революционеров, проводивших сидячую забастовку на Тахрире. Тогда некоторые революционно настроенные девушки были арестованы и отправлены в военные тюрьмы, они были проверены на девственность (подразумевая, что они были изнасилованы в другом месте). На площади Талаата Харба нас собралось всего пятьдесят человек, и мы даже не осмелились идти на Тахрир.

Мы увидели большой плакат, призывающий ас-Сиси стать нашим президентом-спасителем, и решили его сорвать. Перед другими демонстрациями, когда нас было больше и мы были более организованными, мы всегда уничтожали любые плакаты в поддержку военных или «Братьев-мусульман» на своем пути, и всегда это было чем-то естественным и простым, не вызвало никаких проблем.

На этот раз, когда мы только направились к плакату, чтобы сорвать его, несколько головорезов (я точно не знаю, были ли они местными бедняками или их подслала полиция) напали на нас с ножами и битым стеклом. А поскольку у нас не было ничего, чтобы защищаться, нас было мало и с нами не было организаторов, мы просто убежали. Я говорила другим, что мы должны дать им отпор при помощи камней или устроить демонстрацию в другом месте, но несколько юношей громко возразили, что надо идти домой! Они говорили, что не хотят, чтобы еще кто-то оказался в тюрьме или умер, хватит тех революционеров, которые уже за решеткой.

В тот день я по-настоящему разозлилась на них, потому что никогда раньше мы не были такими слабыми, трусливыми и готовыми сдаться! В прежние времена мы тоже сталкивались с выстрелами со стороны военных с их танками, но тогда мы не отступали, отбиваясь всем тем, что было под рукой на улице. Раньше мы никогда не боялись, что кто-то из нас будет убит или задержан. Мы оставляли свои дома, чтобы идти на демонстрацию или другое событие, зная и будучи готовыми к тому, что можем не вернуться домой в случае убийства или ареста.

Один пожилой революционер (это скорее исключение, поскольку сложно отыскать пожилого человека, поддерживающего нашу революцию) недавно сказал мне и группе других молодых революционеров, что это в чистом виде конфликт поколений, революция – это борьба между старшим поколением, поддерживающим военный режим, и новым, стремящимся к новому демократическому правлению, которое даст нам надежду не только на бегство в небольших разваливающихся лодках через Средиземное море в северные земли, где уважают человеческое достоинство и свободу и предоставляют человеку право на достойное существование. Он сказал, что мы должны быть терпеливыми и непреклонными в своем желании изменить положение дел в стране, поскольку «эта революция не увенчается успехом и не даст результатов до тех пор, пока живы патриархальные деспоты старого поколения».

В настоящее время оставшиеся молодые революционеры, которых не убили и не лишили свободы, потеряли все, что у них было, в том числе революционный дух и решимость выиграть эту борьбу за свободу...

Самиха Разек

№ 11

11 марта 2014 г.

Письмо представляет особый интерес порой неожиданными наблюдениями за египетской революционной культурой непосредственной участницы революционных событий.

Дорогие проф. Андрей и Джек⁴!

Хотя я и не считаю появление брошюр с информацией о том, как противостоять насилию полиции в разных странах чем-то странным, лично я никогда не видела их в Египте. Обо всех способах противостояния использованию слезоточивого газа и других орудий полиции мы узнавали на личном опыте. Сперва мы использовали пепси-колу, но вскоре обнаружили, что этот способ не работает, создавая излишнюю липкость, затем мы пробовали уксус, но в итоге пришли к выводу, что лучше всего использовать лук. И позже, во время правления Высшего совета вооруженных сил, полиция применяла бомбы со слезоточивым газом с большей летальностью, поэтому мы пробовали новые способы, и, конечно, значи-

⁴ Имеется в виду Джек Голдстоун.

тельную помощь оказали молодые революционеры, работающие в сфере фармацевтики.

Я помню только, что накануне 25 января 2015 г. в сети «Фейсбук» многие туниисцы оставляли комментарии к египетским оппозиционным страницам, особенно «Все мы – Халед Саид» и «Движение молодежи 6 апреля», и обсуждали наиболее эффективные способы противостояния насилию со стороны полиции.

Люди, обеспечившие высокий уровень организованности во время 18 дней революционных событий на площади Тахрир в январе-феврале 2011 г., – это «Братья-мусульмане». Именно потому эта сидячая забастовка была наиболее эффективной и хорошо спланированной за всю историю нашей революции.

Что касается людей, которые стояли в первых рядах и сражались с полицией напрямую при помощи камней, коктейлей Молотова и – реже – резиновых пуль (их можно легко купить в каирских трущобах), то они – вполне нормальные отважные молодые люди. Я сама много раз стояла вместе с ними в первых рядах, но с тех пор как парни запретили девушкам бросать камни и другие предметы (потому что это, как они считают, мужское дело и неприемлемо для девушек), я довольствуюсь нахождением во втором или третьем ряду, распыляя им в лицо соляной раствор, чтобы они могли противостоять слезоточивому газу.

Единственный раз, когда такое сопротивление было действительно организовано, приходится на правление «Братьев-мусульман». Тогда стало известно, что некоторые революционеры решили создать отряды «Черного блока», подобные тем, что были в Европе в 1960-е гг., чтобы защищать демонстрантов и бороться с полицией или «Братями-мусульманами», когда они атаковали нас. А также для бомбежки (при помощи примитивных маленьких бомб) магазинов, принадлежащих «Братьям-мусульманам», после того, как они закрывались, так чтобы никто не был ранен.

Я пыталась присоединиться к этим группам, но обнаружила, что они иллюзорны... Многие ребята заявляли, что они принадлежат к призрачному «Черному блоку» (потому что они считали, что это круто, достойно уважения и делает их более привлекательными в глазах девушек!), но когда я разговаривала с некоторыми из них, они сказали, что это не для девушек. Тогда я спросила у других и они сказали, что «Черного блока» не существует, что это выдумка «Братьев-мусульман», которую они используют как предлог для ареста как можно большего числа революционеров (и действительно, сотни молодых революционеров были арестованы за принадлежность к «Черному блоку»). Один человек сказал мне, что «Черный блок» как идея является своего рода координацией между революционерами и полицией (которая была и вправду недовольна новым руководством в виде «Братьев-мусульман», будучи десятилетиями под контролем со стороны военного режима) с целью попытки атаковать «Братев-му-

сульман» и добиться падения их режима. Наконец, я обратилась еще к одной группе молодых людей, и они согласились принять меня в свой отряд «Черного блока».

Меня это очень вдохновило, и я собиралась пройти специальную подготовку для противодействия полиции и осуществить бомбежку магазинов ночью, однако после нескольких встреч, в ходе которых мы собирались вместе, чтобы обсудить дальнейшие действия, я поняла, что это просто детские игры и что каждый пытается хвастаться тем, что сам является членом «Черного блока», но на самом деле это что-то вроде модного бренда, с которым каждый хочет ассоциировать себя, и в данном случае даже неважно, существует ли он на самом деле.

Другая группа парней, которые успешно противостоят насилию со стороны полиции и военных, связаны с футбольными фанатами – «ультрас». Они привыкли сражаться с полицией (просто ради удовольствия) еще до революции, во время футбольных матчей. Этот опыт они использовали в борьбе с силами полиции и во время революции, но на этот раз уже для дела.

И последняя группа, которая больше всех вызывает чувство сожаления, ребята из трущоб, в том числе беспризорные дети. Их всегда можно увидеть в первых рядах во время столкновений с полицией и военными, и это неудивительно, поскольку большинство из них живут в условиях крайней нищеты и унижительной насильственной обстановки, в атмосфере хаоса и преступности, и кажется, что они выплескивают все свое недовольство несправедливыми политическими, социальными и экономическими условиями, которые они вынуждены терпеть с рождения, посредством ответного насилия против сил полиции. Эти люди действительно не боятся смерти, потому что им в любом случае нечего терять.

Я помню, как во время тех боев я увидела одного из беспризорных детей, ему было около 11 лет, он стоял рядом со мной и собирал камни, чтобы бросить их в сторону представителей «Братьев-мусульман» и ХАМАС, которые стреляли в нас из пулеметов из своей штаб-квартиры. Я схватила этого мальчика и попыталась увести его, но он крепко сжал мою руку и заплакал, произнеся: «Оставь меня в покое, я хочу умереть!»

Самиха Разек

№ 12

26 марта 2014 г.

Данное письмо представляет в рамках данной монографии особый интерес, так как оно является по сути своей рецензией непосредственной участницы событий на английскую версию нашего текста, легшего в основу Главы 2 данной монографии.

Дорогой проф. Андрей!

В очередной раз благодарю Вас за консультацию и особенно за то, что прислали Ваше исследование. Я прочла его и пришла к выводу, что оно точно и ясно формулирует то, что мы наблюдаем здесь. Его также

будет действительно полезно прочитать другим, так как демонстрации и шествия на улицах нередко приводят к тому, что игнорируется более широкое аналитическое видение ситуации, которое как раз и предлагает Ваше исследование. Поэтому я пересылаю его некоторым из моих знакомых-революционеров, чтобы они его прочитали и также высказали свое мнение (хотя я вынуждена признать, что, к сожалению, большинство революционеров не знают английского достаточно хорошо, так что я попробую перевести выводы этого исследования и разослать их им).

Я бы хотела прокомментировать это исследование.

Первое. Мне кажется, что в исследовании дана неправильная оценка на уровне их действий «на улице» позиции рядовых членов партии «Ан-Нур» (салафитской партии, поддерживающей военный режим). Во-первых, многие, если не большинство, салафитов на улицах поддерживают «Братьев-мусульман» в их противостоянии военным (в отличие от партийной элиты «Ан-Нур»). Рядовые салафиты наиболее подвержены влиянию религиозной риторики, доминирующей на улицах (в отличие от официальных и контролируемых государством выступлений лидеров ал-Азхара и Великого Муфтия), и в настоящее время эта доминирующая риторика исходит от имамов мечетей (которые в большинстве своем поддерживают «Братьев-мусульман», потому что они обладают значительным влиянием посредством мечетей, религиозных школ и благотворительных организаций, также работающих в основном с мечетями), а также от самих «Братьев-мусульман». Обсуждение религиозных тем в Египте стало равносильно поддержке «Братьев-мусульман» (которые строго позиционируют себя в качестве лидеров «исламского фронта» и жертв секуляристского и военного противостояния «исламскому» режиму). Не стоит забывать, что одни из главных средств, посредством которых салафиты выражали свои религиозные и политические взгляды – религиозные телеканалы, – были немедленно закрыты на следующий день после свержения М. Мурси, и это действительно разозлило рядовых салафитов, настроив их с самого начала против нового режима. Во-вторых, салафиты, в отличие от «Братьев-мусульман», не подчиняются или не следуют строго определенным лидерам или организациям, так как они являются (в отличие от «Братьев-мусульман») в основном сектой, а не организацией, поэтому заявления лидеров партии «Ан-Нур» не обязательно влияют на их решения и политическое поведение. Вспомните, к примеру, когда партия «Ан-Нур» приняла решение поддержать Абдель-Монеима Абуль-Футуха в первом туре президентских выборов, большинство салафитов проголосовало за М. Мурси, несмотря на решение «Ан-Нур» и некоторых крупных салафитских объединений. Подводя итоги, скажу, что «Братья-мусульмане» до сих пор пользуются поддержкой большинства салафитов в Египте (число которых превышает даже число сторонников «Братьев-мусульман»).

Второе. Блестящей идеей было сравнить отношения между «Братьями-мусульманами» и Саудовской Аравией с отношениями между троцкистами и Сталиным. Хотя я до сих пор удивлена несокрушимости поддержки, оказываемой Саудовской Аравией ас-Сиси, потому что мне кажется, что она также должна быть напугана режимом насеристского типа в Египте. Мы помним, что Саудовской Аравии было не очень комфортно при революционной модели лидерства для всего арабского мира, используемой Г. Насером, который призвал к свержению всех монархий в арабских странах и замене их социалистическими и националистическими республиканскими режимами. Это в конечном счете закончилось фактической войной между Египтом и Саудовской Аравией в Йемене в 1962 г. Я знаю, что сейчас совсем другой контекст: нет напряженности между двумя противостоящими сторонами на Ближнем Востоке, связанной с биполярной международной системой (капиталистической и социалистическо-коммунистической), и хотя политика ас-Сиси может быть социалистической, он никогда не сможет сломить капиталистические экономические границы международной системы. Я также уверена в том, что египетские военные дали саудовским монархам обещания и гарантии защиты их инвестиций в Египте, и, что более важно, того, что Египет будет отставивать саудовские позиции и интересы на Ближнем Востоке (к примеру, египетский МИД никогда не двигался в направлении восстановления отношений с Ираном, что могло бы неблагоприятно сказаться на положении Саудовской Аравии в рамках этого нового внешнеполитического курса). Но все-таки я не могу не спросить: как Саудовская Аравия может не беспокоиться по поводу нового египетского военного деятеля (соотносимого средствами массовой информации с Г. Насером), прихотью которого в будущем может стать идея вывести Египет на лидирующие позиции на Ближнем Востоке, что, в свою очередь, может нарушить текущее положение Саудовской Аравии в качестве единственного гегемона арабского мира?

Третье. Ваше представление о Х. Сабахи как социалисте и реформисте, который может попытаться в случае своего прихода к власти развить новую экономическую политику в Египте, благоприятную для бедных слоев населения, на самом деле не укладывается у меня в голове. Сабахи за все это время доказал, что его главный интерес заключается в личной власти, и я думаю, не исключено, что он может уступить интересам экономической и бизнес-элиты в Египте, как это уже было в случае с нынешним военным режимом (несмотря на нарушения прав светской революционной молодежи и преследования с его стороны). В этой связи многие политики, ранее поддерживавшие революцию и выступавшие как убежденные противники Х. Мубарака до нее, восприняли ту же коррупционную политику и не предприняли попыток реформирования институтов после своего прихода к власти. К примеру, Камаль Абу Эйта, который был известной оппозиционной фигурой, устраивал демонстрации и заба-

ставки рабочих с начала века, возглавлял Всеобщее объединение независимых профсоюзов и вообще воспринимался как крайне честный и настойчивый борец за права рабочих, был назначен министром трудовых ресурсов после ухода М. Мурси, и ничего не сделал! На самом деле сохранение коррумпированности и поощрение интересов бизнесменов во время его пребывания в этой должности привело к забастовкам рабочих по всей стране, которые в конечном счете вынудили прошлый кабинет уйти в отставку в минувшем феврале. Таким образом, я бы не была столь уверена, что Х. Сабахи может осуществить серьезные изменения, если (хотя это практически нереально) он станет следующим президентом.

В завершение хочу сказать, что мы действительно надеемся, что парламентские выборы будут другими и позволят нам иметь немного пространства для сопротивления в рамках действующей политической системы. То есть пока революционная молодежь не сможет лучше организоваться и получить общественную поддержку, чтобы осуществить четвертую революционную волну. Поскольку с течением времени режим усиливает давление и преследования любого рода оппозиции, я склонна верить, что именно революция (а не демократический транзит) способна стать единственным вариантом, при котором мы сможем наконец избавиться от авторитарного режима... Но, конечно, только время покажет...

Самиха Разек

№ 13

12 апреля 2014 г.

Я полностью согласна с позициями, представленными в переписке, которые пролили свет на участие американских и европейских служб безопасности в событиях в Восточной Европе во время цветных революций, включая последние события на Украине, и на слепое распространение гегемонии НАТО под руководством США на Восток. Отвратительна высокомерная внешняя политика США, которые нарушают свои политические и стратегические обещания, и особенно лицемерными выглядят их угрозы международному миру и безопасности, когда утверждается, что действия США направлены на защиту чего-либо. Мир привык к этому, и Ближний Восток – наиболее явная жертва этих процессов.

Однако сложный характер социальных явлений (в том числе политических процессов) не дает никаких привилегий для одного или нескольких факторов в плане доминирования над тем или иным явлением/процессом. Прогресс человеческого общества, а вместе с ним и социальных наук, показал, что новые возникающие факторы, латентные в прошлом или недавно проявившие свою эффективность, которые не попадают в поле зрения социологического анализа или средств массовой информации, постепенно становятся в один ряд с традиционными факторами в пространстве постоянно развивающегося социологического и политологического анализа, который стремится рассмотреть бесконечное

число взаимодействующих факторов применительно к сложным явлениям, вызванным человеческой деятельностью.

Поэтому, если Вы позволите мне высказать свое скромное мнение, я бы подчеркнула вроде бы обыденную матрицу социальных, экономических и психологических стимулов, которые затрагивают повседневную жизнь обычных людей и, более конкретно, технологический фактор новых масс-медиа, влияющий на подвижное сознание молодых представителей среднего класса. Я знаю, что для исследователей и ученых из именитых научно-исследовательских центров привлекательна идея сложного «дирижирования» политическими событиями, но есть значительное число людей, непосредственно участвовавших в этих событиях на улицах городов, которые могут иметь другую точку зрения на причины их действий, независимо от влиятельных факторов (особенно внешней по отношению к этим событиям природы), управляющих ходом действий. Важно пролить свет и на их точку зрения (какой бы незначительной она ни казалась в наши дни) в ходе наших непрекращающихся попыток добраться до истины и, таким образом, овладеть всеми аналитическими инструментами, чтобы попытаться предсказать события в будущем, пусть даже и не ближайшем.

Возможно, здесь не совсем уместно ссылаться на опыт Египта, но мое объяснение роли незначительного – может быть, несущественного в рамках потрясений наших дней – актора вдохновленной глобальными ценностями молодежи среднего класса Украины и других стран, недавно переживших восстание, будет гораздо более полным с кратким упоминанием опыта революционной молодежи Египта.

Многие организаторы дореволюционных демонстраций против Х. Мубарака в Египте, в частности, «Движение 6 апреля», принимали участие в учебных курсах по мирному противостоянию авторитарным режимам в Сербии, проводимых организаторами движения «Отпор», которые помогли вспыхнуть революции против Милошевича в 2000 г. Кроме того члены «Отпора» готовили организаторов схожих молодежных движений, способствовавших началу «цветных революций» в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г. и в Кыргызстане в 2005 г. (у всех нас имеется один и тот же революционный символ в виде сжатого кулака на черном фоне). Многие молодые представители египетского среднего класса, включая меня, принимали участие в демонстрациях накануне революции, несмотря на то, что мы знали, что большинство их организаторов проходили подготовку за границей, в НКО, которые могли получать поддержку и спонсироваться службами безопасности США и западных стран. Но все же мы шли на них с энтузиазмом и были полны энергии.

Именно наши группы, организованные посредством сети «Фейсбук», разожгли пламя «революции 25 января», несмотря на то, что наша численность была незначительной по сравнению с 85-миллионным населением Египта. И в течение первых 18 дней революции на Тахире перед

свержением Х. Мубарака мы заполнили площадь, хотя наиболее эффективным актором, участвующим в организации протестов на Тахрире и снабжавшим его «жителей» всем необходимым, были «Братья-мусульмане», которые использовали нас только в качестве инструмента для свержения Х. Мубарака, обретения власти и построения своего собственного нового режима (я бы не удивилась, узнав, что разведка США также поддерживала схожие движения на Украине, которые в свою очередь являлись главными действующими лицами в организации Майдана и использовали революционную молодежь там). Знали ли мы, что именно «Братья-мусульмане» были главными организаторами событий на Тахрире? Да! Доверяли ли мы «Братьям-мусульманам» достижение наших истинных целей социальной справедливости в случае их прихода к власти? Нет! Но, опять-таки, мы свергли Х. Мубарака совместно с «Братьями-мусульманами» на волне все того же энтузиазма.

И мы снова вернулись на улицы в рамках протестного движения, после того как актуализировались наши сомнения относительно того, что «Братья-мусульмане» действительно использовали нас для свержения военного диктатора только ради того, чтобы заменить его диктатором религиозным. Но, опять же, кто был главным организатором и спонсором уличных протестов против «Братьев-мусульман»? Прежний военный режим. И снова мы были использованы как инструмент для свержения «Братьев-мусульман» военными и восстановления полной власти военных над страной. Знали ли мы, что бизнесмены старого режима и военные генералы были главными организаторами восстания? Да! Доверяли ли мы им достижение наших целей в случае свержения «Братьев-мусульман»? Нет! Но мы также свергли «Братьев-мусульман» совместно с военными на волне все того же энтузиазма.

Теперь, будучи слабыми, рассеянными и деморализованными революционными группами, которые преуспевают только в доминировании в виртуальном пространстве «Фейсбука» и «Твиттера», мы осознали, что наши невинные стремления к жизни в свободном, честном, благополучном, некоррупцированном и уважающем права человека обществе и наше восторженное желание посвятить свои жизни воплощению этих ожиданий для будущих поколений были использованы только для разжигания бесполезной борьбы за власть между основными акторами политического процесса: военными и Братьями-мусульманами. Таким же было и превращение искр невинной революции молодежи среднего класса, которая изначально была рассредоточенной, но объединилась благодаря техническим средствам, и разделяющей общие ценности прав человека, в региональную суннитско-шиитскую гражданскую войну в Сирии, в противостояние сил России и США в конфликте на Украине, напоминающее времена холодной войны.

Но почему мы каждый раз выходим на улицы, зная, что плоды этих действий будет пожирать могущественный игрок, использующий нас в

своих интересах? Каждый раз мы должны были рисковать и рискуем сейчас, чтобы проложить путь к реализации нового общества, в котором наши устремления воплотятся в реальность, а не только в качестве интернет-фантазий, даже если свидетелями этого станут лишь грядущие поколения...

В настоящее время политически незначимые (в категориях *realpolitik*) слабые революционные группы, которые были искрой, разжегшей пламя Арабской весны перед тем, как быть безжалостно отброшенными на обочину конфликтующими реально мощными в настоящее время акторами, все-таки продолжают существовать, хотя они и прячутся в основном в «Фейсбуке» и «Твиттере». Но все-таки нужно иметь в виду, что этот актер может (в близком или отдаленном будущем) креативно развить себя численно и организационно и превратиться в реальную политическую силу.

В постсоуденовском мире точка зрения, согласно которой технологии сами по себе являются силой революционных изменений, более не заслуживает доверия. В то время как равноправная коммуникация все еще несет в себе потенциал социальных трансформаций, мы также знаем, что она выступает инструментом государственного надзора в беспрецедентных масштабах. И что теперь? Несмотря на то, что глобальный мем *Оссиру* стал обычным для политики, глубокое желание миллионов людей жить в справедливом и равноправном обществе остается весьма реальным. Можем ли мы взять и направить эту энергию в конструктивное русло? Или мы просто наблюдаем за тем, как одно репрессивное правительство быстро сменяется другим, возможно, еще более репрессивным?

Действительно, для решения вопроса необходимо творческое мышление, позволяющее найти нетрадиционные альтернативные решения, которые способны стать реакцией на новые нестандартные глобализированные технологии, вызвавшие к жизни эти революции, превращающиеся в конфликт сил и интересов элит, чтобы вернуть их обратно в формат революций в интересах простых людей.

Искренне Ваша, Самиха Разек

№ 14

30 декабря 2014 г.

Дорогой профессор Андрей!

Думаю, нет нужды говорить Вам о том, что ситуация в Египте сейчас напоминает преисподнюю, если таковая существует! Если Вы следите за всеми новостями, то, возможно, знаете, что обстановка в Египте становится похожей на то, как если бы периода 2011–2013 гг. вообще не было. Честно говоря, я бы даже хотела, чтобы Х. Мубарак вернулся! Во время его правления было гораздо больше свободы, и все активисты были на свободе. Но теперь кажется, что мы живем в военной тюрьме! Достаточно сказать, что один молодой человек был схвачен и посажен в тюрьму не-

сколько дней назад за то, что он нажал кнопку «Мне нравится» под оппозиционной страницей на «Фейсбуке».

Самиха Разек

№ 15

31 декабря 2014 г.

Дорогой профессор Андрей!

Я могу сказать, что ситуация в Египте сейчас чрезвычайно гнетущая! И я сама очень подавлена, но в настоящее время пытаюсь сконцентрироваться на завершении диссертации и не погружаться в депрессию, поскольку, как Вы, возможно, знаете, количество самоубийств в Египте в последнее время выросло, и одна из наших знакомых-революционеров, Зейнаб ал-Махди, покончила с собой. Вы знаете, каким были ее последние слова, написанные в «Фейсбуке»? Вот они:

«Я устала... Я обессилена... Надежды нет!

Все они – сукины дети... И мы чувствуем себя беспомощными...

Нет абсолютно никакого закона, который бы вернул права хотя бы для кого-то, но мы делаем то, что должны... Наше дело правое, и мы можем со спокойной совестью смотреть на свое отражение в зеркале.

Нет справедливости... и я понимаю это... и понимаю... что не будет победы... Мы только врём сами себе, поэтому мы не в состоянии жить».

Она стала олицетворением того, что сейчас чувствуют революционеры в Египте.

Самиха Разек

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Хроника Арабской весны и «Арабской осени», 2010–2015 гг.

Дата	Страна	Событие
2010 год		
17 декабря 2010 г.	Тунис	Тунисец Мухаммед Буазизи совершил акт самосожжения в г. Сиди-Бузид в знак протеста против полицейского произвола и бездействия муниципальных властей
19–20 декабря 2010 г.	Тунис	Начало протестов в г. Сиди-Бузид
27 декабря 2010 г.	Тунис	Протесты перекинулись из г. Сиди-Бузид в соседние районы
28 декабря 2010 г.	Тунис	Первое официальное обращение президента Туниса Зин ал-Абидина Бен Али к народу и обещание провести реформы
29 декабря 2010 г.	Алжир	Протесты в столице с экономическими требованиями
2011 год		
3–10 января 2011 г.	Алжир	Волна протестов против роста цен на продовольствие прокатывается по городам Алжира. 8 января правительство идет на уступки, понизив налоги на сахар и растительное масло
5 января 2011 г.	Тунис	Смерть Мухаммеда Буазизи
11 января 2011 г.	Алжир	Власти разгоняют антиправительственную демонстрацию в столице
12 января 2011 г.	Тунис	Премьер-министр Мухаммед ал-Ганнуши объявил, что президент Бен Али отправил в отставку министра внутренних дел Рафика Бельхадж Касима с целью восстановления контроля над ситуацией после роста числа погибших и раненых в уличных беспорядках

Дата	Страна	Событие
14 января 2011 г.	Тунис	Бен Али объявил о роспуске правительства и проведении досрочных парламентских выборов. Вечером Бен Али покинул Тунис, а премьер-министр Мухаммед ал-Ганнуши объявил себя временным президентом в соответствии с 56-й статьей Конституции
	Иордания	Сотни протестующих выходят на улицы таких городов, как Амман, Эль-Карак, Ирбид и Дибан. Оппозиция выдвигает следующие требования: свобода слова в СМИ, новые законы о выборах и общественных собраниях, формирование правительства на основе парламентского большинства, отмена принятых в период чрезвычайного положения поправок к Конституции 1952 г.
15 января 2011 г.	Тунис	Конституционный совет официально объявил президентский пост вакантным. Исполняющим обязанности президента стал председатель парламента Фуад Мелбаза. Мухаммеду ал-Ганнуши поручено сформировать новое правительство
17 января 2011 г.	Мавритания	41-летний бизнесмен Йакуб Ульд Дауд устраивает акт саможжения перед президентским дворцом в Нуакшоте. Начало Арабской весны в Мавритании
	Оман	Небольшая (всего 200 участников) демонстрация в Омане с исключительно экономическими требованиями
18 января 2011 г.	Йемен	Йеменские силы безопасности запрещают студенческие демонстрации перед университетом г. Сана в ознаменование бегства Бен Али из Туниса
21 января 2011 г.	Йемен	Демонстрации в г. Таиз против ограниченности политических реформ, инициированных правительством
22 января 2011 г.	Алжир	Антиправительственная демонстрация в столице Алжира

Дата	Страна	Событие
25 января 2011 г.	Египет	«День гнева» – первый день демонстрации в Египте, приуроченный ко Дню полиции
26 января 2011 г.	Египет	Правительство запрещает египтянам собираться в группы и проводить массовые акции. В Суэце протестанты предприняли попытку поджога полицейского участка и здания Национально-демократической партии
27 января 2011 г.	Тунис	Премьер-министр Мухаммед ал-Ганнуши в ответ на требования протестантов уходит в отставку. Новым премьер-министром назначен экс-министр иностранных дел Беджи Каид ал-Сибси
27 января 2011 г.	Египет	Бывший руководитель МАГАТЭ Мухаммед эл-Барадеи прибыл в Каир, чтобы поддержать демонстрантов, требующих отставки президента Мубарака
	Йемен	Демонстрации в Сане с требованием проведения политических реформ в стране
28 января 2011 г.	Египет	«Пятница гнева». Ввод войск в города. Отключение Интернета и мобильной связи. Мухаммед эл-Барадеи взят под домашний арест
	Джибути	Первые протестные выступления в столице
	Иордания	Массовые демонстрации с требованиями отставки правительства, прекращения роста цен и безработицы

Дата	Страна	Событие
29 января 2011 г.	Египет	Президент Египта Хосни Мубарак объявил о роспуске правительства Ахмеда Назифа. В столице полиция перестала вмешиваться в протесты. Восстановлена работа мобильной связи. Начало штурма здания МВД Египта. Хосни Мубарак реанимирует де-факто упраздненный в 1981 г. пост вице-президента, на который назначается Омар Сулейман. Новым премьер-министром вместо отправленного в отставку Ахмеда Назифа назначается бывший главком ВВС Египта Ахмед Шафик
	Йемен	Али Салех призывает оппозиционные партии к диалогу с властью и прекращению демонстраций
30 января 2011 г.	Египет	Побег тысяч заключенных из тюрьмы в Вади-Нагрун ¹
	Алжир	В городе Беджайя на северо-востоке страны проходит многотысячная демонстрация под лозунгами смены режима
	Судан	В Хартуме проходит манифестация студентов университетов с требованиями отставки правительства ²
31 января 2011 г.	Египет	Египетские власти закрывают порт в Александрии
1 февраля 2011 г.	Египет	«Марш миллионов»: на площадь Тахрир в центре Каира вышло несколько десятков тысяч демонстрантов. Вечером президент Хосни Мубарак выступил с телеобращением к нации, в котором заявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на следующих президентских выборах осенью 2011 г.

¹ Впоследствии Мухаммед Мурси будет приговорен к смертной казни именно за участие в этом побеге.

² Однако протестное движение в Судане в дальнейшем серьезного развития не получает и быстро сходит на нет.

Дата	Страна	Событие
2 февраля 2011 г.	Египет	«Битва на верблюдах»: ответные протесты сторонников Хосни Мубарака (а фактически его сына Гамалея) в Каире. Массовые столкновения между сторонниками и противниками Мубарака в Каире
	Йемен	Али Салех объявил, что не намерен баллотироваться на следующий президентский срок и не будет передавать власть своему сыну Ахмеду
	Иордания	Король Иордании Абдалла II отправляет правительство в отставку, выполняя тем самым одно из главных требований участников массовых акций протеста
3 февраля 2011 г.	Йемен	«День гнева». Антиправительственная демонстрация собрала 20 тысяч участников возле университета. Сторонники президента численностью в несколько сотен человек собрались на площади Тахрир в центре Саны. В Адене прошли столкновения демонстрантов с полицией
	Алжир	Антиправительственные протесты продолжаются. Президент Алжира Абдель Азиз Бутефлика объявляет, что в ближайшее время в стране начнутся политические реформы и будет отменен режим чрезвычайного положения, введенный в 1992 г.
	Иордания	Иорданский король Абдалла II проводит встречу с лидерами Фронта исламского действия, обещая им провести в жизнь подлинные, а не декларативные преобразования
	Ирак	Расстрел полицией мирного шествия в городе Эд-Дивания, участники которого требовали улучшения снабжения водой, электричеством и т. д.

Дата	Страна	Событие
4 февраля 2011 г.	Египет	«День проводов»: оппозиция вывела на площадь Тахрир «миллион» (по собственным заявлениям) своих сторонников, требующих отставки Мубарака
	Иордания	В Аммане прошла демонстрация протеста, которая в отличие от предыдущих акций такого рода не была многочисленной – количество ее участников составило всего несколько сотен человек
	Ирак	В Багдаде прошла демонстрация с требованиями «изменить политику управления страной, улучшить качество жизни народа»
6 февраля 2011 г.	Египет	Копты проводят массовую воскресную молитву на Тахрире. Демонстранты-мусульмане образуют вокруг них живую цепь. Омар Сулейман проводит переговоры с руководителями «Братьев-мусульман», соглашается создать комитет для проведения конституционных реформ
7 февраля 2011 г.	Египет	Главная правительственная газета <i>Аль-Ахрам</i> объявляет о своей поддержке протестующих
8 февраля 2011 г.	Алжир	Алжирские студенты начинают бессрочную забастовку в знак протеста против плохого качества образования
10 февраля 2011 г.	Египет	В своем телеобращении к нации Хосни Мубарак заявил о передаче части президентских полномочий вице-президенту Омару Сулейману, но отказался уходить в отставку. Он также подтвердил свои намерения руководить Египтом до выборов в сентябре 2011 г. и анонсировал изменения в Конституции

Дата	Страна	Событие
	Ирак	В Багдаде и других городах Ирака на демонстрации вышли тысячи юристов, требовавших от правительства прекратить «юридическую коррупцию», наказать коррумпированных судей, закрыть так называемые «секретные тюрьмы», а задержанным дать возможность пользоваться юридической помощью
11 февраля 2011 г.	Египет	Хосни Мубарак ушел в отставку. Власть в Египте перешла к Высшему совету Вооруженных сил во главе с министром обороны фельдмаршалом Мухаммедом ат-Тантави. Премьер Ахмед Шафик временно сохранил свои полномочия вплоть до формирования нового правительства. Военные приостановили действие конституции и распустили парламент
12 февраля 2011 г.	Алжир	Под влиянием отставки Мубарака новые демонстрации протеста вспыхивают в алжирской столице под лозунгом «Вчера Египет, сегодня Алжир!», но они жестко пресекаются полицией
14 февраля 2011 г.	Бахрейн	Начало массовых протестов на центральной (Жемчужной) площади Манамы. Протестующие требуют большей политической свободы и гражданских прав. Для подавления протестных выступлений спецслужбы применяют оружие
15 февраля 2011 г.	Ливия	В ливийских восточных провинциях начались акции протеста с требованием ухода лидера страны Муаммара Каддафи, правящего более 42 лет
	Бахрейн	Король Хамад бен Иса аль-Халифа выражает сожаление по поводу гибели двух молодых бахрейнцев во время разгона демонстраций и призывает к началу национального диалога для разрешения возникшего кризиса

Дата	Страна	Событие
16 февраля 2011 г.	Оман	Демонстрация (с преимущественно экономическими требованиями) в промышленной столице Омана – г. Сохаре
17 февраля 2011 г.	Сирия	Начало демонстрации после избития полицейскими сына одного из владельцев магазинов в Дамаске, что вызвало гнев народа на рынке. Люди собрались под лозунгом «Сирийский народ не унижается»
	Ливия	Во втором по величине городе Ливии – Бенгази – произошли столкновения демонстрантов с сотрудниками органов правопорядка
19 февраля 2011 г.	Оман	«Зеленый марш» в Маскате. Участники передают султану петицию с требованием реформ
	Кувейт	Первая демонстрация протеста проводится лицами без гражданства (<i>бидун</i>) в городе Джахра
	Джибути	Массовые протестные выступления в столице. Аресты оппозиционных лидеров
	Марокко	Тысячи марокканцев в ряде городов страны выходят на улицы с лозунгами «Народ хочет перемен», «Долой коррупцию», а также призывами ограничить прерогативы монарха
20 февраля 2011 г.	Бахрейн	Объявлено о создании нового союза оппозиционных партий – Блока национального единства
22 февраля 2011 г.	Ливия	На экстренном заседании Лиги арабских государств (ЛАГ) принято решение приостановить членство Ливии в этой организации
23 февраля 2011 г.	Йемен	Столкновение между противниками и сторонниками Али Салеха, после того как последние попытались занять площадь перед университетом г. Сана

Дата	Страна	Событие
	Саудовская Аравия	В день возвращения в столицу лечившегося за пределами страны короля Абдаллы бен Абдель Азиза распространяется обращенное к монарху «Заявление 23 февраля», подготовленное группой «либеральных интеллектуалов» – «Молодежь Фейсбука», с призывом провести глубокие реформы
25 февраля 2011 г.	Мавритания	Первая массовая демонстрация протеста. Создание «Движения 25 февраля»
26 февраля 2011 г.	Бахрейн	Многотысячная демонстрация организована оппозицией перед зданием министерства иностранных дел. Одновременно состоялась демонстрация, в которой приняли участие деятели культуры, журналисты, писатели, художники
	Оман	Новые протесты в главном промышленном городе Сохаре. Султан, отвечая на некоторые требования протестующих, частично меняет состав кабинета министров. Принимаются меры по улучшению уровня жизни студентов
27 февраля 2011 г.	Сирия	Сирийские полицейские арестовали нескольких подростков, после того как те написали антирежимные лозунги на стенах своей школы в провинции Дераа
	Ливия	Ливийская оппозиция сообщила о формировании Национального совета и подготовке к выборам главы государства
	Саудовская Аравия	Предано гласности «Заявление 123», подписанное ста двадцатью тремя университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками и предпринимателями, утверждавшими «недостаточность осуществленных правителем мер, направленных на развитие страны»
	Оман	Полиция разгоняет демонстрацию в Сохаре

Дата	Страна	Событие
28 февраля 2011 г.	Йемен	Для урегулирования конфликта и начала проведения реформ президент предложил оппозиции вступить в «объединенное правительство», однако та предложение отвергла, заявив, что оно поступило слишком поздно и единственным решением является отставка правительства
	Кувейт	В Интернете публикуется первое заявление молодежной группировки <i>Кафи</i> (создана по примеру аналогичной египетской молодежной организации <i>Ку-файа</i>)
	Оман	Султан идет на новые уступки протестующим как в экономической, так и в политической сфере
Конец февраля 2011 г.	Алжир	Оппозиция периодически пытается занять центральную площадь столицы, но безуспешно. Правительство официально объявляет об отмене чрезвычайного положения
1 марта 2011 г.	Тунис	Официально зарегистрирована Партия возрождения («Ан-Нахда») под руководством Рашида ал-Ганнуши
	Йемен	Али Салех заявляет о том, что готов покинуть свой пост и обеспечить плавный переход власти
	Оман	Сидячая забастовка с требованием реформ у Консультативной ассамблеи в столице (одно из требований – превращение Консультативной ассамблеи в реальный парламент). Массовые проправительственные демонстрации
2 марта 2011 г.	Бахрейн	В демонстрации в поддержку короля принимает участие 300 тыс. человек

Дата	Страна	Событие
	Оман	Призыв к «восстанию во имя чести и свободы» распространяется по социальным сетям, но силам безопасности удается эффективно локализовать протесты (в заметном масштабе они наблюдаются только в Сохаре)
3 марта 2011 г.	Египет	Премьер Ахмед Шафик ушел в отставку. Новым премьер-министром Египта стал экс-министр транспорта Эссам Шараф
4 марта 2011 г.	Иордания	Очередная манифестация оппозиционных сил с требованиями реформирования режима
	Джибути	Силы безопасности срывают попытку проведения массовых протестов в столице
5 марта 2011 г.	Алжир	Разгон антиправительственной демонстрации в столице. Проправительственные демонстранты пытаются линчевать оппозиционного лидера
	Оман	К протестам присоединяются нефтяники Хеймы. Требования по-прежнему почти исключительно экономические
6 марта 2011 г.	Ливия	Верным режиму Каддафи войскам удается перехватить инициативу и начать контрнаступление на восточном фронте
8 марта 2011 г.	Кувейт	Молодежному движению <i>Кафи</i> через социальные сети удается организовать демонстрацию с требованиями отставки премьер-министра шейха Насера Мухаммеда и предоставления больших политических свобод
9 марта 2011 г.	Марокко	Король Марокко Мухаммед VI реагирует на народные волнения и в обращении к нации объявляет о предстоящих демократических реформах, в частности об увеличении полномочий премьер-министра и «расширении индивидуальных свобод»

Дата	Страна	Событие
10 марта 2011 г.	Йемен	Али Салех выступил с очередной мирной инициативой. В частности, предлагался переход от президентской к парламентской республике, принятие нового проекта конституции и расширение прав органов местного самоуправления
11 марта 2011 г.	Йемен	Массовые демонстрации по всей стране в знак протеста против президентской инициативы
	Ливия	Войска Каддафи отбивают у повстанцев важнейший нефтеперерабатывающий центр Рас-Лануф
	Саудовская Аравия	Сформированное суннитскими активистами Объединение свободной молодежи призвало «сторонников справедливости» выйти на улицы саудовских городов. Однако властям удалось сорвать намечавшееся выступление
13 марта 2011 г.	Оман	Султан издает декрет о предоставлении законодательных полномочий парламенту. Практически все требования протестующих оказываются удовлетворенными
14 марта 2011 г.	Бахрейн	Ввод в страну военных сил Совета сотрудничества арабских государств Залива (а именно Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ)
15 марта 2011 г.	Сирия	В Сирии начались антиправительственные выступления, которые постепенно охватили крупные города страны – Дамаск, Латакию, Алеппо, Хомс, Баниас, Дераа
	Бахрейн	Демонстрация у саудовского посольства с требованием вывода саудовских войск. Правитель Бахрейна объявляет чрезвычайное положение

Дата	Страна	Событие
	Иордания	По решению короля создан Национальный комитет по диалогу, в который вошли 52 представителя общественно-политических кругов: оппозиционеры, общественные деятели, один министр, представители профсоюзов, ученые и правозащитники
	Палестинская автономия	«Движение 15 марта» при помощи социальных сетей организует демонстрации в Газе, на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме. Тысячи палестинцев, в основном молодых людей, пользующихся социальными сетями, вышли на улицы с требованиями примирения ФАТХ и «Хамас», прекращения израильской оккупации и улучшения условий жизни
16 марта 2011 г.	Бахрейн	Арест ведущих представителей оппозиции. Разгон многодневной демонстрации на Жемчужной площади
	Саудовская Аравия	В восточных (преимущественно шиитских) районах проходят демонстрации солидарности с протестующими в Бахрейне с требованием вывода оттуда саудовских войск
18 марта 2011 г.	Ливия	Совет Безопасности ООН по инициативе Лиги арабских государств (ЛАГ) принял резолюцию № 1973 о введении над Джамахирией «зоны, свободной от полетов»
	Бахрейн	Власти сносят на Жемчужной площади Жемчужный памятник, превратившийся в символ протестного движения
	Йемен	Разгон антиправительственных демонстраций в г. Санае. Несколько десятков человек убиты. Али Абдалла Салех вводит режим чрезвычайного положения

Дата	Страна	Событие
19 марта 2011 г.	Ливия	В Ливии началась военная операция (с мандатом до 24 июня) против режима Каддафи с участием вооруженных сил стран – членов НАТО: Великобритании, Франции, США, Канады, Бельгии, Италии, Испании, Дании
	Египет	Прошел референдум по Временной конституционной декларации
20 марта 2011 г.	Йемен	Али Салех отправил в отставку правительство страны
	Марокко	Молодежные активисты через социальные сети пытаются организовать новую серию демонстраций, которые получают не слишком многочисленными
21 марта 2011 г.	Йемен	Несколько йеменских генералов перешли на сторону протестующих, в том числе Али Мохсен ал-Ахмар. В столицу были введены войска Республиканской гвардии, а также 1-й бронетанковой дивизии
25 марта 2011 г.	Бахрейн	Властям удается быстро разогнать новую антиправительственную демонстрацию
27 марта 2011 г.	Бахрейн	Главное оппозиционное движение «Ал-Вифак» принимает предложение Кувейта выступить в качестве посредника на переговорах с правительством, однако бахрейнское правительство на следующий день отказывается от посредничества
30 марта 2011 г.	Оман	Силы безопасности окончательно разгоняют многодневную сидячую забастовку в Сохаре
31 марта 2011 г.	Йемен	«Ал-Каида» объявила провинцию Абьян «Исламским эмиратом»
Апрель 2011 г.	Йемен	Садык ал-Ахмар предложил президенту страны покинуть свой пост
	Бахрейн	Власти разрушают более 30 шиитских мечетей. Идут массовые преследования участников протестов
2 апреля 2011 г.	Оман	Сидячая забастовка в Омане с требованием расследования злоупотреблений со стороны сил безопасности

Дата	Страна	Событие
3 апреля 2011 г.	Бахрейн	Похороны погибших во время подавления выступлений превращаются в протестную акцию
13 апреля 2011 г.	Египет	Власти Египта поместили бывшего президента страны Хосни Мубарака и его сыновей под арест
15 апреля 2011 г.	Алжир	Президент Абдель Азиз Бутефлика делает заявление о проведении демократической конституционной реформы
21 апреля 2011 г.	Сирия	В стране отменен режим чрезвычайного положения, который существовал с 1963 г.
22 апреля 2011 г.	Сирия	В городах Дамаск, Алеппо, Дераа, а также в провинциях Хомс и Хама прошли массовые антиправительственные манифестации. В стране началось вооруженное противостояние между правительственными войсками и оппозицией
24 апреля 2011 г.	Марокко	Новая волна демонстраций протеста
25 апреля 2011 г.	Сирия	В пригороды Дамаска, в города Дераа, Джебла, где продолжались выступления оппозиции, были введены правительственные войска
	Мавритания	Столкновения между демонстрантами и полицией в столице страны. Аресты демонстрантов
26 апреля 2011 г.	Мавритания	Парламентская оппозиция и профсоюзы организуют сидячую забастовку перед Управлением безопасности Нуакшота и добиваются освобождения арестованных демонстрантов
30 апреля 2011 г.	Египет	Официально зарегистрирована Партия свободы и справедливости (политическое крыло «Братьев-мусульман»)

Дата	Страна	Событие
1 мая 2011 г.	Ливия	Жертвами авиаударов НАТО стали самый младший из семи сыновей ливийского лидера Муаммара Каддафи – 29-летний Саиф аль-Араб и трое внуков главы государства
10 мая 2011 г.	Сирия	Вступили в действие санкции ЕС в отношении Сирии, введенные после подавления беспорядков в стране, начавшихся в марте. Санкции включали эмбарго на поставки в Сирию вооружений, запрет на въезд в ЕС членам сирийского правительства, были заморожены их активы в странах Евросоюза
11 мая 2011 г.	Алжир	1500 врачей пытались организовать марш к правительственным зданиям, но были блокированы силами безопасности
12 мая – 10 сентября 2011 г.	Йемен	Битва за Зинджибар (попытка правительственных сил вернуть контроль над столицей провинции Абьян)
19 мая 2011 г.	Йемен	Всеобщий народный конгресс и оппозиция договорились о подписании соглашения, по которому Али Салех покинет свой пост взамен на предоставленный ему иммунитет
20 мая 2011 г.	Йемен	Али Салех заявил о проведении в стране досрочных президентских выборов
21 мая 2011 г.	Йемен	Лидеры йеменской оппозиции со своей стороны подписали соглашение о передаче власти в стране
22 мая 2011 г.	Йемен	Али Салех отказался подписывать соглашение о передаче власти в стране
	Марокко	Попытки организовать демонстрации протеста в столице блокируются полицией
23–27 мая 2011 г.	Йемен	В столице Йемена г. Сана, а позже в Адене начались вооруженные столкновения между силами, лояльными президенту, и оппозицией
23 мая 2011 г.	Сирия	В черный список ЕС был внесен Башар ал-Асад

Дата	Страна	Событие
28 мая 2011 г.	Йемен	Между враждующими в Йемене сторонами заключено перемирие
30–31 мая 2011 г.	Йемен	Разгон антиправительственной демонстрации в Таизе
31 мая 2011 г.	Бахрейн	Король выступает с предложением начать в июле общенациональный диалог
1 июня 2011 г.	Ливия	НАТО продлила операцию на 90 дней – до конца сентября
	Бахрейн	Протесты с требованием отменить военное положение
2 июня 2011 г.	Бахрейн	После бурных демонстраций оппозиционные партии принимают предложение короля о начале общенационального диалога
3 июня 2011 г.	Йемен	В результате взрыва в президентской резиденции ранен Али Салех
5 июня 2011 г.	Марокко	60 тыс. человек выходят на улицы в Рабате и Касабланке в знак протеста против жестокости сил полиции
6 июня 2011 г.	Египет	Движение «Братья-мусульмане» было исключено из списка запрещенных в стране
7 июня 2011 г.	Ливия	Спецпредставитель президента РФ Михаил Маргелов посетил Бенгази с посреднической миссией
11 июня 2011 г.	Бахрейн	Демонстрация протеста проходит в шиитском районе к западу от столицы
17 июня 2011 г.	Ливан	Сразу после пятничной молитвы сунниты из района Баб аль-Таббанех в Триполи вышли на демонстрацию в поддержку антиправительственных выступлений в Сирии. Это, в свою очередь, вызвало недовольство со стороны алавитского населения в Джабаль Мохсен. В результате столкновений погибло 7 человек, около 20 были ранены
28 июля 2011 г.	Тунис	Заочный суд приговорил экс-президента страны Бен Али к лишению свободы сроком на 66 лет

Дата	Страна	Событие
31 июля 2011 г.	Сирия	Правительственные войска Сирии начали наступление на г. Хама для подавления масштабных антиправительственных выступлений, продолжавшихся в течение всего месяца
Август 2011 г.	Египет	В Каире начались судебные слушания в отношении экс-президента Хосни Мубарака
4 августа 2011 г.	Сирия	Президент Сирии Башар ал-Асад утвердил декреты «О введении многопартийности» и «Об организации всеобщих выборов»
8 августа 2011 г.	Ливия	Переходный национальный совет (ПНС) Ливии отправил в отставку созданное им правительство повстанцев
21 августа 2011 г.	Ливия	Отряды повстанцев провели первую атаку на укрепившиеся в столице правительственные войска, а затем захватили военную базу Каддафи в 27 км от Триполи
22 августа 2011 г.	Ливия	Триполи захвачен повстанцами
23 сентября 2011 г.	Йемен	Али Салех возвращается в Сану после лечения в Саудовской Аравии
24 августа 2011 г.	Ливия	Ливийские повстанцы взяли под свой контроль военную базу, расположенную к западу от Триполи
25 августа 2011 г.	Ливия	На заседании Лиги арабских государств (ЛАГ) принято решение восстановить членство Ливии в этой организации
26 августа 2011 г.	Ливия	Командующий силами повстанцев в Триполи Абд ал-Хаким Бельхадж заявил об объединении всех повстанческих отрядов под началом единого Военного совета
29 августа 2011 г.	Ливия	Сын Муаммара Каддафи Хамис погиб в ходе боевых действий

Дата	Страна	Событие
1 сентября 2011 г.	Ливия	Россия признала ПНС Ливии в качестве действующей власти. В Париже состоялась конференция по будущему Ливии, в которой приняли участие представители 63 стран. Она пришла на смену контактной группе, которая была создана для политического руководства военной операцией НАТО в Ливии
2 сентября 2011 г.	Ливия	Премьер-министр Ливии при Муаммаре Каддафи ал-Багдади Али ал-Махмуди заявил о переходе на сторону мятежников
4 сентября 2011 г.	Ливия	Было объявлено, что переговоры, которые вели представители вооруженных формирований ПНС с силами свергнутого режима Каддафи, провалились. Переговоры велись в рамках объявленного оппозиционными силами ультиматума, согласно которому укрепившиеся в ряде городов разбитые войска Каддафи должны сложить оружие
8 сентября 2011 г.	Сирия	В г. Хомс были введены армейские подразделения для подавления продолжавшегося в течение нескольких месяцев вооруженного мятежа
9 сентября 2011 г.	Ливия	Интерпол выписал «красное уведомление» на розыск Муаммара Каддафи, а также его сына Сейфа ал-Ислама и бывшего директора военной разведки Ливии Абдаллы ал-Сенусси
	Египет	В Каире протестующие ворвались в посольство Израиля
11 сентября 2011 г.	Ливия	Председатель ПНС Ливии Мустафа Абд ал-Джалиль прибыл в Триполи в качестве лидера ПНС. В Триполи арестован экс-глава службы внешней разведки Бузаид Дорда

Дата	Страна	Событие
15 сентября 2011 г.	Ливия	Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и президент Франции Николя Саркози прибыли в Ливию для переговоров с новым временным правительством страны
16 сентября 2011 г.	Ливия	ПНС Ливии получил право представлять свою страну в Генеральной ассамблее ООН. В поддержку этой резолюции проголосовали 114 стран, против выступили 17, еще 15 стран воздержались
18 сентября 2011 г.	Египет	В Каире началась новая волна протестов. Демонстранты требовали немедленной передачи власти от Высшего совета вооруженных сил гражданскому правительству
	Марокко	3000 человек выходят на демонстрацию протеста в Касабланке. Акции протеста в стране продолжаются, но они несопоставимы по масштабам с тем, что наблюдалось в феврале – марте 2011 г.
21 сентября 2011 г.	Ливия	Представители 28 стран – членов НАТО достигли в Брюсселе соглашения о продлении военной операции в Ливии на три месяца, до конца декабря. Силы ПНС Ливии полностью захватили расположенный на юге страны город Сабха – один из последних бастионов сторонников Каддафи
22 сентября 2011 г.	Кувейт	Тысячи кувейтских граждан собрались перед зданием парламента под лозунгами отставки премьер-министра и борьбы с коррупцией
23 сентября 2011 г.	Ливия	Вооруженные формирования ливийской оппозиции, выступающие против войск Муаммара Каддафи, объединились в Союз революционных батальонов Ливии

Дата	Страна	Событие
2 октября 2011 г.	Сирия	В Стамбуле создан оппозиционный Сирийский национальный совет, в который вошли политические эмигранты, в том числе члены запрещенной в Сирии организации «Братья-мусульмане»
3 октября 2011 г.	Ливия	Силы ПНС Ливии взяли под контроль родное село Муаммара Каддафи Каср Абу-Хади, расположенное в окрестностях г. Сирт
5 октября 2011 г.	Сирия	На заседании СБ ООН Россия и Китай наложили вето на проект резолюции, угрожающий Сирии санкциями, в случае если власти не прекратят подавление выступлений оппозиции
9 октября 2011 г.	Ливия	Представители ПНС Ливии заявили о взятии под свой контроль аэропорта г. Бани-Валид, одного из последних оплотов Муаммара Каддафи
13 октября 2011 г.	Ливия	Сын Муаммара Каддафи Муатасем был задержан представителями вооруженных сил ПНС Ливии в г. Сирт
20 октября 2011 г.	Ливия	Убийство Муаммара Каддафи
21 октября 2011 г.	Кувейт	В столице Кувейта перед зданием парламента прошел очередной митинг. В нем приняло участие около 12 тыс. человек, среди которых было не менее тысячи женщин
23 октября 2011 г.	Ливия	ПНС официально объявил о своей победе над силами Муаммара Каддафи
	Тунис	Первые постреволюционные выборы в Учредительное собрание заканчиваются победой партии «Ан-Нахда» (89 мест из 217)
1 ноября 2011 г.	Ливия	Бесполетная зона над Ливией прекратила свое существование. Прекращены бомбардировки НАТО

Дата	Страна	Событие
12 ноября 2011 г.	Сирия	В Каире на экстренном заседании Лиги арабских государств (ЛАГ) принято решение приостановить членство Сирии в организации с 16 ноября 2011 г.
16 ноября 2011 г.	Кувейт	Оппозиция вывела на площадь перед зданием парламента тысячи демонстрантов. Они штурмом взяли здание и ворвались в зал заседаний, где исполнили кувейтский гимн, подчеркивая свою верность эмиру, затем покинули здание
21 ноября 2011 г.	Египет	Представители более 20 политических течений страны, участвующих в демонстрациях на площади Тахрир, подписали требование в течение недели сформировать правительство национального спасения. На него должна быть возложена ответственность за проведение краткосрочных реформ для оживления экономики, остановки роста цен и борьбы с бедностью. Кроме того, правительство должно отменить действующее уже 30 лет в Египте чрезвычайное положение. Премьер-министр Эссам Шараф подал в отставку. Исполняющим обязанности председателя переходного правительства был назначен Камаль ал-Ганзури (бывший премьер-министром страны в 1996–1999 гг.)
22 ноября 2011 г.	Ливия	Премьер-министр Абд ар-Рахим ал-Киб объявил состав нового правительства
	Египет	Высший совет Вооруженных сил Египта обязался передать власть гражданскому руководству страны не позднее 30 июня 2012 г.
23 ноября 2011 г.	Йемен	В Эр-Рияде подписан план мирного урегулирования ССАГПЗ. Али Салех до проведения президентских выборов стал «почетным президентом» Йемена

Дата	Страна	Событие
28 ноября 2011 г.	Кувейт	Под давлением со стороны парламентской оппозиции и массовых акций протеста эмир вынужден удовлетворить основное требование оппозиции – отправить в отставку шейха Насера Мухаммеда и назначить нового премьер-министра
6 декабря 2011 г.	Кувейт	Эмир распускает парламент и назначает проведение новых выборов в Национальный совет
10 декабря 2011 г.	Йемен	Али Мухаммед Муджавар складывает с себя полномочия премьер-министра. Новым главой кабинета становится Мухаммед Салем Басиндва
12 декабря 2011 г.	Тунис	Учредительное собрание избрало Монсефа Марзуки временным президентом Туниса. Хамаду ад-Джебали было поручено сформировать новое правительство
24 декабря 2011 г.	Йемен	Разгон демонстрантов в г. Сана, требовавших суда над Али Салехом
2012 год		
Январь 2012 г.	Египет	Прошли выборы в Народную Ассамблею Египта, на которых победила Партия свободы и справедливости («Братья-мусульмане»), второе место заняла салафитская партия «Ан-Нур»
14 января 2012 г.	Йемен	Палата представителей одобрила законопроект о предоставлении иммунитета Али Салеху
23 января 2012 г.	Сирия	В Каире на совещании глав МИД ЛАГ принят план урегулирования кризиса в Сирии, предусматривающий уход с поста президента Башара ал-Асада
	Египет	Первое заседание Народной Ассамблеи Египта. Спикером был избран Мухаммед Саад ал-Кататни (Партия свободы и справедливости)

Дата	Страна	Событие
Февраль 2012 г.	Египет	Прошли выборы в верхнюю палату египетского парламента – Совет Шура. Первое место заняла Партия свободы и справедливости (106 мест из 270), второе – «Ан-Нур» (46 мест). Спикером верхней палаты парламента стал представитель Партии свободы и справедливости Ахмад Фахми
1 февраля 2012 г.	Бахрейн	Объявлено о планах правительства возобновить переговоры с оппозицией
2 февраля 2012 г.	Кувейт	На парламентских выборах победу одерживает оппозиция. Подавляющее большинство мест в Национальном совете получают сторонники политических перемен. Спикером парламента избран Ахмед ас-Саадун – оппозиционный деятель с большим стажем пребывания в составе парламентской оппозиции
4 февраля 2012 г.	Сирия	Россия и Китай вновь наложили вето в СБ ООН на принятие резолюции по Сирии, предусматривающей отстранение от власти Башара ал-Асада и возлагающей всю ответственность за кровопролитие в стране на сирийские власти
12 февраля 2012 г.	Сирия	В Каире на экстренном заседании совета МИД ЛАГ принято решение «разорвать все дипломатические отношения» с сирийским руководством
21 февраля 2012 г.	Йемен	Состоялись президентские выборы. На безальтернативной основе победу одержал Абд Раббо Мансур Хади
22 февраля 2012 г.	Сирия	В Тунисе состоялась первая встреча государств – участников «Группы друзей Сирии», неформального объединения стран, выступающих в поддержку сирийской оппозиции

Дата	Страна	Событие
24 февраля 2012 г.	Сирия	Бывший генсек ООН Кофи Аннан назначен спецпредставителем ООН и ЛАГ по урегулированию сирийского конфликта
26 февраля 2012 г.	Сирия	На референдуме принята новая конституция Сирии
27 февраля 2012 г.	Йемен	Прошла инаугурация президента Йемена
3 марта 2012 г.	Египет	«Братья-мусульмане» обнародовали свой проект закона о Конституционной комиссии Египта, которой в ближайшее время предстоит сформировать новый основной закон страны. Конституционная комиссия в количестве 100 человек должна быть образована на совместном заседании двух палат парламента
9 марта 2012 г.	Бахрейн	Массовые демонстрации протеста
10 марта 2012 г.	Сирия	В Каире принято совместное заявление ЛАГ и России о принципах урегулирования сирийского кризиса
26 марта 2012 г.	Тунис	«Ан-Нахда» объявила об отказе от закрепления норм шариата в качестве единственного источника законодательства в новой конституции страны
14 апреля 2012 г.	Сирия	СБ ООН принял резолюцию № 2042, санкционировав отправку в Сирию передовой группы в составе до 30 невооруженных военных наблюдателей
21 апреля 2012 г.	Сирия	В СБ ООН принята разработанная на основе российского проекта резолюция № 2043, учреждающая на период в 90 дней миссию ООН по наблюдению за прекращением огня в Сирии
27 апреля 2012 г.	Ливия	Абд ал-Рахим ал-Киб отправлен в отставку с поста премьер-министра

Дата	Страна	Событие
29 апреля 2012 г.	Египет	Спикер Народной Ассамблеи Мухаммед Саад ал-Кататни потребовал от главы кабинета министров Камалья ал-Ганзури подать прошение об отставке. Получив отказ, Народная Ассамблея в знак протеста прекратила свою работу на одну неделю
Май 2012 г.	Кувейт	Благодаря усилиям парламентской оппозиции министр финансов Мустафа аш-Шимали в конце мая 2012 г. подает в отставку, после того как был вызван в парламент с отчетом о его деятельности на посту министра
7 мая 2012 г.	Сирия	В Сирии состоялись первые выборы в Народный совет на многопартийной основе в соответствии с новой конституцией. Победу одержал блок «Национальное единство», поддерживающий президента Башара ал-Асада
22–23 мая 2012 г.	Египет	Первый тур президентских выборов в Египте. Во второй тур вышел кандидат от «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси и экс-премьер-министр Ахмед Шафик
29 мая 2012 г.	Сирия	Ряд государств, в их числе семь стран ЕС, а также США, Канада, Австралия и Япония объявили о высылке сирийских послов
Июнь 2012 г.	Кувейт	Власть переходит в наступление на оппозиционный ей парламент. Кувейтский Конституционный суд в конце июня 2012 г. провел заседание, в ходе которого признал недействительными итоги состоявшихся 2 февраля 2012 г. выборов из-за ошибок, допущенных в процессе их проведения, и вынес решение, предусматривающее роспуск парламента и возвращение к составу менее оппозиционного парламента 2009 г.

Дата	Страна	Событие
5 июня 2012 г.	Сирия	Официальный Дамаск объявил о высылке глав дипломатических представительств ряда западных государств из Сирии
12 июня 2012 г.	Тунис	Салафитские группировки совершили ряд нападений на несколько тунисских городов, в ходе которых один человек погиб и сотни ранены
14 июня 2012 г.	Египет	Высший конституционный суд Египта признал выборы в Народную Ассамблею 2011–2012 гг. незаконными и объявил о роспуске нижней палаты парламента
16 июня 2012 г.	Сирия	Миссия ООН в Сирии приостановила свою деятельность в связи с эскалацией конфликта в стране
17 июня 2012 г.	Египет	Высший совет Вооруженных сил принял дополнения к Временной конституционной декларации, которая должна определить полномочия главы государства и военных
24 июня 2012 г.	Египет	Во втором туре президентских выборов победу одержал Мухаммед Мурси (51,73 %)
25 июня 2012 г.	Кувейт	По призыву оппозиции перед зданием Национального собрания прошел многотысячный митинг. Участники митинга потребовали распустить парламент 2009 г. и назначить проведение новых выборов
30 июня 2012 г.	Сирия	В Женеве на встрече контактной группы по Сирии, созданной по инициативе ООН и ЛАГ, главы МИД пяти стран – постоянных членов СБ ООН согласились с необходимостью формирования переходного правительства в Дамаске. В итоговом заявлении отсутствует положение, в котором отказ Башара ал-Асада от власти является непременным условием для запуска политического переходного процесса в Сирии

Дата	Страна	Событие
	Египет	Мухаммед Мурси вступил в должность президента Египта
7 июля 2012 г.	Ливия	Выборы во Всеобщий национальный конгресс Ливии
8 июля 2012 г.	Египет	Мухаммед Мурси своим указом восстановил работу Народной Ассамблеи, отменив решение Высшего конституционного суда
9 июля 2012 г.	Египет	Высший конституционный суд предупредил президента о недопустимости несоблюдения судебного решения о роспуске нижней палаты парламента
10 июля 2012 г.	Египет	Народное собрание провело первое после своего роспуска получасовое заседание. В тот же день суд повторно издал постановление, запрещающее созыв Народной Ассамблеи. Недовольство действиями главы государства выразил Высший совет Вооруженных сил. Мухаммед Мурси заявил, что выполнит решение Высшего конституционного суда, отменяющее его указ о повторном созыве нижней палаты парламента
19 июля 2012 г.	Сирия	Россия и Китай в СБ ООН в третий раз наложили вето на проект резолюции по Сирии, которая предусматривала возможность применения санкций в отношении Дамаска
24 июля 2012 г.	Сирия	Вооруженные силы Сирии впервые за 17 месяцев боев с оппозицией применили авиацию: самолеты ВВС САР нанесли удары по г. Алеппо
	Египет	Мухаммед Мурси назначил министра водных ресурсов Хишама Кандиля новым премьер-министром
С 1 августа 2012 г.	Сирия	Военные действия приобретают все более масштабный характер и охватывают практически все районы страны: Дамаск, Алеппо, Банияс, Латакию, Идлиб, Хомс, Хаму, Дейр аз-Зур и Дераа

Дата	Страна	Событие
7 августа 2012 г.	Йемен	Мансур Хади урезал в полномочиях Республиканскую гвардию во главе с сыном экс-президента Ахмедом Салехом
9 августа 2012 г.	Ливия	Национальный переходный совет передает власть Всеобщему национальному конгрессу
12 августа 2012 г.	Египет	Мухаммед Мурси отправил в отставку главу Высшего совета вооруженных сил Мухаммеда ат-Тантави. Согласно президентскому указу, снят с должности начальник генерального штаба египетской армии Сами Анан. Помимо Тантави и Анана со своих постов были сняты еще несколько членов Высшего совета вооруженных сил. Новым главой Высшего совета вооруженных сил стал генерал-полковник Абд ал-Фаттах ас-Сиси, он же занял пост министра обороны. Президентом также были отменены дополнения к Временной конституционной декларации от 17 июня 2012 г., которая была направлена на ограничение президентских полномочий и до сих пор заменяла основной закон страны
17 августа 2012 г.	Сирия	Вместо Кофи Аннана спецпосланником ООН и ЛАГ по сирийскому урегулированию назначен алжирский дипломат Лахдар Брахими
7 сентября 2012 г.	Йемен	Мансур Хади обвинил Иран в поддержке хуситов и разжигании насилия в Йемене
11 сентября 2012 г.	Ливия	Нападение на консульство США в Бенгази, в результате которого был убит посол США
12 сентября 2012 г.	Ливия	Мустафа Абу Шакур побеждает на выборах на пост председателя Всеобщего национального конгресса Ливии
14 сентября 2012 г.	Тунис	Сотни протестующих атаковали посольство США в Тунисе

Дата	Страна	Событие
3 октября 2012 г.	Сирия	В приграничном городе Акчакале (Турция) в результате попадания сирийского снаряда в жилой дом погибли пять человек. В ответ турецкие военные обстреляли позиции сирийской армии
15 октября 2012 г.	Ливия	Всеобщий национальный конгресс избрал Али Зидана новым премьер-министром Ливии
11 ноября 2012 г.	Сирия	В Дохе была создана Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил (НКОРС), в состав которой вошли Сирийский национальный совет и другие оппозиционные группировки
22 ноября 2012 г.	Египет	Мухаммед Мурси подписал закон, согласно которому суды лишались права распускать верхнюю палату парламента и Конституционную ассамблею, а президент страны мог издавать «любые декреты, направленные на защиту революции», которые не могут быть оспорены в суде
25 ноября 2012 г.	Египет	Столкновения между сторонниками и противниками подписанного президентом закона от 22 ноября 2012 г.
30 ноября 2012 г.	Египет	Конституционная ассамблея Египта большинством голосов утвердила проект новой конституции
Декабрь 2012 г.	Египет	На референдуме была одобрена новая конституция страны
	Саудовская Аравия	Демонстрации протеста в Восточной провинции
1 декабря 2012 г.	Кувейт	Власти проводят новые парламентские выборы. Из-за бойкота оппозиции большинство мест в парламенте получают проправительственные кандидаты
6–8 декабря 2012 г.	Кувейт	Демонстрации протеста против несправедливых выборов
2013 год		
6 января 2013 г.	Сирия	Президент Башар ал-Асад выступил с планом мирного урегулирования

Дата	Страна	Событие
6 февраля 2013 г.	Тунис	Убийство одного из лидеров левой оппозиции Шукри Белаида в г. Тунисе. Начало протестных демонстраций и отставка правительства. Новым премьер-министром назначен Али ал-Арида из партии «Ан-Нахда»
25 февраля 2013 г.	Саудовская Аравия	Протестные акции в Бурейде с требованием освобождения политических заключенных
18 марта 2013 г.	Йемен	Начало работы Всеобщего национального диалога под председательством Мансура Хади
19 марта 2013 г.	Сирия	В районе Хан ал-Асаль в провинции Алеппо в боях применено химическое оружие, погибли 25 человек, в том числе 16 военнослужащих сирийской армии. Власти возложили ответственность за применение ядовитых газов на боевиков
21 марта 2013 г.	Сирия	Генсек ООН Пан Ги Мун принял решение направить в Сирию группу независимых экспертов для расследования сообщений о химической атаке
26–27 марта 2013 г.	Сирия	На саммите ЛАГ в Дохе НКОРС официально получила место Сирии в этой организации
5 мая 2013 г.	Ливия	Всеобщий национальный конгресс принял закон «О политической изоляции»
7 мая 2013 г.	Россия – США – Сирия	На переговорах в Москве глава МИД РФ Сергей Лавров и госсекретарь США Джон Керри договорились о проведении международной конференции по Сирии, получившей впоследствии название «Женева-2»
13 мая 2013 г.	Ливия	Отставка министра внутренних дел Ашура Шувайда, на его место назначен Мухаммед Шейх

Дата	Страна	Событие
15 мая 2013 г.	Сирия	Генассамблея ООН одобрила резолюцию по Сирии, подготовленную Саудовской Аравией и Катаром и резко осуждающую режим президента Башара ал-Асада. 12 стран, в том числе Россия, высказались против
21 мая 2013 г.	Сирия	Сирийская армия при поддержке «Хезболлы», которая до этого не вмешивалась в сирийский конфликт, заняла город Ал-Кусейр на границе с Ливаном
28 мая 2013 г.	Сирия	ЕС принял решение не продлевать эмбарго на поставку оружия сирийской оппозиции
9 июня 2013 г.	Сирия	Сирийское командование начало операцию «Северная буря» по освобождению от боевиков г. Алеппо и его окрестностей
22 июня 2013 г.	Сирия	В Дохе на встрече группы «Друзей Сирии» принято решение о поставках вооружения сирийской оппозиции
30 июня 2013 г.	Египет	В годовщину президентства Мухаммеда Мурси в стране начались антиправительственные манифестации
3 июля 2013 г.	Египет	В Египте произошел военный переворот, который возглавил министр обороны Абд ал-Фаттах ас-Сиси. Президент Мухаммед Мурси взят под арест. Временным главой государства становится председатель Высшего конституционного суда Адли Мансур
4 июля 2013 г.	Египет	Адли Мансур принес присягу в качестве временного президента Египта
5 июля 2013 г.	Египет	Принята конституционная декларация, в соответствии с которой Совет Шура прекратил свою работу. Право законодательной инициативы закреплено за Адли Мансуром. Африканский союз приостановил членство Египта в организации до восстановления конституционного порядка в стране

Дата	Страна	Событие
9 июля 2013 г.	Египет	Вице-президентом Египта стал лидер Фронта национального спасения, бывший генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед ал-Барадеи. Новым премьер-министром назначен Хазем ал-Баблауи
16 июля 2013 г.	Египет	Начало массовых протестов на площади Рабаа ал-Адауия в Каире, которая превратилась в место сбора сторонников низложенного президента Мухаммеда Мурси
25 июля 2013 г.	Тунис	Убийство левого оппозиционера Мухаммеда Брахми в Тунисе, что спровоцировало новые демонстрации в стране
26 июля 2013 г.	Египет	Насильственно отстраненный 3 июля военными от власти президент Египта М. Мурси официально помещен под стражу в рамках проводимого прокуратурой расследования
28 июля 2013 г.	Египет	По указу Адли Мансура премьер-министр Египта был наделен рядом полномочий в соответствии с законом о чрезвычайном положении. Премьер-министр получил право издавать распоряжения в рамках трех статей закона о ЧП
31 июля 2013 г.	Сирия	На северо-востоке страны сирийские курды объявили всеобщую мобилизацию, начались столкновения курдских отрядов с исламистскими группировками
1 августа 2013 г.	Йемен	Хуситы вошли в г. Дамадж в провинции Саада
4 августа 2013 г.	Египет	Министр обороны встретился с лидерами исламистских течений, чтобы обсудить прекращение массовых протестов сторонников бывшего президента Мухаммеда Мурси

Дата	Страна	Событие
5 августа 2013 г.	Египет	В соответствии с разрешением генеральной прокуратуры Египта группе западных и арабских посредников удалось провести встречу в тюрьме «Ал-Акраб» под Каиром с заместителем верховного наставника «Братьев-мусульман» – Хейратом аш-Шатером, а также с председателем Партии свободы и справедливости Саадом ал-Кататни. В состав посреднической делегации вошли первый заместитель госсекретаря США Уильям Бернс, спецпредставитель ЕС по Южному Средиземноморью Бернардино Леон, а также министры иностранных дел Катара и ОАЭ
7 августа 2013 г.	Египет	Администрация президента Адли Мансура заявила о провале дипломатических и посреднических усилий по урегулированию политического кризиса в Египте
11 августа 2013 г.	Египет	Движение «Братья-мусульмане» объявило мобилизацию своих сторонников после заявлений властей о разгоне их митинга в Каире
14 августа 2013 г.	Египет	Началась операция МВД по ликвидации лагерей «Братьев-мусульман», были арестованы восемь лидеров движения. Начало вооруженных столкновений с исламистами в Каире, Александрии, Суэце, Минье, Файюме
16 августа 2013 г.	Египет	«Пятница гнева»: на каирской площади Рамзес прошла массовая манифестация в поддержку экс-президента Мухаммеда Мурси. В тот же день король Саудовской Аравии Абдалла ибн Абд ал-Азиз призвал арабские страны совместно противостоять попыткам «расшатать» стабильность в Египте. Заявление короля поддержали Иордания, Кувейт, ОАЭ и Бахрейн

Дата	Страна	Событие
18 августа 2013 г.	Египет	Премьер-министр Хазем ал-Баблауи принял решение о рассмотрении вопроса о роспуске движения «Братья-мусульмане». Одновременно с этим МВД запретило народные дружины, созданные для противодействия отрядам «Братьев-мусульман», считая их деятельность незаконной
19 августа 2013 г.	Сирия	В Сирии начали работу эксперты ООН по химическому оружию
20 августа 2013 г.	Ливия	Министр внутренних дел Мухаммед Шейх ушел в отставку в знак протеста против вмешательства Всеобщего национального конгресса в работу министерства
	Египет	В Каире арестован и помещен в тюрьму строгого режима «Тора» верховный наставник «Братьев-мусульман» Мухаммед Бадиа. Вместо него временным руководителем движения назначен Махмуд Эззат
21 августа 2013 г.	Сирия	Западные и арабские телеканалы сообщили о применении химического оружия в пригороде Дамаска – Восточной Гуте. В результате обстрела снарядами с нервно-паралитическим газом зарином погибли, по разным данным, от 280 до 1700 человек
29 августа 2013 г.	Сирия	На совещании постоянных членов СБ ООН при обсуждении проекта резолюции, открывающей путь для нанесения ударов по Сирии, Россия и Китай выступили против применения силы
5 сентября 2013 г.	Египет	«Комиссия-50» под председательством Амра Мусы начинает свою работу по подготовке проекта египетской Конституции
10 сентября 2013 г.	Сирия	Сирия согласилась поставить под международный контроль свои запасы химоружия, а затем присоединилась к Конвенции о запрещении химоружия

Дата	Страна	Событие
14 сентября 2013 г.	Сирия	В Женеве по итогам переговоров министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова и госсекретаря США Джона Керри была достигнута рамочная договоренность по уничтожению в Сирии химического оружия
23 сентября 2013 г.	Египет	По решению суда движение «Братья-мусульмане» было запрещено, их имущество и собственность конфискованы
10 октября 2013 г.	Ливия	На несколько часов был похищен председатель правительства Али Зейдан
14 октября 2013 г.	Сирия	Сирия официально стала 190-м членом Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО)
26 октября 2013 г.	Сирия	О бойкоте запланированной мирной конференции «Женева-2» объявили 22 вооруженные группировки исламистов, которые сотрудничают со Свободной сирийской армией (ССА)
12 ноября 2013 г.	Сирия	Сирийские курды объявили о создании переходной автономной администрации в административном центре Камышлы. Этот временный орган власти должен управлять тремя освобожденными от боевиков регионами, населенными курдами, на севере и северо-востоке страны
15 ноября 2013 г.	Сирия	Исполнительный совет ОЗХО утвердил детальный план уничтожения сирийских химических арсеналов
22 ноября 2013 г.	Сирия	Шесть исламистских военизированных группировок Сирии объединились в единую боевую структуру под названием «Исламский фронт». В него вошли отряды «Ахрар аш-Шам ал-Исламийя», «Бригады Таухид», «Армии Ислама», «Сукур аш-Шам», «Лива ал-Хак» и «Ансар аш-Шам». Финансирование и вооружение этой боевой структуры взяла на себя Саудовская Аравия. Боевики из «Исламского фронта» вступили в борьбу как с правительственными войсками, так и с подразделениями Сирийской свободной армии

Дата	Страна	Событие
24 ноября 2013 г.	Иран	Подписание в Женеве предварительного соглашения по иранской ядерной программе
27 ноября 2013 г.	Йемен	Движение «Ал-Хирак» полностью вышло из Всеобщего национального диалога
7 декабря 2013 г.	Сирия	Боевики «Исламского фронта» захватили штаб-квартиру и военные склады Сирийской свободной армии в Идлибе, глава высшего военного совета ССА Салим Идрис бежал в Турцию. К этому времени численность ССА составляла от 20 тыс. до 40 тыс. человек
11 декабря 2013 г.	Сирия	Вооруженные экстремисты из группировок «Джабхат ан-Нусра» и «Исламский фронт» захватили промышленный город Адра в 40 км от Дамаска и учинили там расправу над семьями друзов и алавитов
30 декабря 2013 г.	Сирия	В ходе боевых действий сирийские войска освободили из плена 5 тыс. жителей г. Адра
2014 год		
Январь 2014 г.	Сирия	Начало противостояния между сирийской оппозицией и «Исламским государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ). НКОРС объявила «Исламское государство» террористической группировкой и своим врагом номер два после сирийского режима
7 января 2014 г.	Сирия	Первая партия химического оружия вывезена из Сирии
22 января 2014 г.	Сирия	В швейцарском городе Монтрё началась международная конференция по сирийскому урегулированию. Ее участниками стали представители правительства и оппозиции этой арабской страны, а также международные посредники
25 января 2014 г.	Сирия	Состоялась первая с момента начала мирного процесса встреча делегаций сирийского правительства и оппозиции

Дата	Страна	Событие
	Йемен	Срок полномочий Мансура Хади был продлен на один год
26 января 2014 г.	Тунис	Учредительное собрание Туниса с поддержкой в один год утверждает проект новой конституции
27 января 2014 г.	Сирия	В городах Забадани и Мадае заключены первые соглашения о локальном перемирии между правительственными силами и отрядами боевиков
29 января 2014 г.	Сирия	НКОРС заявила о прогрессе на межсирийских переговорах в Женеве в связи с началом разговора о создании переходного правительства
	Тунис	Новым премьер-министром страны назначен Махди Джумаа. Исламисты отказываются от власти, чтобы подготовиться к парламентским и президентским выборам
30 января 2014 г.	Сирия	Первый заместитель МИД Сирии Фейсал Макдад заявил, что официальный Дамаск разочарован первым этапом диалога в рамках «Женевы-2». Тем не менее дипломат подтвердил, что правительственная делегация приедет на очередной раунд переговоров
2 февраля 2014 г.	Йемен	Под контроль хуситов перешел г. Аль-Хамра
4 февраля 2014 г.	Сирия	Лидер НКОРС Ахмед ал-Джарба встретился в Москве с главой МИД РФ Сергеем Лавровым. По итогам этих консультаций российский министр заявил, что Москва рассматривает участие НКОРС в межсирийских переговорах как выбор в пользу мирного урегулирования конфликта
6 февраля 2014 г.	Йемен	Новые столкновения между хуситами и силами, лояльными Мансуру Хади, в районе Архаб, к северо-востоку от Саны
7 февраля 2014 г.	Ливия	Истечение мандата Всеобщего национального конгресса

Дата	Страна	Событие
8 февраля 2014 г.	Ливия	В г. Дерна убит генеральный прокурор Абд ал-Азиз ал-Хасади
10–15 февраля 2014 г.	Сирия	Прошел второй раунд межсирийских переговоров в рамках «Женевы-2». По итогам переговоров было заключено перемирие, позволившее доставить продовольствие и медикаменты жителям осажденного в течение двух лет г. Хомса
14 февраля 2014 г.	Ливия	Командующий сухопутными силами Халифа Хафтар объявляет о контроле с его стороны над большинством государственных учреждений страны
15 февраля 2014 г.	Ливия	Начало выборов в Учредительное собрание
22 февраля 2014 г.	Сирия	СБ ООН единогласно принял резолюцию № 2139, которая требует от сирийских властей открыть границы для налаживания прямых поставок гуманитарной помощи в пострадавшие районы страны
24 февраля 2014 г.	Египет	Правительство Хасема ал-Баблауи уходит в отставку
1 марта 2014 г.	Египет	Сформирован новый кабинет министров во главе с Ибрахимом Махлябом
8 марта 2014 г.	Йемен	Мансур Хади отправил в отставку министра внутренних дел и руководителя Бюро национальной безопасности
11 марта 2014 г.	Ливия	Председатель правительства Али Зейдан отправлен в отставку. Временным исполняющим обязанности премьер-министра становится министр обороны Абдалла Абд ар-Рахман ат-Тани
13 марта 2014 г.	Сирия	Депутаты Народного совета утвердили проект закона «О президентских выборах» на альтернативной основе
18 марта 2014 г.	Сирия	Вашингтон потребовал от Дамаска незамедлительно приостановить работу сирийских диппредставительств на территории Соединенных Штатов

Дата	Страна	Событие
25 марта 2014 г.	Сирия	На саммите ЛАГ в Дубае Египет, Ирак и Алжир выступили против передачи места Сирии в ЛАГ главе НКОРС Ахмеду ал-Джарбе
27 марта 2014 г.	Египет	Абд ал-Фаттах ас-Сиси объявляет о своем уходе с поста министра обороны и председателя Высшего совета Вооруженных сил и намерении баллотироваться на пост президента страны
28 апреля 2014 г.	Сирия	Президент Башар ал-Асад выдвинул свою кандидатуру для участия в выборах президента
5 мая 2014 г.	Сирия	Высший конституционный суд допустил к участию в выборах трех кандидатов из 24 подавших документы
7 мая 2014 г.	Сирия	Официально началась предвыборная президентская кампания. В тот же день вступила в силу договоренность о прекращении огня в г. Хомс, вывозе боевиков из этого населенного пункта и обмене пленными
8 мая 2014 г.	Ливия	Убийство директора ливийской разведки Ибрагима ас-Сенуси
18 мая 2014 г.	Ливия	Силы Халифа Хафтара начали штурм Всеобщего национального конгресса и объявили о приостановке его деятельности. В стране начинается новая полномасштабная гражданская война
29 мая 2014 г.	Сирия	Евросоюз продлил режим экономических санкций в отношении Сирии до 1 июня 2015 г. Ограничительные меры включают эмбарго на экспорт нефти, а также запрет для стран ЕС на инвестиционные, финансовые и транспортные операции
31 мая 2014 г.	Сирия	В отставку ушел специальный посланник ООН и ЛАГ по Сирии Лахдар Брахими
25 июня 2014 г.	Ливия	Выборы в Палату представителей Ливии

Дата	Страна	Событие
3 июня 2014 г.	Ливия	Новое правительство во главе с Ахмедом Матиком объявило о начале исполнения своих обязанностей
Июнь 2014 г.	Сирия	На первых альтернативных президентских выборах, которые прошли на территориях, освобожденных правительственной армией от боевиков, победу одержал действующий президент Башар ал-Асад, набравший 88,7 % голосов избирателей. Аналитики предоставили доказательства масштабных фальсификаций при проведении выборов
4 июня 2014 г.	Египет	В первом туре президентских выборов побеждает экс-министр обороны Абд ал-Фаттах ас-Сиси (96,9 %)
9 июня 2014 г.	Ливия	Конституционный суд Ливии признал незаконным кабинет Ахмеда Матика. Легитимным премьер-министром был признан Абдалла ат-Тани
20 июня 2014 г.	Сирия	Генсек ООН Пан Ги Мун предложил план урегулирования конфликта в Сирии
23 июня 2014 г.	Сирия	Из Сирии вывезена последняя партия компонентов химического оружия. Совет ЕС внес еще 12 министров правительства Сирии в черный список
27 июня 2014 г.	Сирия	НКОРС распустила военный совет ССА и начала расследование по факту его коррупционной деятельности
9 июля 2014 г.	Сирия	Спецпосланником генсека ООН по Сирии был назначен Стаффан де Мистура. НКОРС избрала новый состав руководства. Его руководителем стал Хади ал-Бахра
	Йемен	Под контроль хуситов перешла провинция Амран
16 июля 2014 г.	Сирия	Президент Сирии Башар ал-Асад принес присягу в качестве главы государства на третий семилетний срок

Дата	Страна	Событие
17 июля 2014 г.	Сирия	Боевики «Исламского государства» (ИГ) установили контроль над восточной провинцией Дейр аз-Зур, граничащей с Ираком. На севере страны ИГ атаковало курдский район Кобани на границе с Турцией
28 июля 2014 г.	Сирия	СБ ООН по инициативе РФ принял заявление о недопустимости покупки нефти у террористических организаций, действующих на территории Сирии и Ирака
4 августа 2014 г.	Ливия	Первое заседание Палаты представителей в Тобруке
5 августа 2014 г.	Ливия	Агилла Салах Исса избран председателем Палаты представителей Ливии
Август 2014 г.	Сирия	ИГ установила контроль над 35 % территории Сирии
13 августа 2014 г.	Ливия	Палата представителей Ливии призвала международное сообщество к интервенции для защиты гражданского населения в результате ухудшения ситуации в Триполи и Бенгази
15 августа 2014 г.	Сирия	СБ ООН единогласно принял резолюцию № 2170, предусматривающую введение санкций против шести лиц, связанных с деятельностью ИГ и «Джабхат ан-Нусра»
18 августа 2014 г.	Йемен	В Санае начались многотысячные демонстрации, спровоцированные ростом цен на топливо, с требованиями отставки правительства
19 августа 2014 г.	Сирия	США заявили, что процесс утилизации задекларированного Сирией арсенала химического оружия завершен
20 августа 2014 г.	Йемен	Мансур Хади предложил хуситам сформировать правительство национального единства и примирения. Хуситы отклонили данное предложение

Дата	Страна	Событие
25 августа 2014 г.	Ливия	Бывшие члены Всеобщего национально-го конгресса объявляют о назначении Омара ал-Хисси председателем Правительства национального спасения
26 августа 2014 г.	Сирия	Президент США Барак Обама разрешил американским спецслужбам осуществлять разведывательные полеты над Сирией
28 августа 2014 г.	Сирия	В Дамаске был обнародован состав правительства. Ваиль Надер ал-Хальки сохранил за собой пост премьер-министра. Боевики «Джабхат ан-Нусра» задержали группу из 45 миротворцев ООН на Голанских высотах
5 сентября 2014 г.	Сирия	На саммите НАТО президент США Барак Обама представил план по созданию международной коалиции против боевиков ИГ
15 сентября 2014 г.	Сирия	Миротворцы ООН были выведены с сирийской части Голанских высот в связи с наступлением вооруженных группировок на их позиции
	Йемен	Хуситы приостановили переговоры с руководством страны
17 сентября 2014 г.	Сирия	Боевики «Джабхат ан-Нусра» оккупировали практически всю демилитаризованную зону с сирийской стороны Голанских высот после вывода оттуда миротворцев ООН
19 сентября 2014 г.	Сирия	Турция начала принимать сирийских беженцев из зон боев с ИГ, за сутки около 70 тыс. сирийцев перешли границу. Премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу отдал распоряжения силам безопасности принимать всех нуждающихся в укрытии граждан Сирии

Дата	Страна	Событие
20 сентября 2014 г.	Сирия	Президент США Барак Обама подписал принятый ранее Конгрессом США закон, позволяющий американским военным в целях борьбы с ИГ вести подготовку и снабжать бойцов умеренной сирийской оппозиции, в том числе ССА
	Йемен	Между хуситами и руководством страны было подписано соглашение о примирении
23 сентября 2014 г.	Сирия	ВВС стран международной коалиции во главе с США нанесли первые авиаудары по позициям исламистов из группировок ИГ и «Джабхат ан-Нусра» в Сирии. Союзниками США в проведении этой операции стали Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Бахрейн и Катар
26 сентября 2014 г.	Йемен	«Пятница победы»: хуситы полностью взяли под контроль столицу
11 октября 2014 г.	Ливия	Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун посещает Ливию и призывает к прекращению боевых действий
20 октября 2014 г.	Сирия	ЕС внес еще 16 сирийских чиновников и бизнесменов, включая 11 министров, в черный список, запретив им въезд в Евросоюз и заморозив финансовые активы. Число физических лиц в черном списке ЕС для Сирии достигло 211 человек, также в него входят 63 компании
14 октября 2014 г.	Йемен	Худейда перешла под контроль хуситов
22 октября 2014 г.	Ливия	Правительство Абдаллы ат-Тани получает признание со стороны международного сообщества
6 ноября 2014 г.	Сирия	Постоянный представитель Сирии при ООН Башар Джаафари заявил, что боевики ИГ обстреляли город Кобани снарядами с химическим боезарядом
9 ноября 2014 г.	Йемен	Новым главой кабинета министров становится Халед Бахах

Дата	Страна	Событие
19 ноября 2014 г.	Сирия	ГА ООН приняла резолюцию, представленную Саудовской Аравией и возлагающую основную ответственность за совершаемые в Сирии грубые нарушения прав человека на Дамаск
27 ноября 2014 г.	ОПЕК	На заседании ОПЕК в Вене под давлением Саудовской Аравии принято решение отказаться от планов сокращения добычи нефти (через уменьшение квот), что приводит к ускорению падения цен на нефть
15 декабря 2014 г.	Сирия	Совет ЕС объявил, что введенные против Сирии санкции сохранятся в полном объеме до тех пор, пока в стране не прекратятся репрессии. ЕС также поддержал план Стаффана де Мистуры по созданию зон прекращения огня
17 декабря 2014 г.	Сирия	Официальный представитель Национального координационного комитета (НКК) Мунзир Хаддам заявил, что внутрисирийские оппозиционные фракции согласны вступить в запланированные на 26 января переговоры с правительственной делегацией в Москве «без предварительных условий»
28 декабря 2014 г.	Сирия	Ведущие группировки внутренней и внешней оппозиции – НКК и НКОРС – достигли взаимопонимания относительно основных пунктов «дорожной карты» по мирному выходу из кризиса
30 декабря 2014 г.	Ливия	Взрыв в здании ливийского парламента в Тобруке
2015 год		
20 января 2015 г.	Йемен	Хуситы захватили президентскую резиденцию в г. Сана
22 января 2015 г.	Йемен	Президент Йемена Абд Раббо Мансур Хади подал в отставку
23 января 2015 г.	Саудовская Аравия	Скончался король Саудовской Аравии Абдалла ас-Сауд, новым королем стал его брат Салман ибн Абд ал-Азиз ас-Сауд

Дата	Страна	Событие
2 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Японские власти в связи с убийством боевиками «Исламского государства» японского журналиста Кэндзи Гото начали кампанию по снятию запрета для страны на ведение боевых действий за границей
3 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Боевики «Исламского государства» сожгли пилота королевских ВВС Иордании Муза ал-Касасибу
5 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Десятки самолетов иорданских ВВС совершили удары по объектам группировки «Исламское государство» на территории Сирии и Ирака
6 февраля 2015 г.	Йемен	Хуситы захватили власть в стране и объявили о роспуске парламента. Исполнять обязанности президента Йемена стал Мухаммед Али ал-Хуси
11 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Президент США Барак Обама обратился к конгрессу с просьбой дать официальную санкцию на использование военной силы против группировки «Исламское государство»
15 февраля 2015 г.	Ливия	Боевики ячейки «Исламского государства» в Ливии казнили 21 египетского копта
16 февраля 2015 г.	Ливия	Военно-воздушные силы Египта нанесли авиаудары по позициям «Исламского государства» на территории Ливии
19 февраля 2015 г.	Ливия	Египетские войска вошли на территорию Ливии и начали наступление на город Дерна, ранее захваченный ливийской ячейкой ИГИЛ
21 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Боевики «Исламского государства» взорвали расположенную на территории Ирака мечеть Ал-Фарук, построенную в VII в.
23 февраля 2015 г.	ИГИЛ	Боевики «Исламского государства» взорвали центральную библиотеку иракского города Мосул

Дата	Страна	Событие
9 марта 2015 г.	Ливия	Боевики «Исламского государства Ирака и Леванта» заявили о захвате 9 иностранных рабочих-нефтяников в ходе налета на нефтяное месторождение Аль-Гани в Ливии
14 марта 2015 г.	ИГИЛ	Иракская армия отбила у «Исламского государства» город Тикрит
16 марта 2015 г.	Египет	Лидер «Братьев-мусульман» Мухаммед ал-Бадиа приговорен к смертной казни
20 марта 2015 г.	Йемен	В Санае террористы-смертники взорвали две мечети. Количество погибших составило по меньшей мере 137 человек, раненых – 357. Ответственность за взрывы взяло на себя ИГИЛ
Март 2015 г.	Йемен	Хуситы и подразделения йеменской армии, лояльные Али Салеху, начали наступление на юг страны
Март 2015 г.	Йемен	Хуситы и подразделения йеменской армии, лояльные Али Салеху, захватили г. Аден. Мансур Хади бежал из страны
26 марта 2015 г.	Йемен	Коалиция стран во главе с Саудовской Аравией начала военную операцию «Буря решимости» против Йеменской Республики
21 апреля 2015 г.	Египет	Уголовный суд Каира приговорил бывшего президента Египта Мухаммеда Мурси и еще 12 лидеров «Братьев-мусульман» к 20 годам тюрьмы строгого режима
	Йемен	Саудовская Аравия объявила о завершении операции «Буря решимости» и начале операции «Возрождение надежды»
29 апреля 2015 г.	Саудовская Аравия	Король Саудовской Аравии Салман ибн Абд ал-Азиз ас-Сауд принял решение освободить от должности кронпринца своего младшего брата Мукрина бен Абд ал-Азиз ас-Сауда, вместо него кронпринцем назначен Мухаммед бен Наиф ас-Сауд

Дата	Страна	Событие
9 мая 2015 г.	Египет	Каирский суд приговорил бывшего президента Египта Хосни Мубарака и двух его сыновей Алаа и Гамала к трем годам тюрьмы усиленного режима за преступления, связанные с коррупцией. Через несколько дней Хосни Мубарак был освобожден из-под стражи, ему было зачтено время, проведенное в следственном изоляторе
16 мая 2015 г.	Египет	Египетский суд приговаривает насильственно смещенного военными 3 июля 2013 г. президента Египта и еще 16 лидеров «Братьев-мусульман» к смертной казни
17 мая 2015 г.	ИГИЛ	Боевики террористической организации «Исламское государство» полностью захватили иракский город Эр-Рамади, фактически установив контроль над всей провинцией Анбар
21 мая 2015 г.	ИГИЛ	Боевики группировки «Исламское государство», ведущие боевые действия против сирийской армии, установили полный контроль над древним городом Пальмирой
8 июня 2015 г.	Египет	Египет исключил ХАМАС из списка террористических организаций
14 июня 2015 г.	Йемен	В Женеве стартовали переговоры по урегулированию ситуации в Йемене
24 июня 2015 г.	ИГИЛ	«Исламское государство» запустило в обращение собственную валюту на подконтрольных территориях – исламский динар
12 июля 2015 г.	Ливия	Боевики «Исламского государства» захватывают город Ал-Вушка. В марокканском курортном городке Схирате часть противоборствующих сторон ливийской гражданской войны подписывают предварительное соглашение о перемирии. Однако его отказываются подписать делегаты происламистского Всеобщего национального конгресса

Дата	Страна	Событие
14 июля 2015 г.	Иран	Подписание в Вене окончательного соглашения по иранской ядерной программе между Ираном и группой из шести держав (пять постоянных членов Совбеза ООН + Германия) (т. н. «Совместный комплексный план действий»)
	Йемен	Войска саудовской коалиции отбили у хуситов Аденский международный аэропорт
22 июля 2015 г.	Йемен	Войска саудовской коалиции окончательно вытеснили хуситов из Адена
24 июля 2015 г.	Турция – Ирак	Турция объявляет о начале бомбардировок баз Рабочей партии Курдистана на территории Северного Ирака
25 июля 2015 г.	Сирия	ИГИЛ атакует город Ал-Хасака на северо-востоке Сирии
3 августа 2015 г.	Йемен	Войска саудовской коалиции захватили военно-воздушную базу Ал-Анад к северу от Адена
5 августа 2015 г.	Сирия	ИГИЛ захватывает город Ал-Карйатейн в Сирии
	Йемен	Возобновление боев за Таиз
26 августа 2015 г.	Ирак	Курдские отряды предпринимают успешное наступление против ИГИЛ в провинции Киркук
29 августа 2015 г.	ИГИЛ – Турция	Первые удары турецкой авиации по целям ИГИЛ в рамках действий западной коалиции
30 августа 2015 г.	Сирия	Бои между ИГИЛ и повстанческими группировками «Джейш ал-Ислам» и «Аджнад аш-Шам» к югу от Дамаска
4 сентября 2015 г.	Йемен	Выпущенная под Марибом (северо-восток Йемена) хуситами ракета попадает в склад боеприпасов войск саудовской коалиции, что приводит к гибели 52 эмиратских, 10 саудовских и 5 бахрейнских военнослужащих. В ОАЭ объявляется официальный траур
6 сентября 2015 г.	Сирия	Антиправительственные выступления среди друзов в городе Суейда
12 сентября 2015 г.	Египет	Уход в отставку правительства Ибрагима Махляба

Дата	Страна	Событие
13 сентября 2015 г.	Йемен	Войска саудовской коалиции начали наступление южнее Мариба
17 сентября 2015 г.	Сирия	Сирийская авиация наносит авиаудары по фактической столице ИГИЛ – городу Ракка
19 сентября 2015 г.	Ливия	Командующий Вооруженными силами Ливии Халифа Хафтар объявляет о начале операции «Ал-Хатф» («Гибель») против вооруженных радикальных группировок (включая сторонников «Исламского государства» в Ливии)
	Египет	Новым премьер-министром Египта становится Шериф Исмаил
22 сентября 2015 г.	Сирия	Наступление сирийской армии под городом Хама
24 сентября 2015 г.	Йемен – ИГИЛ	Йеменский филиал ИГИЛ берет на себя ответственность за теракт в мечети г. Сана, унесший жизни 29 человек
25 сентября 2015 г.	Сирия	Курдские «отряды народной самообороны» отбивают у ИГИЛ город Джарабулос к северу от Халеба
30 сентября 2015 г.	Россия, Сирия	Российская Федерация по просьбе правительства Сирии начинает бомбардировки сил ИГ и других радикальных группировок
7 октября 2015 г.	Сирия	Сирийская армия переходит в наступление, не принесшее вплоть до последней декады ноября 2015 г. заметных результатов
31 октября 2015 г.	Россия, Египет	Российский самолет А321, летевший из Шарм-эш-Шейха в Санкт-Петербург, рухнул на севере Синайского полуострова. Погибли 224 человека. 17 ноября было официально объявлено, что причиной катастрофы стал теракт, ответственность за который взяла на себя группа, связанная с ИГИЛ
13 ноября 2015 г.	Франция	Серия террористических актов в Париже, ответственность за которые взяли на себя сторонники «Исламского государства»

Библиография

- Адо А. В. 1977.** Зарождение и становление социологической и исторической мысли Нового времени (XVI–XVIII вв.). *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* / Ред. И. С. Галкин, с. 12–39. М.: МГК.
- Акаев А. А. 2015.** *От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики.* М.: URSS.
- Акаева Б. А., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. (Ред.). 2013.** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы.* М.: Ленанд/URSS.
- Арон Р. 1993.** *Демократия и тоталитаризм.* М.: Текст.
- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.: Территория будущего.
- Арриги Дж. 2009.** *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век.* М.: Ин-т общественного проектирования.
- Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Д., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. 2014.** *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии.* М.: Ин-т научно-общественной экспертизы – РАНХиГС при Президенте РФ – Рабочая группа «Семейная политика и детство» Экспертного совета при Правительстве РФ.
- Бакс К. 1986.** *Богатства земных недр.* М.: Прогресс.
- Баланш Ф. 2014.** Почему Западу остается только восстанавливать связи с Асадом. *ИноСМИ* 31 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20140831/222705375.html#ixzz3gGwUWjY6>.
- Баранчик Ю. 2013.** Итоги «арабской весны»: у США отсутствует стратегия на Ближнем Востоке. *Око планеты.* URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/207478-itogi-arabskoy-vesny-u-ssha-otsutstvuet-strategiya-na-blizhnem-vostoke.html>.
- Берг И. С. 2010а.** «Арабская весна» в бахрейнском формате: мнения экспертов и немецких СМИ. М.: Ин-т Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

- Берг И. С. 2011а.** Европейская цена «арабской весны»: оценки экспертов. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/28-06-11.htm>.
- Берг И. С. 2011б.** *Первые плоды «арабской весны»: мнения экспертов.* М.: Ин-т Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/03-06-11.htm>.
- Бердяев Н. А. 1928.** Русская религиозная мысль и революция. *Версты* 3: 40–62.
- Бердяев Н. А. 1990.** *Философия неравенства.* М.: ИМА-ПРЕСС.
- Бреммер И. 2015.** Чего мы ждем от США? ("El Pais", Испания). URL: <http://inosmi.ru/world/20150616/228614822.html>.
- Боровикова Е. 2012.** Сирия: взгляд изнутри. *Наука и технологии РФ* 11 января. URL: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=44590.
- Бубнова Н., Салем П. 2011.** Арабский мир готовится к большим переменам. *Военно-промышленный курьер* 1 июня. URL: <http://vprk-news.ru/articles/7713>.
- Бьюкенен П. Дж. 2007.** *Смерть Запада.* М.: АСТ.
- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* СПб.
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Васильев А. М., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014.** Военные вновь у власти? Выборы в Египте. *Азия и Африка сегодня* 10(687): 2–7.
- Васильев А. М., Виницкий Д. И. 2013.** Египетская конституция: исламское «да» светскому «нет». *Азия и Африка сегодня* 3.
- Васильев А. М., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Следзевский И. В., Сухов Н. В., Малков С. Ю., Хаматшин А. Д. 2014.** Демографические предпосылки арабского кризиса и социально-демографические риски Тропической Африки. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев, с. 29–55. М.: Ленанд/URSS.
- Васильев В. 2012.** Сирия: дезертиры и пытки. *Голос Америки* 3 июля. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/syria/1360778.html>.
- Вишневский А. Г. 1976.** *Демографическая революция.* М.: Статистика.
- Вишневский А. Г. 2005.** *Избранные демографические труды.* Т. 1. *Демографическая теория и демографическая история.* М.: Наука.
- Вишневский А. Г. 2006. (Ред.).** *Демографическая модернизация России, 1900–2000.* М.: Новое изд-во.

- Влиятельные йеменские племена перешли на сторону оппозиции 2011.** *Lenta.Ru*, 26.02.2011. URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/26/yemen/>.
- Володин А. И. (Ред.). 1982.** *Утопический социализм*: Хрестоматия. М.: Политиздат.
- Воробьев В. П. 1978.** *Политическая и государственная система Народно-Демократической Республики Йемен*. М.: Наука.
- Гавлин М. Л., Казакова Л. А. 1980.** *Современные буржуазные теории социальной революции*. М.
- Галустян А., Кузьменкова О. 2011.** Retweet-революция. *The New Times* 6. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/34815/>.
- Гарднер Ф. 2011.** «Арабская весна»: настоящее и будущее. *BBC. Русская служба*. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110711_arab_spring_gardner_analysis.shtml.
- Гафуров С. 2014.** Катар объявлен изгоем в Персидском заливе. *Правда* 5 марта. URL: <http://www.pravda.ru/world/asia/middleeast/05-03-2014/1197406-katar-0/>.
- Гидденс Э. 1999.** *Социология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Глик К. 2015.** Обама доказал, что Израиль не может на него рассчитывать. *Maariv* 15 February. URL: <http://inosmi.ru/world/20150219/226361050.html>.
- Голдстоун Д. А. 2015.** *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гоним В. 2012.** *Революция 2.0*. СПб.: Лениздат.
- Грей Д. 2008.** Величие Америки рухнуло и расколосось на куски. *ИноСМИ* 1 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html>.
- Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2013.** Кибернетическая революция и грядущие технологические трансформации (развитие ведущих технологий в свете теории производственных революций). *Эволюция Земли, жизни, общества, разума* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротяев, А. В. Марков, с. 98–166. Волгоград: Учитель.
- Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015.** Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество* 1: 17–47.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. Гл. 2. *Философия и общество* 2: 5–89.
- Гринин Л. Е. 1999.** Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.

- Гринин Л. Е. 2005.** Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2006.** Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2007б.** Что происходит с суверенитетом в век глобализации? *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Международные отношения» 1(8): 22–27.
- Гринин Л. Е. 2007в.** Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008а.** Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- Гринин Л. Е. 2008б.** Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания). *Полис* 1: 123–133.
- Гринин Л. Е. 2008в.** Национальный суверенитет в век глобализации. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова, с. 104–128. М.: МГИМО-Университет.
- Гринин Л. Е. 2008г.** О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.
- Гринин Л. Е. 2008д.** Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах. *Человек и природа: «Вызов и ответ»* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 56–88. М.: ИАЦ-Энергия.
- Гринин Л. Е. 2009а.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2009б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010а.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–356. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е. 2010б.** Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 198–224. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010в.** Модернизационные ловушки как часть процесса трансформации сверхсложных аграрных обществ в индустриальные. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36 (материалы 12-й конференции АИК. Октябрь 2010), с. 85–96. М.: Изд-во МГУ.
- Гринин Л. Е. 2010д.** Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюглярских циклов. *История и математика: Анализ и моделирование глобальной динамики* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 44–111. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010г.** Личность в истории: эволюция взглядов. *История и современность* 2: 3–44.
- Гринин Л. Е. 2010е.** Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 8. Век Просвещения (XVIII век). Лекция 9. Первая половина века. *Философия и общество* 4: 145–197.
- Гринин Л. Е. 2010ж.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011а.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков), с. 337–356. М.: Красанд/URSS.
- Гринин Л. Е. 2011б.** Ждут ли мир глобальные перемены? *Вестник РАН* 81(4): 325–330.
- Гринин Л. Е. 2011в.** Личность в истории: современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.
- Гринин Л. Е. 2011г.** Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 2: 77–106.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е. 2012б.** Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2: 43–61.
- Гринин Л. Е. 2012в.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2012г.** *От Конфуция до Конта: становление теории, методологии и философии истории*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012д.** Глобализация и суверенитет. *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества): хрестоматия, ежегодное издание* / Ред. Л. Е. Гринин, И. В. Ильин, А. В. Коротаев, с. 516–542. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2012е.** Вербальная модель кондратьевских волн и циклическая динамика в 2010–2020-е годы. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 125–154. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2012ж.** Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы: ежегодник* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 222–262. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2012з.** Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013в.** Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций. *Кондратьевские волны: Палитра взглядов: ежегодник* / Отв. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 31–83. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2013д.** Технологический аспект социальной эволюции. *Эволюция Земли, жизни, общества, разума* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 98–166. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2013е.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.

- Гринин Л. Е. 2014а.** Глобальный экономико-политический баланс в XXI веке: смена вектора. *Философия и общество* 1: 31–54.
- Гринин Л. Е. 2014б.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 98–127. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2014в.** Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 5–37.
- Гринин Л. Е. 2014г.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Куда движется век глобализации?* / Ред. А. Н. Чумаков, Л. Е. Гринин, с. 95–119. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2015а.** Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине. *Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі: матеріали IV міжнар. наук.-практ. Конф. М. Київ, 3–4 червня 2015 р.* / Сост. Г. Дерлугьян, А. А. Мельниченко, П. В. Кутуев, А. О. Мігалуш, с. 34–35. Київ: Талком.
- Гринин Л. Е. 2015б.** Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 3–17.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014.** Шестая кондратьевская волна и кибернетическая революция. *IX Международная Кондратьевская конференция «Новая модель экономического роста: теоретические конструкции и реальная политика». Доклады и тезисы участников конференции.* Электронное издание / Ред. В. М. Бондаренко. М.: МОСИПНН Н. Д. Кондратьева.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015.** Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009б.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010а.** *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010б.** Модель экономического и демографического развития Мир-Системы Арцруни – Комлоса и теория производственных революций. *История и Математика: Анализ и моделирование глобальной динамики* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 143–185. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012а.** О некоторых сходствах в методах и объекте исследования в истории и макроэволюции. *Вестник КИГИТ* 6: 064–087.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012б.** Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. *Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Демократия и революция. *История и современность* 2(18):15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014а.** Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014б.** Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни». *Век глобализации* 2(14): 14–31.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014в.** Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни». *История и математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 229–253. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015а.** Дефляция как болезнь современных развитых стран. *Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели* / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 241–270. М.: Московская редакция издательства «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015б.** Глобальное старение населения и глобальная финансовая система. *История и математика* 10 (в печати).
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015в.** Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: Наследие и современность* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, 107–132. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «африканской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 4–10.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008.** Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010а.** История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010б. (Ред.).** *О причинах Русской революции.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010в.** Русские революции в столетней ретроспективе. Введение. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 5–24. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009.** Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринуэй Х. Д. С. 2008.** Иллюзорность американского могущества. *ИноСМИ* 22 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081022/244810.html>.
- Далин В. М. 1981.** *Историки Франции XIX–XX веков.* М.: Наука.
- Деде О. 2012.** Убивают повстанцы – обвиняют Асада. *Yeni Mesaj* 30 August. URL: <http://www.yenimesaj.com.tr/?artikel,12002799/isyancilar-katle-diyor-sucu-esad-a-atiyor/orhan-dede>.
- Демин А. К., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2009.** *Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. Доклад Общественной Палаты Российской Федерации.* М.: Общественная Палата Российской Федерации.
- Джа С. 2011.** Саудовская Аравия и Иран: суннитско-шиитская холодная война. URL: http://irannews.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=73502.
- Джефферсон Т. 1990.** *Автобиография. Заметки о штате Виргиния.* Л.: Наука.

- Добров Д. 2014.** ИГИЛ превращается в «халифат». *ИноСМИ* 1 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20140901/222732152.html>.
- Долгов Б. 2012.** «Арабская весна»: итоги и перспективы. *Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы*. URL: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm.
- Долгов Б. В. 2014.** Развитие «арабской весны» и радикальный исламизм. *Арабский кризис и его международные последствия* / Общ. ред. А. М. Васильев, отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛИБРОКОМ/УРСС.
- Драбкин Я. С. 1968.** Революция. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 11. *Пергам – Ренувен* / Ред. Е. М. Жуков, с. 926–933. М.: Советская энциклопедия.
- Жуков Е. 2013.** «Большая восьмерка» не может сойтись во взглядах на Сирию. *Deutsche Welle* 18 июня. URL: <http://www.dw.com/ru/большая-восьмерка-не-может-сойтись-во-взглядах-на-сирию/a-16888344>.
- Закария Ф. 2009.** *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа.
- Зинькина Ю. В. 2010.** Тенденции политико-демографической динамики и перспективы сохранения политической стабильности в странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки с точки зрения структурно-демографической теории. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 141–283. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2010.** К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, с. 65–80. М.: РГГУ.
- Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2012.** Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-демографического развития Африки южнее Сахары. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 38: 77–79.
- Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013.** Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 1: 105–118.
- Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013а.** Моделирование влияния распространения среднего образования на сценарии социально-демографической динамики Танзании. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 40: 70–74.

- Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013б.** Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 1: 105–118.
- Знаменский О. Н. 1976.** *Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения.* Л.: Наука.
- Игнатенко А. А. 2011.** Закат политического ислама. URL: <http://i-g-p.ru/page/stream-event/index-27203.html>.
- Исюмов А. 2011.** Фельдмаршал и змеи. Йеменская оппозиция празднует изгнание из страны президента Салеха. *Коммерсантъ Власть* 23(927) 16 июня.
- Иноземцев В. Л. 2008.** «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 3–15.
- Исаев Л. М. 2012а.** Племенная революция по-йеменски. *Неприкосновенный запас* 4: 178–187.
- Исаев Л. М. 2012б.** Сирийский тупик – арабская весна закончилась. *Неприкосновенный запас* 2: 233–241.
- Исаев Л. М. 2013а.** Рецепты «алжирской весны». *Неприкосновенный запас* 1: 204–212.
- Исаев Л. М. 2013б.** Исламисты в политическом процессе Тунисской Республики после «Арабской весны». *Вестник Одесского Национального университета* 18(2).
- Исаев Л. М. 2014а.** Исламисты и политический процесс в Египте после «арабской весны». *Арабский кризис и его международные последствия* / Общ. ред. А. М. Васильев, отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛИБРОКОМ/УРСС.
- Исаев Л. М. 2014б.** Генералы ушли, генералы вернулись: египетской революции три года. *Неприкосновенный запас* 1: 123–132.
- Исаев Л. М. 2015.** «Исламское государство»: очередная версия. *Неприкосновенный запас* 1: 250–260.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2013.** Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа (или несколько наблюдений над динамикой египетских биржевых индексов). *Полит.ру* 20 сентября. URL: <http://polit.ru/article/2013/09/20/egypt/>.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014а.** Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.

- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014б.** Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 9: 5–13.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** Неизвестная йеменская революция и международный конфликт. *Мировая экономика и международные отношения* 4: 57–73.
- Исаев Л. М., Ожерельева М. В. 2014.** «Арабская осень»? *Неприкосновенный запас* 3: 29–38.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012а.** *Египетская смута XXI века*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012б.** Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Соблазненные революцией. *Полития* 2: 21–33.
- «Исламское государство»** призналось в нападении в Тунисе. **2015.** *BBC Русская служба*. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150319_tunis_bardo_museum_is.
- Истифта Миср.** Официальный сайт референдума в АРЕ, 2012. URL: <http://referendum2011.elections.eg>. [дата обращения: 15.05.2014].
- Йылдызоглу Э. 2014.** Когда рухнет порядок на Ближнем Востоке. *Cumhuriyet* 24 November. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/148465/Ortadogu_Duzeni_Cokerken....html.
- Камински М. 2011.** «Арабская весна» все еще жива. *Inopressa* 26 августа. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26jul2011/wsj/arab2.html>.
- Капхен Ч. 2004.** *Закат Америки. Уже скоро*. М.: АСТ, Люкс.
- Каутский К. 1931.** *Материалистическое понимание истории*. Т. 2. *Государство и развитие человечества*. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Каутский К. 1959 [1909].** *Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию)*. М.: Госполитиздат.
- Кахана А. 2015.** *Обама предал Израиль в угоду Ирану*. URL: <http://inosmi.ru/world/20150401/227240526.html>.
- Кей Д. 2011.** *История Индии*. М: АСТ: Астрель.
- Кеннеди П. 2009.** Конец американской эпохи? (“The Times”, Великобритания). *Новости Украины. События в мире*. URL: <http://noviny.su/smi-00000249.html>.
- Клинтон:** Россия и Китай должны объясниться перед народом Сирии. **2011.** *Грани.Ru* 6 октября. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/m.192047.html>.

- Ключевые командиры ИГИЛ. 2015.** *Afkar News* 18 мая. URL: <http://www.afkarnews.ir/vdcgun9twak9qy4.rpra.html>.
- Клэр М. 2015.** Галлюцинации в Вашингтоне. Отчаянное положение угасающей сверхдержавы // ПолиСМИ. URL: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1149-gallyutsinatsii-v-vashingtone.html>
- Ковалев А. М. 1969.** *Социальная революция*. М.: Высшая школа.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.: Экономика.
- Коротаев А. В. 1995а.** Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. *Социологический журнал* 4: 68–86.
- Коротаев А. В. 1995б.** Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток* 3: 18–26.
- Коротаев А. В. 1996а.** Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена. *Восток* 6: 18–28.
- Коротаев А. В. 1996б.** От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние 2 тысячи лет. *Этнографическое обозрение* 2: 81–91.
- Коротаев А. В. 1997.** *Сабейские этюды*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006а.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006б.** Периодизация истории Мир-Системы и математические макромоделли социально-исторических процессов. *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 116–167. М.: УРСС.
- Коротаев А. В. 2006в.** *Социальная история Йемена*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В. 2008а.** К разработке системы мониторинга стратегических рисков и угроз в странах Африки: социально-демографические риски. *Развитие Африки: возможности и препятствия* / Ред. А. М. Васильев, с. 93–94. М.: Институт Африки РАН.
- Коротаев А. В. 2008б.** Компактные математические модели долгосрочного развития Мир-Системы. *Уральский исторический вестник* 3: 15–24.
- Коротаев А. В. 2010.** Компактные математические модели развития Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 70–92. М.: ЛКИ/URSS.

- Коротаев А. В. 2011.** Модели аграрных социально-демографических циклов. *Проблемы экономической истории: теория и практика* / Ред. В. В. Запарий. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 177–194.
- Коротаев А. В. 2012а.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко, с. 1483–1489. М.: РСО.
- Коротаев А. В. 2012б.** Новые записки с Тахира. *Полит.ру* 29 декабря. URL: <http://polit.ru/article/2012/12/29/tahrir/>.
- Коротаев А. В. 2013.** Таксим: взгляд с Тахира. *Полит.ру* 29 июня. URL: <http://polit.ru/article/2013/06/29/revolutions/>.
- Коротаев А. В. 2014.** О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 56–74.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010.** Некоторые общие тенденции экономического развития Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 161–172. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2012.** Сценарии демографического будущего России. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 436–461. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Бондаренко Д. М. 2001.** Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование. *Алгебра родства* 7: 173–186.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы: ежегодник* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 58–109. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011а.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Ака-

- ев, А. В. Коротаяев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 357–379. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаяев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011б.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаяев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаяев А. В., Гринин Л. Е., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010.** Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Ред. А. В. Коротаяев, Ю. В. Зинькина, с. 159–226. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2010а.** К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, с. 65–80. М.: РГГУ.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2010б.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 6: 101–102.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2012а.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев, с. 28–40. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. 2012б.** Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-

- демографического развития Африки южнее Сахары. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 38: 77–79.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2013.** Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня* 4: 28–35.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2014.** О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, С. 243–263. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Божевольнов Ю. В. 2014.** Математическое моделирование демографического будущего стран БРИК. Россия. *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС. Предварительные результаты* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 189–207. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. (Ред.).** *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* М.: УРСС.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014а.** Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014б.** О «демографическом дивиденде» как факторе ускоренных темпов роста среднеразвитых стран. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 264–273. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014в.** Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 9.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014г.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев, с. 206–227. М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2015а.** Йемен: неизвестная революция и международный конфликт. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 71–81.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2015б.** Политическая география современного Египта. *Политические исследования* 2: 117–136.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2015в.** Революционная волна 2013–2014 гг.: количественный анализ. Или – что общего между президентом Мурси и президентом Януковичем? *Соціальні та політичні конфігурації мо-*

- дерну: політична влада в Україні та світі* / Укладачі: Г. Дерлуг'ян, А. А. Мельниченко, П. В. Кутуев, А. О. Мігалуш, с. 30–33. Київ: Талком.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред).** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после Арабской весны.* М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А. 2010.** К системному анализу глобальной динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания* / Отв. ред. И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин, Т. Л. Шестова, с. 228–242. М.: МАКС Пресс.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны).* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и математика* 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2005.** Алкоголизм, наркомания и демографический кризис в России и мире. *Россия и современный мир* 1(46): 77–90.

- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2006а.** Российский демографический крест в сравнительном аспекте. *Общественные науки и современность* 3: 105–118.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2006б.** Русский водочный крест. *Эксперт* 17: 72–78.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2010.** Инвестиции в базовое образование как мера по предотвращению социально-демографических катастроф в развивающихся странах. *Системный мониторинг. Глобальные и региональные риски* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 301–314. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 45–88. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–386. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., А. С. Ходунов, А. Н. Бурова, С. Ю. Малков, Д. А. Халтурина, Ю. В. Зинькина. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 28–76. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коэн С. 2015.** Почему Ирак не может справиться с ИГИЛ? *Milliyet* 20 May. URL: <http://www.milliyet.com.tr/irak-isis-ile-neden-bas-edemiyor/dunya/ydetay/2061540/default.htm>.

- Красин Ю. А. 1975.** *Революцией уstraшенные*. М.: Политиздат.
- Кронин О. 2015.** ИГИЛ – не группа террористов. *Россия в глобальной политике* 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL-ne-gruppa-terroris-tov-17447>.
- Кругман П. 2013.** *Когда экономическая осмотрительность становится безрассудством*. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-05-27/5_wariness.html.
- Куделев В. В. 2011.** Ситуация в Египте: сентябрь 2011 г. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/10-10-11a.htm>.
- Кудрин А. 2009.** Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 9–10.
- Кульпин Э. С. 1990.** *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.
- Лавров Н. М. (отв. ред.) 1991.** *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века*. М.: Наука.
- Лаиди З. 2009.** Обама не нужен многополярный мир. *ИноСМИ*. URL: <http://inosmi.ru/world/20091119/156571194.html>.
- Ле Бон Г. 1908.** *Психология социализма*. СПб.
- Лебон Г. 1995.** *Психология социализма*. СПб.: Макет.
- Ленин В. И. 1969а [1917].** Государство и революция. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат.
- Ленин В. И. 1969б [1917].** О двоевластии. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917, с. 145–148. М.: Политиздат.
- Лорд А. 2015.** Зачем Обама проводит антиизраильскую политику на Ближнем Востоке? ("NRG", Израиль). *Inosmi.ru* 8.10.2015. URL: <http://inosmi.ru/world/20151008/230679481.htm>.
- Люксембург Р. 1991.** *О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма*. М.: Изд-во полит. лит.-ры.
- Люлько Л. 2013а.** Автономия курдов – изящный ход Асада? *Pravda.ru* 13 ноября. URL: www.pravda.ru/world/asia/middleeast/13-11-2013/1182052-asad-0/.
- Люлько Л. 2013б.** Как Асад переманил на свою сторону курдов. *Pravda.ru* 30 сентября. URL: www.pravda.ru/world/asia/middleeast/30-09-2013/1176275-asad-0/.
- Мабли Г. 1950.** *Избранные произведения*. М.; Л.
- Малков С. Ю. 2002.** Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.

- Малков С. Ю. 2003.** Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен* / Ред. И. Л. Жеребцов. Т. 2. С. 190–214. М.: МГВП КОКС.
- Малков С. Ю. 2004.** Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социально-политической и экономической динамики* / Ред. М. Г. Дмитриев, с. 76–188. М.: РГСУ.
- Малков С. Ю. 2009.** *Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 234–248. М.: ЛКИ/URSS.
- Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010.** Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 277–286. М.: ЛКИ/URSS.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Политические исследования* 4: 137–162.
- Малков С. Ю., Малков А. С. 2000.** История в свете математического моделирования. *История за и против истории* / Ред. Ю. М. Осипов, И. В. Бестужев-Лада, Е. С. Зотова, Г. Р. Наумова. Кн. 2, с. 54–76. М.: Центр общественных наук.
- Малков С. Ю., Селунская Н. Б., Сергеев А. В. 2005.** Социально-экономические и демографические процессы в аграрном обществе как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 70–87. М.: КомКнига/URSS.
- Мальтус Т. 1993 [1798].** Опыт о законе народонаселения. *Шедевры мировой экономической мысли.* Т. 4. Петрозаводск: Петроком.
- Мамед-заде П. Н. 2005.** *Демографическая проблема в Египте.* М.: Ин-т Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-08-05.htm>.
- Мандевиль Л. 2015.** Майкл Хайден: «Ирака больше нет, как и Сирии». *InoСМИ.* URL: <http://inosmi.ru/world/20150708/228991558.htm>.

- Марков А. В., Коротаев А. В. 2007.** Динамика разнообразия фанерозойских морских животных соответствует модели гиперболического роста. *Журнал общей биологии* 68(1): 3–18.
- Марков А. В., Коротаев А. В. 2008.** Гиперболический рост разнообразия морской и континентальной биот фанерозоя. *Журнал общей биологии* 3: 175–194.
- Марков А. В., Коротаев А. В. 2009.** *Гиперболический рост в живой природе и обществе*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Маркс К. 1955.** Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа». В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1957а.** Буржуазия и революция. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1957б.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1959.** К критике политической экономии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1960.** Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 17. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маца В. 2013.** «Арабская весна» принесла женщинам поражение. *ИноСМИ* 12 ноября. URL: <http://www.inopressa.ru/article/12Nov2013/coggiere/arab.html>.
- Мельянцеv В. А. 2009.** *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000 гг.) М.: Ключ-С.
- Мельянцеv В. А. 2013.** *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. М.: Ключ-С.
- Мельянцеv В. А. 2015.** *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. М.: Ключ-С.
- МИД РФ:** Россия не допустит введения бесполетной зоны над Сирией. 2013. *РИА Новости* 17 июня. URL: http://ria.ru/arab_riot/20130617/943871358.html#ixzz2WTcRyp4d.
- Милл С. 2008.** Грузия – могила однополярного мира Америки. Вызывающее поведение России на Кавказе покончило с миропорядком Буша-старшего – вполне своевременно (“The Guardian”, Великобритания). *ИноСМИ*. URL: <http://inosmi.ru/world/20080828/243620.html>.

- Министр** обороны Йемена пообещал не допустить свержения президента. **2011.** *Новые Известия* 21 марта. URL: <http://www.newizv.ru/lenta/142392/>.
- Мир после кризиса.** Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. 2009. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа.
- Мирский Г. И. 2011.** Смерч от океана до залива. *Независимая газета* 27 апреля. URL: http://www.ng.ru/scenario/2011-04-27/14_smerch.html.
- Многополярный мир.** Новорожденный многополярный мир беспорядочен, почти анархичен. **2009.** *ИноСМИ*. URL: <http://inosmi.ru/world/20080925/244240.html>.
- Мугрузин А. С. 1986.** Роль природных и демографических факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства). *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 11–44. М.: Наука.
- Мугрузин А. С. 1994.** *Аграрно-крестьянская проблема в Китае*. М.: Наука.
- Многополярный мир.** Новорожденный многополярный мир беспорядочен, почти анархичен. **2009.** *ИноСМИ* 25 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20080925/244240.html>.
- Мухаммед С. 2011.** Революции и раскол в исламе. URL: <http://navoine.ru/articles/1376>.
- Набитовский С. 2011.** Уроки и отголоски арабской весны. URL: <http://village.mylivepage.ru/blog/1072/36430/Уроки%20и%20отголоски%20%20арабской%20весны>.
- Назаретян А. П. 2005.** Универсальная история и синдром Предкризисного человека. *История и синергетика: методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 141–166. М.: КомКнига/URSS.
- Назарчук А. В. 2006.** Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе. *Новая и новейшая история* 4: 79–90.
- Непомнящий А. 2015.** Обама против Израиля: ошибка президента или злой умысел? *ИноСМИ*. URL: <http://inosmi.ru/world/20150403/227280958.html>.
- Неру Дж. 1977.** *Взгляд на всемирную историю*: в 3 т. М.: Прогресс.
- Нефедов С. А. 1999.** *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет.

- Нефедов С. А. 2000.** О законах истории и математических моделях. *Известия Уральского государственного университета* 15: 15–23.
- Нефедов С. А. 2001.** Метод демографических циклов. *Уральский исторический вестник* 7: 93–107.
- Нефедов С. А. 2002.** Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.
- Нефедов С. А. 2003.** Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса.* М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2010.** О причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 25–60. М.: ЛКИ/URSS.
- Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007.** Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 153–167. М.: КомКнига/URSS.
- Обзор прессы.** Сирийский узел: экзамен для России, Ирана, Турции. **2015.** *InoPressa* URL: http://www.inopressa.ru/article/30Jun2015/inotheme/syria_obzor_30.html.
- Ожерельева М. В. 2014.** Шииты получили еще одну страну. *Коммерсант* 223 9 декабря.
- Ормеджи О. 2014.** Что такое ИГИЛ и чего она хочет? *Newtimes.az* 12 сентября. URL: <http://newtimes.az/az/politics/3004#.VBbZRRbP45Q>.
- Падение Америки** создает опасные возможности для ее врагов. **2008.** *InoСМИ* 10 июля. URL: <http://inosmi.ru/world/20081007/244481.html>.
- Политические системы** современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 1. Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. ред. А. В. Торкунов; науч. редактор А. Ю. Мельвиль; отв. редактор М. Г. Миронюк. М.: Московские учебники и Картолитография, 2009.
- Полтерович В. М., Попов В. В. 2007.** Демократизация и экономический рост. *Общественные науки и современность* 2: 13–27.

- Поляков Л. В. 1997.** Методология исследования российской модернизации. *Политические исследования* 3.
- Прозоровский А. С. 2009.** *Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века.* М.: ИМЭМО РАН.
- Раинери Д. 2014.** Не понимаете политику Обамы в Сирии? Это нормально. *ИноСМИ* 28 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20140828/222648593.html>.
- Раинко С. 1979.** *Марксизм и его критики.* М.: Прогресс.
- Рахман Г. 2011.** Это 1989 год – только мы в роли русских. *Голос России.* URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/04/05/48486854.html>.
- РБК. 2015.** Турция нанесла очередные авиаудары по позициям ИГИЛ в Сирии. *РБК* 25 июля. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55b2ae469a794770d7ae768f>.
- Родье А. 2015.** Что будет, если Асад лишится власти? *ИноСМИ* 30 апреля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150430/227791383.html>
- Рубцов Б. Б. 2011.** Глобальные финансовые рынки: масштабы, структура, регулирование. *Век глобализации* 2: 73–74.
- Рябов П. П. 2011.** Йемен: провал попытки создания оппозиционного Национального совета. *Институт Ближнего Востока.* URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/01-09-11.htm>.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики.* М.: Наука.
- Сапронова М. А. 2003.** *Государственный строй и конституции арабских республик.* М.: АСТ, Восток-Запад.
- Сапрыкин Ю. М. 1975.** *Политическое учение Гаррингтона.* М.: Изд-во МГУ.
- Сарджентини М. Р. 2013.** Напряженность в Тунисе чрезвычайно возросла после убийства светского лидера. *InoPressa* 26 июля. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26Jul2013/corriere/brahmi.html>.
- Селезнев М. А. 1971.** *Социальная революция.* М.: Изд-во МГУ.
- Селезнев М. А. 1982.** *Марксистско-ленинская теория социальной революции.* М.: Мысль.
- Семенов Ю. И., Гобозов И. А., Гринин Л. Е. 2007.** *Философия истории: проблемы и перспективы.* М.: КомКнига.
- Сен-Симон А. 1948.** *Избранные сочинения.* Т. I–II. М.; Л.

- Серебров С. Н. 2014.** Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма юга. *Оценки и идеи: Бюллетень ИВ РАН* 1(5).
- Сирийский узел: экзамен для России, Ирана, Турции. 2015.** *InoPressa* 30 июня. URL: http://www.inopressa.ru/article/30Jun2015/inotheme/syria_obzor_30.html.
- Сирук М. 2012.** Бои в Дамаске. *День 29 августа*. URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/234024>.
- События в Египте – начало заката исламистов как политической силы. 2013.** *Vlasti.net* 5 июля. URL: <http://vlasti.net/news/169609>.
- Сологубовский Н. А. 2015.** *Арабские хроники*. Кн. 4. *Триполитанская трагедия*. М.: Ключ-С.
- Сорокин П. А. 1992а.** О так называемых факторах социальной эволюции. В: Сорокин П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*, с. 521–531. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Сорокин П. А. 1992б.** Социология революции. В: Сорокин П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*, с. 266–294. М.: Политиздат.
- Сорокин П. А. 1994.** Голод и идеология общества. В: Сорокин П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*, с. 367–395. М.: Наука.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус, 2004.
- Стогов Н. 2015.** Осень «Арабской весны». *Союзное вече*. Газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России 22(613). URL: <http://www.souzveche.ru/articles/politics/25062/>.
- Строкань С. 2015.** «Исламское государство» добралось до Парижа. Международная коалиция не нашла средства против исламистов. *Коммерсантъ* 96 3 июня.
- Сулакшин С. С. (Ред.) 2012.** *Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение*. М.: Научный эксперт.
- Султангалиева А. 2014.** Несбывшиеся надежды «арабской весны»: три года спустя. URL: <http://iwer.kz/ru/stati-imep/2014-02-24/nesbyvshiesyanadezhdy-arabskoj-vesny-tri-goda-spustya>.
- Супонина Е. 2011.** Революционеры Египта не решили, нравится ли им будущий президент. *РИА Новости*. URL: <http://ria.ru/analytics/20110518/376332179.html>.

- Сурначева Е., Артемьев А. 2011.** БРИКС избегает насилия. На китайском острове Хайнань завершился первый саммит БРИКС. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/13_a_3583621.shtml.
- Сухарев Ю. Н., Федосеев А. А. 1984.** Гл. 12. Материалистическая диалектика: в 5 т. Т. 4. *Диалектика общественного развития* / Ред. Ф. В. Константинов, В. Г. Марахов. М.: Мысль.
- Тинберген Я. 1980.** *Пересмотр международного порядка*. М.: Прогресс.
- Тодд Э. 2004.** *После империи. Pax Americana – Начало конца*. М.: Международные отношения.
- Тойнби А. Дж. 1991.** *Постижение истории*. М.: Прогресс.
- Токвиль А. де. 1993 [1835].** *Демократия в Америке*. М.: Прогресс.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция*. М.: Моск. филос. фонд.
- Тол Гёнюль 2015.** *Взгляд на Ближний Восток и Америку из Дохи*. URL: <http://inosmi.ru/world/20150605/228411614.html>.
- Томас Дж. 2015.** Следующая Империя. *ПолиСМИ* 4 марта. URL: <http://polismi.ru/politika/kontury-novogo-mira/1032-sleduyushchaya-imperiya>.
- Томас Л. В. 1960.** *История Латинской Америки*. М.: Ин. лит-ра.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ, Terra Fantastica.
- Троцкий Л. Д. 2005.** *Перманентная революция: сб.* М.: Аст.
- Труевцев К. М. 2011.** *Год 2011 – новая демократическая волна?* М.: Изд. дом ВШЭ.
- Труевцев К. М. 2013.** Ирак после диктатуры: десять трудных лет. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред. Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, А. В. Коротаев, с. 107–137. М.: Ленанд.
- Труевцев К. М. 2014а.** «Арабская весна»: что после? *Арабский кризис и его международные последствия* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев, с. 170–182. М.: УРСС.
- Труевцев К. М. 2014б.** Сирийский урок. *Неприкосновенный запас* 1: 132–143.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/УРСС.
- Уайт Дж. 2015.** Уайт: хаос на Ближнем Востоке и Украине доказывает упадок империи США. *РИА Новости*. URL: <http://ria.ru/world/20150613/1069861959.html#ixzz3cz1xzyjU>.
- Уинстенли Д. 1950.** *Избранные памфлеты*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

- Уитни М. 2015а.** Еще один идиотский план навредить России. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1110-eshchjo-odin-idiotskij-plan-navredit-rossii.html>.
- Уитни М. 2015б.** Почему Обама хочет снять санкции с Ирана. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1117-pochemu-obama-khochet-snyat-sanktsii-s-irana.html>.
- Уодис Д. 1975.** «Новые» теории революции. М.: Прогресс.
- Фадеев Н. 2013.** На Тахрире ждут 7 миллионов противников Мурси. *Утро.ru* 30 июня. URL: <http://pda.utro.ru/articles/2013/06/30/1128247.shtml>.
- ФОМ (Фонд «Общественное мнение»). 2011а.** Динамика цен. Доминанты. *Поле мнений* 29: 15–20. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dc11.pdf>.
- ФОМ (Фонд «Общественное мнение»). 2011б.** Уровень протестных настроений. Доминанты. *Поле мнений* 30: 11–13. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d30yupn11.pdf>.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Фримэн Ч. 2015.** Кризис американской дипломатии («The American Conservative», США. *Геополитика* 20 июня. URL: <http://geo-politica.info/krisis-amerikanskoj-diplomatii-the-american-conservative-ssha.html>.
- Фурман Д. Е. 2010.** *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем*. М.: Весь мир.
- Хайден М. 2015.** Ирака больше нет, как и Сирии. *ИноСМИ* 8 июля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150708/228991558.html>.
- Халаф Р. 2011.** Восемь уроков Арабской весны. *Голос России* 1 августа. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/08/01/53998820.html>.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2005.** Алкоголизация и наркотизация как важнейшие факторы демографического кризиса в России. *Население и общество* 227: 228–244.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006а.** Алкоголь и наркотики как важнейшие факторы демографического кризиса в России. *Наркология* 8: 41–57.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006б.** Алкоголь и наркотики как фактор демографического кризиса. *Социологические исследования* 7: 104–112.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006в.** Алкоголизация и наркотизация как важнейшие факторы демографического кризиса в России. *Вопросы социального обеспечения* 23: 5–16.

- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006г.** Демографическое давление и политические потрясения в современной Тропической Африке. *Восток* 6: 52–70.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006д.** *Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России*. М.: УРСС.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2008а.** Алкогольная катастрофа. Как остановить вымирание России? *Алкогольная катастрофа: Алкогольная катастрофа и потенциал алкогольной политики в снижении алкогольной сверхсмертности в России* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: УРСС.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2008б.** Введение. Алкогольная катастрофа. Как остановить вымирание России? *Алкогольная катастрофа: Алкогольная катастрофа и потенциал алкогольной политики в снижении алкогольной сверхсмертности в России* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 28–29. М.: ЛКИ/УРСС.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 11–188. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Хантингтон С. 2003.** *Третья волна. Демократизации в конце XX века*. М.: РОССПЭН.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хашчиньский Е. 2015.** Тунис – обманутая надежда Запада. *InoСМИ*. URL: <http://inosmi.ru/world/20150319/226972863.html>.
- Хёртлер Дж. 2015.** *Принятие сценария власти*. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blichnij-vostok/1136-prinyatie-stsenariya-vlasti.html>.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 463–507. М.: УРСС.
- Хэрланд Х. Н. 2014.** США злоупотребляют силой на Ближнем Востоке. (“Aftenposten”, Норвегия). *InoСМИ* 3 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20141003/223404889.html>.
- Центральна виборча комісія України, 2010.** URL: http://www.cvk.gov.ua/vp_2010/.

- Центральна виборча комісія України**, 2012. URL: http://www.cvk.gov.ua/vnd_2012/.
- Цирель С. В. 2012а.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 128–161. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Цирель С. В. 2012б.** Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 162–173. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Цирель С. В. 2014.** К истокам украинских революционных событий 2013–2014 гг. URL: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>.
- Цирель С. В. 2015.** К истокам украинских революционных событий 2013–2014 гг. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 6 (в печати).
- Чернов В. 2006.** Революция и порядок. *Наше мнение* 3.
- Швицер И. 2015.** ИГИЛ протянул щупальца в Африку. *Israel Hayom* 2 August. URL: <http://www.israelhayom.co.il/opinion/302857>.
- Швицер Й., Шауль С. 2015.** ИГИЛ намеревается захватить Аравийский полуостров. *Israel Hayom* 1 Juni. URL: <http://www.israelhayom.co.il/opinion/286307>.
- Шишкина А. Р. 2012.** Сирия: секреты стойкости режима. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, с. 323–353 М.: Ленанд.
- Штомпка П. 1996.** *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.
- Шумпетер Й. 1995.** *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Эксперт Online 2011.** Заседание в экстренном режиме. *Эксперт Online*, 01.08.2011. URL: <http://expert.ru/2011/08/1/zasedanie-v-ekstrennom-rezhime>.
- Эмре А. 2015.** *Мигранты – новые варвары Рима*. URL: <http://inosmi.ru/europe/20150417/227576728.html>.
- Энгельс Ф. 1957.** Революция и контрреволюция в Германии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Энгельс Ф. 1961.** Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

- Эсенбаев А. Э. 2009.** «Революция тюльпанов» в Кыргызстане и особенности трансформации политической системы: попытка осмысления. *Власть* 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-tyulpanov-v-kyrgyzstane-i-osobennosti-transformatsii-politicheskoy-sistemy-popytka-osmysleniya>
- Эскобар П. 2015.** *Настоящая история об Иране, США, России и Китае*. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1037-nastoyashchaya-isto-riya-ob-irane-ssha-rossii-i-kitae.html>.
- Юм Д. 1965.** *Соч.* Т. 1. М.: Мысль.
- Яковина И. 2013.** Три года весна. К чему пришли арабские страны, пережившие революции. *Lenta.ru* 27 апреля. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/12/27/revolts/>.
- Якуби Имен 2015.** Уроки Туниса: терроризм – это раковая опухоль. *ИноСМИ* 29 июня. <http://inosmi.ru/africa/20150629/228836901.html>.
- Ярон Д. 2011.** Шиитский полумесяц станет круглым. *Germania-online.ru*. URL: <http://www.germania-online.ru/publikacii/ip/ip-detail/datum/2011/04/04/shiitskii-polumesjac-stanet-kruglym.html>.
- Abd al-Rahman S. F. (Ed.). 2010.** Našrat Sūq al-`amal al-miṣrīyy. Našrah rub` sanawīyyah. I III-2010. al-Qāhirah: Wizārat al-qiwā al-`āmilah wa-l-hijrah.
- Abdel Kouddous S. 2013.** What Happened to Egypt's Liberals After the Coup? *The Nation* September. URL: <http://www.thenation.com/article/176445/what-happened-egypts-liberals-after-coup#>.
- Abdulla R. A. 2007.** *The Internet in the Arab world: Egypt and beyond*. New York, NY: Peter Lang.
- Adams B. 1913.** *The Theory of Social Revolutions*. New York, NY: Macmillan.
- Al-Alawi I., Schwartz S. 2013.** Saudi Arabia Moves Against Muslim Brotherhood Amid Increased Pressure for Reform. *The Weekly Standard* 9 October. URL: http://www.weeklystandard.com/blogs/saudi-arabia-moves-against-muslim-brotherhood-amid-increased-pressure-reform_762334.html.
- Al-jihaz al-markaziyy. 2010.** *Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al-`ammah wa-l-ihsa`*. *Baḥth al-qiwa al-`amilah li-l-rub` al-thalith (yulyu/aghustus/sibtimbir)*. al-Qahirah: Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al-`amah wa-l-ihsa`. Retrieved on the 15th of February. 2011. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>.
- Al Qallab S. 2014.** La Qada ala «Daish» qabla iskat nizam al-Asad. *Asharq Al Awsat* 18 September. URL: <http://aawsat.com/home/article/183746>.

- Al-Rasheed M. 2013.** Saudi Arabia Pleased with Morsi's Fall. *Al-Monitor*. No. 7. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/07/saudi-arabia-glad-to-see-morsi-go.html#>.
- Amman P. 1962.** Revolution: A Redefinition. *Political Science Quarterly* 77: 36–53.
- Amsden A. H. 2004.** *The Rise of 'the rest'. Challenges to the West from late-industrializing economies*. New York, NY: Oxford University Press.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*. L.-N.Y.
- Arrighi G. 2007.** *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41/3–4: 21–39.
- Aslund A., McFaul M. (Eds.). 2006.** *Revolution in Orange*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Attali J. 1991.** *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York, NY: Times Books.
- Aya R. 1979.** Theories of Revolution Reconsidered. *Theory and Society* 8(1): 39–99.
- Baer R. 2013.** Why Saudi Arabia is Helping Crush the Muslim Brotherhood. *New Republic* 26 August. URL: <http://www.newrepublic.com/article/114468/why-saudi-arabia-helping-crush-muslim-brotherhood>.
- Bahran M. 2010.** A Yemeni Political Ménage à Trios. *Yemen Observer* 18 August.
- Balanche F. 2012.** La Libye, Une Menace Pour l'Europe. *Atlantico* 13 July. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/libye-menace-pour-europe-fabrice-balanche-1960042.html>.
- Balanche F. 2013.** Et Si Assad Etait en Fait en Train de Gagner en Syrie? *Atlantico* 10 Jenuare. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/et-assad-etait-en-fait-en-train-gagner-en-syrie-fabrice-balanche-601019.html>.
- Bangkok Metropolitan Administration. 2013.** URL: <http://www.bangkok.go.th/election56/>.
- Barfield T. 1989.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge: Blackwell.
- Batatu, H. 1999.** *Syria's Peasantry, the Descendants of Its Lesser Rural Notables, and Their Politics*. Princeton University Press.

- BBC. 2011.** *Libya Protests: Evacuation of Foreigners Continues.* *BBC News – Middle East* 25.02. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12552374>.
- Bearman P. S. 1993.** *Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England 1540–1640.* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Behind Russia's Syria Stance. 2013.** *The National Interest* 19 July. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/behind-russias-syria-stance-8623>.
- Benkorich N. 2013.** La Responsabilité du Massacre de la Ghouta ne Peut Pas être Imputée Aux Djihadistes. *Le Monde* 30 August. URL: http://mobile.lemonde.fr/idees/article/2013/08/29/la-responsabilite-du-massacre-de-la-houta-ne-peut-pas-etre-imputee-aux-djihadistes_3468422_3232.html.
- Bin Salam M. 2008.** Al-Soofi to the Yemen Times: "I Still Believe that the GPC Will Rule for the Next 50 Years. *The Yemen Times* 26 November.
- Bonnefoy L. 2014.** Yemen's New Player. *Le Monde Diplomatique* 10 November. URL: <http://mondediplo.com/2014/11/10yemen>.
- Brinton C. 1949.** *English Political Thought in the Nineteenth Century.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brinton C. 1965 [1938].** *Anatomy of Revolution.* New York: Harper & Row.
- Buchanan P. J. 2002.** *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization.* New York: St. Martin's Griffin.
- Bullock A., Stallybras O. 1977.** *The Fontana Dictionary of Modern Thought.* London: Fontana/Collins.
- Bunce V. J., Wolchik S. L. 2011.** *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Caldwell J. C., Caldwell B. K., Caldwell P., McDonald P. F., Schindlmyr T. 2006.** *Demographic transition theory.* Dordrecht: Springer.
- CAPMAS. 2010.** Al-jihāz al-markazīyy li-l-ta`bī`ah al-`āmmah wa-l-iḥṣā`. Baḥth al-qiwā al-`āmilah li-l-rub` al-thālith (yūlyu/aḡūṣṭuṣ/sibtambir). al-Qāhirah: Al-jihāz al-markazīyy li-l-ta`bī`ah al-`āmmah wa-l-iḥṣā`. Retrieved 15th of February, 2011. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>.
- Centralna izborna komisija Bosne i Hercegovine. 2010.** URL: <http://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/SkupstineKantone/Nivo.aspx>.

- Chase-Dunn Ch., Manning S. 2002.** City Systems and World-Systems: Four Millennia of City Growth and Decline. *Cross-Cultural Research* 36(4): 379–398.
- Chesnais J. C. 1992.** *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Chirot D. (Ed.). 1991.** *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press.
- Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994.** Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.
- Chumley C. K. 2013.** Muslim Brotherhood: We're 'willing to die' for Morsi. *The Washington Times* 19 July. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jul/19/muslim-brotherhood-were-willing-die-morsi/>.
- CIA = Central Intelligence Agency. 2011.** *The World Factbook. Country Comparison: Unemployment Rate*. Washington, DC: CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.
- Colson C., Eckerd J. 1991.** *Why America doesn't work?* Dallas: Word Pub Group.
- Consejo National Electoral. 2013.** URL: http://www.cne.gob.ve/resultado_presidencial_2013/r/1/reg_010100.html.
- Daou M. 2012.** How Saudi Petrodollars fuel rise of Salafism. *France24* 29 September. URL: <http://www.france24.com/en/20120929-how-saudi-arabia-petrodollars-finance-salafist-winter-islamism-wahhabism-egypt/>.
- Davies J. C. 1962.** Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.
- Davies J. C. 1969.** Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin, pp. 85–108. New York: Free Press.
- Day S. 2012.** *Regionalism and Rebellion in Yemen. A Troubled National Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
- DeFronzo J. 1996.** *Revolutions and Revolutionary Movements*. Boulder, CO: Westview.
- Diamond L. 1999.** *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Diamond L., Linz J., Lipset S. M. (Eds.). 1995.** *Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy*. 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.

- Doan L. 2015.** U.S. Shale Oil Boom Grinds to a Halt as OPEC Keeps Pumping. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-06-08/america-shale-oil-boom-grinding-to-halt-as-u-s-forecasts-drop>.
- Dogan M., Higley J. 1998.** *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Boulder, CO: Rowman & Littlefield.
- Dyson T. 2010.** *Population and Development. The Demographic Transition*. London: Zed Books.
- Eckstein S. 1982.** The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America. *Theory and Society* 11: 43–94.
- Eckstein S. 1986.** The impact of the Cuban Revolution: a Comparative Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 28: 503–34.
- Edwards L. P. 1927.** *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Edwards L. P. 1965.** *The Natural History of Revolution*. 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Eisenstadt S. N. 1978a.** *European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in a Relation between Culture and Social Structure*. Oslo: Norwegian University Press.
- Eisenstadt S. N. 1978b.** *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.
- Elections 2011.** The Nation. URL: <http://www.nationmultimedia.com/home/special/election/> [дата обращения: 15.05.2014].
- Ellwood C. A. 1905.** A Psychological Theory of Revolutions. *American Journal of Sociology* 11: 49–59.
- Erlich R. 2011.** *In Syria, Kurds Split Over Support for Assad Regime*. Washington: Pulitzer Center on Crisis Reporting. URL: <http://pulitzercenter.org/reporting/syria-kurdish-groups-armed-forces-assad-controvers>.
- Essam El-Din G. 2011.** NDP's Battle of the Camel. *Al-Ahram Weekly*. No. 1039. 17–23 March.
- Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. 1998.** *State Failure Task Force Report: Phase II Findings*. McLean, VA: Sci. Appl. Int. Corp.
- Fairchild H. P. 1966.** *Dictionary of Sociology and Related Sciences*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011.** *FAOSTAT*. URL: <http://faostat.fao.org/>.

- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2015a.** *Monthly Real Food Price Indices*. URL: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/worldfood/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2015b.** *FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics*. URL: <http://faostat.fao.org/>.
- Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972.** Systematic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory. *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* / Ed. by I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr, pp. 136–183. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Feierabend I. K., Rosalind L. Feierabend, Nesvold B. 1969.** Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns. *Violence in America* / Ed. by H. D. Graham, T. R. Gurr, pp. 606–688. New York: Signet.
- Filali-Ansary A. 2012.** The Languages of the Arab Revolutions. *Journal of Democracy* 23(2): 5–18.
- Fisher H. H. 1955.** *The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Fisher M. 2013.** Poll: Turkish Prime Minister Erdogan Enjoys High Approval Ratings, Except in Istanbul. *The Washington Post* 6 December. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/06/12/poll-turkish-prime-minister-erdogan-still-enjoys-high-approval-ratings-except-in-istanbul>.
- Foran J. 1993.** Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation. *Sociological Theory* 11: 1–20.
- Foreign Policy. 2011.** Meet Syria's Opposition. *Foreign Policy* 2 November. URL: http://mideast.foreignpolicy.com/posts/2011/11/02/meet_syrias_opposition.
- Frank A. G. 1997.** Asia Comes Full Circle – with China as the ‘Middle Kingdom’. *Humboldt Journal of Social Relations* 76(2): 7–20.
- Frank A. G. 1998.** *ReOrient: Global economy in the Asian age*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Freedom House. Freedom in the World. 2013.** URL: <http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world#.U6iP4RYrZKM> [дата обращения: 15.05.2014].
- Friedman Y. 2010.** *The Nuṣayrī-ʿAlawīs: An Introduction to the Religion, History, and Identity of the Leading Minority in Syria*. Leiden: Brill.

- Fuller G. E. 2004.** *The Youth Crisis in Middle Eastern Society*. Clinton Township, MI: Institute for Social Policy and Understanding.
- Galor O., Weil D. N. 1999.** From Malthusian Stagnation to Modern Growth. *American Economic Review* 89(2): 150–154.
- Geschwender J. A. 1968.** Explorations in the Theory of Social Movements and Revolution. *Social Forces* 47: 127–135.
- Giddens A. 1989.** *Sociology*. Cambridge: Polity Press.
- Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012.** *National Intelligence Council*. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends.
- Goldstone J. 1980.** Theories of Revolutions: The Third Generation. *World Politics* 32: 425–453.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2001.** Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
- Goldstone J. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56/1: 3–21.
- Goldstone J. 2011a.** Cross-class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011. *Swiss Political Science Review* 17(4): 457–462.
- Goldstone J. 2011b.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90(3): 8–16.
- Goldstone J. 2014a.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct* February. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. 2014b.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr. A. 2003.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goldstone J. et al. (Eds.). 1991.** *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder, CO: Westview Press.
- Gould W. T. S. 2009.** *Population and Development*. London: Routledge.

- Grinin A. L., Grinin L. E. 2015a.** The Cybernetic Revolution and Historical Process. *Social Evolution & History* 14(1): 125–184.
- Grinin A. L., Grinin L. E. 2015b.** Cybernetic Revolution and Forthcoming Technological Transformations (The Development of the Leading Technologies in the Light of the Theory of Production Revolutions). *Evolution: From Big Bang to Nanorobots* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 251–330. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2004b.** Early State and Democracy. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 419–463. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2008.** Transformation of Sovereignty and Globalization. In *Hierarchy and Power in the History of Civilisations: Political Aspects of Modernity* (pp. 191–224). Moscow: LIBROCOM.
- Grinin L. E. 2009a.** The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.
- Grinin L. E. 2009b.** Globalization and the Transformation of National Sovereignty. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 47–53. Auckland: ISCE Publishing, Goodyear.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations Would the Global Crisis Lead To? *Age of Globalization 2*: 31–52.
- Grinin L. E. 2012a.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2012b.** New Foundations of International System or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? *Journal of Globalization Studies* 3(1): 3–38.
- Grinin L. 2012c.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.
- Grinin L. E. 2013a.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E. 2013b.** The Tiger and the Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. *Journal of Globalization Studies* 4(1): 5–31.
- Grinin L. E. 2014.** The Tiger and the Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. *Globalistics and Globalization Studies. As-*

- pects & Dimensions of Global Views* / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev, pp. 184–208. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions / *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2013.** Globalization and the World System Evolution. In Grinin, L. E., Korotayev A. V. (eds.), *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* (pp. 30–68). Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó, pp. 184–207. Budapest: Publi-sherhouse Aros-totelész.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014c.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *The Dialectics of Modernity - Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, pp. 119–140. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisherhouse Aros-totelész.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer.
- Gurr T. R. 1968.** A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices. *American Political Science Review* 62: 1104–1124.
- Gurr T. R. 1970.** *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.
- Gurr T. R. 1988.** War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 21: 45–65.
- Haass R. N. 2008.** The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*, May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>.

- Haggard S., Kaufman R. R. 1995.** *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hagopian M. 1974.** *The Phenomenon of Revolution*. New York: Dodd, Mead.
- Hall T., Chase-Dunn C., Niemeyer R. 2009.** The Roles of Central Asian Middlemen and Marcher States in Afroeurasian World-System Synchrony. *The Rise of Asia and the Transformation of the World-System* / Ed. by G. Trinchur. Boulder, CO: Paradigm Press.
- Hart M. 1971.** *The Dynamics of Revolution*. Stockholm: Rotobekman.
- Heinsohn G. 2003.** *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.
- Hirst D. 1977.** How High Life and Scandal Rocked Sadat. *MERIP Reports* 54: 19–20.
- Hough J. 1997.** *Democratization and Revolution in the USSR 1985–1991*. Washington, DC: Brookings Inst.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- IMF – International Monetary Fund 2013.** World Economic Outlook Database. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weo_selco.aspx?g=2001&sg=All+countries.
- Ischinger B., Jorgensen L. (Eds.). 2010.** *Higher Education in Egypt*. Paris; Washington, DC: OECD – World Bank.
- ISI Confirms That Jabhat Al-Nusra Is Its Extension in Syria, Declares 'Islamic State of Iraq And Al-Sham' As New Name of Merged Group. 2013.** *MEMRI* 8 April. URL: <http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/7119.htm>.
- Jego M. 2013.** Armes Chimiques en Syrie: la Russie Reste Muette. *Le Monde* 5 June. URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2013/06/05/armes-chimiques-en-syrie-la-russie-reste-muette_3424387_3214.html.
- Jenkins J. C. 1982.** Why do Peasants Rebel? Structural Arid Historical Theories of Modern Peasant Rebellions. *American Journal of Sociology* 88(3): 487–514.
- Jessop B. 1972.** *Social Order, Reform, and Revolution*. New York: Macmillan.
- Johnson Ch. 1968.** *Revolutionary Change*. London: University of London Press.
- Khaltourina D., Korotayev A. 2004.** Demographic and Political Trends in Tropical Africa: A Mathematical Model. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations* / Ed. by D. M. Bondarenko, pp. 71–72. Moscow: Institute for African Studies.

- Khaltourina D., Korotayev A. 2008.** Potential for Alcohol Policy to Decrease the Mortality Crisis in Russia. *Evaluation & the Health Professions* 31(3): 272–281.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Komlos J., Nefedov S. 2002.** A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.
- Korotayev A. V. 1993.** Sabaean Cultural-Political Area: Some General Trends of Evolution. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 23: 49–60.
- Korotayev A. V. 1994.** Middle Sabaic bn Z: Clan Group, or Head of Clan? *Journal of Semitic Studies* 39: 207–219.
- Korotayev A. V. 1996.** *Pre-Islamic Yemen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Korotayev A. 2003.** Christianity and Democracy: A Cross-Cultural Study (Afterthoughts). *World Cultures* 13(2): 195–212.
- Korotayev A. 2009.** Compact Mathematical Models of the World System Development and Their Applicability to the Development of Local Solutions in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 103–116. Litchfield Park, AZ: ISCE Publishing.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.
- Korotayev A., Bondarenko D. M. 2000.** Polygyny and Democracy: a Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34(2): 190–208.
- Korotayev A., Goldstone J. A., and Zinkina J. 2015.** Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.
- Korotayev A., de Munck V. 2013.** Advances in Development Reverse Inequality Trends. *Journal of Globalization Studies* 4(1): 105–124.
- Korotayev A., de Munck V. 2014.** Advances in Development Reverse Global Inequality Trends. *Globalistics and Globalization Studies* 3: 164–183.
- Korotayev A., Grinin L. 2006.** Urbanization and Political Development of the World System: A Comparative Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by

- P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2013.** Women in the Islamic Economy: a Cross-Cultural Perspective. *St Petersburg Annual of Asian and African Studies* 2: 105–116.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Female Labor Force Participation Rate, Islam, and Arab Culture in Cross-Cultural Perspective. *Cross-Cultural Research* 49(1): 3–19.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5).
- Korotayev A., Khaltourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends in Africa*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006a.** *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006b.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev, A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics* 4: 201–267.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011a.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011b.** Egyptian Revolution of 2011. *Middle East Studies Online Journal* 2(5): 57–95.
- Korotayev A., Zinkina J. 2014.** How to Optimize Fertility and Prevent Humanitarian Catastrophes in Tropical Africa. *African Studies in Russia* 6: 94–107.
- Korotayev A., Zinkina J. 2015.** East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 1–36.

- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011a.** Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011b.** Unconditional Convergence among Larger Economies. *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed. by D. Liu, pp. 70–107. Changchun: The Institute of International Studies; Jilin University.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2012.** Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Globalistics and Globalization Studies* 1: 246–280.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics* 2(2): 276–303.
- Kramnick I. 1972.** *Revolution: Definitions and Explanations, A Critique of Recent Scholarship*. New Haven.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Kupchan Ch. A. 2002.** *The End of the American Era*. New York, NY: Knopf.
- Lachmann R. 1997.** Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. *Theorizing Revolutions* / Ed. by J. Foran, pp. 73–101. London: Routledge.
- Lavizzari A. 2013.** The Arab Spring and the Funding of Salafism in the MENA Region. *International Security Observer* 22 May. URL: <http://securityobserver.org/the-arab-spring-and-the-funding-of-salafism-in-the-mena-region/>.
- LeBon G. 1913.** *The Psychology of Revolutions*. New York: Ernest Benn.
- Lederer E. 1936.** On Revolutions. *Social Research* 3: 1–18.
- Lejeune D. 1994.** *La France des débuts de la IIIe République, 1870–1896*. Paris: Armand Colin.
- Livi-Bacci M. 2012.** *A Concise History of World Population*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Lynch M. 2012.** *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York: Public Affairs.

- Malthus T. 1978 [1798].** *Population: The First Essay*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York, NY: Public Affairs.
- Marshall S., Stacher J. 2012.** Egypt's Generals and Transnational Capital. *Middle East Report* 262/42. URL: <http://www.merip.org/mer/mer262/egypts-generals-transnational-capital>.
- Mawry Y. 2014.** Yemen's Houthi rebels: What's next? *Middle East Eye* 5 December. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/cold-what-next-yemens-houthi-rebels-2077252470>.
- Mesquida C. G., Weiner N. I. 1999.** Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.
- Mitchell L. A. 2012.** *The Color Revolutions*. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.
- Morrison D. E. 1971.** Some Notes Towards a Theory on Relative Deprivation, Social Movements, and Social Change. *American Behavioral Scientist* 14: 675–690.
- Naiken L. 2002.** *FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment*. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: www.fao.org.
- Nasr W. 2012a.** Mais Qui Sont Reellement les Rebelles Syriens? *Atlantico* 25 July. URL: <http://inosmi.ru/world/20120726/195552162.html>.
- Nasr W. 2012b.** Syrie: Alep, Cette «Benghazi» Syrienne Dans Laquelle Se Joue l'Avenir de Bachar el-Assad. *Atlantico* 13 July. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/syrie-alep-cette-benghazi-syrienne-dans-laquelle-se-joue-avenir-bachar-el-assad-wassim-nasr-434880.html>.
- Nasr V. R. 2013.** Islamic Comrades No More. *The New York Times* 28 October. URL: http://www.nytimes.com/2013/10/29/opinion/international/nasr-islamic-comrades-no-more.html?_r=0.
- Nef J. U. 1987.** Mining and metallurgy in medieval civilisation. *The Cambridge economic history of Europe*. Vol. II. *Trade and industry in the Middle Ages* / Ed. by M. M. Postan, E. Miller, pp. 693–762. Cambridge: Cambridge University Press.

- Nefedov S. A. 2004.** A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.
- Nelson R. R. 1956.** A Theory of the Low Level Equilibrium Trap in Underdeveloped Economies. *American Economic Review* 46: 894–908.
- Nepstad S. E. 2011.** Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review* 17(4): 485–491.
- Neumann S. 1949.** The International Civil War. *World Politics* 3: 333–334.
- New Libyan Government Recognizes Syrian Opposition Council. 2011.** *The Washington Post* 20 October. URL: http://www.washingtonpost.com/world/new-libyan-government-recognizes-syrian-opposition-council/2011/10/19/gIQAJ3kVyL_story.html.
- Nuriyeva S. 2013.** Kimyevi Saldırıya Rusya ve İran Tepkisi. *Star Yazarlar* 26 August. URL: <http://haber.star.com.tr/yazar/kimyevi-saldiriya-rusya-ve-iran-tepkisi/yazi-783838>.
- Paige J. M. 1975.** *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press.
- Parsa M. 2000.** *States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Pettee G. S. 1938.** *The Process of Revolution*. New York: Harper.
- Protesters Attack U.S. Embassy in Damascus. 2011.** *CBS News* 11 July. URL: http://www.cbsnews.com/2100-202_162-20078381.html.
- Reher D. S. 2011.** Economic and Social Implications of the Demographic Transition. *Population and Development Review* 37: 11–33.
- Reid T. 2008.** National Intelligence Council Report: Sun Setting on The American Century. *Common Dreams*. URL: <http://www.commondreams.org/news/2008/11/21/national-intelligence-council-report-sun-setting-american-century>.
- Rettman A. 2011.** France Recognises Syrian Council, Proposes Military Intervention. *EuObserver* 24 November. URL: <http://euobserver.com/defence/114380>.
- Roy D. A. 1992.** The Hidden Economy in Egypt. *Middle Eastern Studies* 28(4): 689–711.
- Schwartz D. C. 1972.** Political Alienation: The Psychology of Revolution's First Stage. *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* / Ed. by

- I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr, pp. 58–66. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Secker B., Russell R. 2012.** Assad Declares «State of War» as Regime's Grip on Syria Loosens. *The Washington Times* 26 June. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/jun/26/assad-declares-state-of-war-as-regimes-grip-on-syr/>.
- Shachtman N. 2013.** Exclusive: Intercepted Calls Prove Syrian Army Used Nerve Gas, U.S. Spies Say. *Foreign Policy* 27 August. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/08/27/exclusive-intercepted-calls-prove-syrian-army-used-nerve-gas-u-s-spies-say/>.
- Sharp J. 2012.** Syria: Unrest and U.S. Policy. *Congressional Research Service* 24 May. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/191927.pdf>.
- Shikhani S. 2011.** Syrian Kurdish Parties Boycott Syrian Antalya Summit. *Asharq Alawsat* 27 May. URL: <http://www.asharq-e.com/news.asp?section=1&id=25337>.
- Skockpol Th. 1979.** *States and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smelser N. 1963.** *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press.
- Smith P. L. 2015.** “Architects of American policy towards Russia and Ukraine are destroying American national security”: Stephen F. Cohen on the truths U.S. media and politicians hide. URL: http://www.salon.com/2015/04/23/architects_of_american_policy_towards_russia_and_ukraine_are_destroying_american_national_security_stephen_f_cohen_on_the_truths_u_s_media_and_politicians_hide/
- Snyder R. 1998.** Paths out of Sultanistic Regimes: Combining Structural and Voluntarist Perspectives. *Sultanistic Regimes* / Ed. by H. E. Chehabi, J. J. Linz, pp. 49–81. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Sorokin P. 1925.** *The Sociology of Revolution*. Philadelphia, PA: Lippincott.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Stinchcombe A. L. 1965.** Stratification Among Organizations and the Sociology of Revolution. *Handbook of Organizations* / Ed. by J. March, pp. 169–180. Chicago: Rand McNally.
- Stone L. 1966.** Theories of Revolution. *World Politics* 18(2): 159–176.
- Syria. 2012.** *IHS Jane's International Defense Review* 2. URL: <http://articles.janes.com/articles/Janes-World-Armies/Syria-Syria.html>.

- Syria** forms new government, keeps top ministers. **2012.** *Ahram Online* 23 June. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/45926.aspx>.
- Tadros S. 2012.** Egypt Military's Economic Empire. *AlJazeera In Depth* 15 February. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2012/02/2012215195912519142.html>.
- Tamarod** Petition has 22 Million Signatures. **2013.** *Egypt Independent* 29 June. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/tamarod-petition-has-22-million-signatures>.
- Tausch A. 2011.** On the Global Political and Economic Environment of the Current Al Jazeera Revolution. *Middle East Studies Journal* 2(5): 7–55.
- Taylor S. 1984.** *Social Science and Revolutions*. London: Macmillan.
- The Nation. 2015.** Провалы внешней политики США превзошли все ожидания Обамы. URL: <http://ria.ru/world/20150706/1116566088.html#ixzz3f7SDDCfG>.
- The World** Factbook. Country Comparison: unemployment rate. *CIA*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.
- Thompson W. R. 1988.** On global war: Historical-structural approaches to world politics. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Tilly C. 1975.** Revolutions and Collective Violence. *Handbook of Political Science* / Ed. by F. Greenstein and N. Polsby, pp. 483–555. III. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.
- Tilly C. 1978.** *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Tiryakian E. A. 1967.** A Model of Societal Change and Its Lead Indicators. *The Study of Total Societies* / Ed. by S. Z. Klausner, pp. 69–97. New York: Anchor Books.
- Todd E. 2003.** *After the Empire: The Breakdown of American Order*. New York, NY: Columbia University Press.
- Transparency International. 2010.** *Corruption Perceptions Index 2010*. Berlin: Transparency International. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2012/results/>.
- Transparency International. 2013.** Corruption Perception Index, 2013. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/> [дата обращения: 15.05.2014].
- Tribunal Superior Electoral, 2010.** URL: <http://divulgacao.tse.gov.br> [дата обращения: 15.05.2014].

- Trimberger K. E. 1978.** *Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru.* New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P. 2003.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turse N. 2015.** *Tomgram: Nick Turse, A Shadow War in 150 Countries.* URL: http://www.tomdispatch.com/post/175945/tomgram%3A_nick_turse%2C_a_shadow_war_in_150_countries/.
- UNDP – UN Population Division. 2010.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database.* URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UNDP – UN Population Division. 2015.** *UN Population Division Database.* Retrieved on the 17th of January, 2015. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Usher D. 1989.** The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.
- Wallerstein I. 1987.** World-systems analysis. *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J. Turner, pp. 309–324. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. 2003.** *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World.* New York; London.
- Weber M. 1947.** *The Theory of Social and Economic Organization.* New York: Free Press.
- Weede E., Muller E. N. 1997.** Consequences of Revolutions. *Rational Society* 9: 327–350.
- White J. 2011.** Asad's Armed Opposition: The Free Syrian Army. *The Washington Institute for Near East Policy* 30 November. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/asads-armed-opposition-the-free-syrian-army>.
- Wight J. 2015.** *American Empire Imploding Both at Home & Abroad.* URL: <http://rt.com/op-edge/266824-america-empire-decline-washington/>
- Wood G. 2015.** What ISIS Really Wants. *The Atlantic* 21 February. URL: <http://www.theatlantic.com/features/archive/2015/02/what-isis-really-wants/384980/>.

- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.
- World Bank 2012.** *World Development Indicators Online: Syrian Arab Republic*. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: [http:// data.worldbank.org/country/syrian-arab-republic](http://data.worldbank.org/country/syrian-arab-republic).
- World Bank 2014.** *World Development Indicators Online: Syria. Population*. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://www.google.ru/webhp?sourceid=chrome-instant&ion=1&ie=UTF-8#newwindow=1&q=%D1%81%B8%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D%BD%D0%B>.
- World Bank 2015.** *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- Yemen's Abd-al-Malik al-Houthi. 2014.** *BBC* 3 October. URL: <http://www.bbc.co.uk/monitoring/yemens-abd-almalik-alhouthi>.
- Yemenis call for prosecuting former president. 2013.** *Middle East Monitor*. 16 September. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/news/middle-east/7384-yemenis-call-for-prosecuting-former-president>.
- Zagorin P. 1973.** Theories of Revolution in Contemporary Historiography. *Political Science Quarterly* 88: 23–52.
- Zimmermann E. 1990.** On the Outcomes of Revolutions: Some Preliminary Considerations. *Sociological Theory* 8: 33–47.
- Zinkina J., Korotayev A. 2014a.** Explosive Population Growth in Tropical Africa: Crucial Omission in Development Forecasts (Emerging Risks and Way out). *World Futures* 70(4): 271–305.
- Zinkina J., Korotayev A. 2014b.** Projecting Mozambique's Demographic Futures. *Journal of Futures Studies* 19(2): 21–40.

Краткое изложение содержания монографии

Ближний Восток – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания, поскольку он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав; крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Стоит также упомянуть неурегулированные вопросы создания национальных государств, пестроту этнического и религиозного состава населения во многих местах, избыток богатства, громадные закупки вооружения и многое другое, чтобы представить сложность и тревожность общей картины.

Начавшаяся здесь в конце 2010 г. цепь революций первоначально вызвала восторженную реакцию Запада и наиболее образованных слоев исламского общества. Поэтому данные революции получили название «Арабская весна». Но, к сожалению, они не решили практически ни одной из стоящих проблем ни в одной из стран и в то же время вызвали череду переворотов, гражданских войн, интервенций и неутрачивающее противостояние в обществе, ведущее к разгулу террора и репрессий. Словом, Арабская весна сменилась Арабской осенью, которая грозит затянуться.

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти. Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории. С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества.

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан и молодежи в его структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Наши исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели, что мы подробно анализируем в *Главах 2 и 7* настоящей монографии.

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX век. Революция – это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса (но при этом нередко – и антипрогресса).

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от общественной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство западных политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований в странах Запада шел в направлении необходимости понять причины революции и найти способы их предотвращения.

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как это ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза установления коммунистических режимов в результате революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как в любом случае позитивную форму. Так ли это, исследуется в настоящей монографии, особенно во второй и последней ее главах.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых увеличилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень ясно (об этом подробно идет речь в нашей монографии). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и

условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы пытаемся проследить в представленной монографии.

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах с очень разным уровнем развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны внутренними этноконфессиональными противоречиями. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. Стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Для стран, в которых не сложилась прочная государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Важно подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько универсальными могут считаться демократические принципы управления.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Егип-

те), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям, или просто к хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии. А то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства».

Из всех государств, в значительной мере вовлеченных в события Арабской весны, Тунис и Египет по-прежнему остаются наиболее экономически благополучными. Тем не менее Тунис, будучи наиболее модернизированным, хотя и смог удержаться от политического срыва (там сохранилась какая-то хрупкая, но реальная демократия), в экономическом плане оказался в худшем положении, чем до «жасминовой революции». И хотя умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» обещали повторить в стране турецкую модель – успешную, быстро развивающуюся демократическую страну, в которой важное место отведено религии, однако вскоре выяснилось, что у них это не получается. К тому же исламистский террор измучил и Тунис, а вместе с этим возникла и опасность введения более жесткого режима (пока еще в виде военного положения).

В то же время Египет, совершивший контрреволюционный переворот, демонстрирует хорошие экономические показатели. Получается, назад, к контрреволюции? Однако нельзя забывать, что военные в Египте, загнавшие «Братьев-мусульман» в подполье и установившие еще более жесткую диктатуру, чем раньше, рискуют «наступить на те же грабли», что привели к революции 2011 г. Словом, арабские страны могут пойти в развитии не по прямой, а по социально-политической спирали.

Настоящая монография состоит из семи глав, объединенных в три части, Введения, Заключение и двух Приложений. Первое Приложение представляет собой очень интересный документ; это подборка писем, которые показывают эволюцию взглядов революционеров: от эйфории до разочарования. Второе Приложение является хронологией событий, объективно и бескомпромиссно рисующей небывалый размах революционных событий и почти неизбежное их перерастание в более или менее затяжные и кровавые внутриобщественные конфликты.

Во *Введении*, названном «Революции в XXI веке, плюсы и минусы», дан обзор взглядов на революции в течение более, чем столетия, анализируются изменения, которые претерпели как сами революции, так и взгляды на них в конце XX – начале XXI вв.

Часть первая « Политическая теория и ближневосточная реальность» состоит из двух глав. *Глава 1* «Факторы арабских революций» представляет социально-экономический и демографический анализ процессов и изменений в Арабском мире за последние полвека, которые во многом объясняют причины арабских революций и контрреволюций. Быстрый рост населения, увеличенный процент молодежных когорт в нем (так называемый «молодежный бугор»), быстрые изменения в образовании, образе и уровне жизни сосуществуют тут вместе с неграмотностью, высоким авторитетом религиозных фундаменталистов, безработицей и мн. др. Все это подпитываемое неудовлетворенностью уровнем справедливости, системой распределения благ, nepoтизмом, коррупцией, недостатком демократии и в целом социально-политическим строем арабских государств, что при определенных условиях (речь идет, в частности, о взрывообразном глобальном росте цен на продовольствие в 2010–2011 гг.) и активном вмешательстве извне и привело к революционным взрывам.

Глава 2 «Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)» представляет собой теоретический анализ взаимоотношения революций и демократии, обильно опирающийся на исторические примеры и события Арабской весны, особенно в Египте. В главе показывается, что революция далеко не всегда ведет к демократии, что переход к демократии требует определенного уровня развития, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере многих арабских государств.

Часть вторая не случайно названа «Парадоксы Арабской весны», поскольку в каждой из трех глав показывается, как эйфория революции и первоначальных ее лозунгов сменяется глубоким расколом общества, падением уровня жизни, перерастанием мирных протестов в затяжные конфликты, гражданские войны и военную интервенцию.

В *Главе 3* «Сирийский тупик» показывается эволюция внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись крупные геополитические страсти, втянувшие в себя десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, США, Европу, Россию и др. В итоге на авансцену вышло Исламское государство,

представляющее собой один из самых неприятных «сюрпризов» Ближнего Востока, без сомнения, исключительно богатого на такого рода «сюрпризы». Исламскому государству посвящена *Глава 5*, о которой будет сказано ниже.

Глава 4 «Ненастная Арабская осень: Йемен в 2014–2015 гг.» посвящена еще одному тупику Арабской весны – Йемену. С трудом собранное после длительной гражданской войны государство и без того в своем развитии отставало от соседей. Попытки с помощью революции ввести демократию в нем оживили старые конфликты и добавили новые. В итоге в настоящее время Йемен расколот, объят новой гражданской войной, резко усиленной интервенцией стран Залива. Все это подтверждает идею о том, что попытки с сегодня на завтра ввести демократию в несложившихся государствах, особенно в государствах, в которых отсутствует этноконфессиональное единство (как Ливия, Ирак, Сирия, Йемен и др.) ведут к дестабилизации обстановки, росту конфликтов и гуманитарным катастрофам. Помимо этого, в результате происходит распад ранее стабильных государств, что ведет к ускоренному распространению исламистско-террористической идеологии.

Глава 5 названа нами «“Исламское государство” – нежеланное дитя Арабской весны». В анализе событий в данной монографии авторы активно используют «закон» Бердяева: *«Все революции кончатся реакциями»*, поскольку события на Ближнем Востоке очень хорошо его подтверждают. Однако, расширяя этот закон, можно сказать, что и всякие вмешательства также часто кончатся реакциями. Вот почему можно считать, что *ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США*.

Наконец, в **третьей части** монографии («Ближний Восток и нестабильность в Мир-Системе») мы показываем влияние мир-системного фактора на изменения в арабских странах, а с другой стороны, доказываем, что турбулентные события последних пяти лет на Большом Ближнем Востоке – это один из показателей того, что и вся Мир-Система пришла в мощное движение, которое мы назвали ее реконfigurацией. Эта часть монографии анализирует тесные взаимосвязи между событиями на Ближнем Востоке и глобальными изменениями.

Глава 6 «Революционная волна 2013–2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ» анализирует некоторые

особенности протестов и революций на Ближнем Востоке в сравнении их с аналогичными явлениями и в других частях Мир-Системы. В частности анализируется два типа протестных движений: периферийный и центральный. В итоге становится очевидным, что при всей своей специфике революции и контрреволюции на Ближнем Востоке имеют и довольно много общих черт в аналогичными событиями в других регионах.

В Главе 7 «Потрясения на Ближнем Востоке и реконфигурация Мир-Системы» дается характеристика мощных социальных движений конца 2010 – 2011 г. и их последствий в 2012–2015 гг. в Арабском мире с точки зрения теорий революции и модернизации. События Арабской весны и последующих за ней событий анализируются в двух аспектах: во-первых, исследуются причины, их породившие, как внутренние, так и глобальные (в частности, глобальный кризис и агфляция), а во-вторых, их влияние на будущие сценарии развития Мир-Системы. Авторы дают объяснения удивительной синхронности социальных волнений в дюжине арабских государств. В главе исследуются аналогичные по синхронности революционные события в истории, которые всегда означали крупные перемены в Мир-Системе. В итоге становится ясным, что бурные события в арабских странах также являются предвестником или началом структурных изменений мира, его реконфигурации.

В *Заключении*, названном «Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока», дается краткий анализ различных важных событий, которые не попали в объект анализа в основной части книги, таких как, например, роль Ирана и Турции, переговоры вокруг иранской ядерной программы и др. Но главным образом *Заключение* посвящено анализу общих изменений на Ближнем Востоке (в частности, уменьшению роли Израиля), трансформации политики США там и тем последствиям, которые возникли в результате противоречивой и крайне эгоистической политике последних. Авторы делают вывод, что сегодня налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, в то время как западные страны действуют, как будто на дворе XIX, а не XXI в. Однако в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной, что мы и видим на примере кризиса с беженцами в Европе.

В целом, настоящая монография на базе разностороннего теоретического исследования феномена революций дает глубокий анализ событий последних пяти лет на Ближнем Востоке, обобщает итоги предшествующего развития этого региона, раскрывает причины революционных неудач; подводит читателя к выводу, что турбулентность на Ближнем Востоке является началом нового процесса, охватившего мир, который назван авторами реконfigurацией Мир-Системы. Книга содержит множество интересных фактов, обобщений и точек зрения. Поэтому она будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем, интересующимся проблемами Ближнего Востока.

Безусловно, тема арабских революций требует большого внимания и дополнительных исследований. Однако мы надеемся, что предложенная монография также внесет свою лепту в ее понимание.

Summary

The Middle East is a region which for many decades has remained the focus of attention as it is prone to making 'surprises' and turnarounds which produce a significant impact on the whole world. It is not surprising since the global powers as well as regional players pursue their own geopolitical interests here; besides, significant reserves of energy resources allow influencing the prices while severe manifestations of religious fanaticism provide fertile ground for terrorism. We should also mention unsettled issues of creation of nation states, the diversity of ethnical and religious composition of population in many regions, excessive wealth, huge volumes of arms purchases, etc. which makes one realize the complexity and the danger of the whole situation.

Revolutions that took place here in 2011 initially caused enthusiastic reaction of the West and the most educated members of Islamic society. That is the reason why these revolutionary events have been termed "the Arab Spring". But unfortunately, they failed to solve main problems in the countries; moreover, they triggered a series of coups, civil wars, interventions and ongoing confrontation in the society also bringing waves of terror and repressions. In short, the Arab Spring has turned into the Arab Autumn which is likely to drag on.

In political history revolutions have been observed for many centuries. The history of some regions, for example, the Hellenistic states and Ancient Rome, as well as of many Eastern countries, can be presented in political terms as a struggle between social and political groups for the distribution of resources and power. But only starting from the early modern period the revolutions became one of the major driving forces of historical process. Advanced modernization and profound transformations of society are usually associated with major social and political revolutions that occurred in Britain, France, other countries of Europe, North America and later in other parts of the world.

Starting from the modern era, in most cases revolutions have been underpinned by serious disproportions in the society's development which emerged as a result of rapid modernization. These disproportions became even larger due to a rapid population growth and especially due

to a sharply increasing share of urban population and youth in population structure which increased social tensions.

Our study of a number of developmental models of different countries in different epochs showed that regardless of consumption level and population growth rate the processes of modernization are quite tightly and intrinsically related to the perils of social and political cataclysms which can rather easily transform into revolutions and violent disorders. That is why one should consider the cases of crisis-free development in the course of modernization and escape from the Malthusian trap rather as an exception in comparison with cases of revolutions and political upheavals.

As a result, revolutions frequently occur in economically successful or even very successful societies. However, that very success leads to unrealistic expectations which become the ideological basis for social upheavals. By the 2010s, the situation in such countries as Egypt and Tunisia developed following this very model which is thoroughly described in Chapters 2 and 7 of the present monograph.

With the acceleration of historical process the number of revolutions has increased. The 20th century appears to witness many events of the kind. The revolution is a specific form of changing government or political (social and political) regime. Being quite familiar with the theory of revolutions, Vladimir I. Lenin fairly noted that the basic issue of any revolution is the issue of power. Let us point that any, even the most legitimate change of political regime, no matter under monarchy or democracy, inevitably leads to more or less considerable breakdowns in the functioning of administrative and political mechanism. However, the revolutionary overthrows of political regimes mean a much more dramatic breakdown in functioning of the system, often bringing unpredictable consequences. That is why, in general, revolutions have always been a very disruptive and devastating way of social progress (which often turns into anti-progress).

Moreover, the attitude to revolutions changes depending on the public position of social researchers and general situation within a society. Thus, in the 20th century revolutions were often associated with the threat of establishment of communist regimes that is why most Western political analysts gave them a negative assessment. So the common trend among the Western researches was to define the causes of revolutions and to find the ways to prevent them.

The collapse of socialism finally proved that revolutions are no longer a suitable tool of social progress. However, paradoxically just from that moment the USA and Western countries dramatically changed their attitude toward revolutions, and nowadays (when the danger of establishing communist regimes as a result of revolutions has been eliminated) they are considered as a positive and advantageous phenomenon for the Western countries. As before, the revolutions today are correlated with democracy while the latter is considered by all means a positive form of government. The present monograph, in particular its first and last chapters are devoted to this issue.

The end of the 20th century and the early 21st century became a period of revolutions of a new type with an increasing share of external interference and instigation, as well as a period of a number of 'man-made' and non-spontaneous revolutions aimed at overthrowing undesirable regimes. A series of such revolutions, symbolically named 'color revolutions' occurred in many countries. Thus, at present these are democratic (not communist) states that use revolutions as their primary geopolitical instrument. For this purpose in targeted countries the opposition was intensively trained often by Western instructors. Also, non-profit organizations (NPOs), non-governmental organizations (NGOs) and diplomatic missions were actively employed as coordinating centers and headquarters. Unfortunately, the positive effect of these revolutions was mostly insignificant whereas the negative effect was disastrous. The influence of foreign forces on revolutions in the Middle East is evident (which is proved conclusively in this monograph). But one should realize that the causes of revolutions are not always determined by external influence, they are often a result of internal crisis. In the present monograph we try to deduce the causes and terms of such a crisis with respect to a number of Middle Eastern countries.

At the same time, we have to note that there is no universally acknowledged definition of revolution. This arises from the fact that revolutionary and quasi-revolutionary upheavals occur in countries with different levels of development. While revolutions in such countries as Egypt and Tunisia took place as a result of internal social tensions, in a number of other Arab countries they were caused by internal ethnic and religious contradictions. These contradictions have never disappeared and they gained impetus from a number of factors including social discontent, other countries' example, as well as instigation of protests and

active help from outside. This is the case with Libya, Yemen, and Syria where the external interference together with open or concealed intervention triggered the ethnic and religious conflict. The latter could be constrained only by rather rigid and authoritarian regimes. As soon as such a regime is toppled, the respective country is pushed into chaos. The idea of revolution is very perilous for the countries with weak statehood and low cultural level of many groups of population as it leads to instability. Thus, democratic ideas collide with a need for stability and as a result, the transfer of power in authoritarian regimes becomes their vulnerable point.

One should emphasize that for five years none of the revolutions of the Arab Spring has solved any urgent issue (and probably could hardly do it). It must be acknowledged that everything that was needed for modernization either had been done or could be done within the authoritarian regimes. All this raises a question – to what extent can the democratic governmental principles be considered universal?

Certainly, revolutions can stir societies, mobilize new forces, raise urgent issues, and give considerable political experience. They can lead to positive developments. But one can hardly expect that revolutions can solve the most important problems. Unfortunately, at present the developmental model follows not the desirable scheme from revolution to democracy but the one from revolution either to counter-revolutions (as in Egypt) which seems more preferable, or to new revolutions or just chaos and civil wars of all against all what we observe today in Libya, Yemen, and Syria. Moreover, sometimes they lead to the creation of terrorist groups like the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIS).

Among the states involved in the Arab Spring events, Tunisia and Egypt still remain the most economically developed countries. Nevertheless, Tunisia being a more advanced country managed to escape a political breakdown (some fragile but true democracy is still preserved there) but still in economic terms it fell in a worse state than before the Jasmine revolution. And although the moderate Islamists of Al-Nahda party had promised to reproduce the Turkish model in Tunisia, that is to create a successful and rapidly developing country in which religion would play an important role, soon it turned out that they had failed. Besides, Tunisia has been tortured by Islamic terrorism and the peril of establishing a more hardline regime (through imposing martial law) emerged.

Meanwhile, Egypt where the counter-revolution has occurred demonstrates better economic results. So, does this mean that one should return to counter-revolution? Still one should bear in mind that today the Egyptian military forces that have pushed the Muslim Brotherhood underground and established a stricter dictatorship than ever before, are at risk of making the same mistakes that caused the revolution in 2011. In other words, the Arab countries can evolve not along a direct development path but a social and political spiral.

The present monograph consists of Introduction, seven chapters arranged into three parts, Conclusion, and two Appendices. The first appendix presents rather challenging data – a collection of letters demonstrating the evolution of views of the revolutionaries: from euphoria to disappointment. The second appendix provides an objective and straightforward chronology of events and shows the unprecedented scale of revolutionary events and their almost inevitable escalation into more or less prolonged violent intrasocietal conflicts.

The Introduction entitled ‘Revolutions in the 21st Century, Pros and Cons...’ provides a survey of views on revolutions over the period of more than a century, it also analyses the transformations of revolutions proper and of the views on them in the period between the end of the 20th and beginning of the 21st centuries.

Part 1 ‘Political Theory and the Middle-Eastern Reality’ consists of two chapters. Chapter 1 ‘The Factors of the Arab Revolutions’ provides social, economic, and demographic analysis of the processes and transformations in the Arab world for the last half a century which can convincingly explain the causes of the Arab revolutions and counter-revolutions. A rapid population growth, the increasing share of youth cohorts (the so called youth bulge), as well as fast transformations in education system, living standards and living habits are combined here with relatively high illiteracy rates, high priority of religious fundamentalists, unemployment, etc. All these fueled the dissatisfaction with the level of justice, system of distribution of benefits, nepotism, corruption, lack of democracy, and with Arab states' social and political regimes in general, under certain circumstances (including the explosive increase in food prices in 2010–2011) and with active outside interference these have led to revolutionary outbursts.

Chapter 2 ‘Revolution, Counter-revolution and Democracy (the case of Egypt)’ presents a theoretical analysis of the correlation between rev-

olutions and democracy which is significantly based on historical examples and events of the Arab Spring, in particular in Egypt. It shows that revolution does not necessarily lead to democracy and the transition to democracy requires a certain level of development, mentality and readiness of a significant part of population. Otherwise, revolutions can even delay the transition to democracy as we see in the case of many Arab countries.

It is not surprising that Part 2 is called 'The Paradoxes of the Arab Spring' as each of its three chapters demonstrates how the euphoria of revolution and its initial slogans gave way to deep splits in Arab society, drop in living standards, transformation of peaceful protests into protracted conflicts, civil wars and military interventions.

Chapter 3 titled 'The Syrian Dead-End' shows the evolution of the Syrian conflict which became the center of global geopolitical tensions involving many countries including Iran, Lebanon, Saudi Arabia, Turkey, the USA, European countries, Russia, etc. As a result, the Islamic State stepped forward, which is one of the most unpleasant 'surprises' of the Middle East; this itself presents numerous challenges of many kinds. Chapter 5, which we briefly summarize below, is also devoted to the Islamic State.

Chapter 4 'Nasty Arab Autumn: Yemen in 2014–2015' is devoted to another dead-lock of the Arab Spring – Yemen. Having not yet recovered from a long civil war, Yemen lagged behind its neighbors. The attempts to establish democracy via revolutions revived old conflicts and triggered new ones. As a result, by present Yemen has been split and gripped with a new civil war, which has been sharply exacerbated by the Gulf States' intervention. All this supports the idea that the attempts to instantly impose democracy on the unformed states, especially on the ones that lack ethnic and confessional unity (*e.g.*, Libya, Iraq, Syria, and Yemen, etc.) lead to destabilization of the situation, increasing number of conflicts, and humanitarian crises. Besides, this results in the dissolution of the previously stable states which contributes to a rapid spread of the Islamic and terrorist ideology.

The title of Chapter 5 is 'Islamic State – an Undesirable Child of the Arab Spring'. In our analysis of the events we actively employ Berdyaev's law which states that 'all revolutions end with reactions' and the events in the Middle East sustain it rather well. However, expanding this law one can say that any interference also ends with reactions. That is

the reason why one can state that ISIS is the response to the Western (and, especially, American) interference.

Finally, Part 3 of the monograph ('The Middle East and Instability in the World System') is devoted to the influence of the world-system factor on the changes in the Arab states and shows that turbulent events of the last five years in the Greater Middle East are one of the indicators that the whole World System has come on the run and this is the process that we define as the 'World System reconfiguration'. This section of the monograph analyzes the tight connections between the events in the Middle East and global changes.

Chapter 6 'The Revolutionary Wave of 2013–2014 in the Middle East and in the World: a Quantitative Analysis' defines some peculiarities of the protests and revolutions in the Middle East comparing them with similar events in other regions of the World System. In particular, this chapter analyzes two types of revolutionary destabilization movements, namely, the 'peripheral advance' and the 'central collapse'. Thus, it becomes clear that notwithstanding all the peculiarities, the revolutions and counter-revolutions in the Middle East have much in common with similar events in other regions.

Chapter 7 'Upheavals in the Middle East and Reconfiguration of the World System' deals with the characteristics of powerful social movements of the end of 2010 and 2011 and their consequences in 2012–2015 in the Arab World from the point of view of the theories of revolution and modernization. The events of the Arab Spring and subsequent events are analyzed in two dimensions: first, with respect to internal and global causes (in particular, global crisis and agflation), and second, in terms of their influence on the future scenarios of the World-System development. The authors explain the amazing synchronization of social upheavals in a dozen of Arab countries. This chapter also studies similar in terms of synchronization revolutionary events in history which always brought considerable changes of the World-System. Thus, it eventually becomes evident that the turbulent events in the Arab countries are also a precursor of the forthcoming structural transformations of the world and its reconfiguration.

In the Conclusion entitled 'Surprises and Contradictions of the Middle East' we briefly analyze different important events which were beyond the focus of the main part of the monograph such as the role of Iran and Turkey, negotiations on Iran's nuclear program, etc. Still the

Conclusion is mostly devoted to the analysis of general changes in the Middle East (in particular, the declining role of Israel), transformation of the U.S. policy in the region and the consequences of extremely contradictory and egoistic American policy. We make a conclusion that current situation objectively forces actors to take responsibility for the results of their foreign policy and geopolitical actions while the Western countries still act as though they live not in the 21st but in the 19th century. However, in the epoch of globalization the response to such actions will be quite rapid and can be unexpected as we see by the example of the EU's migrant and refugee crisis.

On the whole, the diversified theoretical study of the phenomenon of revolution performed in the present monograph provides an in-depth analysis of the events of the last five years in the Middle East, summarizes the results of the previous development of the region, reveals the reasons of revolutionary failure; it brings the readers to the conclusion that the turbulence in the Middle East marks the beginning of a new process involving the whole world; we called this process the reconfiguration of the World System. The book contains plenty of challenging facts, generalizations, and viewpoints. Thus, it will be useful and interesting not only for experts but also for those who are interested in the problems of the Middle East.

The subject of the Arab revolutions by all means requires considerable attention and further study. But we hope that the present monograph will also contribute to the understanding of this phenomenon.

الثورات وعدم الاستقرار في الشرق الأوسط - موسكو: دار النشر "أوتشيتيل" 2015.

ملخص

الشرق الأوسط - هي منطقة التي تجذب الانتباه لعدة عقود أخيرة ، لأنها دائما تقدم "المفاجآت" للجميع، والتي تؤثر تأثيرا كبيرا على العالم. ليس من المستغرب، لأنها تتشابه هنا المصالح الجيوسياسية للعالم والقوى الإقليمية، أكبر احتياطات الطاقة تسمح للتأثير على أسعارها، وظهور التعصب الديني تخلق أرضا خصبة للإرهابيين. تجدر الإشارة أيضا إلى عدم إنشاء الدول القومية، والتنوع العرقي والديني للتركيبة السكانية في العديد من الأماكن، وجود فائض من الثروة، وشراء أسلحة ضخمة وغيره تمثل القلق و الصورة العامة معقدة.

في نهاية 2010 سلسلة من قامت الثورات بدأ رد الفعل الحماسي من الغرب و النخبة العلمية في المجتمع الإسلامي. ولذلك، سميت هذه الثورات بـ " الربيع العربي". ولكن، للأسف، هذه الثورات لم تحل أية مشكلة من مشاكل التي تواجهها هذه البلاد، وفي الوقت نفسه سببت هذه الثورات سلسلة من الانقلابات والحروب الأهلية والتدخلات والمواجهات التي لا نهاية لها في المجتمع، مما تؤدي إلى الإرهاب والشغب والقمع. تم استبدال كلمة "الربيع العربي" بـ "الخريف العربي"، الذي يهدد تطولها.

ترافق الثورة التاريخ السياسي لآلاف السنين. تاريخ بعض المناطق كدول العالم بالحضارة اليونانية- روما القديمة، وكذلك العديد من الدول في الشرق. يمكن وصف الجانب الثوري بأنه مكافحة الجماعات الاجتماعية والسياسية لتوزيع الموارد والسلطة. ولكن إحدى القوى الدافعة الرئيسية لعملية تاريخية للثورة بدأت مع فترة من التاريخ الحديث. مع الثورات الكبرى الاجتماعية والسياسية في إنجلترا وفرنسا وبلدان أخرى في أوروبا وأمريكا الشمالية، ثم بقية القارات، عادة تسارع التحديث والتحول العميق في المجتمع.

منذ العصر الحديث اثناء الثورات الصورة عامة هي الاختلالات الخطيرة في تنمية المجتمع، التي سنخلق الدعاوى نتيجة لتسارع التحديث. وتتعزز هذه الفوارق بشكل حاد بسبب النمو السكاني السريع، وخاصة حصة المواطنين و الشباب في الهيكل الذي غالبا ما يسبب التوتر الاجتماعي.

أظهرت أبحاثنا عدة النماذج من المحاولات في بلاد مختلفة و أوقات مختلفة، أن عمليات التحديث بغض النظر عن مستوى الاستهلاك ومعدل النمو السكاني هي مرتبطة بقدر كاف بخطر الاضطرابات الاجتماعية والسياسية التي هي نسبيا تتصاعد بسهولة اثناء الثورات والاضطرابات الدموية. ولذلك ينبغي أن يتم استعراض الحالة الاستثنائية أي التطور دون الأزمات، في حالة التحديث والخروج من مصيدة مقيدة في حالات الثورة والاضطرابات السياسية.

والنتيجة غالبا أن تقوم الثورات في المجتمعات الناجحة اقتصاديا. ومع ذلك، هذا النجاح بذاته يخلق توقعات عالية، والتي أصبحت الأساس الأيديولوجي للانفجار الاجتماعي. في بلدان مثل مصر وتونس حتى عام 2010 الحالة تطورت على وجه التحديد بهذا النموذج الذي نحن نقوم بتحليله بالتفصيل في الفصول 2 و 7 من هذه الدراسة.

مع تسارع وتيرة التطور التاريخي تكاثر عدد الثورات ولاسيما في القرن العشرين. الثورة - هي أسلوب معين لتغيير السلطة السياسية النظام السياسي (السياسي - الاجتماعي). العالم الكبير في نظرية الثورة ف.إ. لينين، كان مقسما عندما أشار أن الهدف الرئيسي في أية ثورة- هي مسألة السلطة. تجدر الإشارة علي أن أي تغيير في الحكومة، حتي لو كانت الأكثر شرعية، في النظام الملكي أو ديمقراطي يؤدي بشكل ملحوظ الي الإعطال الإدارية والسياسية. تغيير السلطة عن طريق الثورة، يعني فشل هذا النظام، و في كثير من الأحيان لا يمكن تنبؤ عواقبها. ولهذا السبب أن الثورات دائما مدمرة جدا و وسيلة مكلفة للتقدم الاجتماعي.

وبالإضافة إلى ذلك، تغير الموقف تجاهها وهذا مرتبط على الوضع الاجتماعي لباحثي علم الاجتماع والحالة العامة للمجتمع. وهكذا، في القرن العشرين أصبحت الثورة مرتبطة بخطر إنشاء النظم الشيوعية، ولهذا السبب تم تقييم عليها من قبل معظم المحللين السياسيين سلباً، وكان الاتجاه العام للأبحاث هو ضرورة فهم أسباب قيام الثورات وإيجاد سبل لمنعهم..

انهيار الاشتراكية نهائياً أفتح أن الثورات لم تعد وسيلة مقبولة للتقدم الاجتماعي في العصر الحديث. ولكن، للمفارقة، من هذا الوقت الولايات المتحدة ودول غربية قد تغيرن موقفهم من الثورة، (عندما لم تعد نتيجة قيام الثورات تهدد بقيام الدول الشيوعية)، بدأ ينظر إليها على أنها ظاهرة إيجابية للدول الغربية. الثورة مرة أخرى، كما كان من قبل، أصبح يعرف بالديمقراطية، وتعتبر الديمقراطية في جميع الحالات إيجابية. وعليه، تم استكشافها في هذه الدراسة، وخاصة في فصلها الثاني والأخير.

نهاية القرن العشرين وأوائل القرن الحادي والعشرين بدأت فترة ثورات من نوع جديد، الأمر الذي زاد من حصة التدخل الخارجي، مستخدماً الثورات المصطنعة لإسقاط الأنظمة غير المرغوب فيها. سلسلة من الثورات المعروفة باسم "الملون"، اجتاحت العديد من البلدان. وهكذا، تم استخدام الثورة مرة أخرى باعتبارها أداة رئيسية من الجغرافيا السياسية، إلا أن الآن ليس على الدول الشيوعية بل على الديمقراطية. تحقيقاً لهذه الغاية تم تدريب المعارضة من قبل بعض الدول الغربية، كذلك تم استخدام المنسقين والموظفين من جميع الأنواع من قبل المنظمات غير الحكومية والبعثات الدبلوماسية. مع الأسف، كان الأثر الإيجابي لهذه الثورات ضئيلاً، وإنما سلبياتها - مدمرة.

تأثير قوى أجنبية على الثورات في الشرق الأوسط تظهر بشكل واضح جداً (يتم الإشارة إليها بالتفصيل في هذه الدراسة). ولكن من المهم أن نفهم أن الثورة لم تتحدد فقط من خلال التأثيرات الخارجية، بل وهي دائماً نتيجة للأزمة الداخلية. أسباب وظروف هذه الأزمة فيما يتعلق بعدد من بلدان الشرق الأوسط، نحن نحاول تتبعها في هذه الدراسة.

في نفس الوقت، كما بين أنه لا توجد تعريف الثورة المقبول للجميع. لقد تحدثت الصدمات الثورية أو النصف الثورية، في بلدان مختلفة من المستويات التنموية. إذا كانت الثورة في دول مثل مصر وتونس بسبب التوترات الاجتماعية الداخلية إنما في عديد من الدول العربية الأخرى قامت الثورات بسبب الصراعات العرقية والدينية الداخلية. هذه الصراعات لم تختف في الواقع، إنما اكتسبت دافعا نتيجة لمجموعة من العوامل، إلى جانب عدم وجود الرضاء الاجتماعي، وكذلك أخذ النموذج من البلدان الأخرى والدعم الفعال من الخارج. وقد شهدنا هذا في كل من ليبيا واليمن وسوريا والذي يوجد فيها عامل التدخل الخارجي، التدخل المباشر أو غير مباشر فك عقدة الكراهية العرقية والدينية. تم إدارة هذه البلاد بالحكم الاستبدادي. وأولما تم إطاحة هذه الأنظمة بدأت الفوضى في البلاد. وهكذا، بالنسبة للبلدان التي لم يتكون هناك دولة قوية، وجود مستوى منخفض من ثقافة لعديد من طبقات المجتمع فكرة الثورة في هذا المجتمع أمر خطير للغاية وقد تؤدي إلى زعزعة الاستقرار. وهكذا، فإن الديمقراطية تأتي في صراع مع الطلب إلى الاستقرار نتيجة لإجراءات نقل السلطة في الأنظمة الاستبدادية وهي تصبح نقطة ضعفهم.

من الجدير بالذكر أنه في خمس سنوات، لم تقم أية ثورة في "الربيع العربي" بحل أية مشكلة جادة (و يبدو عليه أنها غير قادرة على حلها). علينا أن نعترف: كل ما هو مطلوب القيام به للتحديث، إما تم تنفيذها إما يتم تنفيذها ضمن الأنظمة الاستبدادية فقط. كل هذا يشير على أن الحكم الديمقراطي إلى أية درجة يستطيع أن يصبح عالمياً.

بالتأكيد الثورات تحرك المجتمع لتعزيز قوى جديدة، ترفع قضايا الموجودة، وتعطي تجربة سياسية كبيرة. ويمكنهم تغيير شيء ما بطريقة إيجابية. ولكن ليست فرصة على أن الثورات تقوم بحل المشاكل الأكثر أهمية. وللأسف، نموذج التنمية لا يتجه نحو المرغوب فيه أي إلى الديمقراطية بل يتجه من الثورة نحو الثورة المضادة (كما في مصر)، التي تبدو أفضل، أو إلى الثورات الجديدة، أو ببساطة إلى الفوضى والحرب الأهلية كما في كل ما نراه اليوم في ليبيا واليمن وسوريا. وبعد ذلك إلى ظهور كيانات إرهابية مثل "الدولة الإسلامية".

تونس ومصر من البلدان المعنية إلى حد كبير في أحداث " الربيع العربي " وما تزال أكثر سلامة إقتصادياً. تونس و هي الأكثر حداثة، تمكن مقاومة انهيار سياسي (احتفظ هناك ببعض القيم الديمقراطية الحقيقية)، من الناحية الاقتصادية تحول الوضع إلى أسوأ مما كانت عليه قبل " ثورة الياسمين ". على الرغم من أن الإسلاميين المعتدلين لحزب " النهضة " وعدوا بتكرار الموديل التركي الناجح في البلاد و تحول البلد إلى بلد ديمقراطي ناجح وسريع النمو، و سيكون للدين المكانة المختصة، لكنه سرعان ما أصبح واضحاً أنه لن ينجح. بالإضافة إلى ذلك، الإرهاب الإسلامي أُرهب تونس، ومعه جاء الخطر من إدخال النظام العنيف (حالياً في صورة الحالة الحربية).

و في نفس الوقت، حصلت مصر بعد الانقلاب المضادة للثورة علي المؤشرات الاقتصادية الجيدة. إذن، هل العودة إلى الثورة المضادة؟ ومع ذلك، يجب ألا ننسى أن الجيش في مصر بعدما طرد "الإخوان مسلمين" من السلطة قام بتثبيت ديكتاتورية حتى أكثر صرامة من ذي قبل، حتى يخاطر بـ "ارتكاب نفس الأخطاء" التي نتجت عنها الثورة في عام 2011. باختصار، لا يمكن للبلاد العربية أن تتطور بالخط المستقيم، و إنما على دوامة الاجتماعية والسياسية.

وتتألف هذه الدراسة من سبعة فصول، مقسمة إلى ثلاثة أجزاء المقدمة و الخاتمة و ملحقات. الملحق الأول تعرض وثيقة مثيرة للاهتمام، وهي مجموعة من الرسائل التي تبين تطور وجهات نظر الثوار، من شعور بالنشاط إلى خيبات الأمل. الملحق الثاني هو التسلسل الزمني للأحداث وصورة موضوعية وبلا مساومة لأحداث الثورة التي لم يسبق لها مثيل ولا مفر منها وأنها تنمو إلى صراعات داخلية.

في المقدمة، بعنوان " الثورات في القرن الـ 21، وإيجابيات وسلبيات " تم عرض وجهات نظر عن الثورات لأكثر من القرن، يتم تحليل التغييرات التي ينظر إليها كأنها ثورة في نهاية قرن العشرين و بداية قرن الحادي والعشرين.

الجزء الأول " نظرية سياسية و واقع الشرق الأوسطي " تتكون من فصلين. الفصل الأول " عوامل الثورات العربية " يعطي التحليل الاجتماعي والاقتصادي والديمقراطي للعمليات والتغيرات في العالم العربي على مدى نصف القرن الماضي، وهو ما يفسر إلى حد كبير أسباب الثورات العربية و الثورات المضادة.

النمو السكاني السريع، وزيادة نسبة فئة الشباب (و هذا ما يسمى بتل الشباب)، والتغيرات السريعة في مجال التعليم، مستويات المعيشة تتعايش هنا مع الأمية، الشهرة العالية للأصولية الدينية والبطالة وغيرها.

و كل هذا يغذي عدم الرضا عن نظام العدالة، وتوزيع الثروة والفساد وغياب الديمقراطية والنظم الاجتماعية والسياسية العامة للدول العربية، في ظل ظروف معينة (وخاصة على مستوى عال من أسعار المبيعات 2009-2010) و التدخل من الخارج مما أدى إلى انفجارات ثورية.

الفصل الثاني، " الثورة، الثورة المضادة والديمقراطية (على سبيل الأحداث في مصر) " هو التحليل النظري للعلاقة بين الثورة والديمقراطية، على أساس وفرة التاريخي وأحداث الربيع العربي، خصوصاً في مصر. ويوضح الفصل أن الثورة لا تؤدي دائماً إلى الديمقراطية، و أن الانتقال إلى الديمقراطية يتطلب مستوى معين من التنمية، وعقلية ورغبة الأغلبية. خلاف ذلك، الثورة حتى تؤخر العملية الانتقالية إلى الديمقراطية، كما شاهدناه في العديد من الدول العربية.

الجزء الثاني ليس من الصدفة مثلما سميناه " مفارقات الربيع العربي " لأن كل فصل من الفصول الثلاثة تبين كيف يتم استبدال من شعور بالنشاط (نشوة) من الثورة وشعاراتها التي كتبها بانقسام عميق في المجتمع وانخفاض مستويات المعيشة والاحتجاجات السلمية التي تتصاعد إلى صراعات طويلة، والحرب الأهلية والتدخل العسكري.

في الفصل الثالث، " المأزق السوري " يظهر تطور صراع الداخل السوري الذي أثار شوق الجيوسياسية الكبرى، أجتذب إلى نفسه عشرات البلدان، بما في ذلك إيران، لبنان، تركيا، الولايات المتحدة، أوروبا، روسيا وغيرها. في النهاية، نتجت عنها الدولة الإسلامية - كمفاجأة ظهرت في الشرق

الأوسط، و دون الشك هذه المنطقة غنية للغاية من هذا النوع من " المفاجآت". يتم تناول مسألة الدولة الإسلامية في الفصل الخامس، بعنوان " الدولة الإسلامية - طفل غير مرغوب فيه من الربيع العربي". في تحليل الأحداث في هذه الدراسة يستخدم المؤلفون " قانون" بيرديانيف: " كل الثورات تنتهي برود الفعل"، والأحداث في الشرق الأوسط تؤكد علي ذلك. ممكن نوسع نطاق هذا القانون و يمكننا القول أن أي تدخل هو غالبا ما ينتهي برود الفعل. ولهذا يمكننا أن نستنتج أن الدولة الإسلامية هي ردة فعل على تدخل الغرب والولايات المتحدة.

الفصل الرابع، " الخريف الممطر العربي: اليمن 2014-2015 " تشمل مازقا آخر للربيع العربي -اليمن. الدولة التي جمعت بالك بعد حرب أهلية طويلة تخلفت في تطورها عن الجبران. محاولات إدخال الديمقراطية عن طريق الثورة ألهبت الصراعات القديمة وأضافت إليها الجديدة والنتيجة هي تقسيم اليمن واحتضانها حرب أهلية جديدة، و التدخل الخليجي المباشر. كل هذا يعزز فكرة أن محاولات مستمرة لإدخال الديمقراطية في هذه الدول، ولا سيما في الدول التي الوحدة العرقية والطائفية غير متوفرة (مثل ليبيا والعراق وسوريا واليمن وغيرها) التي تؤدي إلى زعزعة استقرار، ونمو الصراعات والكوارث الإنسانية. بالإضافة إلى ذلك، نتيجة لانهباء دول مستقرة يتم انتشار ابيولوجية اسلامية إرهابية.

وأخيرا، في الجزء الثالث من الدراسة، نحن نعرض تأثير عامل النظام العالمي في التغيرات في العالم العربي، من جهة أخرى، نثبت أن الأحداث المضطربة في السنوات الخمس الماضية في الشرق الأوسط الكبير - هو واحد من المؤشرات أن النظام العالمي كاملا جاء إلى حركة قوية و التي نحن سمينها إعادة التشكيل.

الجزء الثالث "الشرق الأوسط وعدم الاستقرار في النظام العالمي " علاقة وثيقة بين الأحداث في الشرق الأوسط والتغيرات في العالم.

الفصل السادس، " الموجة الثورية في 2013-2014 في الشرق الأوسط والعالم: التحليل الكمي " تدرس بعض الميزات من الاحتجاجات والثورات في الشرق الأوسط، ومقارنتها بأحداث مماثلة في أجزاء أخرى من النظام العالمي. يتم تحليل نوعين من الحركات الاحتجاجية: الريفية والمركزية. ونتيجة لذلك، يوضح للجميع ان رغم خصوصيات الثورة والثورة المضادة، لدي الشرق الأوسط الأحداث المماثلة كثيرة.

في الفصل السابع، " الاضطرابات في الشرق الأوسط وإعادة تشكيل النظام العالمي " يصف الحركات الاجتماعية القوية لأواخر 2010-2011 وعواقبها في عامي 2012-2015 في العالم العربي من حيث نظرية الثورة والتحديث. ويتم تحليل أحداث الربيع العربي والأحداث اللاحقة لها بطريقتين: أولا، ندرس أسبابها الداخلية والعالمية على حد سواء (على وجه الخصوص، والأزمة العالمية)، وثانيا، تأثيرها على سيناريوهات التنمية المستقبلية للنظام العالمي. المؤلفون سيقدمون التفسيرات للإضطرابات الاجتماعية في اثنتي عشرة دولة عربية. ويتناول الفصل الأحداث الثورية المتزامنة المماثلة على نطاق التاريخ التي أدت إلى تغييرات كبيرة في النظام العالمي. ونتيجة لذلك، أن الأحداث المضطربة في العالم العربي هي أيضا نذيرا لبداية أو التغييرات الهيكلية في العالم وإعادة تشكيلها.

في الخلاصة "مفاجآت وتناقضات الشرق الأوسط"، سنتقدم تحليلا موجزا لمختلف الأحداث الهامة التي لم يتم تضمينها في موضوع التحليل في الجزء الرئيسي من الكتاب، على سبيل المثال: دور إيران وتركيا والمفاوضات حول البرنامج النووي الإيراني، وغيرها. تقدم الخلاصة تحليلا للتغيرات العامة في الشرق الأوسط (ولا سيما الحد من دور إسرائيل)، والتحول السياسة الأمريكية هناك والعواقب التي نتجت عن سياستها المتناقضة والأناثية. وخلص الباحثون أن اليوم الوضع يفرض علي موضوعية و مسؤولية أكثر لنتائج السياسة الخارجية و سهم الجيوسياسية، في حين الدول الغربية تتصرف كما أن هو قرن التاسع عشر وليس القرن الحادي والعشرين. ومع ذلك، في عصر العولمة، ردة فعل لهذه

الإجراءات تكون سريعة و كافية، وربما تكون غير متوقعة. كما نراه على سبيل المثال لأزمة اللاجئين في أوروبا.

عموما الدراسة المذكورة في أساس نظريات بحثية مختلفة، ظاهرة الثورة تعطي تحليلا عميقا لحوادث خمس سنوات أخيرة في الشرق الأوسط، تعميم مجموع تطور هذه المنطقة، تشرح أسباب الثورات الفاشلة، تهدي القراء إلى خلاصة أن الاضطراب في الشرق الأوسط يعتبر بداية عملية جديدة التي تضم العالم، التي سماها المؤلفون إعادة تشكيل النظام العالمي. الكتاب يجمع الوقائع الكثيرة، الأجماعات و وجهات النظر. و لهذا سيكون مفيدا و مشوقا ليس فقط للمتخصصين و إنما لكل من يرغب في دراسة الشرق الأوسط.

دون شك، مشاكل الدول العربية تتطلب اهتمام و دراسة أكثر مما هي عليه. نحن نأمل بأن الدراسة المذكورة ستقدم و لو شيئا صغيرا لفهمها.

ترجمة أيام الدين عزيزوف

Сведения об авторах

Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, соредактор международных журналов *Social Evolution & History* и *Journal of Globalization Studies*, шеф-редактор журналов *Историческая психология и социология истории* и *Век глобализации*, заместитель главного редактора журналов *История и современность* и *Философия и общество*; главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; заместитель директора Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор более 450 научных работ по философии, социологии, истории, антропологии, политологии, эволюционистике, включая 26 монографий, в том числе таких как *Философия, социология и теория истории* (4-е изд. М.: URSS, 2006); *Производительные силы и исторический процесс* (3-е изд. М.: URSS, 2006); *Государство и исторический процесс*: в 3 кн. (2-е изд. М.: URSS, 2009); *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008, в соавт. с А. В. Коротчаевым и А. В. Марковым); *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2008, в соавт. с А. В. Коротчаевым); *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена* (М.: URSS, 2009, в соавт. с А. В. Коротчаевым); *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории* (М.: ЛИБРОКОМ, 2012); *Macrohistory and Globalization* (Volgograd: Uchitel, 2012); *Great Divergence and Great Convergence* (New York, NY: Springer, 2015; совместно с А. В. Коротчаевым). E-mail: lgrinin@mail.ru.

Исаев Леонид Маркович, кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Автор и редактор более 80 научных трудов, включая монографии *Египетская смута XXI века* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Арабский мир*

в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности (М.: ЛИБРОКОМ/УРСС, 2014; совместно с А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с А. В. Коротаяевым и А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с Б. А. Акаевой, А. В. Коротаяевым и А. Р. Шишкиной). Область научных интересов: политические системы, политический процесс и политическая культура в арабских странах, Лига арабских государств, исламская политическая философия. E-mail: isleonid@yandex.ru. Интернет-сайт: www.hse.ru/user/staff/issaev.

Коротаяев Андрей Витальевич, доктор философии (*Ph.D.*), доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки и Института востоковедения РАН, координатор проекта «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология науки и образования». Автор более 350 научных трудов, включая такие монографии, как *Ancient Yemen* (Oxford: Oxford University Press, 1995), *Pre-Islamic Yemen* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1996), *Факторы социальной эволюции* (М.: ИВ РАН, 1997), *Социальная эволюция* (М.: Восточная литература, 2003), *Возникновение ислама* (М.: ОГИ, 2007, совместно с В. В. Клименко и Д. Б. Прусаковым), *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура* (М.: URSS, 2007, совместно с А. С. Малковым и Д. А. Халтуриной), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008, совместно с Л. Е. Грининым и А. В. Марковым), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2008, совместно с Л. Е. Грининым), *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны* (3-е изд. М.: ЛКИ/URSS, 2010, в соавторстве) и *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* (3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS, 2010, в соавторстве); *Great Divergence and Great Convergence* (New York, NY: Springer, 2015; совместно с Л. Е. Грининым). E-mail: AKorotayev@mail.ru. Интернет-сайт: www.cliodynamics.ru.

Contributors

Leonid E. GRININ is Research Professor and the Director of the Volgograd Center for Social Research, as well as the Deputy Director of the Eurasian Center for Big History & System Forecasting, Senior Research Professor at the Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Moscow and Leading Research Fellow of the Laboratory for Destabilization Risk Monitoring of the National Research University Higher School of Economics. He is the Editor-in-Chief of the journal *Age of Globalization* (in Russian), as well as a co-editor of the international journals *Social Evolution & History* and the *Journal of Globalization Studies*. Dr. Grinin is the author of more than 450 scholarly publications in Russian and English, including twenty six monographs. These monographs include *Philosophy, Sociology, and the Theory of History* (2007, in Russian); *Productive Forces and Historical Process* (2006, in Russian); *State and Historical Process* (3 vols, 2009–2010, in Russian); *Social Macroevolution: World System Transformations* (2009, in Russian; with A. Korotayev); *Macroevolution in Biological and Social Systems* (2008, in Russian; with A. Markov and A. Korotayev); *Global Crisis in Retrospective: A Brief History of Upswings and Crises* (2010, in Russian; with A. Korotayev); *The Evolution of Statehood: From Early State to Global Society* (2011); *Macrohistory and Globalization* (2012); *Cycles, Crises, and Traps of the Modern World-System* (2012, in Russian; with A. Korotayev); *The Big History of Development of the World: Cosmic Evolution* (2014; in Russian); *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective* (2015; Springer International Publishing; with A. Korotayev); *Great Divergence and Great Convergence* (New York, NY: Springer, 2015; with A. V. Korotayev). In 2012 he was awarded with the Gold Kondratieff Medal by the International Kondratieff Foundation 'for an outstanding contribution to the development of social sciences'. E-mail: leonid.grinin@gmail.com.

ليونيد أ. جرينين حصل على درجة الدكتوراه في عام 2001. وهو حاليا نائب مدير المركز الأوروبي-الآسيوي للتحليل النظامي و التاريخ الكبير، وهو كبير الباحثين في معهد الدراسات الشرقية التابع لأكاديمية العلوم الروسية، نائب رئيس الصندوق الدولي باسم ن. د. كوندراتييف، ومحرر مشارك في مجلة "التطور الاجتماعي والتاريخ"، وفصلية "تطور". مؤلف أكثر من 360 من المصنفات العلمية في الفلسفة وعلم الاجتماع والتاريخ والأنثروبولوجيا والعلوم السياسية، بما في ذلك 26 دراسة، ومنها الفلسفة وعلم الاجتماع ونظرية التاريخ (4-نشر M: URSS TH، 2006. M URSS RD القوى الإنتاجية والعملية التاريخية: (3-نشر M: URSS RD، 2006) الدولة والعملية التاريخية: في 3 مجلدات (2-نشر M: URSS ND، 2009)؛

التطور الكبير في الطبيعة والمجتمع (M: URSS 2008)، مع أندري كاراتايوف وأ.ب. ماركوف) التطور الكبير الاجتماعي، نشأة وتحول النظام العالمي (M: URSS 2008، مع أندري كاراتايوف) الأزمة العالمية في وقت سابق، لمحة تاريخية موجزة من الطفرات والأزمات من يكورغوس إلى ألان جرينسبان (M: URSS 2009، مع أندري كاراتايوف)؛ من كونفوشيوس إلى كونت: تشكيل النظرية والمنهجية، وفلسفة التاريخ (2012 م. لبيوركوم)؛ التاريخ الكبير و العولمة (فولغوغراد Uchitel 2012) الاختلاف الكبير و التقارب العظيم (نيويورك، NY: springer- 2015، مع أندري كاراتايوف). جرينين لديه مجموعة واسعة من الاهتمامات البحثية، بما في ذلك تحديات العولمة، والاقتصاد العالمي، ونظرية العملية التاريخية، ومشاكل تاريخ الشرق. بين العديد من مقالاته يمكننا أن نذكر مقالته الأخيرة "بعض ملامح التنمية الاجتماعية والسياسية في مصر العثمانية (من القرن السادس عشر إلى الثامن عشر)" و " الخصائص الطبوغرافية للدولة العثمانية في مصر القرنين السادس عشر-التاسع عشر (فوستوك، 2009-3، №1، مع أندري كاراتايوف) البريد الإلكتروني: leonid.grinin@gmail.com :

Leonid M. Issaev earned a PhD in 2014 from Institute for Africal Studies of the Russian Academy of Sciences. He is currently a Senior Lecturer of the Department for Political Science of the National Research University Higher School of Economics. He is a Vice-Head of the Laboratory for Sociopolitical Destabilization Risks Monitoring of the National Research University Higher School of Economics and Senior Research Fellow of the Center for Civilization and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Together with Askar Akayev, Andrey Korotaev and Sergey Malkov he is a Manager of the Russian Academy of Sciences Program "Mathematical Modeling of Global and Regional Dynamics Within the Context of Modernization of Science and Education". He has published more than 100 publications in Russian and English including monographs *Egyptian Fitna of the XXI Century* (Moscow: URSS, 2012 with Shishkina, A.), *Syria and Yemen: Unfinished Revolutions* (Moscow: URSS, 2012 with Shishkina, A.), *Arab World on the Digital Era: Social Median as a Form of Political Activity* (Moscow: URSS, 2014 with Shishkina, A.), and *Revolutions and Instability in the Middle East* (Moscow: Uchitel, 2015 with Grinin, L., and Korotaev, A). He is specializing in political systems and political process in the Arab World, Islamic political philosophy and League of Arab States. E-mail: isleonid@yandex.ru.

ليونيد م. ايسائيف حصل على درجة الدكتوراه في عام 2014 من معهد الدراسات الإفريقية التابع لأكاديمية العلوم الروسية. وهو حاليا أستاذ محاضر في قسم العلوم السياسية التابع للجامعة القومية للبحوث -

المدرسة العليا للاقتصاد. وهو نائب رئيس مختبر الاجتماع السياسي لمراقبة المخاطر وزعزعة الاستقرار في الجامعة القومية للبحوث "المدرسة العليا للاقتصاد" ومن كبير الباحثين في مركز الدراسات الحضارية والإقليمية في معهد الدراسات الإفريقية التابع لأكاديمية العلوم الروسية. بالإضافة إلى عسكر أكاييف، أندري كاراتايوف وسيرجي ميلكوف هو مدير برنامج الأكاديمية الروسية للعلوم " النموذج الرياضي للديناميات الإقليمية والعالمية في سياق تحديث العلوم والتعليم ". وقد نشر له أكثر من 100 مطبوعة باللغة الروسية والإنجليزية بما في ذلك دراسة الفتنة المصرية في القرن الحادي والعشرين (موسكو 2012 URSS :مع شيشكينا أ.) سوريا واليمن: الثورات غير المنتهية (موسكو 2012 URSS :مع شيشكينا أ.) العالم العربي في العصر الرقمي: وسائل التواصل الاجتماعي كشكل من أشكال النشاط السياسي (موسكو URSS :، 2014 مع شيشكينا أ.) ، والثورات وعدم الاستقرار في الشرق الأوسط (موسكو Uchitel : 2015 مع جرينين، ل. ، و كاراتايوف أ.) وهو متخصص في النظم السياسية والعملية السياسية في العالم العربي، والفلسفة السياسية الإسلامية وجامعة الدول العربية. البريد الإلكتروني:

: isleonid@yandex.ru

Andrey V. Korotaev earned a PhD in 1993 from Manchester University, and in 1998 a Doctor of Sciences Degree from the Russian Academy of Sciences. He is currently the Head of the Laboratory for Sociopolitical Destabilization Risks Monitoring of the National Research University Higher School of Economics and a Senior Research Professor at the Center for Big History and System Forecasting of the Institute of Oriental Studies as well as in the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. In addition, he is a Senior Research Professor of the Laboratory of Political Demography and Macrosocial Dynamics of the Russian Academy of National Economy and Civil Administration, as well as a full-time Professor of the Faculty of Global Studies of the Moscow State University. He is co-editor of the journals Social Evolution & History and Journal of Globalization Studies, as well as History & Mathematics and Evolution Almanac. Together with Askar Akayev and Sergey Malkov he is a Coordinator of the Russian Academy of Sciences Program "Mathematical Modeling of Global and Regional Dynamics within the Context of Moder-

nization of Science and Education". Andrey Korotayev is a Laureate of the Russian Science Support Foundation in "The Best Economists of the Russian Academy of Sciences" nomination (2006) (in 2012, the International Nikolay Kondratieff Foundation awarded him with the Gold Kondratieff Medal). E-mail: akorotayev@gmail.com.

أندريه ف. كاراطائف حصل على درجة الدكتوراه عام 1993 من جامعة مانشستر، بالإضافة إلى درجة الدكتوراه في العلوم من الأكاديمية الروسية للعلوم عام 1998. ويشغل حالياً منصب مدير مختبر الاجتماع السياسي لمراقبة المخاطر وزعزعة الاستقرار في الجامعة الوطنية للبحوث "المدرسة العليا للاقتصاد" وأستاذ في مركز التاريخ الكبير والتنبؤ من معهد الدراسات الشرقية وكذلك في معهد الدراسات الأفريقية التابع للأكاديمية الروسية للعلوم. وبالإضافة إلى ذلك، فهو أستاذ باحث في مختبر الديموغرافيا السياسية و الديناميات الاجتماعية في الأكاديمية الروسية للاقتصاد الوطني والإدارة المدنية، وكذلك أستاذ بكلية الدراسات العالمية في جامعة موسكو الحكومية. وهو محرر- مشارك في مجلة التطور الاجتماعي والتاريخ ومجلة دراسات العولمة، وكذلك التاريخ والرياضيات وتطور التقويم. وإلى جانب عسكر أكاييف وسيرجي ملكوف فهو منسق برنامج الأكاديمية الروسية للعلوم "النموذج الرياضي للديناميات الإقليمية والعالمية في سياق تحديث العلوم والتعليم". أندريه كاراطائف هو الحائز على جائزة من مؤسسة دعم العلوم الروسية في فئة "أفضل خبراء الاقتصاد في الأكاديمية الروسية للعلوم" ترشيح (2006) (في عام 2012 منح ميدالية كوندراتييف الذهبية من قبل مؤسسة نيكولاي كوندراتييف الدولية). البريد الإلكتروني: akorotayev@gmail.com